

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

IX

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Т о м IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин (отв. секретарь), член-корреспондент АН СССР
Н. В. Пигулевская, *Е. Ч. Скржинская*, *М. Я. Сюзюмов*,
Э. В. Удальцова (зам. отв. редактора)

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ПЕНТАПОЛЬ ПО ПИСЬМАМ СИНЕЗИЯ¹

Египетские папирусы содержат много данных о византийском Египте IV—VI вв. Произведения Либания и Иоанна Златоуста хорошо знакомят нас с жизнью Антиохии конца IV в. Хроника и письма Феодорита Киррского дают обильный материал относительно положения в Киррах в середине V в. Хроника Иешу Стилита знакомит с Эдессой конца V—начала VI в.

Что касается Пентаполя, то единственным источником, позволяющим составить представление о жизни этой провинции, являются письма Синезия. Изучение этого материала, выяснение особенностей социально-экономического развития этой окраинной провинции Восточной Римской империи поможет нам лучше понять сущность тех исторических процессов, которые обуславливали переход от античного рабовладельческого общества к средневековому феодальному. Письма Синезия проливают свет на многие вопросы, касающиеся провинциальной жизни империи, вопросы, которые до настоящего времени не получили правильного освещения в буржуазной исторической литературе. При этом, разумеется, нельзя забывать, что сохранившаяся переписка Синезия не позволяет выяснить все вопросы, интересующие историка. Поэтому в дальнейшем мы по необходимости будем останавливаться только на таких вопросах, которые нашли отражение в переписке.

I

Счастливо закончив свою официальную миссию, Синезий в 402 г. возвратился на родину. Как показывает письмо 4, по дороге он заехал в Александрию. Здесь он дружественно был встречен Ипатией и ее „хором“: Теотекном, Афанасием, Гаем, Феодосием, а также своим братом Евоптием².

Однако после нескольких дней пребывания в Александрии нужно было снова думать о путешествии. Синезий должен был отчитываться в своей длительной поездке перед „матерью“ — Киреной.

¹ Безвременная смерть не позволила М. В. Левченко довести до конца подготовку этой статьи к печати, тем не менее редакция сочла необходимым издать без изменений труд покойного советского византиста; в нем были произведены лишь несущественные сокращения и незначительная литературная правка.

Статья М. В. Левченко непосредственно примыкает к его исследованию „Синезий в Константинополе и его речь «О царстве»“. „УЗ Ленинградского ун-та“, 1951, № 130, вып. 18. Ср. также предисловие к речи Синезия „О царстве“ — ВВ, т. VI, 1953. — *Ред.*

² PG, t. 66, col. 1341.

Морское путешествие Синезия было не очень долгим, и та радость, с которой он возвращался домой, отразилась в длинном 4 письме, в котором он в трагикомическом духе описывал брату свое незаконченное еще путешествие. Оно сопровождалось многими приключениями. Синезий не был заинтересован в том, чтобы плыть на дешевом плохом судне, но мореходство между Александрией и Пентаполем не процветало, и поэтому судно, выбранное Синезием для возвращения, страдало многими дефектами. Его хозяин, сирийский еврей Амарант, был обременен долгами. Поэтому его второй парус был заложен, корабль держался на одном якорю, так как второй якорь был продан, а третьего Амарант не приобрел.

Экипаж судна состоял из 12 человек, большая часть которых, подобно своему хозяину, были евреи, а остальные — неопытные крестьяне, только недавно занявшиеся морским делом, причем все члены экипажа имели какой-нибудь физический недостаток. Этот экипаж вез 50 пассажиров; при этом женщины, большей частью молодые и красивые, были отделены от мужчин лишь толстой полотняной завесой из старого паруса.

Синезий сел на корабль на рассвете в Бендиде¹, но судно только в полдень, после многих неудачных маневров, покинуло рейд. Первое волнение на судне проявилось близ храма Посейдона, где Амарант не побоялся держаться вблизи рифов Тафосириса². Уступая протесту своих пассажиров, Амарант повернул от берега и пустился в открытое море так далеко, что берег скрылся из глаз. Это вызвало новый протест, причем в нем принял участие и Синезий. Амарант был возмущен поведением пассажиров, одинаково боящихся и моря и суши. Но поднялась сильная буря, и Амарант уверял, что вблизи берега при такой буре они несомненно сели бы на мель.

Так как этот день был кануном субботы, священного дня покоя у евреев, то, когда село солнце, капитан бросил управление рулем и преспокойно растянулся на палубе, читая библию. Пассажиры сначала не понимали причины действий Амаранта и, приписывая его поступок отчаянию, уговаривали его не терять бодрости в крайних обстоятельствах, а затем, когда поняли настоящую причину его поведения, то пробовали принудить его силой взяться за управление рулем. Один арабский воин, вытащив свой меч, угрожал даже отрубить капитану голову, если он не возьмется за управление кораблем. Но Амарант был нечувствителен к угрозам, и только когда наступила полночь, а буря еще более усилилась, он снова взялся за руль, заявив, что его к этому обязывает закон, так как налицо угроза гибели судна.

Это заявление Амаранта, который оставался спокойным, по мнению Синезия, потому, что он надеялся таким образом освободиться от долгов, пассажиры встретили возмущением. Плывшие на корабле воины вынули свои мечи, чтобы покончить с собой раньше, чем они утонут в море. Женщины стали раздавать нитки, чтобы каждый, имеющий золото, повесил бы себе его на шею и таким образом приготовил заранее плату за свое погребение.

¹ Порт Александрии, где возвышалось святилище фракийской богини. PG, t. 66, col. 1328.

² Страбон (Geographica, XVII, 1. 14) уточняет, что эти опасные рифы находились на небольшом расстоянии от берега. Он же (ibid., XVII, 1.9) говорит о мысе Посейдии, который получил свое название от храма в честь бога Посейдона. Тафосирис — мнимая могила Осириса по Плутарху (De Iside et Osiride, cap. 21).

Что касается Синезия, то он, по его словам¹, был смущен только словами Гомера о гибели в морской пучине². Кроме того, Синезия беспокоило, что он погрешит против законов гостеприимства, если утонет, не возвратив сумму, какую ему ссудил в Константинополе его тамошний хозяин Прокл³. Но показалась утренняя заря, затем вышло солнце, буря утихла, и корабль пристал к пустынному берегу. Сделали остановку на два дня, но не обнаружили человеческих следов в этом пустынном месте Мармарики.

Хотя предзнаменования были не хороши (наступал тринадцатый день месяца, и это — вместе с новолунием — предвещало непогоду), снова пустились в путь. И буря не заставила себя ждать. Во время бури обрушилась переломленная мачта, но это явилось спасением для судна, так как теперь его меньше бросали волны. Так плыли день и ночь и на рассвете, наконец, пристали к полуострову, где их спас местный монах. Добравшись на лодке до корабля и взяв руль из рук Амаранта, он искусно провел судно в маленькую, но очень удобную бухту⁴. То же самое он проделал с четырьмя другими кораблями, поврежденными бурей.

Из этого пункта, где, как надеялся Синезий, уже прекратятся беды, он пишет брату в Александрию упомянутое выше письмо. Синезий прибавляет, что в удобной гавани появилась новая забота — забота о питании, так как истощились все съестные припасы. Путешественников опять выручил монах, объяснивший им, что скалы изобилуют раковинами, а море — мелкой рыбой. А в дальнейшем туземные женщины стали осыпать подарками пассажиров. Этими подарками были сыры, ячменные пироги, баранина, куры и яйца.

Длинное письмо Синезия показывает, что пассажиры, в числе которых находился христианский монах, были христианами и в час спасения от морской опасности воздавали благодарность христианскому богу. Но языческие верования, свойственные Синезию, в частности забота о том, чтобы в случае смерти были обеспечены достойные похороны, были распространены и среди его спутников.

После многочисленных приключений Синезий в 402 г. добрался до Киренаики. На полученный вскоре после его возвращения декрет об облегчении податей для жителей Киренаики Синезий отвечал префекту претория Аврелиану благодарственным письмом, в котором он не находит слов, как отблагодарить его от своего имени и от имени тех городов, которые получили льготы⁵.

Наряду с другими подарками своим друзьям, Синезий отправил большой египетский ковер придворному нотарию Астерию, оказавшему ему, вероятно, какую-нибудь услугу. Астерий, увидев у Синезия ковер, просил подарить его, что Синезий и обещал сделать, но только не в Константинополе, а по возвращении в Кирену, так как в холодной Фракии ковер был ему самому необходим. По возвращении он действительно отсылает ковер Астерию через своего константинопольского друга Пилемена, а в письме к этому последнему (письмо 129) он дает наставления, как отыскать Астерия, и просит Пилемена изви-

¹ PG, t. 66, col. 1333.

² Одиссея, IV, 511.

³ Отождествление этого „хозяина“ из Фракии с Проклом вытекает из письма 139. Это отождествление ускользнуло от О. Зеека (O. Seesk. Studien zu Synesius. „Philologus“, LII, 1894, S. 470). Поэтому письмо относится к 402, а не к 404 г., как это предполагает О. Зеек.

⁴ Повидимому, Азаир.

⁵ PG, t. 66, col. 1360.

ниться перед ним в том, что из-за поспешного и неожиданного отъезда из Константинополя он не мог раньше выполнить его просьбы.

Из этого же письма видно, что пребывание Синезия в Кирене на этот раз было очень недолгим, и он снова покидает Пентаполь для Александрии. В письме Синезий объясняет Пилемону, что он своевременно послал свой долг и подарки через Фикунт (гавань Кирены), но судно противным ветром было занесено в Александрию, и Синезий, явившись сюда, нашел здесь и свои письма, и свои посылки.

В упомянутом же письме Синезий объясняет, что уже год прошел с того времени, как он писал напрасно Пилемону¹. Из этого вытекает, что во всяком случае уже не меньше года прошло со времени отъезда Синезия из Константинополя, так что дату письма и возвращение автора в Александрию следует отнести к весне 403 г.

На вопрос, почему он так мало пробыл на родине, Синезий в указанном письме дает уклончивый ответ. „Обстоятельства вынудили“, — пишет он Пилемону, повидимому не желая посвящать его в курс дела. Очевидно, он был разочарован положением дел на родине и тем, что не получил должной благодарности за услуги, оказанные Киренаике. Одно письмо, посланное уже из Александрии, заставляет предполагать, что Синезий оставил Киренаику вследствие неприятностей, происшедших у него с его всегдашним врагом Юлием. Письмо это дышит разочарованием. „В своей тоске, — пишет Синезий, — я почитаю себя достаточно счастливым, ибо освободился от друзей и врагов. Я хочу удалиться от них, не иметь ни с кем из них никаких отношений. Я буду лучше жить в чужой стране. Я был отдален от них сердцем прежде, чем расстоянием. Я оплакиваю участь моей страны. Кирена, некогда место пребывания Карнеада и Аристиппа, теперь предана Иоаннам и Юлиам, в обществе которых я не могу жить“².

Письмо 94 показывает, что в основе этой вражды с Юлием лежали причины не столько личные, сколько политические. В указанном письме Синезий говорит, что его вражда с Юлием возникла из-за того, что Синезий настаивал, чтобы войско, охранявшее Киренаику, состояло из местных людей, и чужеземцы были бы из него исключены; Юлий этому противился. Крупные расхождения между ними были и относительно целесообразности существования самостоятельного военного дуката в Киренаике. Учитывая плохое состояние обороны Пентаполя, Синезий настаивал на ликвидации в Пентаполе самостоятельного военного дуката и на передаче дела военной обороны Пентаполя египетским властям, которые имели в своем распоряжении более крупные военные силы. Но в этом вопросе Синезий нашел себе противника в Юлии, который, если верить данному письму, добился сохранения самостоятельного дуката в Пентаполе. Расхождения между ними были и при определении целей и задач посольства в Константинополь, которое осуществил Синезий в 399—402 гг.³

Что касается другого противника Синезия, Иоанна, то можно предполагать, что он имел какое-то отношение к военному делу в Пентаполе. Синезий издевается над трусостью, какую Иоанн будто бы проявил в войне с нападавшими на Киренаику авсурианами⁴. Повидимому, об этом же Иоанне идет речь в письме 50, где говорится о павшем на Иоанна подозрении, что он убил своего брата Эмилия⁵. Синезий

¹ PG, t. 66, col. 1509.

² Ibid., col. 1380.

³ Ibid., col. 1460—1464.

⁴ Ibid., col. 1480.

⁵ Ibid., col. 1377.

очень невысокого мнения о своих противниках в Киренаике, но тем не менее в начале 403 г. они вынудили его переселиться в Александрию, где он пробыл 2 года (403—405 гг.).

Александрия не была для Синезия чужой стороной. Здесь прошли годы его учения и установилась тесная дружба с Ипатией и ее „хором“. Здесь у Синезия были старые унаследованные связи с членами александрийской курии, в частности с „блаженным Феодором, общим покровителем всех пентапольцев“, о котором Синезий писал, что он „в особенности привязал к себе наших родителей“¹.

В Александрии Синезий написал большую часть своих гимнов, быть может свой трактат „О снах“ (περί ἐνυπνίων) и, несомненно, своего „Диона“. Здесь он женился на христианке, принадлежавшей к столь знатной фамилии, что патриарх Феофил счел нужным лично благословить этот брак. В письме 105 Синезий пишет: „Бог, закон и священная рука Феофила дали мне жену“². Хитрый александрийский патриарх, очевидно, понимал, каким приобретением для церкви будет такой умный, образованный аристократ, сумевший завоевать большую известность в Константинополе в 400 г. Поэтому он способствовал тому, чтобы язычник Синезий женился на христианке. Известно, что Синезий имел от этого брака трех сыновей, старший из которых Исихий родился в Египте.

Обладая искусством быстро устанавливать обширные связи, Синезий познакомился со всеми выдающимися людьми в столице Египта. Он встречался со знаменитым Исидором Пелусиотом. Этот церковный деятель был современником философа. Традиция сделала его близким родственником Феофила³. Сохранившиеся письма показывают, что переписка его с Синезием началась уже в 395 г. и была длительной⁴.

Нет возможности точно определить время появления названных выше сочинений Синезия, за исключением „Диона“, где Синезий обращается с речью к еще не родившемуся сыну, появление которого на свет было якобы предсказано Синезию во сне⁵. Что касается сочинения „О снах“, то оно, вероятно, было написано после „Диона“, так как обе эти работы Синезий одновременно послал на отзыв Ипатии⁶.

Мы, разумеется, не можем ожидать оригинальных философских взглядов от автора этих сочинений. Синезий был сыном своей эпохи и своего класса. Он хорошо познакомился с неоплатонизмом в изложении Ипатии. Подобно огромному большинству его современников, он был последователем крайнего идеализма. Тем не менее Синезий сталкивался и вступал в споры с софистами и монахами, которые наводняли такой большой город, как Александрия. Его „Дион“ представляет род литературной самозащиты; при этом Синезий нападает на софистов с большей силой, чем на монахов. Он с презрением говорит о них, что они пренебрегали свободными науками и философией и были пошлыми говорунками. Недостаток мыслей, обилие слов — вот что характеризует этих „людей, всегда готовых говорить, хотя они не имеют ничего, о чем

¹ PG, t. 66, col. 1353.

² Ibid., col. 1485.

³ E. L. Bourey. De Isidoro Pelusiota. Nîme, 1884; N. Crawford. Synesius the Hellene. London, 1901, p. 415.

⁴ Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии, т. 34. Творения Исидора Пелусиота, ч. I. М., 1859, письма 232 (стр. 143—144) и 418 (стр. 236).

⁵ PG, t. 66, col. 1157.

⁶ Ibid., col. 1533.

следовало бы сказать". Сам Синезий с глубоким уважением относился к наукам. Не менее велико его уважение к греческой литературе, которую он называет „общим достоянием всех эллинов“¹.

По отношению к христианским монахам Синезий в своем труде должен был высказываться очень осторожно. Тем не менее он осуждает монахов за пренебрежение науками и древнеэллинским образованием. Он указывал монахам, что истина не может быть постигнута сразу, что она требует для своего постижения долгого предварительного труда. Превосходство эллинов перед варварами, как Синезий именует монахов, и заключается в том, что они не пренебрегают науками, но пользуются ими как средством к достижению „высокого созерцания“. Без ума, говорит Синезий, невозможно общение с богом. Только немногие из монахов достигают поставленной цели. Для большинства же восхождение к высшему было невозможным, а их возвращение к действительности оказывалось стремительным падением. „Верх безобразия,— писал Синезий,— быть самому невеждой и все же учить других. Это значит производить подобных себе уродов“. Синезий высмеивает монахов за то, что они считали добродетель целью существования. Так, практикуя воздержание ради самого воздержания, монахи, по его мнению, допускают явную несообразность. Если воздержание само по себе похвально, то почему же мы не удивляемся ему, когда находим его у некоторых животных. Воздержание животных, очевидно, есть дело инстинкта, а не разумного намерения. Но для того чтобы воздержание имело значение как добродетель, оно должно соединяться с другой добродетелью — благоразумием и служить средством для высших целей. Поэтому четыре платоновские добродетели, согласно Синезию, имеют значение только тогда, когда соединяются вместе или когда с каждой из них соединяется благоразумие².

Пробыв два года в Александрии, Синезий в начале 405 г. возвратился на родину. Женитьба, вероятно, снова примирила его с отечеством, которое он оставил с таким огорчением и неудовольствием. С этого времени в течение пяти лет Синезий жил как состоятельный аристократ или в родном городе Кирене, или в своем деревенском имении Ангимахе, на южной границе Киренаики, где он был занят хозяйством, научными и литературными трудами.

В письме 114, адресованном его брату Евоптию, который вместе с ним или раньше вернулся на родину, Синезий дает восторженное описание своей резиденции. „Ты еще удивляешься,— пишет он,— что похудел и испортил свое здоровье у этих засушенных фикунтийцев. Напротив, ты должен удивляться, что твой организм преодолевает постоянную жару. Но с божьей помощью ты можешь прийти к нам и здесь получить облегчение... Как хорошо здесь скрываться под тенью деревьев и, если тебе надоест одно, ты можешь переходить к другому и даже из одной рощи в другую. Как хорошо здесь перебираться через журчащие ручейки! Как хорошо здесь, когда легкий ветерок колышет листья деревьев, сколько здесь разнообразия в пении птиц, окраске цветов в кустарниках и лугах. Все это — или плоды земледельческих работ, или подарки природы, но все это благоухает. Все это — произведения здоровой земли. Я не могу описать гроты нимф. Для этого нужен Феокрит“³.

¹ PG, t. 66, col. 1144 sqq.

² Ibid., col. 1140.

³ Ibid., col. 1496.

В письме 147 своему другу Олимпию Синезий описывает жизнь, которую ведет в деревне, как жизнь самую простую, патриархальную, как „жизнь во времена Ноя, когда справедливость еще не была подавлена“¹.

Если верить Синезию, то в деревне преобладают свободные земледельцы, которые относятся к Синезию без всякого подобострастия; они по-соседски помогают друг другу в полевых работах, разведении скота и на охоте. Кругозор их очень ограничен, и они не знают ничего, что делается за пределами их округа; они с глубоким недоверием слушают рассказы, что море в состоянии доставлять людям пропитание; они знают о существовании императора, так как об этом им ежегодно напоминают налоговые сборщики, но большинству даже не известно его имя².

Население Ангимаха, по словам Синезия, не испытывало недостатка в продуктах питания: белый хлеб, всякие фрукты и овощи, замечательный мед и козье молоко (коров не доили) имелись в достаточном количестве. Изготавливалось много вина, оливкового масла, настолько жирного, что оно могло быть с успехом использовано для горения. Своим друзьям Синезий посылал в подарок превосходных лошадей, страусов, вино, оливковое масло, сильфий и другие продукты.

Любимыми занятиями его были садоводство и охота. „Мои пальцы, — говорит он, — привыкли более к лопате, нежели к перу“³. Охота была его настоящей страстью. То была соединенная с опасностью охота на диких зверей в ливийских степях и пустынях. Лошади и собаки, необходимые для охоты, были предметом его особой любви. До какой степени он увлекался охотой, показывает его собственное свидетельство, что часто во сне его воображение рисовало следы зверей, их убежища, пути и средства, которыми их должно преследовать⁴.

Синезий жил попеременно в Ангимахе и Кирене. Так, в Кирене было написано письмо 109, адресованное его брату Евоптию, проживающему в Фикунте, в 16 километрах от Кирены.

В этом любопытном письме проявляются предрассудки пентапольской знати, считавшей для себя унизительным путешествие пешком. Случилось так, пишет Синезий, что все лошади, ослы и мулы были отправлены на пастбище. Синезий хотел пройти к брату пешком, но родные признали такое путешествие недопустимым, унизительным и насильственно задержали его дома; пришлось отправить письмо с гонцом⁵. Синезию очень хотелось видеть брата, который недавно был в Птолемаиде и, как обычно, привез из префектуры новости, которыми охотно с ним делилось начальство. Синезия больше всего интересует, произошло ли нет какое-то таинственное событие на Западе. Очевидно, Синезий сильно интересовался событиями в Италии и Риме. Мы не знаем, идет ли здесь речь о победе Стилихона над Радагайсом (405 г.) или о гибели самого Стилихона (408 г.).

Конечно, еще больше интересовался Синезий новостями из Константинополя, которыми, в свою очередь, спешил поделиться со своим братом.

Так, он сообщает брату, что один из его соседей, врач Сириан, привез ему новость из столицы, что комит Иоанн, друг Аврелиана и

¹ PG, t. 66, col. 1549.

² Ibidem.

³ Ibid., col. 1173.

⁴ Ibid., col. 1308.

⁵ Ibid., col. 1492.

фаворит императрицы, имеет огромное и все возрастающее влияние при дворе так же, как Антиох, его покровитель¹.

К некоторым известиям автор относится безразлично или иронически, другие передает с некоторой грустью. Таково письмо 127, адресованное брату, где он говорит об отставке *praefectus augustalis* Александрии Пентадия, дружественно настроенного к Синезию, и о замене его лаодикийцем Евталием, о котором Синезий сообщает компрометирующие его сведения: указанный Евталий сделался правителем Лидии во времена Руфина и жестоко грабил лидийцев. Разгневанный Руфин наказал его штрафом в 15 фунтов золота и послал вернейших своих служителей взыскать этот штраф. Но Евталий не растерялся. Он заготовил две одинаковые сумки, одну наполнил золотыми номисмами, а другую — медными оболами, и когда приемщики расписались в получении штрафа, он ловко подменил мешок золота мешком меди. Этот ловкий поступок вызвал в обществе не осуждение, а всеобщее восхищение. Евталий, говорит Синезий, торжественно проезжал как чудесный фокусник на государственной колеснице по изумленным городам. И вот он скоро будет наследовать Пентадию².

В целом Синезий был доволен своей жизнью. Подробную характеристику ее он дает в длинном 57 письме „против Андроника“. „С детства, — пишет Синезий, — мне представлялось божественным благом жить в досуге и изобилии и, обладая спокойствием, воспитывать ум и приближать его к богу. Я не был причастен к тем обыкновенным занятиям, которые свойственны детству и юношеству. Также и в совершенном возрасте я оставался свободен от дел и, как в святые праздники, проводил свои дни в невозмутимо мирном и спокойном расположении духа. Однако бог сделал меня не бесполезным для людей, но весьма часто моей помощью пользовались как частные лица, так и целые города. Мне была дана божеством возможность приобрести доверие людей, и этим доверием я пользовался для добра. Ничто не отрывало меня от философии и не сокращало моего досуга. Та деятельность, которая отнимает у нас время и опутывает наши души практическими заботами, сопровождается незначительными результатами и потому она пагубна и тягостна. Но когда достаточно открыть рот, и слова сами собой производят должное действие и могут спасти от несчастья, можно ли тогда скупиться на речи... Мое влияние как оратора, быть может, было даром божественного милосердия. Может быть, я имел успех и потому, что только изредка занимался общественными делами... Я жил в мире с прекрасной надеждой как бы за священной оградой, жил свободной жизнью, разделяя ее между молитвой, книгами и охотой. Ибо для того, чтобы тело и душа находились в здоровом состоянии, необходимо молиться и трудиться. И в таком спокойствии я проводил годы до моего избрания на священническую должность“³.

Таким образом, Синезий сам признает, что он любил выступать ходатаем по делам своих соотечественников и что он был проситель влиятельный, т. е. его ходатайства почти всегда увенчивались успехом. Он забывает только прибавить, что он действовал почти исключительно в интересах своих друзей, родственников, людей и лиц, принадлежащих к той же классовой группировке. И мы не имеем оснований считать, что Синезий переоценивал свои заслуги. Он имел влиятельных друзей

¹ PG, t. 66, col. 1492—1493. Он был в 404 г. *comes sacrarum largitionum*. Антиох — куратор, которого по завещанию Аркадия Издегерда назначил опекуном Феодосия II.

² Ibid., col. 1508.

³ Ibid., col. 1388.

как в Константинополе, так и в Александрии. Как уже отмечалось, в Константинополе другом Синезия был префект претория Аврелиан; он оставался другом софиста Троила, который, по сообщению Сократа, был первым советником префекта претория Анфимия¹. Он долгое время находился в дружественных отношениях с воспитателем императорских детей Анастасием; в Александрии его друзьями были *praefectus augustalis* Пентадий, Геркулиан, Ипатия, дружеские связи с которой никогда не прерывались. Эти связи Синезий умел использовать как для обеспечения классовых интересов в масштабе целой провинции, так и ради отдельных друзей. Об этом откровенно пишет он сам в письме 29, адресованном августалию Пентадию: „В том, что я тебя постоянно беспокою, обвиняй самого себя. Ты показал всем ясно, что держишь меня в большой чести, и потому открыл путь ко мне всем, кто испытывает какое-нибудь несчастье“².

Из переписки Синезия до нас дошло не менее 20 писем, в которых автор о чем-либо просит или относительно Киренаики в целом, или относительно отдельных лиц. К письмам, касающимся всей Киренаики, относится, например, письмо 73 Троилу, в котором автор просит присылать в Киренаику правителей, которые не знают киренцев и им неизвестны и которые могут судить по справедливости, не руководствуясь личным пристрастием и капризами³. В письме к занимающему высокий военный пост в Константинополе Симпликию⁴, который был *comes et magister utriusque militiae per orientem* с 396 по 398 г., писатель жалуется, что присланный Симпликием на должность военного комита Кереалий скоро покрыл позором и себя, и приславшую его власть, привел оборону провинции в полный беспорядок, заставил самого Синезия защищать свою родину, и потому, занятый этими военными делами, он не имеет времени вынимать из шкафов книги и заниматься поэзией⁵.

Но гораздо больше писем, адресованных правителям, касается дел частных лиц. Из этих писем мы узнаем, что в Киренаике царил суточный. Синезий жалуется на множество клеветников, которые составляют настоящую язву страны, очень часто он сетует на то, что владение имуществом там не обеспечено. Показательно в этом отношении письмо Синезия воспитателю императорских детей Анастасию: „Кто-то убедил Сосену — или бог, или рассудок, или гений, чтобы поискать, нельзя ли при помощи божией достать какие-либо земли. У нас он действовал несчастливым и лишился отцовских земель и потому решил теперь плыть во Фракию, чтобы там попытаться потягаться с судьбой. И если тебе божество благоприятствует, то поручи ему юношу, чтобы изыскать какой-нибудь способ получения для него денег. Это легко для желающего. Ибо имущество Нонна Сосены без труда перешло к другому. Так пусть на это будет отвечено так, что и Сосена делается наследником другого. И таким образом несправедливость превратится в справедливость“⁶. В этом письме Синезий открыто добивается передачи Сосене чужого имущества взамен отобранного и даже заявляет, что это легко сделать.

¹ Socratis Historia ecclesiastica, VII, 1. 3.

² PG, t. 66, col. 1357.

³ Ibid., col. 1437.

⁴ См. о нем RE, s. v. Simplicius (5).

⁵ PG, t. 66, col. 1513.

⁶ Ibid., col. 1365.

Синезий неоднократно обращается к разным лицам с ходатайствами о возвращении отобранного у его близких имущества. Так, в письме 80 к Ипатии он просит, чтобы все почитатели Ипатии, и частные лица и власти, позаботились о том, чтобы Nikeй и Филолай, „добрые и прекрасные юноши“, его родственники, возвратились из Александрии хозяевами своего имущества¹.

В письме 118 он ходатайствует перед Троилом за своего двоюродного брата и просит освободить его и Киренаику от доносчиков, которые укоренились там и являются „отвратительнейшими зверями“². Иногда просит он об уменьшении налогового бремени. Так, в письме 38 Синезий пишет префекту претория Аврелиану: „Я полагаю, что твоя божественная душа для того нам и ниспослана, чтобы быть общим благом для людей и давать милость тем, которые ее заслуживают, которые просят справедливого, которые обращаются с тем, что отвечает твоей справедливой природе. Не потому, что Ирод — мой родственник, я поручаю тебе этого юношу знатнейшего происхождения по своим предкам, но потому, что он требует справедливого и получил отцовские земли, обязанные наследственной службой курии. А так как он сделался начальником (ἡγεμών), то принуждается платить налоги и стать литургом вдвойне, с одной стороны, за свое имущество, а с другой, за свой административный пост“³. Синезий просит избавить Ирода от этого двойного обложения.

Нам незначает перечислять все конкретные случаи ходатайств Синезия. Мы видим, что большая часть их относилась к его родственникам и увенчивалась успехом. Но автор все-таки не совсем прав, описывая этот период (405—409) как время мирного труда. Другие письма достаточно ярко показывают, что Синезий и в эти годы своей жизни занимался не только литературой, земледелием и охотой, но должен был и воевать.

Киренаика представляла в начале V в. узкую культурную полосу, за которой начинались беспредельные пустыни Сахары с редкими оазисами, где жили кочевые племена авсуриан и макетов. Вследствие недостаточности военной охраны провинции, Синезий сам должен был заботиться о безопасности своих владений и вести постоянную войну с нападавшими на его земли кочевниками.

Письма Синезия свидетельствуют, что эта война с авсурианами велась регулярно в течение 405—409 гг. Не следует преувеличивать размеры военных действий: варвары не представляли большой опасности и отступали еще быстрее, чем наступали. О них, например, нет никакого упоминания в письме 53, которое написано летом 405 г., где автор говорит о рождении у него двух сыновей-близнецов⁴.

Мы видим, что время с 405 по 409 г. Синезий проводил в Киренаике, то в городе Кирене, то в своем деревенском имении, занимаясь наукой и литературой, садоводством, охотой, перепиской с друзьями, хлопотами по отстаиванию их интересов и, наконец, организацией защиты Киренаики от набегов кочевников.

Синезий в своей провинции прослыл человеком очень влиятельным и активным. Именно поэтому в 410 г. он был избран епископом жителями города Птолемаиды, который в то время был главным административным центром Киренаики. Епископ этого города являлся первым среди всех 15 епископов Киренаики. Понятно, почему жители Птолемаиды остано-

¹ PG, t. 66, col. 1453.

² Ibid., col. 1497.

³ Ibid., col. 1364.

⁴ Ibid., col. 1380.

вились на кандидатуре Синезия. В V в. значительно изменяется социальный состав верхушки клира. Еще в конце IV в. Григорий Назианзин жаловался, что народ стал искать среди епископов все, что угодно, но меньше всего пастырей душ. Народ, говорит он, ищет теперь „не иереев, но риторов; не строителей душ, но хранителей имуществ; не жрецов чистых, но сильных предстателей“¹. В некоторых городах, по свидетельству Иоанна Златоуста, для того только выбирали в епископы людей знатных и богатых, чтобы они ничего не требовали от церкви на свое содержание, а, наоборот, тратили свои средства на церковные нужды².

Очевидно, именно этим стремлением получить в лице епископа влиятельного заступника руководствовались и граждане Птолемаиды в избрании своим епископом философа-неоплатоника Синезия.

Избрание это поставило Синезия перед трудной проблемой. О том, как он отнесся к этому избранию, подробно говорит письмо 105, адресованное его брату Евоптию, но рассчитанное на то, чтобы его прочли и патриарх Феофил, и схоластики, помогавшие патриарху управлять александрийской церковью. Это письмо было доставлено в Александрию Павлом и Дионисием, двумя депутатами, избранными жителями Пентаполя ходатайствовать перед патриархом об утверждении избрания. О чем говорит это письмо?

Синезий всегда служил не за страх, а за совесть своей классовой группировке. Епископская должность предоставляла ему самое обширное поле для подобной деятельности. Растущее могущество епископов и церкви было очевидно для всех, особенно могущество епископа главного города провинции, митрополии „всего Пентаполя“. Синезий знал, что от подобных выборов в то время было невозможно отказываться. Он сам писал своему другу Олимпию: „Если я откажусь от епископства, мне нужно будет вместе отказаться и от отечества, если я не хочу быть самым проклятым и бесчестным из всех, живя неразлучно с людьми, меня ненавидящими“³.

Но если Синезию с самого начала было ясно, что отказ невозможен, то для него по многим причинам в то же время было важно показать, что он только с крайней неохотой принимает епископство, что он не хочет расставаться со своими старыми философскими убеждениями, общеизвестными, изложенными в его собственных сочинениях, которыми он гордился и которые распространял. В начале своего письма наш автор заявляет, что он не хочет расставаться со своей женой, а желает иметь от нее много прекрасных детей. Дальше указывается, что убеждения, внесенные в его душу наукой, не могут быть уничтожены, что он верит в предсуществование души, утверждает вечность мира, не согласен с главным догматом христианства — учением о воскресении мертвых. И этим далеко не исчерпываются все его разногласия с христианством. В том же письме он утверждает, что „философия находится в противоречии с большей частью народных мнений“, причем под народными мнениями подразумеваются именно мнения христиан. Синезий был твердо убежден, что занятия науками и созерцательная жизнь доступны только избранным, а „черни“ не следует сообщать высоких истин.

¹ Творения святого Григория Богослова, ч. IV. М., 1844, стр. 48.

² Творения святого Иоанна Златоуста, изд. Санкт-Петербургской духовной академии, т. I, кн. 2. СПб., 1895 (О священстве, слово III, гл. 15), стр. 428.

³ PG, t. 66, col. 1465.

Таким образом, Синезий во многом отвергает христианскую догматику. Казалось бы, естественным выводом из этого должен быть прямой и категорический отказ от звания христианского епископа. Но Синезий неожиданно заявляет: „Если сделается известным то, чего я не хочу скрывать, если тот, кому дана на это власть, присоединит меня к числу епископов, то я уступаю необходимости и буду смотреть на это, как на божье повеление“¹.

Несколько выше в этом же письме он уточняет условия, при которых он согласен принять епископство: „Итак, если обязанности моего епископства дозволит это, я могу быть допущен к этому достоинству с тем, чтобы, философствуя дома и занимаясь баснями вне его, ничему не участь и ни от чего не отучаясь, я получил разрешение оставаться с прежними мнениями“². Синезий хорошо знал, кому писал это письмо. Патриарх Феофил, управлявший в то время александрийской церковью, был, по выражению Исидора Пелусиота, „поклонником золота“³. Феофил видел в Синезии человека, который при своих личных качествах и авторитете мог послужить к возвышению александрийской церкви и усилению его партии. Феофил был заинтересован в привлечении на свою сторону такого знатного, образованного, влиятельного, известного человека, каким был Синезий. И он удачно осуществил свои планы. Синезий был вызван в Александрию, прожил там семь месяцев и вернулся епископом Птолемаиды. Феофил убедил нашего философа, что „философия может быть соединена со священством“, и сделал ему уступку в вопросе о браке, так как в начале V в. безбрачие еще не было совершенно обязательным для епископа.

Во время семимесячного пребывания в Александрии Синезий, очевидно, изучал христианскую догматику, которую он теперь обязан был распространять, и христианскую литургику. Здесь же он, повидимому, был крещен и посвящен в епископы.

Древнее предание, сообщаемое Евагрием, Иоанном Мосхом и Фотием, утверждает, что Синезий, будучи епископом, отказался от своих нехристианских воззрений и полностью усвоил христианское вероучение.

Мы в настоящее время не имеем никакой возможности проверить правильность этого утверждения, но гимны, речи и письма Синезия, написанные после посвящения, показывают, что он усвоил христианскую догматику и, насколько это от него зависело, стремился ее распространять. Он также очень почтительно относился к александрийскому патриарху и, насколько мог, стремился точно выполнять все его указания.

Весною 411 г. Синезий вернулся в Пентаполь, облаченный в мантию птолемаидского епископа. Он, конечно, с полным основанием мог полагать, что его старый авторитет, увеличенный авторитетом епископского сана, позволит ему теперь безвозбранно господствовать в Пентаполе, а его верная служба интересам пентапольской знати будет полностью оценена. Но здесь-то Синезия постигло жестокое разочарование: вернувшись, он встретил вражду, зависть, противодействие.

Когда Синезий вернулся в Птолемаиду, в первые месяцы 411 г., положение провинции представлялось ему почти нормальным. Гражданский презид Геннадий был, по словам Синезия, человеком справедливым и неподкупным, и его дар убеждения устранял малейшее принуждение

¹ PG, t. 66, col. 1488.

² Ibidem.

³ Творения святых отцов, т. 34. Творения Исидора Пелусиота, ч. I. М., 1859, письмо 152, стр. 104.

при взимании податей; поэтому земледельцу для уплаты податей не приходилось продавать свое бедное поле, обладание которым уже в течение 6 лет у него оспаривали кочевники пустыни. В то же время дукс Анисий восстановил военную оборону провинции. Он крепко взял в свои руки шумливое войско, в котором недисциплинированность солдат соответствовала жадности командиров¹.

В течение последних месяцев 410 г. Анисий разбил варваров в нескольких последовательных стычках. Во главе 40 всадников-уннигардов (очевидно, гуннов) этот полководец беспрестанно объезжал провинцию. С этими 40 всадниками он разгромил отряд авсуриан в тысячу человек, причем из этого отряда будто бы уцелела только пятая часть². Наконец, и лучшая часть молодежи провинции присоединилась к знаменам Анисия³. Все это объясняет дружественные отношения Синезия с ним, проявившиеся в одном эпизоде. Некий воин Карнас похитил лошадь в конюшнях епископа. Будучи уличен, он соглашался возместить убытки, но предлагал ничтожную цену. В это дело вмешался Анисий, который под караулом выслал епископу лошадь и вора. Синезий благодарит Анисия, возвращает себе лошадь и отпускает вора безнаказанным⁴.

Такие заслуги Анисия побудили провинциальное собрание выразить ему специальным постановлением благодарность. Это сделал Синезий в речи, известной под названием *Catastasis* (2). Одновременно он просил продлить пребывание Анисия в Пентаполе и для расширения боевых средств провинции прислать новый отряд в 200 уннигардов. Таким образом, теперь он уже отказывался от своего прежнего требования употреблять для обороны Пентаполя, как и всей империи, только туземные войска.

Ходатайство это было направлено египетским властям, от которых зависело назначение дукса Киренаики. Но надежды Синезия потерпели крушение. Победитель авсуриан должен был в назначенный срок покинуть Киренаику, куда он мог вернуться только для того, чтобы навестить своих бывших друзей. Далее Синезий узнал, что вместо усиления отряда гуннов, высшие власти хотят уменьшить их содержание, отнять их лошадей, иными словами, низвести их на положение туземных войск и тем подорвать боевое рвение этих наемников, которые так много сделали для защиты страны⁵.

Но Анисий был еще в Киренаике, когда Синезий вернулся из Александрии⁶. Он был еще командиром в период великого поста, так как христианская пасха приходилась в этом году на 26 марта.

Бурный натиск авсуриан начался только после отъезда Анисия, замененного малоспособным Иннокентием. Гражданское управление в это время продолжал возглавлять Геннадий, предшественник Андроника⁷.

Удаление Анисия, недовольство уннигардов, недисциплинированность других наемников, разложение местной милиции, отрываемой от военной службы пожарами на полях и появлением саранчи, и неспособность нового дукса Иннокентия без замедления повлекли за собой тяжелые последствия. Авсуриане наводнили сельские местности, жгли селения

¹ PG, t. 66, col. 1576.

² Ibidem.

³ Ibid., col. 1364 и 1460.

⁴ Ibid., col. 1349—1352.

⁵ Ibid., col. 1444.

⁶ Ibid., col. 1349—1352.

⁷ Ibid., col. 1565—1566.

и посевы и, к огорчению епископа, разрушали церкви и оскверняли священные сосуды. Даже их женщины вторгались в римские области. Держались только города, и сам Синезий не покидал стен Птолемаиды, руководя ее обороной. К этому времени относится его знаменитая речь *Catastasis*, произнесенная в 411 г. в разгар авсурианского нашествия и представляющая „открытое письмо, адресованное тем, которые могут услышать наши жалобы в императорском совете“. В этой речи Синезий оплакивает бедствия Пентаполя и в отчаянии пишет, что Пентаполь теперь — опустошенная страна, не приносящая никакой пользы ни собственному населению, ни императору, что она теперь — пустыня, которой угрожает опасность совершенно выйти из-под римской власти, что варвары увезли добычу, навьюченную на 5 тысячах верблюдов¹.

В своей речи Синезий требовал немедленно отправить в Киренаику отряд гуниской конницы, чтобы произвести диверсию в неприятельскую страну, а если будет принято решение держаться оборонительной тактики, то прислать 4 сотни пехотинцев и опытного военачальника². О необходимости быстрой помощи Синезий пишет и Феофилу³.

Вскоре положение изменилось. В письме 57 Синезий говорит, что военное положение уже перестало быть критическим. Опытный командир взял в свои руки руководство операциями и прославился своими военными способностями⁴, ибо бездарного Иннокентия сменил опытный Марцеллин. Синезий пишет ему, что по окончании срока он получит, согласно обычаю, заслуженные поздравления за свои победы. „Он так же, как в свое время Анисий, сломит варварскую ярость, восстановит дисциплину и гражданский мир, и результатом будет похвальное письмо, которым его удостоит «священник-философ»“⁵.

Но опасность варварского нашествия еще не была совершенно устранена, когда Синезия постигло тяжелое горе: смерть любимого сына. Синезий писал Евоптию, что в своем отчаянии он даже помышлял о самоубийстве.

Но едва Синезий возвратился в Птолемаиду, ему пришлось столкнуться с новыми трудностями. Враждебная ему группировка провела на пост презида некоего Андроника, который не обнаружил никакого желания считаться с волей птолемаидского епископа. Андроник, по словам Синезия, принадлежал к числу людей низкого происхождения, проникавших ко двору интригами и кознями и за большие деньги покупавших себе должности правителя провинции или дукса, чтобы с лихвой вознаградить себя за счет жителей вверенных их управлению провинций. Синезий, гордившийся знатностью своего рода, с возмущением отмечает, что новый презид был сыном рыбака из города Береники, не мог даже назвать своего деда, пронырством снискал себе благосклонность сильных людей и затем купил себе должность правителя Пентаполя, вопреки существовавшему тогда закону, по которому правителями провинций не могли быть лица, происходившие из этих провинций. Синезий обвиняет Андроника в том, что он при помощи своего помощника Зенаса ухитрился выколотить из истощенной голодом, саранчой, пожарами, войной провинции подати в двойном размере. Андроник

¹ PG, t. 66, col. 1569.

² Ibid., col. 1568.

³ Ibid., col. 1433.

⁴ Ibid., col. 1385.

⁵ Ibid., col. 1408.

обвинил своего честного предшественника во взяточничестве, а когда один уважаемый и знатный гражданин не захотел дать ложного показания против Геннадия, он был заключен в оковы. Затем Андроник запер порты, чтобы два знатных пентапольских гражданина Максимин и Клиний, с которыми издавна он враждовал, не могли ускользнуть, а затем приказал их схватить и подвергнуть телесным наказаниям, но так, чтобы не дать возможности им умереть, дабы тем продлить и увеличить их мучения. Жестокость Андроника дошла до того, что ему казалось недостаточно имеющегося арсенала пыток, и он придумывал новые, еще невиданные орудия мучения. Когда у одного гражданина по имени Левкипп пропали вверенные ему на хранение общественные деньги, он немедленно заплатил большую часть их, а для покрытия остальных предложил продать свое имущество. Однако Андроник, ненавидевший Левкиппа за близость к Синезию, приказал его схватить, подвергнуть телесным наказаниям и держать пять дней без пищи в неприступной крепости.

„Со всех сторон сбегались ко мне, — пишет Синезий, — с жалобами. И всякий раз я поражался этими известиями и видом бедствий. Но когда я его убеждал, то не мог убедить, а когда настаивал, то раздражал. И тогда обстоятельство изобличило мое бессилие, которое до этого бог скрывал от людей, так как обо мне всюду составилось представление, как о человеке влиятельном и могущественном... После того, как я потерял любимейшего из сыновей, немногого не доставало, чтобы я покончил самоубийством. Никакими наставлениями философии я не мог превозмочь охватившее меня горе. Но Андроник превозмог и в этом и заставил обратить внимание на общественные бедствия... Я был выставлен пред всеми, чтобы все несли к моей груди свои заботы, но я мог им выражать только бесполезное сострадание...“. Синезий возмущается поведением Андроника: „Таким он является в отношении меня, который ведет свое происхождение от Еврисфена, приведшего дорийцев в Спарту, а родословную наших предков показывают общественные таблицы; он же не может назвать имени своего деда и даже отца, если не прибегать к предположениям, он, поднявшийся от рыбной ловли до начальнической колесницы. Поэтому ему стыдно своей незнатности, когда он видит такую знатность моего рода. Я же и до священства был окружен почестями и не испытывал никакого бесчестия“¹.

Особенно возмущало Синезия то, что Андроник, жестокий тиран по отношению к гражданам, в то же время был пешкой и безгласным орудием в руках Юлия, старого врага Синезия. В письме 79, адресованном Анастасию, Синезий указывает, что Юлий ни на ком так не проявляет своей власти, как на Андронике, и третирует его, как своего раба, публично набрасывается на него с криками и оскорблениями. Причем Андроник не осмеливается даже наедине бранить своего господина². Таким образом, жестокий Андроник, действия которого так возмущали Синезия, являлся на деле только креатурой другого сильного человека Киренаики, Юлия, врага Синезия.

Против этого ненавистного ему презида Синезий прежде всего пустил в ход свои старые связи. Он обращается во имя старой дружбы к „философу“ Троилу, который пользовался большим влиянием при

¹ PG. t. 66, col. 1392, 1393.

² Ibid., col. 1445.

дворе. Пусть Троил не откажется открыть глаза всемогущему Анфимию на события в Пентаполе. Люди в этой стране хотят только, чтобы был соблюден закон, по которому строго запрещается занимать должность начальника провинции местным уроженцам¹.

Но Троил не отвечал или дал понять Синезию, что Андроник пользуется благосклонностью воспитателя императорских детей Анастасия. Как раз в этот момент Синезий получил письмо от самого Анастасия, который просил его помочь некоему священнику Евагрию, которому Андроник предлагал выполнять куриальские обязанности².

Синезий использует это письмо, чтобы представить Анастасию настоящий обвинительный акт против Андроника. Попытка помочь Евагрию безнадежна, ибо Андроник последователен в притеснении граждан. Синезий горько жалуется Анастасию, что он пожертвовал своим личным счастьем, принимая епископство. У него умер любимый сын. Андроник довершает его бедствия. Страшный фискальный гнет в его правление обрушился на Пентаполь. Взыскиваются двойные подати, взыскиваются при помощи пыток, причем придуманы новые орудия мучений. Трус и зверь одновременно, Андроник сам является орудием Юлия и Зенаса. Именно Зенас взимал двойные подати. Теперь он угрожает брату Синезия обвинением в недобросовестном выполнении посольства. Один из приближенных Андроника Фоант всем рассказывал выдуманную им новость, будто префект претория Анфимий видел сон, что он только тогда выздоровеет, когда два известных пентапольских гражданина Максимин и Клиний будут преданы смерти³.

Но Анастасий на этот раз, так же как Троил, остался глухим к жалобам Синезия, и последний жаловался Анастасию, что он предан своими друзьями, как некогда был предан Поликрат Амазисом⁴.

После этого птолемаидский епископ решил самостоятельно расправиться с ненавистным ему президом, обвинив его в церковном кощунстве за то, что Андроник приказал прибить на дверях церкви декрет, запрещающий искать убежища в церкви, и заявил епископу, пришедшему просить облегчения участи жертвы, подвергнутой пытке под палящим солнцем: „Нет, враги Андроника от него не ускользнут, хотя бы они обнимали ноги самого Христа“⁵.

С одобрения Исидора Пелусиота⁶ Синезий решил отлучить Андроника от церкви. Он собрал поместный собор, на котором было постановлено подвергнуть Андроника отлучению от церковного общения. Это вместе с тем было отлучением от всего христианского общества, потому что все, даже частные лица, не должны были иметь никаких отношений с отлученным. Документ об отлучении начинался торжественно: „Андроника из Береники, который, к несчастью, рожден и воспитан в Пентаполе и который за деньги купил владычество над своим отечеством, пусть никто не считает и не называет христианином,

¹ PG, t. 66, col. 1437.

² Ibid., col. 1444—1445.

³ Ibid., col. 1448.

⁴ Ibid., col. 1373.

⁵ Ibid., col. 1400. Андроник мог сослаться на законы Феодосия I, запрещающие клирикам укрывать должников в церкви (Cod. Theod., IX, 40. 15; XI, 36. 31 и IX, 45. 1 от 392 г.). Но позиция, занятая в этом вопросе Синезием, показывает, что, несмотря на повторение этих законов Аркадием (Cod. Theod., IX, 45. 3 от 27 июля 398 г.), они оставались мертвой буквой, пока не были официально отменены 21 ноября 419 г.

⁶ PG, t. 78, col. 416 B.

но как преступник против бога он изгоняется из церкви божией вместе со своим семейством¹.

Церковное отлучение в то время было грозным наказанием. Андроник не ожидал его. Он немедленно заявил о своем покаянии, просил прощения. Духовенство Птолемаиды поддерживало просьбу Андроника, и Синезий был вынужден отменить отлучение. Но поведение птолемаидского презида осталось прежним, и это давало епископу возможность в любой момент возобновить свое отлучение. Представитель одной знатной фамилии Магн внезапно умер под пытками². И это позволило Синезию немедленно отлучить Андроника от церкви как нераскаявшегося грешника. Борьба между птолемаидским епископом и президом кончилась полной победой епископа. Хотя мы не знаем всех обстоятельств, при которых произошло падение Андроника, но он очень скоро был лишен своей должности и вызвал против себя целую волну обвинений, так что епископ, морально добивая Андроника, счел необходимым выступить даже в его защиту и писал патриарху Феофилу: „Отнята справедливость у людей. Андроник раньше совершал несправедливости, а теперь сам им подвергается. А обычаи церкви таковы, что она принижает возвышающихся и поднимает приниженных... И если твое божественное благочестие удостоит его некоторой заботы, я буду считать это величайшим доказательством того, что этот человек еще не совершенно оставлен богам“³.

Для биографии Синезия большое значение имеют письма 13 и 12. Они говорят о деятельности Синезия в последний или, как более вероятно, предпоследний год его жизни.

В области церковной политики наиболее крупными были мероприятия против еретиков — евномиян. Непреклонен Синезий в отстаивании церковного имущества. Попрежнему он выступает ходатаем за своих сограждан. Он привык надеяться на патриарха Феофила, который не отказывал ему в своей поддержке, а еще больше на Ипатию, которая была его верной посредницей. Но иногда Синезий, чтобы добиться „правосудия“, не колеблясь, пускает в ход свою личную епископскую охрану, во главе которой стоял священник „удивительный Мартирий“. От него плохо пришлось некоему Петру, который привык захватывать чужое имущество и который, очевидно, покусился и на церковную собственность. Петр угрожал пожаловаться в Константинополь. Поэтому Синезий просит старого своего друга — константинопольского поэта Феотима, знакомого префекта Анфимия, и философа Троила задушить эту мерзкую попытку в зародыше⁴.

Но в письмах 412 г. явственно проявляется и новая нотка усталости, убеждения, что он — Синезий — потерял свое бывшее значение, что ему уже не на кого опереться. Мы не знаем, какие у него были основания для этого. Известно только, что в конце 411 г., после старшего сына, умер и его второй сын⁵. Он не может искать утешения у Евоптия, ибо брат Синезия оставил Киренаику. Причину этого отъезда позволяет отгадать письмо 92, адресованное Исихию, с которым Синезий вместе учился у Ипатии „тайнам священной геометрии“. Синезий поздравляет Исихия с крупным успехом по службе и вместе с тем горько упрекает его за то, что он, изменив чувству товарищества,

¹ PG, t. 66, col. 1403.

² Ibid., col. 1436.

³ Ibid., col. 1456.

⁴ Ibid., col. 1375.

⁵ Ibid., col. 1456.

вписал своего старого друга Евоптия в списки декурионов. Синезий просит: „Возврати мне брата, который — знает бог — именно из-за этого находится в чужой стране. По крайней мере мне, который после стольких постигших меня испытаний нуждается в постоянном утешении, он не представляет никакого другого оправдания в своем отсутствии“¹.

Очевидно, Евоптий уехал из Киренаики в Египет, чтобы избавиться от декурионата и избежать разорительных обязательств, которые накладывало на него это звание. В этом же письме упоминается и теща Евоптия, которая сообразно закону (Cod. Theod., XII, 1. 16) обязана была выполнять повинности, оставленные ее зятем, и, кроме того, выплатить штраф за его бегство. Характерно, что Синезий, прося о снятии штрафа и об исключении Евоптия из списка декурионов, даже не интересуется тем, может ли это выполнить Исихий на основании римских законов, ярким защитником которых выставил себя сам Синезий. Он исключительно взывает к старому товариществу и дням совместной учебы.

Время текло, и горизонт Синезия все более омрачался. Письмо 12 сообщает о смерти патриарха Феофила, который дал Синезию жену, потом поставил его в епископы. Зимой, повидимому в начале 413 г., умер последний его сын².

В этом положении Синезий еще раз обращается к Ипатии. Приведем последние письма к ней полностью. В письме 80 Синезий жалуется, что он потерял все свои связи и у него осталась старая дружеская связь с одной Ипатией.

„Если не всего меня судьба лишила, то сделала все, что могла. Она лишила меня многих прекрасных сыновей. Но желать всегда самого хорошего и помогать всегда обиженным — этого она никогда у меня не отнимет.

... „В древности были сильны милетяне“. Было время, когда и я мог приносить пользу друзьям, и ты называла меня „чужим добром“, поскольку я щедро тратил свое влияние у сильных людей. Но теперь я лишен всего. Разве ты еще можешь что-либо сделать, так как и тебя вместе с добродетелью я считаю лучшим своим добром. Ты же всегда имела большое влияние и теперь имеешь, прекрасно пользуясь своим авторитетом. Поэтому пусть будет заботой всем тебя почитающим и частным лицам и властям, чтобы Никей и Филолай, добрые и прекрасные юноши, мои родственники, возвратились хозяевами своего имущества“³.

В письме 16 той же Ипатии Синезий говорит уже о своей болезни. „Распростертый на ложе, диктую это письмо и желаю, чтобы ты получила его здоровой, мать, сестра, учительница и чрез все это благодетельница. У меня же слабость тела вытекает из болезни духа. Меня постепенно убивает память об умерших детях. До той поры следовало жить Синезию, пока он не был затронут бедствиями жизни. Но они, как прорвавшийся поток, пронеслись быстро и унесли с собой всю сладость жизни. О если бы я перестал или жить, или помнить о смерти детей! Ты же будь здорова и обними блаженных товарищей, начиная от отца Феотекина и брата Афанасия, всех без исключения. Если ты проявляешь какую-нибудь заботу о моих делах, то хорошо поступаешь, а если нет, то и я о них ничуть не беспокоюсь“⁴.

¹ PG. t. 66, col. 1457.

² Ibid., col. 1433.

³ Ibid., col. 1452—1453.

⁴ Ibid., col. 1352.

Это письмо — последнее из дошедших до нас писем Синезия. Дальнейших сведений о нем мы не имеем. Во всяком случае, он умер до марта 415 г., поскольку в его корреспонденции не сохранилось никаких откликов на трагическую гибель Ипатии. Кирилл сделался патриархом осенью 412 г., но имя его также не засвидетельствовано в переписке.

На основании подписи под актами Эфесского церковного собора (431 г.) предполагают, что преемником Синезия в звании епископа был его брат Евоптий, хотя основанием для такого предположения служит только сходство имен.

II

Пентаполь, или Киренаика, в описываемое время был заселен подданными Восточной Римской империи только в северной части, которая представляет собой плато, круто обрывающееся к морю, образуя большой выступ, ограниченный на западе заливом Большого Сирта, на востоке — заливами Бомба и Салум; к югу плато плавно понижалось. Большая часть плато была покрыта плодородными красными землями и растительностью средиземноморского типа.

Область Пентаполя в античную эпоху славилась своим плодородием. Ее вина, оливковое масло, пшеница, шафран, розы, так же как ее овцы и скот, упоминаются в классических источниках. Ее порода лошадей была знаменита. Но наиболее характерным и важным продуктом страны был сильфий, который в диком состоянии рос на плато на значительном расстоянии от побережья. Сильфий составлял некогда богатство Киренаики, и название его вошло у античных писателей в поговорку в смысле бесценного сокровища. Отвердевший сок сильфия ценился на вес серебра и хранился вместе с сокровищами государства. В настоящее время сильфия, повидимому, не существует.

Высокому экономическому уровню Киренаики античной и эллинистической эпохи соответствовал и высокий культурный уровень. Киренаика дала миру таких крупных деятелей культуры, как философ Аристипп, поэт Каллимах, ученый Эратосфен.

Основание Александрии было ударом для Кирены, хотя она долго еще оставалась крупным экономическим и культурным центром античного мира. В начале I в. до н. э. Пентаполь стал римской провинцией.

Кризис рабовладельческого способа производства все более подрывал производительные силы античного общества и ослаблял те экономические связи, которые прежде существовали в империи. Это ощущала на себе и Киренаика. Налоги были слишком тяжелы, особенно были велики налоги на сильфий. Беззаботность римской администрации постепенно приводила к уничтожению этого растения. События 116 г. еще более пагубно отразились на благосостоянии провинции, о которой за время от Адриана до Синезия до нас вообще дошло очень мало сведений¹. Синезий говорит и в письмах и в других сочинениях об упадке Пентаполя. Он, как известно, был большим патриотом, и у нас нет основания не доверять его сообщениям.

Пентаполь получил свое название от пяти греческих городов, расположенных на его территории. Эти города — Кирена, Птолемаида, Аполлония (Фикунт), Тевхира, Евгеспериды (Береника). По мере захирения

¹ RE, s. v. Pentapolis, Kyrene.

главного города — Кирены — первенство заняла Птолемаида, которая в конце концов стала главным городом провинции. При Константине Киренаика была отделена в административном отношении от острова Крита и получила свое самостоятельное управление.

Что касается Кирены, то уже Аммиан Марцеллин сообщает в своей „Истории“ (XXII, 16. 4), что „в Ливийском Пентаполе лежит Кирена, древний, запустевший ныне город“. Это сообщение уточняет Синезий в речи „О царстве“, говоря о Киренаике: „Меня послала к тебе Кирена увенчать твою голову золотой короной, а твою душу — философией; Кирена, город греческий, имя древнее и почтенное, некогда предмет воспевания тысячи поэтов, теперь же бедная и опустошенная, груда развалин, просящая императора, чтобы он сделал что-либо достойное ее древнего происхождения“¹.

В начале V в. в Кирене еще сохранялись некоторые остатки памятников, украшавших ее в период ее славы. В Кирене были найдены выдающиеся произведения античной скульптуры². Всего более удивляет путешественника громадный город мертвых, окружающий то, что было некогда городом живых. Кажется, что вся Кирена была обширным некрополем. Грандиозность этих сооружений объясняет нам, почему Синезий в своих письмах постоянно ссылается на дорические гробницы своих предков.

Портом Кирены являлась Аполлония, которую Синезий называет Фикунтом. Благодаря своей небольшой гавани, хорошо защищенной от волн цепью островов, этот приморский город приобрел в V—VI вв. н. э. крупное значение, на что указывают обломки памятников, которые все еще видны внутри старых городских стен и даже за городской стеной. Аполлония находилась в 16 км от Кирены, которая стояла на самом краю плато, откуда открывался вид на расстилающиеся внизу равнины и холмы побережья. В 100 км к юго-западу от Кирены на плоскогорье, в одной котловине (бывшем дне озера) длиной в 30 км и шириной в 10—12 км, был расположен древний эллинский город Барка, соперник Кирены. Но при Птолемах главным городом страны была сделана морская пристань Барки, называемая Птолемаидой. В начале V в. Птолемаида была резиденцией епископа-митрополита всех церквей Киренаики, гражданского губернатора — презида и военного начальника — дукса, ведавшего обороной Пентаполя. Это сосредоточение администрации придавало городу известное оживление. Как показывают раскопки³, Птолемаида в указанное время была хорошо обстроена. Найден и царский портик, о котором говорил Синезий. Но благосостояние Птолемаиды, однако, нельзя преувеличивать, так как Синезий в акте отлучения Андроника прямо оговаривает, что птолемаидская церковь была „бедна“⁴. Притом Птолемаида недолго оставалась административным центром Киренаики, и уже в 430 г. *Notitia dignitatum* административным центром Киренаики называет Сусузу (бывшую Аполлонию).

Что касается Тевхиры (совр. Токра), также приморского города Пентаполя, то в настоящее время он уже не имеет порта. Но городские стены Тевхиры принадлежат к числу наилучше сохранившихся памятни-

¹ PG, t. 66, col. 1056. См. BB, т. VI, 1953, стр. 338.

² E. A. Gardner. The Aphrodite from Cyrene. «The Journal of Hellenic Studies», vol. 40, 1920, plates 9, 10.

³ Archäologische Funde in Italien, Tripolitaniien, der Kyrenaika und Albanien vom Oktober 1936 bis Oktober 1937. «Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts», Bd. 52. Berlin, 1937, S. 457—458.

⁴ PG, t. 66, col. 1401.

ков, оставленных нам античным миром. Вновь отстроенные Юстинианом, они покоятся на древних фундаментах: 24 башни фланкируют эту великолепную ограду.

Наконец, Евгеспериды (ныне Бенгази) — единственный из пентапольских городов, который сохранил до настоящего времени значение крупного центра.

Общая картина состояния земледелия, промыслов, торговли на территории этих городов и вообще всей провинции, рисуемая Синезием, является мрачной. Синезий был большим патриотом своей родины. Значительную часть своего времени он посвящал сельскому хозяйству и обо всем, окружающем его, говорил с любовью и интересом¹. И, конечно, если бы он мог говорить об обширных посевах пшеницы, о горных склонах, покрытых виноградниками и оливками, о бесчисленных стадах овец, он, конечно, сделал бы это. Письма представляли полную возможность для этого, так как в них неоднократно говорится и о занятиях земледелием, и о садоводстве, и о скотоводстве, но нигде он не говорит, что в его время эти отрасли хозяйства процветали в Киренаике. Зато на многих листах своей переписки он останавливается на причинах, которые, по его мнению, вызвали захирение страны, и, кроме главной, по его мнению, причины — плохого управления, указывает и на стихийные бедствия, постигавшие страну — землетрясения, налеты саранчи², уничтожение пожарами посевов трех городов³ и, наконец, на постоянные набеги кочевых племен.

Главным источником существования населения являлись земледелие и скотоводство, причем скотоводство по своему значению не уступало земледелию.

В письме своему другу Симпликию, написанному в тяжелое время вражеских нашествий, Синезий замечает, что „богатство большинства из нас составляют скот, стада верблюдов и табуны лошадей“, и добавляет, что в указанное время все это в значительной части погибло или было угнано врагами⁴.

В южной части провинции, где было имение Синезия, пасли овец и коз. Синезий упоминает также о быках и добавляет, что там пьют козье молоко, но „не доят коров“⁵.

Часто он сообщает о стадах, охраняемых от волков пастухами и собаками⁶. Синезий — большой любитель лошадей и говорит о них очень часто и так же, как собак, считает необходимыми для охотника⁷. Он посвящает много времени дрессировке собак для охоты⁸. В его письмах упоминаются также мулы⁹.

Хотя Синезий говорит, что богатство людей его круга состоит главным образом из скота, однако он продолжает оставаться богатым, несмотря на то, что, как он сообщает в письме 129 Симпликию, стада его погибли. В то же время он заявляет, что если выселится на острова, то из богатого сделается бедным¹⁰. Очевидно, его средства заключались главным образом в земельной собственности, так же как и средства

¹ PG, t. 66, col. 1328—1341; 1384—1400; 1457—1460; 1473—1477; 1504; 1529.

² Ibid., col. 1400.

³ Ibid., col. 1573.

⁴ Ibid., col. 1512.

⁵ Ibid., col. 1548.

⁶ Ibid., col. 1484—1488.

⁷ Ibid., col. 1488.

⁸ Ibid., col. 1488.

⁹ Ibid., col. 1325.

¹⁰ Ibid., col. 1572.

других зажиточных куриалов в Пентаполе. И действительно, мы знаем одно из имений Синезия, называемое Ангимах, а также и то, что он имел сады в Кирене. Он щедро посылал своим друзьям подарки: вино, оливковое масло, лучший шафран, сильфий (сок), хотя последний в Киренаике в V в. являлся уже редкостью¹. Синезий сам удивился, когда получил от брата в подарок сильфий и узнал, что это растение выросло в саду брата².

Мало мы узнаем из писем Синезия о городском ремесле и торговле. Крупные землевладельцы не интересовались торговлей, так как имели рабов всевозможных специальностей. Им не было нужды обращаться к рынку, разве лишь для покупки редких, дорогих изделий. Конечно, в городах Киренаики занимались и текстильным производством и металлообработкой. Причем использовался труд юридически свободных, но фактически зависимых от правительства ремесленников, подобных „податным“ ремесленникам эллинистической эпохи. Эти ремесленники работали или в общих эргастериях, или индивидуально, в зависимости от характера специальности, но в том и в другом случае они образовывали корпорации, обязанные по круговой ответственности платить подать (канон) и нести службы (литургии) государству, именно ведомству „священных щедрот“. Они вместе с потомством навсегда прикреплялись к своей корпорации и в случае бегства безжалостно „возвращались к узам собственного ремесла и происхождения“. Все эти монополии находились в непосредственном ведении чиновников-прокураторов, подчиненных комиту „священных щедрот“. Но кроме правительственных эргастерий, были также эргастерии, принадлежавшие городам и церковным учреждениям, а также частным лицам, в первую очередь купцам; этим делом не пренебрегали и аристократы.

О том, что знать Киренаики владела эргастериями, говорит письмо 42. В нем Синезий обращается к правителю провинции со следующей просьбой: „Родственник мой обижен несправедливо. Ты же являешься другом и можешь судить. Этим ты одновременно и одинаково можешь угодить и мне и закону. Итак, пусть будет закреплено за ним владение керамическими мастерскими (*δεσπότης εἶναι τῶν κεραμικῶν*), которые были ему оставлены завещанием отца“³.

Наконец, существовали свободные ремесленные корпорации, которые несли повинности государству. Но ввиду того, что государство считало всех фактически прикрепленными к своим занятиям, различие между правительственными и свободными ремесленниками едва ли могло быть существенным.

Торговля, так же как и ремесло, в значительной части обслуживала нужды государства и представляла правительственную монополию. Торговцы образовали такие же зависимые корпорации, как и ремесленники. Существовала и частная торговля, отчасти посредническая, но это была главным образом торговля местными товарами. Эта торговля находилась в руках восточных — сирийских, еврейских и египетских купцов.

Лучшие мастера серебряных дел по заказу Синезия изготовили планисферий для подарка Пеонию. Они же изготовили для ополчения, организованного Синезием и за его счет, несколько сот копий, мечей, обоюдоострых секир, которыми он вооружил своих ополченцев.

¹ PG, t. 66, col. 1521.

² Ibid., col. 1489.

³ Ibid., col. 1365.

помогли ему построить баллисту, о которой он рассказывал в письме 132. В Киренаике можно было также изготовить новые луки и исправить старые, но Синезий был вынужден просить у сирийца Олимпия присылки хороших седел и узд для лошадей.

Письма Синезия свидетельствуют о том, что производство самых обыденных предметов потребления и торговля ими не были достаточно развиты в городах Киренаики. Характерно в этом отношении письмо 52, адресованное брату в Фикунт. В этом письме Синезий пишет: „Прибыл из Афин некий продавец башмаков, у которого в прошлом году ты купил башмаки... Теперь же, говорят, он привез больше товара, привез аттические одежды и подобающую тебе и мне летнюю верхнюю одежду. Поэтому, прежде чем он успеет все или лучшие вещи распродать (приходящие первыми заботятся о себе, а не о последующих), призови иностранца и купи мне три или четыре костюма. Все, что ты затратишь, возместим тебе с избытком“¹. Из этого письма видно, что афинский башмачник (*κηρηδοπόλης*) два года подряд привозит в Киренаику башмаки и летнюю верхнюю одежду. Видим далее, что Синезий боится, как бы привезенные афинянином лучшие вещи не были быстро распроданы, и предлагает брату поскорее закупить летние одежды, „приличествующие тебе и мне“. Очевидно, такое приличествующее Синезию летнее платье нелегко было добыть без помощи странствующего афинского купца.

В то же время сам Синезий говорит, что лучшие изделия и вещи он предпочитал покупать или заказывать в Александрии. Так, приготовленный по его заказу „гидроскоп“, или вернее ареометр, о котором идет речь в письме 15, был сделан не в Киренаике, а в Александрии. Роскошный ковер, привезенный им в Константинополь и возбудивший жадность нотариуса Астерия, был александрийской работы.

Вместе с тем Синезий дает понять, что преобладающим занятием населения Киренаики было земледелие. Так, он называет серьезным общественным бедствием пожар посевов трех городов². Он же говорит, что в Кирене значительную часть населения составляли садовники (*κηπουροί*) и лишь в порту Фикунт — моряки. И те и другие, по мнению Синезия, непригодны для войны с кочевниками³.

Киренаика, находящаяся на окраине Восточной Римской империи, поддерживала торговые и всякие другие связи с империей главным образом морем. Море связывало Киренаику с Фракией (Ер. 129, 133), Афинами (Ер. 52), Египтом (Ер. 147, 132), Кипром (Ер. 147), Сирией (Ер. 147). Впрочем в письме 147 Синезий объясняет, что он и живущий в Сирии его друг Олимпий имели хорошее оправдание нерегулярности своих сношений, так как „никто из эллинов, живущих в нашей Ливии, не заботится посылать торговых людей в ваше море, а сирийцы не заботятся о посещении портов Киренаики“⁴. Своим друзьям в Константинополе Пилемону, Проклу, Трифону Синезий посылает в качестве подарков сильфий, вино, оливковое масло, шафран, страусов⁵ и, в свою очередь, получает из далекой Сирии лошадей и другие подарки⁶.

Из указаний Синезия на морские путешествия видно, что в восточной части Средиземноморья еще пролегалли торговые пути и люди

¹ PG, t. 66, col. 1380.

² Ibid., col. 1573.

³ Ibid., col. 1517.

⁴ Ibid., col. 1544.

⁵ Ibid., col. 1521.

⁶ Ibid., col. 1520.

равного положения с Синезием считали регулярные морские путешествия обычным явлением в своей жизни. Частые путешествия из Александрии и даже из Пентаполя во Фракию упомянуты в разных местах переписки¹. Афинский торговец является два года подряд в Пентаполь². Когда Синезий проектировал свою поездку в Афины, он поручил брату, жившему в Фикунте, сообщить, когда судно будет готово для отплытия в Пирей³. Судно Синезия, посланное в Константинополь с подарками и ковром, совершало туда уже третий рейс со времени отъезда Синезия из Константинополя⁴.

Когда буря забросила Синезия в Азарий во время его беспокойного путешествия 402 г., там находилось не менее 5 судов, укрывшихся от бури⁵. Но судоходство между Киренаикой и Александрией, по видимому, не находилось в цветущем состоянии. Корабль, который в 402 г. вез Синезия и 50 других пассажиров из Александрии в Киренаику и обслуживался капитаном и 12 матросами, был плохо оборудован, экипаж его составляли плохие моряки, а капитан его Амарант, по сообщению Синезия, был так обременен долгами, что только смерть казалась ему избавлением от них.

Кредит был необеспечен, а проценты высоки. Синезий, отправляясь на родину из Константинополя, занял 60 номисм у своего друга — „удивительного“ Прскла. Прокл написал долговую расписку на 70 номисм. Синезий возвратил 80 номисм, на одну треть больше, чем занял, но, в свою очередь, потребовал у Прокла расписку в получении денег⁶.

Должности правителей провинций, как и вообще все ответственные должности, продавались правительством за большие деньги; искатели этих должностей делали при их покупке большие долги, и Синезий писал своему другу Пилемону, что он может в Константинополе легко заметить новых получателей должностей по „хвосту“ займодавцев, следующих за ними⁷.

Как это и подобало человеку знатного происхождения, Синезий, восхваляя жизнь земледельческую, с величайшим презрением относится к „племеню“ людей, делающих деньги, называет их подонками общества, какие могут пользоваться почетом только в совершенно развращенном мире. „Я, — говорит он, — считаю профессию, ставящую своей целью наживу, низкой, нечестивой и совершенно неблагородной; в одном только больном государстве она может занимать не совсем низкое место. Такие люди сами являются виновниками своей низости, потому что мыслят о главном и второстепенном в противоречии с велениями природы. Природа определила тело на служение душе, внешние блага — на служение телу. Последнему она дала второстепенное место. Они же и душу и тело подчиняют наживе. Поэтому, бесчестя самих себя и порабощая главнее в себе, что они могут сделать и посоветовать великого и благородного? Признавая их ниже и ограниченнее муравьев, я не покраснею за истину. Ибо те измеряют приобретение потребностями жизни, тогда как эти находят возможным жизнь измерять приобретением и потребностью прибыли“⁸.

¹ PG, t. 66, col. 1404—1405; 1509—1512; 1521.

² Ibid., col. 1380.

³ Ibid., col. 1381.

⁴ Ibid., col. 1405.

⁵ Ibid., col. 1337.

⁶ Ibid., col. 1509.

⁷ Ibid., col. 1469.

⁸ Ibid., col. 1101. См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 355.

До нас дошло единственное письмо (Ер. 121), адресованное Синезием торговцу (некоему Анастасию), притом письмо непривычно резкого для нашего автора содержания¹. Указанный Анастасий был, очевидно, обвинен пред судом за какие-то махинации с целью извлечения прибыли и искал заступничества Синезия. Но Синезий, уже бывший епископом, заявляет, что он желает гибели всех злодеев, подобных Анастасию, и подвергает его церковному проклятию, так как не может найти более строгого наказания².

В Пентаполе было немало состоятельных людей, принадлежавших к куриальской знати. К их числу, несомненно, относился и сам Синезий. Он получил от своего отца значительное наследство и в городе и в деревне. Правда, Синезий считает себя плохим хозяином. По его словам, он заботился не об увеличении своего имущества, а только о пополнении своей библиотеки. „Я, — пишет он, — уменьшил свои земельные владения, многие из моих рабов сделались равноправными гражданами; золота я не имею ни в женских украшениях, ни в монете (а то, которое было, истратил, подобно Периклу, на нужное), но зато значительно увеличил количество книг (в своей библиотеке) по сравнению с полученными по наследству“³.

„Мы не богаты, — писал он затем своему другу Пилемону, — с теми же ресурсами другие люди были бы более чем умеренно богаты, но я плохой распорядитель. Однако мое наследственное владение держится, несмотря на крайнее пренебрежение им (со стороны его владельца), и способно поддержать философа“⁴. В том же письме он говорит, что нагрузил корабль подарками для своих константинопольских друзей.

Своему другу Уранию он посылает морем в подарок коня⁵ и сам получает от сирийского друга Олимпия прекрасную лошадь⁶. Планисферий, подаренный им Пеонию, был сделан лучшими серебряных дел мастерами⁷. Он покупает для себя одежды без всякой бережливости⁸. Много раз он упоминает, что ему принадлежат рабы, лошади, собаки и книги⁹.

Два письма, написанные им уже во время епископства, показывают, что широкое гостеприимство было его обычаем и что для этого у него была благоприятная обстановка¹⁰.

Богатым был, очевидно, молодой родственник Синезия Никей. Синезий высказывает недовольство, что он отсиживается в деревне, когда в городе в суде решается вопрос, может ли этот Никей унаследовать материнское имение. Правда, говорит Синезий, там Никей наслаждается всем, что приносят времена года (в Киренаике уборка различных сельскохозяйственных продуктов растягивалась на целых восемь месяцев). „Но, — добавляет он, — всех этих благ у него было бы больше, если бы он получил и материнское имущество“¹¹. Была богата молодая

¹ PG, t. 66, col. 1500.

² Ch. Lacombrade. *Synésios de Cyrène, hellène et chrétien*. Paris, 1951, p. 245.

³ PG, t. 66, col. 1157.

⁴ Ibid., col. 1521.

⁵ Ibid., col. 1364—1365.

⁶ Ibid., col. 1520.

⁷ Ibid., col. 1585.

⁸ Ibid., col. 1380.

⁹ Ibid., col. 1481—1488; 1544—1549.

¹⁰ Ibid., col. 1409.

¹¹ Ibid., col. 1452.

девушка, племянница Синезия. Она явилась на могилу своего родственника Эсхила разряженной, обещанной золотом и драгоценными камнями; она сидела на дорогах, роскошно украшенных носилках¹.

Были в Пентаполе и очень крупные землевладельцы. К ним, несомненно, принадлежал Артабазак, крупный сановник империи, игравший видную роль в усмирении восстания исавров в 403—404 гг.²; он, повидимому, имел обширные владения в Киренаике³. Даже его управляющий Пимений пользовался в провинции большим авторитетом, и Синезий требует от брата, чтобы он его принял с должным почетом. Только в связи с этим Артабазакom мы получаем некоторые указания на существование в Киренаике огромных имений, которые охватывали в то время значительную часть империи. Несомненно, куриальская знать играла в Пентаполе в начале V в. большую роль, чем это обычно принято предполагать. Конечно, положение куриальской знати, на которую была взыскана громадная ответственность по сбору налогов, было нелегким.

Синезий приводит имена нескольких куриалов, которым пришлось очень трудно в правление Андроника, когда некоторые из них даже погибли. Его родной брат Евоптий, не желая выполнять куриальских обязанностей, должен был бежать из Киренаики в Египет. Но нельзя представлять характер управления провинциями Восточной империи так, что в провинции всем распоряжались императорские чиновники, а местная аристократия была совершенно отстранена. Письма Синезия, наоборот, показывают, что верхушка местной курии, а также те члены ее, которые под разными предлогами освободились от куриальских обязанностей, стремились оказывать постоянное влияние на ход политических дел, определять правительственную политику по отношению к данной провинции.

Синезий определенно говорит, что даже Андроник, в котором некоторые буржуазные историки хотят видеть врага куриальского сословия, был простой пешкой в руках Юлия, так же как и Синезий, принадлежавшего к куриальской среде. Мы видим, что эта куриальская верхушка Киренаики имела мощных покровителей в Александрии и самом Константинополе, и Синезий как ее вождь мог оказывать покровительство и отстаивать интересы своих родственников. Но в то же время мы видим, что курия Киренаики не была единой. В ней шла борьба группировок, и Синезий сам называет своих главных врагов, которые мешали осуществлению его планов. В письме 50 он, например, высказывает недовольство многими куриалами, которых он обвиняет в склонности к клевете⁴.

Неодинаков был и образ жизни в куриальской среде. Сам Синезий был очень привязан к своим родственникам. Он питал самые нежные чувства к своей жене, любил детей и сильно скорбел об их смерти. Он был привязан к своему старшему брату Евоптию и заявлял, что все касающееся его брата близко его сердцу⁵. В течение некоторого времени у него жил сын брата, и он немало заботился о его воспита-

¹ PG, t. 66, col. 1324—1325.

² Zosima, Historia, V, 25. CSHB, Bonnae, 1837, p. 282. Cp. A. Gùldenpenning, Geschichte des Oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1889, S. 174—175.

³ PG, t. 66, col. 1524.

⁴ Ibid., col. 1377.

⁵ Ibid., col. 1345.

нии¹. В другое время у него гостила маленькая дочь брата, и он нежно любил ребенка и с трудом с ним расстался, когда она вернулась к отцу². К своей сестре Стратонике он также проявлял большую привязанность и подарил ей ее портрет с надписью: „Это изображение златовласой Киприды или Стратоники“³. Она была женой Феодосия, служившего в императорской гвардии, и Синезий просит Никандра способствовать его продвижению по службе⁴. Он очень беспокоится о здоровье сестры и ее мужа. Родственные привязанности Синезия простирались и на всех других его многочисленных родственников, как это мы уже видели при разборе его писем.

Синезий стремился придерживаться „лаконской строгости нравов“ в своей семейной жизни. Гордясь знатностью своего рода, он возмущается тем, что его племянница была выдана своим дядей Иродом замуж за молодого человека, сына женщины легкого поведения и неизвестного отца. Сама же племянница, едва дождавшись семи дней со времени погребения другого своего дяди Эсхила, торжественно выехала в Тевхиру в повозке, запряженной мулами, роскошно разряженная, в головном уборе, напоминающем башню⁵.

Но существовали и противоположные нравы. Описывая Кесария (которого он именует Тифоном), Синезий рисует его как человека совершенно невожатанного, который общался с людьми такого же рода. Резиденцией его жены был театр. В своих виллах они устраивали оргии, куда собирались толпы развращенных юношей и женщин⁶.

В Киренаике подобную жизнь вел уже упомянутый Иоанн, который, повидимому, занимал пост трибуна. „Он гордо летал по форуму, размахивая кулаками, насккивал на мирных людей“⁷. Он принадлежал к породе „длинноволосых дегенератов“, которых Синезий презирал и которые жили беспорядочной жизнью⁸. Его трусливое поведение подробно описано Синезием в письме 104. Он был полон чванства и постоянно хвалился своими воинскими качествами, выставя себя таким героем, который обеспечит победу войска. Но малейшая тревога и появление врагов-кочевников немедленно обращали его в бегство и заставляли искать укрытия в пещерах укрепленной горы.

Другой противник Синезия — Юлий — был человеком несколько иного типа. Он имел жену, которую Синезий очень уважал. Юлий по корыстным соображениям противился всем начинаниям Синезия в пользу Пентаполя. Синезий гордится его враждой, считая ее явственным признаком своей правоты⁹. Этот Юлий был сильным человеком в Пентаполе. По словам Синезия, его дурная, но волевая натура взяла верх даже над Андроником. Юлий поднялся высоко за счет своих сограждан, и имя его произносили с проклятием лучшие люди края. Мы не можем разобраться в справедливости этих обвинений, так же как и понять сущность тех споров, которые возникали внутри курии, — например, причины потери Синезием дружбы Авксентия, который

¹ PG, t. 66, col. 1380.

² Ibid., col. 1381.

³ Ibid., col. 1441.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid., col. 1325.

⁶ Ibid., col. 1212; 1217; 1240—1245.

⁷ Ibid., col. 1477.

⁸ Ibid., col. 1168—1172; 1205; 1477—1481.

⁹ Ibid., col. 1460.

поссорился из-за политических вопросов с неким Савватием и присоединился к партии умершего Фая¹.

В Киренаике конца IV в. было очень развито сутяжничество. Упоминания о судах и судебных тяжбах постоянны у Синезия, причем важно отметить, что в противоречии со своей общей политической тенденцией, направленной на всяческое укрепление позиций рабовладельческого государства, Синезий неприязненно относится к судам. Мораль судей и адвокатов, по его мнению, оставляет желать многого. Он употребляет все усилия, чтобы отговорить своего друга Пилемена от вступления на путь адвокатуры. Он утверждал, что нет другого средства разбогатеть на судебной деятельности, как только отбросив всякую справедливость — божескую и человеческую и превратившись из почтенного человека в хитрого обманщика².

Синезий сообщает, что суды всегда переполнены, и многие процессы начинаются по несправедливым поводам. Только когда усиливались военные затруднения, судебные тяжбы несколько утихали, и Синезию даже приходилось заботиться об адвокатах, оставшихся безработными. Так в письме 59 он сообщает Анисию: „Тот, которому я вручил это письмо, хотя и философ в душе, но ритор по профессии. И пока был у нас Анисий и Пентаполь оставался цел, то и он работал у нас. А когда после твоего отъезда время нас предало неприятелям и приостановило всякое отправление правосудия, он решил плыть к другому форуму, где продажный язык, товар ритора, делает оратора знаменитым. Поэтому обеспечить ему дружбу человека, управляющего таким народом. И призываю в свидетели бога, закрепившего твою и мою дружбу, он возблагодарит тебя тем, что ты у него попросишь, когда он вернется по завершению дела“³.

Условием, которое стимулировало деятельность судов, было обилие доносчиков. Об этих доносчиках Синезий говорит в письмах к Троилу и Пилемону, которых он просит помочь его родственникам Диогену и Максимино, преследуемым доносчиками. Синезий пишет Троилу, что его двоюродного брата Максимино, подателя письма, „терзают доносчики, которые весьма усилились у нас в Кирене“. Он просит Троила „рассказать Анфимию о нас и истине, чтобы мы освободились от этих отвратительнейших зверей. Ибо, если эти (доносчики) обогатятся, то будет много желающих выступить их последователями“⁴. Синезий называет этих доносчиков отвратительными зверями, но вместе с тем забывает, что провинции были наводнены сыщиками, правительственными шпионами, которых называли *curiosi* — любопытствующими. Они должны были всюду присматриваться и прислушиваться, нет ли где-либо признаков назревающего народного движения, следить за недовольными и подозрительными, выявлять всякие случаи нарушения законов.

Иногда обвинения и судебные доносы бывали так обильны, что приводили в смущение самих выдавших виды византийских правителей. Так, Аммиан Марцеллин рассказывает, что когда Юлиан сделался императором и явился в Константинополь, то он подвергся форменной осаде со стороны египтян. „Эти любители каверз, которым доставляет величайшее удовольствие запутывать тяжбы“⁵, получили приказ импе-

¹ PG, t. 66, col. 1404.

² Ibid., col. 1469—1472; 1473—1476.

³ Ibid., col. 1404.

⁴ Ibid., col. 1497.

⁵ Ammiani Marcellini Res gestae, XXII, 6.1.

ратора переехать в Халкидон, где он обещал заняться их делами. После этого был отдан приказ начальникам судов, ходивших от одного берега к другому, не сметь перевозить в Константинополь египтян, которые, таким образом, обманувшись в своих надеждах, принуждены были вернуться домой.

Но Юлиан и по дороге в Сирию встречал бесчисленные толпы сутяжников. „Одни просили о возвращении отнятого у них насилием, другие жаловались, что они несправедливо включены в состав курий, иные, рискуя подвергнуться опасности, доходили в своем озлоблении до того, что возводили на своих противников обвинения в оскорблении величества“¹. Аммиан сообщает, что при рассмотрении всех этих дел Юлиан проявлял строгость Кассия и Ликурга.

Для Синезия особенно характерны жалобы на необеспеченность владения имуществом. Мы должны напомнить, что в IV в. получила особое развитие раздача императорских земель большими имениями в качестве собственности по вечному праву (*dominium jure perpetuo*) богатым аристократам—перпетуариям². Эта собственность была все-таки условной, но условием была не военная, а хозяйственная служба, извлечение из передаваемого имения наибольшего дохода для государства. Перпетуарии были обязаны, кроме обычных трибутов, еще особым взносом за владение поместьем — „каноном“. Перпетуарий отвечал за доходность имения перед государством и в случае убытков расплачивался из собственных средств. Он имел право не только передавать землю по наследству, но и продавать, и дарить, и отдавать в аренду. Но если перпетуарий передавал землю человеку несостоятельному, не обеспечивавшему доходов государству, то он обязан был платить за своего заместителя из собственных средств, а если он сам оказывался несостоятельным, то поместье передавалось другому перпетуарию. Владения перпетуариев находились под наблюдением чиновников ведомства императорских имуществ — перэкваторов и цензиторов³.

Возможно, что земли Нонна Сосены принадлежали к такого рода владениям, и он их потерял при вышеуказанных условиях. С другой стороны, много таких земель правительством Аркадия передавалось желающим их получить, было много *petitores*, и Синезий мог добиваться включения Сосены в их число.

Вместе с тем известны факты прямого насилия и злоупотреблений правительственных чиновников, о которых во множестве говорят современные источники, что объясняется усиливающимся разложением правительственного аппарата рабовладельческого государства. О таких фактах прямого насилия говорит и Синезий в письме 47³.

Несмотря на распространение судебных тяжб, положение адвокатов и риториков рисуется не в радужном свете. „Я часто, — говорит Синезий, — видел судью, отмеривающего время адвокатам, а потом, в то время, как они вели тяжбу, он спал, а если и бодрствовал, то думал совершенно о другом. Оратор однако должен продолжать свое дело, чтобы окончить речь в назначенное время“⁴. Синезий доволен тем, что ему не нужно считать минуты, что он не должен выступать пред „глупым судьей“.

Так же незавидно положение ритора. „Говорить в театре — поистине несчастное ремесло! В самом деле, стараться угодить столь разнород-

¹ *Ammiani Marcellini Res gestae*. XXII, 9. 8.

² *Col. Just.*, XI, 62.5, 6, 8; 66.1, 2, 3, 7; 69.2; 70.5; 71.1, 3, 4.

³ *PG*, t. 65, col. 1412—1432.

⁴ *Ibid.*, col. 1148.

ным умам — не значит ли это стремиться к невозможному? Поистине, народный оратор — раб публики, принадлежащий всем; каждый может его мучить по собственной воле. Если кто-либо начнет смеяться, софист теряется, при виде угрюмого лица — он пугается. Если его слушают с особым вниманием, он представляет, что его осуждают. Если поворачивают голову с одной стороны в другую, он думает, что соскучились слушать. Однако он заслуживает снисходительных господ, он, который много ночей проводил без сна и много дней употребил на работу, который был, так сказать, снедаем утомлением и голодом, чтобы только составить прекрасную речь. Он является потом перед этим спесивым юношеством, слух которого он хочет очаровать; он нездоров, но он оказывает им уважение, не обращая внимания на здоровье. Вымывшись накануне, он является в назначенный день перед публикой, нарядный, выставляющий напоказ все свое обаяние. Он обращается к собранию с улыбкой на губах, кажется радующимся в то время, когда внутри терзается мучением. Он ест камедь, чтобы сделать голос громким и звучным. Ибо софист, даже серьезный, многого достигает своим голосом и не старается скрывать забот, которые ему посвящает. Он останавливается среди речи, чтобы потребовать питье, заранее приготовленное. Служитель подносит ему, и он пьет, прохладящая горло, чтобы лучше произносить мелодичные фразы. Но все же несчастный не может снискать благосклонности публики; слушатели ждут с нетерпением, когда он кончит, чтобы смеяться на свободе. Они предпочли бы видеть его с открытым ртом, жестикулирующего и вместе с тем сохраняющего безмолвие статуи. Утомленные скукой, они могут, наконец, выйти. Я же пою только в свое удовольствие; в то время как я обращаюсь к деревьям, ручеек, который журчит предо мною, продолжает свой путь, никогда не иссякая. Это не вода клепсидры, которую общественный сторож отмеривает скупой рукой. Я могу петь или только несколько минут или в течение целых часов... Я останавливаюсь, когда хочу, а ручей течет еще и будет течь день, ночь и на следующий год, и всегда¹.

Синезий высмеивает и излюбленные темы декламаций софистов. „Я не понимаю, — пишет он, — какое удовольствие находят они в прославлении добродетелей Мильтиада и Кимона или многих других, неизвестных по имени, или в рассуждении о богатом и бедном, публично спорящих между собой. Я видел старцев в театре, рассуждающих об этом предмете. Они выказывали важность философов и имели развевающиеся бороды, на которых, я думаю, можно было бы повесить значительную тяжесть. Но важность не препятствовала им во время спора браниться, сердиться, непристойно размахивать руками. Я воображал, что они спорят о деле какого-нибудь родственника, но каково же было мое удивление, когда я узнал, что личности, которых они защищали, вовсе не были из их семейства, даже не существуют, никогда не существовали и не могли существовать. Если в девяностолетнем возрасте они рассуждают о таких жалких выдумках, то к какому времени они относят речи более серьезные?“².

Возможно, что эти характеристики даются Синезием на основании его александрийских наблюдений, но, как видно из писем, адвокаты и риторы имелись и в Киренаике в достаточном количестве. Куда меньше было философов. Синезий во многих сочинениях и письмах жалуется,

¹ PG, t. 66, col. 1149.

² Ibid., col. 1317—1319.

что он является единственным философом в Пентаполе. „Я занимаюсь философией, — писал он Пилемону, — причем мне помогает превосходное уединение, хотя и недостает помощи от людей. Я никогда не слышал в Ливии ни одного философского слова, ибо только мое собственное эхо должно было отвечать мне...“

Мне кажется, что звезды во всяком случае смотрят на меня благосклонно, на меня, которого они видят одного в обширной стране разумным их созерцателем¹.

Но письмо 149 осведомляет нас, что Киренаика имела и другого философа, который к тому же приходился близким родственником Синезию.

Синезий пишет Пилемону о философе Александре, пользовавшемся повсеместно огромным авторитетом. Этого Александра в рекомендательном письме Ипатии он характеризует как „светлый луч во мраке“. А из письма к Пилемону мы узнаем, что сын этого Александра был послан в столицу, чтобы очистить родину от „дурных людей“. И в этом деле, которое требует силы Геракла, он нуждается в помощи Июлая — Пилемона².

В начале V в. клир уже выдвигался на видное место в городах Киренаики. Но в письмах Синезия ему уделяется сравнительно мало внимания, может быть потому, что епископская деятельность автора писем была очень непродолжительна. Во всяком случае из этих писем видно, что клир в Киренаике по своим моральным свойствам ничем не отличался от других эксплуататорских групп населения. Остановимся, например, на характеристике епископа Эритры Павла, которому Синезий уделяет большое внимание в письме 67³. Этот епископ затеял ссору с соседним епископом Диоскором Дарданиским. На границе обоих епископств — Эритрского и Дарданиского — на небольшом холме находилась старая крепость, разрушенная землетрясением. Во время варварских нападений она служила местом убежища для окрестных жителей, которые устроили в ней нечто вроде молельни или часовни, где и отправляли богослужение.

Павел, епископ Эритрский, просил Диоскора Дарданиского уступить ему эту крепость с прилежащим к ней холмом, а когда тот отказал ему в этом, то он овладел ею хитростью. Он тайно построил в часовне алтарь и освятил его, намереваясь со временем поставить здесь церковь; затем объявил эту часовню с холмом, на котором она находилась, и с прилегавшей к нему землей своею собственностью на том основании, что часовня принадлежит ему, так как он ее освятил. Павел высказал решимость защищать эту землю силой, если бы законный ее владелец захотел возвратить ее себе, и сверх того написал Феофилу кляузное письмо на Диоскора⁴.

Другого церковного деятеля — бывшего епископа Палебиски и Гидракса Сидерия — Синезий восхваляет за то, что он явился в Киренаику из войска Валента, чтобы управлять выхлопотанными им для себя именьями. По характеристике Синезия, Сидерий показал себя человеком, могущим вредить врагам и помогать друзьям, и именно за эти свои качества был избран епископом⁵.

¹ PG, t. 66, col. 1469.

² Ibid., col. 1552.

³ Ibid., col. 1412. Эритра отстояла на один день благоприятного морского пути к востоку от Фикунта.

⁴ Ibid., col. 1420.

⁵ Ibid., col. 1417.

Нравы низшего клира были распущенны, о чем свидетельствует разбор Синезием ссоры между двумя пресвитерами Иасоном и Лампонианом: Иасон оскорбил своего товарища Лампониана ругательствами, на что тот ответил побоями¹.

Таким образом, мы видим из писем Синезия, что многие из клира, даже сами епископы, поставили целью своей жизни наживу, забыв всякие другие свои обязанности. Были и другие неурейства в церкви. Так, существовали целые группы „бродячих“ монахов, которые переходили с места на место, смотря по тому, где им казалось лучше и выгоднее².

Киренаику обороняло войско, содержание которого стоило правительству очень дорого и поглощало большую часть государственных доходов.

По вычислениям Э. Штейна, содержание одного солдата ежегодно стоило государству 30 солидов³, причем в некоторых войсковых частях оно превышало и эту сумму. Содержание солдат ложилось на население провинции. Жители Пентаполя уплачивали *aurum tironicum*, поставляли аннону — натуральное довольствие военным частям. Но поставок провинции, повидимому, не хватало, так как Синезий сообщает, что александрийские куриалы привозили золото для содержания войсковых частей, расположенных в Киренаике. Синезий, как известно, в своей речи „О царстве“ выступил горячим поборником изменения состава войска, мечтал о восстановлении прежней силы римской армии. Ему как будто удалось добиться в Константинополе признания правильности этой программы. Префекты претория Аврелиан и Анфимий, фактически управлявшие Восточной Римской империей, придерживались тех же взглядов. Но от теоретического признания было далеко до практического осуществления, хотя лица, командовавшие военными частями в Киренаике, теперь носили исключительно римские или греческие имена.

В дошедшей до нас *Notitia dignitatum*, показывающей размещение воинских частей по провинциям и относящейся к 30-м годам V в., отсутствует перечень воинских частей, оборонявших Киренаику. Из писем Синезия нам известно, что в Киренаике были расположены следующие воинские части: когорта далматинцев в Птолемаиде, балагриты — конные стрелки из лука, маркоманны, о которых Синезий отзывается с иронией, части фракийской конницы и, наконец, уннигарды, о которых Синезий дает самый лучший отзыв. Туземные войска комплектовались из тех элементов населения, на которых особенно тяжело отражался кризис рабовладельческого общества, и потому не обнаруживали никакого желания жертвовать своею жизнью для защиты рабовладельческого строя. Федераты служили только из-за денег. Командный состав был не лучше рядового, как показывают примеры Иоанна, Хиласа, Керсалия и др. Римское правительство никогда не могло установить мирных отношений с кочевниками пустыни, хотя и делало попытки противопоставить одно варварское племя другому и из макетов рекрутировало отряды *limitanei*. Были построены целые линии укреплений, которые должны были прикрыть главную дорогу от залива Сирта к прибрежным городам Пентаполя⁴. Но в Киренаике, так же как

¹ PG, t. 66, col. 1425.

² Ibid., col. 1429.

³ E. Stein. *Geschichte des spätrömischen Reiches*, Bd. I, Wien, 1928, S. 508—511.

⁴ R. G. Goodchild. *Libyan Forts in South-west Cyrenaica Antiquity*. „A Quarterly Review of Archaeology“, №. 99, September 1951, p. 144.

в других провинциях, постоянно существовала опасность, что федераты могут объединиться с вражескими племенами. О таком случае говорит и Синезий в письме 129, сообщая, что о беззащитном состоянии провинции узнали макеты и молва об этом скоро донеслась от полуварваров к варварам¹. Сам Синезий никогда не был высокого мнения о военных качествах макетов и авсуриан. Истощенные голодом, не имевшие хорошего вооружения, варвары не были бы опасным противником, если бы римская оборона стояла на прежней высоте.

Но по оценке Синезия римские войска не представляли серьезной военной силы, и он горько иронизирует над тем, что жителям Киренаики приходится и содержать воинов, и их охранять. Причиной негодности солдат являлась, по его мнению, негодность их начальников, которые покупали свои должности за деньги. Письма Синезия показывают, кем сплошь да рядом были эти военачальники. Так, в письме 110 он иронизирует над тем, что Хилас, бывший содержатель публичного дома, недавно купил в Константинополе должность командира „храбрейших“ маркоманнов. Синезий и раньше невысоко ставил этих маркоманнов. Теперь же он пишет: „Нам справедливо предполагать, что они, и прежде бывшие хорошими воинами, теперь, получив соответствующего стратига, покажут великие и благородные деяния“².

Хилас был назначен командиром отдельной воинской части. Кереалий, о котором речь идет в письме 129, являлся комитом всей провинции. По сообщению Синезия, это был человек, не заботящийся о доброй славе, невоспитанный, подкупный. Полагая, что существует закон, по которому имущество солдат принадлежит их командиру, он забрал себе то, что им причиталось, а их зато освободил от военной службы, от обязанности находиться в строю и предоставил им жить и кормиться, где каждый из них считал для себя более выгодным. И так как он не мог получить никакой добычи у врагов, то начал собирать контрибуцию с городов, помещая воинов не там, где полезнее, а там, где было выгоднее для него. Города испытывали стеснение от этой обязанности кормить и содержать солдат и должны были откупаться от этой повинности золотом. Так как Кереалий дезорганизовал оборону, то миром ему пришлось пользоваться только самое короткое время. Авсуриане, узнав об ослаблении обороны Пентаполя, стали производить систематические нападения на провинцию и причинили страшный ущерб местному скотоводству, которое являлось одним из главных источников существования населения. Сам же военачальник после этого, сложив свое золото на суда, объезжал побережье и посылал всюду приказы, чтобы жители городов держались внутри стен, чтобы никто не выходил за рвы, чтобы везде были организованы четыре ночные стражи, как будто ночная бессонница жителей Пентаполя должна спасти их от всех бед. Распоряжения этого военачальника, по мнению Синезия, свидетельствовали, что этот человек „привык к бедствиям“³.

Банкротство римской обороны очень рано убедило Синезия в необходимости создать отряды местных жителей для борьбы с варварами. Он стыдит своего брата Евоптия, который проявлял мало храбрости и отказывался принимать участие в военных действиях. В письме 113 мы читаем: „Неужели мы не рискуем собой, сражаясь за нашу родину,

¹ PG, t. 66, col. 1512.

² Ibid., col. 1492—1493.

³ Ibid., col. 1513.

за наши святыни, за наши законы, за наше имущество, владеть которым нас приучило долгое время? Неужели не позаботимся мы о нашей жизни? Но тогда мы не будем мужчинами“¹.

„Поистине, ты шутишь, — писал он Евоптию в другом письме, — желая воспрепятствовать нам готовить оружие, когда неприятель опустошает страну, умерщвляет постоянно жителей и когда мы не имеем ни одного солдата для своей защиты. И в этой крайности ты хочешь еще утверждать, что частные лица не могут носить оружие. Но если является преступлением желание себя спасти, то мы можем умереть для укрощения гнева закона². Тогда я по крайней мере буду удовлетворен, покоряясь закону, а не гнусным разбойникам“³.

Наконец, в письме 125 Синезий сообщал брату, что он собрал отряд из местных жителей и начал военные действия против варваров. Это письмо содержит также интересную характеристику римских воинов в Киренаике.

„Печальны дела у нас, и многочисленны у нас вестники о несчастье, которых мы посылаем друг другу. Вот уже и Баттию опустошили, и вторглись в Апросилис, и гумна пожгли, и поля опустошили, и женщин отвели в рабство... А нас отнюдь не охватывает негодование. Мы сидим дома, ожидая смоковничную ограду, т. е. солдат, и у нас на языке только аннона солдат и мирные темы, как будто мы с ними должны судиться, а не защищаться от тех (варваров). И неужели мы не перестанем болтать, не окажемся благоразумными, не соберем отряды крестьян, не пойдем вместе с ними против врагов, сражаясь за наших детей, за наших жен, за наши жилища и, наконец, за наших солдат? Хорошо в мирное время болтать о том, что мы их кормим и охраняем. Но теперь я диктовал это письмо, почти не слезая с лошади. Ибо я собрал и когорты, и центурионов из тех, кто здесь находился. Собирается у меня и в Асусаманте значительное количество (воинов). И состав я назначил день, когда они должны быть в окрестностях Клеопатры.

Надеюсь, что, когда мы двинемся в путь и все увидят множество юношей, собравшихся вокруг меня, гораздо больше явится незваных. Лучшие придут отовсюду, чтобы участвовать в великом деле, а худшие, чтобы участвовать в захвате добычи“⁴.

Партизанская война с авсурианами была для Синезия делом не новым. Он вел ее уже в 395 г., еще до поездки в Константинополь, и, повидимому, еще к этому времени относятся письма 104, 113, 124, из которых первые два были адресованы Евоптию, а третье — Ипатии. Все эти три письма были проникнуты юношеским бахвальством и подчеркивали то обстоятельство, что сознание славного происхождения от Гераклидов повышает его мужество.

Военные события, в которых участвует Синезий начиная с 405 г., описывает уже цитированное нами письмо 107, а также письма 108 и 122. В письме 108 автор сообщает, что благодаря своим связям ему удалось достать оружие: 300 копий, 300 коротких мечей. Могут быть изготовлены и булавы из диких маслин. „У некоторых из нас, — пишет Синезий, — привязаны к поясу и обоюдоострые секиры, чтобы разрубать вражеские щиты“⁵.

¹ PG, t. 66, col. 1493.

² Имеется в виду закон Валентиниана I от 364 г. Cod. Theod., XV, 1.

³ PG, t. 66, col. 1489.

⁴ Ibid., col. 1504—1505.

⁵ Ibid., col. 1489.

В письме 122 он восхваляет нескольких клириков, которые показали себя мужественными патриотами. Христианские священники, пишет он, набрав толпу деревенских жителей и совершив богослужение, отправились против варваров. Они встретились с неприятелем в одной узкой, заросшей лесом и кустарниками долине. Предводителем этой невооруженной толпы был дьякон Фавст, также не имевший никакого оружия. Схватив камень, он убил встретившегося врага. Сняв с него оружие, убил еще нескольких. Его примеру последовали прочие, и вскоре вражеский отряд был уничтожен¹.

Об этих же военных действиях говорит письмо 132 к Олимпию. Олимпий был старым товарищем Синезия по занятиям в Александрии: они вместе учились у Ипатии. Из Сирии Олимпий присылал Синезию богатые подарки, Синезий старался не уступать ему в том же. Переписка друзей была затруднительна: почты для частных лиц в Восточной империи не было, и организация переписки была сопряжена с большими трудностями. Синезий просит своего друга извинить за запоздалый ответ. Ему пришлось укрыться в укрепленном месте. Но эти укрепления не имеют воды, и воду постоянно приходится добывать с боем. Синезий сообщает другу, что он в этом укреплении построил баллисту, которая способна бросать на неприятеля камни значительного веса. Олимпия на будущее время он просит присылать подарки не роскошные, а полезные, главным образом военные материалы: луки, стрелы, а также узды для лошадей. Когда наступит более благоприятное время, Синезий не откажется и от роскошного коня из конюшен Олимпия, которого тот ему предлагал².

Синезий не только сам участвовал в военных действиях: он стремился поднять энергию и своего брата. Какой стыд Евоптию, также блокированному в своем поместье, разделять страх женщин. Наш автор не щадит его, упрекая за трусость. Но к этим упрекам он присоединяет практические советы и наставления и в качестве образца рисует свою собственную деятельность. Он организует постоянные ночные караулы, утренние разведки. Синезий ничуть не доверяет фикунтийским лодочникам Евоптия, так же как и своим садовникам, но он сумел использовать в качестве воинов балагритов³. „Пока Кереелий не принял начальства над провинцией, они были конными стрелками. А после того, как он захватил военную власть и у них были отняты кони, они обратились в пехотинцев-стрелков. Но мне они годятся и без лошадей. У нас есть надобность в стрелках, чтобы иметь доступ к источникам и реке“⁴.

Выше мы не касались вопроса о положении непосредственных производителей в городе и деревне и не затрагивали вопроса о том, какое место среди этих производителей занимали рабы, колонны и мелкие самостоятельные земледельцы. Коротко остановимся на этих вопросах.

Что касается рабов, то, если верить Синезию, их было много в Киренаике в начале V в.. „Во всех семействах, пользующихся достатком,

¹ PG, t. 66, col. 1501.

² Ibid., col. 1520. В противоположность ошибочному утверждению Дрюона (H. Druon. *Études sur la vie et les œuvres de Synésius*. Paris, 1859, p. 33—34), Синезий писал это письмо не из Кирены, которая была обильно снабжена водой, а из своего имения, обращенного в крепость. R. Volkmann. *Synésius von Cyrene*. Berlin, 1869, S. 96—97.

³ Балагриты упоминаются также в письме 104 (PG, t. 66, col. 1477). Это не варварские наемники, но туземные воины, выставленные Балагрой, — местечком, расположенным к западу от Кирены по дороге к Барке. См. там же, стб. 1517.

⁴ PG, t. 66, col. 1517.

рабами бывают скифы; скифы накрывают на стол, готовят еду, разливают вино. Служители, носящие носилки, на которые садятся их господа на улицах, тоже скифы. Вообще скифы — племя, издревле рожденное для рабства, достойное и годное только на служение римлянам¹.

Много было рабов и у Синезия. Он хвастался, что освободил, следуя тогдашней моде, многих из своих рабов, что он является только старшим товарищем среди своих рабов. Но он в то же время признает, что некоторые рабы оказались не в состоянии вынести „строгости лаконских нравов“, которых придерживался Синезий, и бежали от него. От других рабов, действиями которых он был недоволен, вынужден был избавиться он сам. Так, в письме 32, адресованном брату, Синезий пишет, что раб, купленный им в Александрии у наследников Феодора, был „совершенно недостойн жить с хозяевами-философами“. Поэтому Синезий отправил его морем к прежним хозяевам: он поручает брату заковать строптивного раба в кандалы, так как иначе он соблазнит матросов и вместе с ними, проникнув внутрь корабля, выпьет все вино, погруженное там².

Отношение Синезия к рабам характеризует также письмо 144 к его другу Геркулиану, высокопоставленному чиновнику в Александрии. В этом письме идет речь о розыске раба Филорома — одного из тех, которые не вынесли власти философа и „лаконского режима“ и предпочли убежать в Египет. Синезий говорит, что он охотно расстался бы с ним, но этот раб принадлежит его племяннице, которая желает возвратить свою собственность. Синезий знает даже, где находится этот раб. Он поступил в услужение александрийца Гарпократиона, который является *subadiuva* Геркулиана, и вместе со своим новым господином объезжает Египет. Синезий уполномочивает своего друга Эфалиса доставить ему этого беглеца³.

Но из переписки Синезия видно, что рабы были главным образом домашней прислугой, и нет никаких данных о том, что рабский труд находил особенно широкое применение в сельскохозяйственном производстве. Из того, что наш автор говорит о сельскохозяйственном населении, мы убеждаемся, что значительная его часть состояла из мелких самостоятельных производителей.

В этом нас убеждает письмо 67, повествующее о посещении Синезией Палебиски и Гидракса в бытность его епископом. Палебиска и Гидракс были большие деревни (*χωρις*), находившиеся на южной границе Пентаполя. Патриарх Феофил решил открыть в этих селениях отдельную епископскую кафедру, почему он поручил Синезию сделать относительно этого предложение народному собранию. Если бы население Палебиски и Гидракса состояло из поработенных колонов, закрепощенных крупными землевладельцами, то Синезий легко бы справился со своим поручением. Но так как население этих деревень состояло из мелких самостоятельных землевладельцев, то Синезию действительно пришлось созывать народное собрание. При этом необходимо подчеркнуть, что это народное собрание наотрез отказалось удовлетворить желание александрийского патриарха, несмотря на то, что Синезий применял не только меры убеждения, но и принуждения. Он прочитал послание Феофила, адресованное им, а также послание патриарха ему

¹ PG, t. 66, col. 1093. См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 351—352.

² Ibid., col. 1360.

³ Ibid., col. 1540.

самому и затем увещаниями побуждал к избранию особого епископа. Но жители, очевидно, не желая нести расходов по содержанию нового епископа, заявили, что они так привязаны к Павлу, епископу Эритрскому, что совершенно не желают с ним разлучаться и поэтому отказываются выбирать себе нового епископа. Напрасно Синезий применял меры принуждения. Он приказывал своим телохранителям хватать тех, кто громче других кричал, и с побоями выталкивать из церкви¹. Но и эти меры принуждения не оказали никакого воздействия на собрание. Синезий отложил собрание, предполагая, что жители одумаются, но тщетно. На вторичном собрании, бывшем через четыре дня после первого, жители попрежнему отказались от избрания епископа, и Синезий должен был признать свою неудачу. То, что жители этих селений осмелились не выполнить распоряжений высшей церковной администрации, говорит не только об укоренившемся у них недоверии ко всяким предложениям власти, но и о сохранившейся у них значительной доле самостоятельности в решении касающихся их вопросов.

Земледельческое население Киренаики было далеко не однородно по своему имущественному положению: в его среде существовала значительная дифференциация, выделилась зажиточная прослойка. Когда Синезий в 402 г. был заброшен морской бурей в Азаир, пассажиры корабля, на котором он ехал, стали получать щедрые подарки от зажиточных местных жителей (γυναικες τῶν ἀφροεσιτώνων εὐδαίμονες)². Этим мы не отрицаем, конечно, наличия в Киренаике колонов, которые обрабатывали земли крупных землевладельцев, пасли их стада и составляли основной контингент тех отрядов, которые Синезий собирал для защиты своих владений от кочевников. Колоны не только принуждались вступать в эти отряды; им в буквальном смысле приходилось бороться за свою жизнь, так как авсуриане мужчин поголовно убивали, а женщин и детей уводили в рабство.

К сожалению, в письмах Синезия мы не находим подробностей, которые характеризовали бы положение колонов Киренаики. Разумеется, мы не можем доверять Синезию, когда он, описывая свое поместье Ангимах, заявляет: „Здесь все живут, как братья, взаимно помогая друг другу“³. Во всяком случае Синезий не объясняет нам, что является источником его доходов.

Таким образом, сочинения Синезия позволяют нам сделать лишь скромный вывод, что сельское население Киренаики состояло из колонов и мелких самостоятельных земледельцев, причем мы не можем с полной уверенностью утверждать, что в состав этого населения входили и полуварвары — макеты, поскольку Синезий говорит об их содействии авсурианам.

Классовая борьба в Киренаике на рубеже IV—V вв., так же как в других провинциях Восточной империи, выражалась, в частности, в религиозных распрах, которые в течение столетий буквально потрясали империю и часто приводили к кровавым столкновениям и политическим переворотам. В настоящее время трудно представить, что не только широкие круги господствующего класса, но и народные массы так горячо интересовались пустыми богословскими формулами и словами и что государство придавало им такое значение. Дело в том, что эти слова и лозунги были только условными формулами, под

¹ PG, t. 66, col. 1412.

² Ibid., col. 1341.

³ Ibid., col. 1545.

которыми скрывались раздиравшие государство социальные и этнические противоречия.

Религиозные споры в IV—VI вв. прошли две стадии: триадологическую, когда предметом споров было греческое учение „о сыне божием“ и „св. троице“, и христологическую, когда спорили о „двух природах во Христе“. На IV и начало V в. приходится первая стадия споров.

В Киренаике арианство держалось дольше, чем в других провинциях империи. Нам известно, что и до арианства Киренаика была одним из центров гностицизма, а также главным рассадником ереси Савеллия¹. Сам Арий был по происхождению ливиец. Его долго поддерживали ливийские епископы. Отрицая тезис о полной божественности Христа, арианство отрицало тем самым божественность христианской церкви. У ариан духовенство не составляло привилегированной группы, не занимало высоких должностей, не владело земельными богатствами, как в православной церкви. Ариане резко выступали против церковных богатств и особенно против крупного землевладения. Несмотря на террор, который обрушился на ариан по вступлении на престол Феодосия I, арианство еще держалось в Киренаике. Хотя ересь Евномия, епископа Кизикского, который восстановил учение Ария относительно троичности, утверждая, что только один „отец“ заключает в себе божескую сущность во всей полноте, — была осуждена на втором вселенском соборе (381 г.), она еще и во времена Синезия продолжала иметь не только тайных приверженцев, но даже своих явных распространителей. По свидетельству Синезия, глава константинопольских евномиян, некто Квинтиан, хвалившийся своими связями при дворе, послал в Пентаполь нескольких своих приверженцев под предлогом каких-то важных дел, а в сущности для распространения ереси и для поставления там своих пресвитеров. Это „вторжение“ евномиян в Пентаполь было тем опаснее для „православных“, что Пентаполь, как мы уже знаем, и прежде был рассадником арианства.

По вопросу о борьбе с этой ересью Синезий совещался с Исидором Пелусиотом, от которого получил соответствующие указания². От Синезия, который еще в 410 г. высказывался отрицательно относительно многих положений христианской догматики, мы могли бы ожидать известной мягкости в отношении к еретикам. Но вместо мягкости он проявляет определенную жесткость, последовательно исполняя свою роль защитника эксплуататорского государства. В торжественном послании пресвитерам своей церкви он призывает их принять все меры предосторожности против новых апостолов „дьявола и Квинтиана“, требует ни в каком случае не впускать их в приходы, доверенные их попечению, а с бесчестием изгонять их оттуда³. Синезий торжественно объявляет, что каждый, кто увидит преступные собрания еретиков и несколько этим не обеспокоится, услышит их слова и не обратит внимания на их сущность, или кто будет склонен на их сторону деньгами, того следует причислить к амалекитянам, иными словами, изгнать из церкви. Таким образом, Синезий объявляет беспощадную войну различным сектам ариан. Но в то же время это письмо свидетельствует о фальши заявления Синезия, будто „Пентаполь если и уступал другим

¹ А. Остроумов. Синезий философ, епископ Птолемаидский. М., 1879, стр. 30.

² PG, t. 78, col. 329.

³ PG, t. 66, col. 1341—1343.

(провинциям) в могуществе, то превосходил в преданности:... во все времена, а особенно в недавние, когда было столько тиранов, мы были неуклонно преданы императору"¹. Классовая борьба, принимавшая религиозные формы, не могла быть приостановлена епископскими посланиями. Если арианство под давлением правительственного и церковного аппарата и сходит со сцены в Восточной империи, то только для того, чтобы немедленно уступить место другим церковным ересям.

Подводя итоги нашему обзору состояния Пентаполя и деятельности Синезия в Пентаполе, мы должны решительно отказаться от идеализации Синезия. Буржуазные ученые не рассматривали его как представителя определенного общественного класса, мы же показали, что вся деятельность его как в Константинополе, так и в Пентаполе была классово обусловлена: и в Пентаполе он верно служил интересам рабовладельческой империи, интересам своим и своих многочисленных друзей и родственников, а после принятия епископского сана также верно служил интересам православной церкви. Таким образом, Синезий был вернейшим слугой рабовладельческого строя. //

Новым в нашем анализе является показ того, что местные курии в начале V в. далеко не находились в таком приниженном и бесправном положении, как это обычно представляется в буржуазной исторической литературе. Мы видим, наоборот, что пентапольские куриалы принимали активное участие в руководстве местными делами, и провинциальная администрация должна была с ними считаться². Мы видим, что куриал Синезий играл крупнейшую роль в общественной жизни Пентаполя, и не он один. Мы знаем другого куриала или выходца из курии — Юлия, который также на протяжении десятков лет стремился руководить общественными делами Пентаполя. Даже презид Андроник, который показал полное нежелание считаться с Синезием, в то же время являлся послушным исполнителем указаний Юлия.

Мы видим, что представитель Пентаполя Синезий выступил в речи „О царстве“ с рядом предложений, ставящих своей целью возродить „древние славные времена“ римской рабовладельческой империи, и эти предложения нашли сочувственный отклик в Константинополе. Верхушка курии Пентаполя имела тесную связь с правящими кругами в Константинополе и в Александрии. При помощи этих связей Синезий стремится проводить нужную ему политику в Пентаполе и поддерживает интересы своих многочисленных родственников и сторонников. Таким образом, можно сказать, что курии Пентаполя в начале V в. оказывали значительное воздействие на императорскую провинциальную администрацию. Присылаемые из столицы администраторы, хотя они и покупали свои должности, должны были считаться с местными куриями и без налаженного контакта с ними едва ли могли бы удержаться на своем посту.

Таково же было в V в. положение и в большинстве других провинций империи. Так, хроника Иешу Стилита и другие сирийские хроники знакомят нас с положением курии Эдессы, состоящей из „именитых“ и богатых людей, которые играют в конце V в. решающую роль во всех делах и тяжесть государственных повинностей перекладывают на городских ремесленников и земледельцев.

¹ PG, t. 66, col. 1565.

² С. Н. Coster. Synesius, a Curialis of the Time of the Emperor Arcadius. Byz., XV, 1941, pp. 10—38.

В буржуазной исторической литературе обычно подчеркивается, что курии в V—VI вв. теряли всякое значение, и в качестве руководителей городской жизни на первый план выдвигается духовенство с епископами во главе. Но пример Пентаполя показывает нам, что эти епископы обычно являются представителями местной курии, неразрывно связанными с той средой, из которой они выходят, и потому они и в дальнейшем действуют в тесном контакте с ней. Поэтому нельзя говорить, что местное самоуправление в V в. уже утратило всякое свое значение. Оно не утратило его полностью и в VI в. Иначе нельзя понять новеллу Юстина II от 569 г., которая официально передала провинциальное управление в руки местных крупных землевладельцев, являвшихся главным образом местными куриалами, причем местным крупным землевладельцам предлагалось выдвигать кандидатов на пост презида провинции, и Юстин обещал их утверждать безвозмездно.

Но сочинения Синезия в то же время показывают и разложение господствующего класса Восточной Римской империи, разложение, которое является одним из признаков революционной ситуации. Говоря о трех главных признаках революционной ситуации, В. И. Ленин называет в качестве первого признака „невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому“¹.

Труды и письма Синезия показывают коррупцию правительственного аппарата. Назначение на все ответственные должности производится за деньги, причем получателей этих должностей сопровождает целая свита займодавцев. Константинопольское правительство раздает ответственные должности таким людям, как Евталий, который прославился взяточничеством и ловкостью, с которой ускользнул от уплаты штрафа. Начальником военной обороны всего Пентаполя был назначен Кереалий, который присваивал средства, выделенные на содержание солдат, заставлял города откупаться золотом от принудительного постоя солдат и дезорганизовал все дело обороны Пентаполя. Президом Киренаики стал местный уроженец Андроник, который ухитрился выколотить двойные подати и применял новые невиданные еще роды пыток. Командиром маркоманнов стал бывший содержатель публичного дома Хилас.

Но и среди куриалов Пентаполя тоже наблюдалось разложение. Синезий был, несомненно, умным и талантливым представителем куриальского сословия. Он пользовался поддержкой многочисленной клики своих родственников и сторонников в Киренаике. Он сумел завязать дружественные отношения с влиятельными кругами в Константинополе и Александрии, которые оказывали ему всяческую поддержку. Он гордился (до своего избрания на епископскую кафедру) тем, что он „был окружен почестями и не испытывал никакого бесчестия“². Однако и он имеет в Пентаполе сильных врагов, которые разрушают его планы, направленные на упрочение положения провинции, травят его родственников, причиняют ему всякие неприятности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189.

² PG, t. 66, col. 1392—1393.

В Киренаике масса доносчиков, процветает сутяжничество. Солдаты восточно-римской армии, которых грабят их командиры, в свою очередь, грабят население, не щадят даже епископские конюшни. Стратигот Карнас самовольно увел епископского коня, предложив за него собственнику ничтожное вознаграждение.

Эти данные показывают, что было бы глубокой ошибкой считать Восточную Римскую империю государством, в котором обеспечивались бы права и соблюдались законы. Мы видим, что центральная императорская власть настолько слаба, что не в состоянии контролировать действительное управление провинций, в которых начинает развиваться процесс феодализации, и сильные люди, как показывают письма Синезия, при молчаливом содействии продажной провинциальной администрации самовольно захватывают земли и другое имущество.

При таком положении, естественно, нечего было и думать осуществить мечтания Синезия о возвращении „древних славных времен“ римской рабовладельческой империи, так как разложение рабовладельческого общества зашло и на Востоке достаточно далеко. Синезий в конце своей жизни должен был видеть крушение всех его патристических стремлений и семейных привязанностей. В „Катастасисе“ он говорит: „Пентаполь умер, он задавлен, он кончил свое существование, он убит, он погиб, он не существует более ни для нас, ни для императора. Нельзя назвать владением императора то, что не приносит ему никакой пользы. А какую пользу можно извлечь из пустыни?“¹.

И деятельность, и взгляды Синезия, верно служившего в течение всей жизни интересам своей классовой группировки, показывают, что в высших классах все больше и больше верили в те же мифы, что и в народе. Нас не должна вводить в заблуждение враждебность Порфирия или Ямвлиха к христианству, противопоставление двух религиозных истолкований мира, одного более рафинированного и аристократического, представленного неоплатонизмом, другого — более народного и конкретного, представленного христианством, так как оба эти толкования основываются на общих положениях. Языческая философия в последние века Римской империи все больше сближалась с богословием.

Поэтому Синезий, прошедший хорошую математическую школу под руководством Ипатию, сам конструировавший астрономические и физические приборы, в то же время, так же, как большинство его современников, испытывал постоянную тягу к религии, верил в сны, приметы, предсказания, написал целый трактат о возможности предвидеть будущее посредством снов и, наконец, быстро и легко превратился из философа-неоплатоника в христианского епископа-митрополита Киренаики.

Общественные действия людей подчинены общественным законам исторической необходимости. Но это, однако, не значит, что отдельные люди и тем более общественные классы пассивно подчиняются исторической закономерности. Люди, независимо от того, играют ли они прогрессивную или реакционную роль, вносят в историческую действительность свою сознательную волю и творческую активность.

Письма Синезия показывают, что восточно-римские рабовладельцы, напуганные революционным движением рабов и колонов, повлекшим за собой Адрианопольскую катастрофу 378 г., напуганные еще больше событиями на Западе, в основной своей массе сознавали необходимость

¹ PG, t. 66, col. 1569.

сплочения вокруг императорской власти и сохранения централизованного государства. Поэтому и Синезий не только идеологически защищал устои рабовладельческого государства, но и выступал с оружием в руках на его защиту: на собственный счет организовал ополчение для защиты Киренаики, добывал для него оружие и, уже занимая епископскую кафедру, был душой обороны Птолемаиды. Поэтому и императорская администрация здесь не была предоставлена самой себе. Она поддерживалась и контролировалась местными крупными землевладельцами. Поэтому и административный и военный аппарат, как бы он ни был плох, не переставал функционировать. И сам Синезий в своей переписке негодным с его точки зрения администраторам — Кесарию, Евталию, Кереалию, Андронику, Иоанну — противопоставляет многочисленных деятелей, людей, по его мнению, достойных: Аврелиана, Анфимия, Симпликия, Пентадия, Анисия, Марцеллина, Геннадия, Пеония, Исихия. Поэтому и его скорбь о гибели Пентаполя, высказанная в „Катастасисе“, была преждевременна. Все более слабеющее, все более раздираемое классовыми и этническими противоречиями рабовладельческое общество сохранялось в Пентаполе еще два с половиной века, пока арабы, более сильный внешний враг, чем берберские племена, не прекратили его существования.

А. Р. КОРСУНСКИЙ

О КОЛОНАТЕ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ V—VI ВЕКОВ

Изучение института колоната в Восточной Римской империи имеет большое значение для решения проблемы разложения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Византии. Между тем ряд важных сторон проблемы колоната не нашел еще удовлетворительного решения. Несостоятельность попыток буржуазной историографии дать научный анализ колоната была предопределена ее методологическими установками: формально-юридическим методом исследования и идеалистическим пониманием сущности исторического процесса, отрывом процесса развития колоната от общего экономического состояния общества.

В советской исторической литературе вопрос о восточно-римском колонате наиболее обстоятельно исследован М. В. Левченко¹. В противоположность буржуазным исследователям М. В. Левченко характеризует положение колонов в тесной связи с социально-экономическими условиями общества Восточной империи, что и дает ему возможность правильно увидеть в возникновении института колоната результат объективных процессов экономического развития.

Большое значение для исследования колоната имеют также работы Н. В. Пигулевской² и ряда других советских историков. Но характеристика колоната носит в указанных работах несколько общий характер. Все эти работы посвящены не специально колонату, а ряду проблем социально-экономической истории Восточной империи. Естественно, что некоторые важные стороны процесса развития колоната остались неосвещенными. Не исследованы еще в достаточной мере такие важные вопросы, как источники колоната в V—VI вв., связь процесса формирования колоната с классовой борьбой, происходившей в восточно-римском обществе, статус приписного колона, или адскрипция, и так называемого свободного колона, роль государства в процессе формирования колоната и пр.

Данная статья представляет собой усиленную попытку ответить на основании источников — преимущественно юридических, а также литературных и папирологических — на указанные вопросы.

¹ М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв. „Проблемы истории докапиталистических обществ“, 1935, № 1—2; его же. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. BC, 1945; его же. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи. ВВ, т. II, 1949.

² Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. „Вестник АГУ“, 1948, № 4; ее же. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. А., 1940.

І. ИСТОЧНИКИ КОЛОНАТА

Вопрос об источниках колоната весьма важен для выяснения удельного веса колонов в производстве и социального положения колонов.

Исследуя причины развития колоната в Восточной Римской империи, буржуазные историки останавливают свое внимание главным образом на политических факторах данного процесса¹. Подобный метод исследования исключает анализ процесса формирования колоната как объективной экономической закономерности общественного развития для данных исторических условий. Всестороннее и полное исследование рассматриваемого социального института возможно лишь на базе изучения и экономического и политического состояния общества V—VI вв. К V в. в Восточной Римской империи имелся уже значительный слой зависимых земледельцев — колонов различных разрядов. Колоны обрабатывали земли частных землевладельцев, императорские домены, владения церкви. Подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что колоны к этому времени составляют основную массу земледельческого населения в Восточной империи, хотя в сельском хозяйстве продолжалось также применение рабского труда.

В V—VI вв. происходит дальнейший рост численности колонов. Одним из важнейших источников роста колоната в Восточной империи был процесс разложения мелкой земельной собственности и роста крупного землевладения. К числу особенностей Восточной империи, отличавших ее от Западной, относилось наличие в ней в V—VI вв. значительного слоя свободного крестьянства, с одной стороны², сравнительно высокий уровень развития товарно-денежных отношений, — с другой. В рассматриваемый период в Восточной империи интенсивно протекал процесс разорения крестьянства.

Одной из причин разорения мелких крестьянских хозяйств, как видно из источников, была хроническая задолженность крестьян, ростовщичество. Задолженность крестьян была, повидимому, повсеместным явлением в Восточной Римской империи. Потребность мелких собственников в приобретении рабочего скота вместо павшего, в семенах, в хлебе, в деньгах для уплаты налога, — выступает в источниках как обычная причина задолженности крестьян. Так, например, в одном египетском контракте конца V в. говорится о том, что свободный земледелец Аврелий Феон получает от соседнего землевладельца ссуду зерном. Вместо возмещения ссуды земледелец обязуется дать свой участок земли на год в пользование кредитору. Возможно, Аврелий Феон должен был обеспечить обработку этого земельного участка. Подобный контракт означал фактически, что земледелец лишался части своих земельных владений, но попрежнему обязан был выплачивать земельные налоги. Таким образом, положение этого земледельца ста-

¹ По утверждению Ш. Соманя, адскриптициат зарождается там, где государство уступает посессору право сбора налогов (Ch. Saumagne. *Du rôle de „l'origo“ et du „census“ dans la formation du colonat romain.* Byz., XII, 1937, p. 572—573). М. Палас полагает, что на Востоке в основе колоната лежали фискальные и военные интересы государства (M. Palasse. *Orient et occident à propos du colonat Romain au Bas-Empire.* Lyon, 1950). По мнению А. Джонсона и А. Веста, адскриптициат возник в результате добровольного поступления крестьян под патронат могущественных лиц (A. Johnson a. L. West. *Byzantine Egypt.* Princeton, 1949, p. 29).

² М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 31—37; Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 40.

новилось еще более неустойчивым, и перед ним вставала перспектива перехода на положение колона крупного землевладельца¹.

Особенно быстро росла задолженность крестьян во время стихийных бедствий, неурожая или недородов, которые были обычным явлением при низком уровне земледелия того времени.

В подобных случаях мелкие земельные собственники оказывались жертвами хищнических операций со стороны местных магнатов, со стороны гражданских и военных должностных лиц, стремившихся приобрести новые земельные владения. Крестьянам предоставляли ссуды зерном, а затем, — поскольку крестьяне, как правило, были не в состоянии вернуть долг, кредиторы отнимали у них скот, рабов и, наконец, землю. В новеллах Юстиниана говорится о широком распространении подобной практики во Фракии и Иллирии.

Как признавало законодательство, ростовщические операции приводили к бедствиям, не менее опустошительным, чем вражеские вторжения: крестьяне лишались своего имущества, средств к существованию, спасались бегством, умирали от голода². Для разорившихся крестьян не оставалось никакого другого выхода, кроме превращения в колонов, прекаристов, мелких арендаторов, наемных работников.

Большую роль в разорении мелких земельных собственников играло то обстоятельство, что для крестьянства непосилен был гнет со стороны государства и его бюрократического аппарата. Высокие налоги, тяжелые государственные повинности и вымогательства со стороны чиновников и военных начальников падали в основном на мелких земельных собственников. Магнаты, как светские, так и духовные, могли отстоять свои интересы. На крестьянство же это давление со стороны бюрократического государственного аппарата оказывало губительное воздействие. О том, что государственные налоги и повинности были непосильны для населения, свидетельствуют и юридические, и литературные источники³. Правительство неоднократно в VI в. вынуждено было объявлять об аннулировании недоимок.

Пагубные последствия налогового обложения и несения государственных повинностей вызывались не только тяжестью официально установленных налогов и повинностей, но и способом их взимания. Процесс разложения рабовладельческого государства находил свое выражение в постепенном ослаблении центральной власти и усилении самостоятельности местных властей. Государственные чиновники на местах действовали все более независимо. Взимание налогов с населения служило основным источником дохода для чиновников. До постановлений Юстиниана должности открыто покупались. При этом чиновники, по замечанию Юстиниана, собирали с населения во много раз больше того, что они заплатили за свои должности (*Nov. Just., VIII,*

¹ См. G. Rouillard. *Prêt de grains*. A. d. 497. „*Mélanges Maspero*“, vol. II, Caire, 1934, p. 178—179. В житии Епифания Кипрского содержится рассказ о судьбе крестьянской семьи. После смерти главы семьи его домочадцам приходится сначала продать рабочий скот, а затем передать свой земельный участок соседнему земледельцу (см. А. П. Рудаков. *Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии*. М., 1917, стр. 183).

² *Nov. Just., XXXII, praef.*

³ *Nov. Just., VIII, praef.* См. также Творения Феодорита Кипрского, ч. VII. Сергиев-посад, 1907 (письма 23, 42, 43); Прокопий Кесарийский. *Тайная история*, IX, 27; ВДИ, 1938, № 4; *Eugippii Vita Severini*, 40, 5; Сказания Приска Панийского. СПб., 1860, стр. 55. Исидор Пелусиот упоминает в письме к Архонтию о должностном лице Гигантии, который своим несправедливым взиманием налогов довел крестьян до того, что они спасаются бегством или же, отказавшись от свободы, берутся за плуг, т. е., по видимому, становятся колонами. PG, t. 78, col. 448.

praef.). Взимая налоги и недоимки, чиновники обращались с земледельцами, как с населением завоеванной страны. Сбор налогов нередко сопровождался заключением в тюрьмы и бичеванием несостоятельных должников, продажей в рабство членов их семей, даже сожжением деревень и разрушением ирригационных сооружений¹. Злоупотребления чиновников имели место также и во время привлечения населения к государственным повинностям по строительству дорог, мостов и пр. (Nov. Just., XVII, 4), при взимании судебных поборов (Nov. Just., XVII, 3). В окраинных же провинциях чиновники нередко попросту совершали насилия, захватывали, например, сельских жителей и продавали их как рабов². Магнаты старались поставить в положение колонов беженцев из провинций, оказавшихся ареной вторжения внешних врагов. В кодексе Феодосия имеется упоминание о том, что землевладельцы просят правительство отдать им беженцев из Иллирии в качестве колонов. Правительство в данном случае отказало в этом³.

Таким образом, налоговый гнет государства и произвол чиновников усугубляли неустойчивость положения свободного крестьянина и способствовали его превращению в держателя земли крупного землевладельца.

К факторам, вызывавшим рост числа колонов за счет свободных крестьян, относилось также прямое насилие крупных землевладельцев. Магнаты нередко заключали в свои тюрьмы крестьян и принуждали их признавать себя колонами, адскрипциями⁴.

Другой формой насилия, которая в конечном счете должна была привести к тому же результату, т. е. к превращению свободного крестьянина в колона, был захват земли крестьянином магнатом. Процессы относительно собственности на землю, которые возбуждали крестьяне против лиц, узурпировавших права собственности на землю, были весьма распространенным явлением в VI в. Юстинианом была даже издана специальная инструкция, определявшая порядок выплаты оброков и внесения государственных налогов земледельцами во время тяжбы относительно прав собственности на землю (Cod. Just., XI, 48. 20).

Таким образом, задолженность и ростовщичество, налоговый гнет со стороны государства, насилия крупных землевладельцев, чиновников и военачальников вели к разорению крестьян, что в свою очередь служило источником колоната.

Государство в общем содействовало этому процессу. По мнению многих буржуазных исследователей, империя в V—VI вв. стремилась предотвратить разорение мелких земельных собственников, на которых зиждились военное могущество и финансовое благополучие государства⁵. Отмечают также, что императоры V—VI вв. опасались крестьянских восстаний. Сельское население действительно рассматривается

¹ См. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 100; Н. J. Bell. An Egyptian Village in the Age of Justinian. JHS, 64, 1944, p. 34.

² Nov. Just., XXIX, 2: „... καὶ οὐ συγχωρήσομεν ὑπὸ συήματι καὶ προκαλύπτειν τῶν ἐκείνων τοὺς ἡμετέρους ὑπηκόους καταδουλοῦνται“.

³ Cod. Theod., X, 10. 25 (405 г.). Здесь говорится даже о намерении некоторых лиц подчинить беженцев „игу рабства“ (iugum servitutis inponere). Но в данном случае, повидимому, речь шла о колонате. Ср. Cod. Theod., V, 6. 3.

⁴ Cod. Just., XI, 48. 22; XI, 48. 23. Ср. Nov. Just., XLIV, praef. См. также М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 88.

⁵ См. E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire romain 395—410. Paris, 1951, p. 548; P. Collinet. La politique de Justinien à l'égard des colons. „Studi Bizantini e neoellenici“, vol. V, Roma, 1939, p. 601—602; A. Ch. Johnson. Egypt and the Roman Empire. Ann Arbor, 1951, p. 96.

правительством как горючий материал, который в любой момент может вспыхнуть пожаром восстания¹. И эти восстания не были редким явлением².

Все это побуждало императоров издавать законы, формально ограждавшие интересы мелких собственников. Но при внимательном изучении законодательства мы убеждаемся в том, что оно в конечном счете выражало интересы не крестьян, а их антагонистов. Так, например, когда захват земель задолжавших мелких собственников в Иллирии и Фракии принял массовый характер, Юстиниан предписал вернуть земли тем крестьянам, которые возместят ссуду, хотя бы и без процентов. Но одновременно он обязал этих земледельцев ежегодно выплачивать и проценты (Nov. Just., XXXII, XXXIII). В дальнейшем ограничены были размеры процентов, но весьма высокой нормой: разрешалось взимать проценты в сумме, вдвое превышавшей размеры долга (Nov. Just., CXXI, 2; CXXXVIII).

В то же время продолжал оставаться в силе во всей империи закон, разрешавший отнимать у несостоятельных должников вслед за движимым имуществом землю. При этом подчеркивалось, что кредитор имеет право выбирать во владении должника лучшую часть недвижимого имущества (Nov. Just., IV, 3).

Не более эффективными были и мероприятия, целью которых объявлялась защита земледельцев от прямого насилия со стороны влиятельных лиц.

Так например, конституция Юстиниана от 531 г. указывала, что для признания какого-либо лица адскрипцией недостаточно наличия его письменного подтверждения этого факта; необходима также соответствующая запись в *ценз*³. Можно, однако, предполагать, что магнату, пользовавшемуся большим влиянием на местные власти и на судей, не трудно было добиться оформления соответствующих документов. В законах нередко упреки судьям, оставляющим без наказания преступные действия магнатов по отношению к крестьянам (Cod. Theod., IX, 10, 4; VII, 18, 4) или затягивающим процессы настолько, что они "... становятся почти вечными и превосходят продолжительность человеческой жизни" (*paene immortales, et vitae hominum modum excedant*). [Cod. Just., III, 1. 13 (530 г.)]. Ослабление контроля центральной власти за действиями местных властей и рост частной власти магнатов придавали, однако, подобным законам декларативный характер. Суды, как правило, находились в руках землевладельцев. Во многих случаях местные суды даже вовсе отказывались рассматривать жалобы крестьян и колонов на землевладельцев (Nov. Just., XXVI, 3). Этим объясняется то обстоятельство, что императорский суд был завален жалобами, а Константинополь наводнен земледельцами-истцами (Nov. Just., LXXX, praef.; 2; XXVI, 3; XXV, 3).

Характерно также, что в полном соответствии с пожеланием землевладельцев законодательство потребовало, чтобы приговоры судов относительно состояния адскриптициата немедленно вступали в силу.

¹ См. Nov. Just., XVII, 2; Nov. Just., VIII, praef.; XXIV, 1. Ibidem, vol. III, Corporis CLXVIII novellarum appendices. Edictum 8.

² См. ниже, стр. 68.

³ Cod. Just., XI, 48. 22: Sin autem et scriptura, et post scripturam confessio seu depositio, sine vi et necessitate tamen, intervenerit (quid enim, si etiam conductionale instrumentum vel aliam chartulam, in qua subscripsit, intimavit, et inter acta deposuit, sese colonum fuisse adscriptitium?), tunc ex utroque genere obligationis, id est tam scripturae quam confessionis vel depositionis, talem eum esse credendum, qualem et scripsit et inter acta deposuit.

Конституция предупреждает судей, что исполнение приговора не должно задерживаться из-за того, что человек признан адскрипцием [Cod. Just., II, 4. 43 (500 г.)].

Следует отметить, что сама система налогового обложения была рассчитана на обременение главным образом мелких земледельцев¹.

Таким образом, государство, принимая в некоторых случаях меры для предотвращения крестьянских восстаний и стараясь несколько затормозить процесс разорения свободных мелких земледельцев, особенно в пограничных провинциях, в целом своей политикой способствовало разорению крестьянства. Тем самым государство помогало умножению контингента колоннов.

Необходимо также учесть, что одним из путей превращения свободных земельных собственников-крестьян в зависимых замедельцев было развитие института патроциниев. Стремление получить со стороны влиятельного лица защиты от насилий и притеснений чиновников и частных лиц заставляло крестьян отдаваться под покровительство магнатов. Наиболее распространенным видом патроциния к V в. становится тот, при котором земледелец переводит на имя патрона свою собственность, свою землю².

Земледелец, ставший под покровительство, обязан был вносить патрону известные платежи натурой или деньгами³. Таким образом, отдаваясь под покровительство, земледелец лишался юридически земельной собственности и практически оказывался в положении прекариста или колона. Характерно, что отношения землевладельца к колоннам законодательство в некоторых случаях квалифицирует как отношения патроната (см. ниже).

Следует отметить, что отношения патроната возникали зачастую не по инициативе земледельца. Подобно тому как в Западной Европе в это время крупные землевладельцы и их виллики силой устанавливали свое покровительство над крестьянами, так и магнаты и церковь в Восточной Римской империи в V—VI вв. превращали земледельцев близлежащей округи в своих подданных⁴.

Государственная власть оказывала некоторое противодействие развитию патроциниев. Государство исходило при этом не только из тех мотивов, по которым оно старалось замедлить разложение свободной мелкой земельной собственности. Пока существовало централизованное государство, правительство не могло допускать неограниченного роста частной власти магнатов. Поэтому во второй половине IV в. и в V—VI вв. законодательство изобилует постановлениями, направ-

¹ Нужно учитывать также и то обстоятельство, что государственное законодательство ограничивало в известной мере юридические права свободных крестьян. В Египте, например, мелкие собственники — *homologoi* — лишены были свободы передвижения, они не могли покинуть те села, к которым были приписаны (Cod. Theod., XI, 24. 6). Немущие свободные, в том числе свободные крестьяне, уже в V в. квалифицировались как *humiliores*, права которых в ряде случаев были ограничены по сравнению с высшим разрядом свободных. См. А. Р. Корсунский. *Honestiores et humiliores* в законодательных памятниках Римской империи. ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90. Все эти ограничения прав свободных крестьян также ослабляли позиции последних в борьбе против крупных землевладельцев.

² Cod. Just., XI, 54. 1: Si quis... ad patrociniū cujuscumque confugerit, id quod hujus rei gratia geritur sub praetextu donationis vel venditionis seu conductionis. Ср. Cod. Theod., XI, 24. 1—6.

³ Cod. Theod., XI, 24. 2; Cod. Just., XI, 54. 2.

⁴ Cod. Theod., XI, 24. 6; Cod. Just., XI, 54. 1—2; Nov. Just., XVII, 13: „Προστασίας δὲ ἀδίκους, ἃς μνησθόμεν ἐν ταῖς ἡμετέροις ἐπαρχίαις γίνεσθαι, πᾶσι μεταλευσθῆναι τρέποις“. Nov. Just., XVII, 14; XXVIII, 5; XXIX, 4.

ленными против патроциниев¹. Но борьба государства против роста частной власти магнатов не могла быть последовательной, так как в конечном счете это государство выражало чаяния крупных землевладельцев, заинтересованных в патроциниях. Некоторые исследователи, как, например, А. Джонсон, утверждают, что борьба государства против патроциниев была вполне успешной. Но в доказательство этого своего положения Джонсон приводит лишь тот довод, что после законов Феодосия термин „патрон“ не встречается более в египетских папирусах².

В нашем распоряжении имеются, однако, данные о том, что правительство постоянно делало уступки магнатам в отношении патроциниев и отнюдь не смогло воспрепятствовать развитию частной власти крупных землевладельцев в VI в.

Так, например, в начале V в. издана была конституция, легализовавшая все патроцинии, предоставленные до 397 г., при условии, что патроны примут на себя повинности, которые прежде несли их нынешние клиенты (Cod. Theod., XI, 24. 6). Крупные землевладельцы были признаны таким образом владельцами тех земель, которые прежде принадлежали крестьянам, принятым под патроцинии. В 468 г. сделана была аналогичная уступка магнатам: закон Льва и Анфиния установил, что должны быть ликвидированы лишь те патроцинии, которые были розданы после 440 г. в египетском, понтийском, азийском и восточном диоцезах и — после 436 г. — во фракийском диоцезе (Cod. Just., XI, 54. 1). Законы против патроциниев издавались и в VI в.³ Но необходимость в частом повторении подобных постановлений указывает на то, что рост частной власти магнатов не был преодолен государством. Распространение же патроциниев означало, что продолжалось превращение свободных мелких земельных собственников в зависимых земледельцев, находившихся в положении, не многим отличавшемся от положения колоннов⁴.

К числу социальных групп, стоявших близко к колоннам и представлявших собой источник для развития колоната, принадлежали также мелкие земельные арендаторы и прекаристы.

О широком распространении мелкой земельной аренды и прекария в Восточно-Римском государстве V—VI вв. свидетельствуют и юридические источники, и папирусы⁵. Нельзя считать случайным включение юристами Юстиниана в составленные им законодательные сборники большого количества правовых норм об аренде, а также некоторых положений о прекарии.

Значительный удельный вес подобных форм землепользования естественно вытекал из господства крупного землевладения при мелком характере хозяйства. Для разорившихся мелких земельных собственников, если они вместе с землей не утрачивали одновременно свободы и самостоятельности, единственный выход состоял в переходе на положение земельных держателей светских магнатов или церкви. При этом

¹ Cod. Theod., XI, 24.1—6; Cod. Just., II, 13.2; II, 13.1; XI, 54.1—2; Nov. Just., XVII, 13—14; XXVIII, 5; XXIX, 4 и др.

² A. Ch. Johnson. Egypt and the Roman Empire, p. 83.

³ Nov. Just., XVII, 13—14; XXVIII, 5; XXIX, 4; XXX, 8.

⁴ См. также F. Zulueta. De patrociniis vicorum. Oxford Studies in Social and Legal History, vol. I, 1909.

⁵ Мы не касаемся вопроса об эмфитевзисе, который использовался главным образом для предоставления земли в пользование крупным сеньщикам.

сохранивший еще свободу земледелец, как правило, стремился занять положение свободного арендатора, а не колона¹.

Свободные арендаторы в отличие от колона формально не были прикреплены к земле, и после уплаты оброка и тех повинностей, которые были зафиксированы в контракте или установлены обычаем, никакие другие обязанности не связывали их с землевладельцами. Но, как показывает анализ источников, эволюция в положении мелких арендаторов и прекаристов проходила в направлении колоната.

Те экономические факторы, которые делали неустойчивым положение мелкого производителя в V—VI вв., действовали и по отношению к мелким земельным держателям. Задолженность мелких арендаторов во времена Юстиниана и Апиона была, повидимому, не менее распространенным явлением, чем во времена Траяна и Плиния.

В Дигесты вошли многочисленные упоминания о *reliqua colonorum* (Dig., 33, 7.20, 27; 32, 1.91, 97 и др.). Официальное право играло в свою очередь активную роль в установлении тесной зависимости мелких арендаторов от собственников земли. Законодательство требовало неуклонного выполнения арендаторами своих обязанностей. Местным органам власти, судьям предписывалось не принимать во внимание жалобы арендаторов на плохой урожай (Dig., 19, 2. 15)². Инвентарь мелкого арендатора (если он прибыл к землевладельцу со своим инвентарем) и урожай считались в залоге у земельного собственника (Dig., 20, 4. 11; 43, 32. 1; 47, 2. 62 и др.).

Землевладельцы неохотно расставались с тем инвентарем, который принес на земельное держание арендатор, и старались присвоить этот инвентарь даже в том случае, если арендатор уходил, выполнив условия контракта³. Но обычно землевладельцы могли осуществлять свои цели легальным путем. Хроническая задолженность арендаторов обеспечивала землевладельцам возможность завладеть инвентарем колонов.

Имущественная правоспособность мелкого арендатора на практике настолько ограничивалась, что лица, предоставившие ссуду мелкому арендатору, требовали возвращения ссуды от землевладельца так же, как это делалось и в отношении рабов и колонов.

В 422 г. издана была конституция, указывавшая, что господа не отвечают за долги раба, колона, арендатора⁴. Арендаторы, оказавшиеся в долгу у землевладельца, фактически лишались права ухода

¹ Арендатором или прекаристом мог стать только свободный человек. Законодательство разрешало посессорам принимать к себе лишь тех лиц, в свободном статусе которых не было сомнений (Cod. Just., XI, 48.12). Но землевладельцы, нуждавшиеся в рабочей силе, судя по обилию законов, назначающих кары за укрывательство беглых, не проявляли большой щепетильности при приеме поселенцев. Конституция Валентиниана и Валента указывает, что беглые поселяются под видом свободных людей у посессоров, обрабатывают у них землю, получая часть урожая или определенную плату. Подобные отношения законодатель подводит под понятие *privatum contractum* (Cod. Just., XI, 48.8). Таким образом, наряду с разорившимися свободными крестьянами, число арендаторов росло за счет беглых колонов, рабов и, повидимому, также куриалов.

² Арендатор мог получить скидку лишь в том случае, если произошло стихийное бедствие, но на следующий год, в случае хорошего урожая, земельный собственник мог компенсировать себя соответственным повышением оброка (Cod. Just., IV, 65. 8).

³ Cod. Just., IV, 65.26: *Si conductionis implestis fidem, ejus rei gratia factum instrumentum evanuit. Quod si quid vestrum in fundo fuit vel vi directum est, hos restitui vobis praeses provinciae jubebit.*

⁴ Cod. Just., IV, 26.13: *qui servo, colono, conductori, procuratori actorive possessionis pecuniam mutuam det, sciat, dominos possessionum cultoresve terrarum obligari non posse.*

из имения. Это имело место и в том случае, если аренда была краткосрочной¹.

Но на практике аренда, повидимому, была длительной и нередко наследственной. В законе Зенона от 484 г. упоминаются наследники арендаторов и прекаристов².

Существовала так называемая вечная аренда, которая, как признавалось законом, переходила к наследникам [Cod. Just., IV, 65. 10 (239 г.)].

Мы уже видели, что экономические причины и в V—VI вв. усиливали зависимость мелких арендаторов от земельных собственников и приближали первых к колонам. Но крупные землевладельцы, со своей стороны, активно содействовали процессу превращения свободных арендаторов в зависимых земледельцев, в колонов.

Сближение положения мелких арендаторов и колонов зашло к VI в. так далеко, что землевладельцы и, повидимому, местные власти, суды сам факт аренды (*conductio*) рассматривают как достаточное основание для причисления мелкого земледельца к разряду адскриптициев, против чего вынуждено было выступить законодательство³.

В ряде случаев магнаты вообще не занимались изысканием легальных средств превращения мелких арендаторов в колонов и употребляли по отношению к ним меры насилия, как и к свободным крестьянам⁴.

Правительство под давлением свободных земледельцев издает некоторые постановления, ограничивающие произвол магнатов в отношении арендаторов. Император Юстиниан вынужден был, например, объявить, что одного лишь факта *conductio* недостаточно для признания земледельца адскриптицием (Cod. Just., XI, 48. 22). В Кодекс Юстиниана была включена также конституция III в., запрещающая землевладельцам задерживать у себя арендаторов после истечения срока аренды (Cod. Just., IV, 65.11).

Но подобные меры в лучшем случае могли несколько ограничить круг земельных держателей, превращаемых в колонов. В общем же государство содействовало закреплению данного разряда земледельческого населения. Официальное право в V—VI вв. все больше сбли-

¹ Dig., 33, 7.20, § 3. См. Фюстель де Куланж. Римский колонат. СПб., 1908, стр. 16—17. О том, что аренда зачастую была краткосрочной, свидетельствуют и папирусы (см. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 95). Произволом землевладельца определялась и длительность земельного держания прекариста (Dig., 43, 26.1: *Utendum conceditur tamdiu, quamdiu is qui concessit patitur*). Таким образом, права земледельца-арендатора на пользование землей не обеспечивались, землевладелец же имел фактически возможность освободиться от неуродного арендатора или, наоборот, удержать его.

² Cod. Just., IV, 65.33: *Conductores rerum alienarum seu alienam cujuslibet rei possessionem precario detinentes seu heredes eorum...* Подобные упоминания встречаются и в папирусах. Так, например, в Р. Оху., 130, колон указывает, что он служит господину так, как служили родители и предки (*The Oxyrhynchus papyri*, p. I, B. P. Grenfell and A. S. Hunt. London, 1898).

³ Cod. Just., XI, 48.22: *Sancimus, solam conductionem vel aliam quamcunque scripturam ad hoc minime sufficere, nec adscriptitiam conditionem cuiquam inferre*. Показательно, что земледельцы иной раз уничтожали квитанции о внесении оброков, так как последние считались доказательством принадлежности их владельцев к разряду колонов [Cod. Just., IV, 21.19 (529 г.): *Plures, apochis vel redditum vel usurarum perceptis, si quando super his fuerit dubitatio exorta, eas habere se negando, jus agentium faciunt vacillare*]. О квитанциях подобного рода см. также Nov. Just., XVII, 8; P. Ross, III, 41, 43.

⁴ Повидимому, конституция Юстиниана подразумевает мелких арендаторов и прекаристов, когда упоминает о том, что делаются попытки закрепощать детей свободных женщин и тех, кто не являются колонами или адскриптициями [Constitutio, I De ascripticiis et colonis (540 г.)].

жает свободных арендаторов с колонами и рабами. Выше уже отмечалось, что законодательство сопоставляло арендаторов с колонами и рабами в отношении ответственности за долги. Еще раньше сопоставляются поселенцы (*incolae*) с колонами и сервами при определении наказаний за некоторые преступления (*Cod. Just.*, IX, 24.1). Очевидно, мелкие арендаторы, как и прочие люди, находившиеся в имении магната, рассматривались как лица, состоявшие под его патронием (*Cod. Theod.*, XII, 1. 50). Это означало косвенное признание их личной зависимости от землевладельцев (см. ниже). Мелких арендаторов в Восточной империи в V—VI вв., как и прежде, во II—IV вв., заносили в ценз (*Dig.*, 50, 15. 4, § 8).

Наиболее же ярким примером содействия государственной власти тенденции землевладельцев закрепить всех свободных земледельцев может служить известная конституция Анастасия от 500 г. Эта конституция легализовала превращение мелких арендаторов и прекаристов в „свободных“ колонов, объявив о закреплении всех земледельцев, просидевших 30 лет на земле (*Cod. Just.*, XI, 48. 19). Данная конституция не могла не коснуться также и тех поселенцев, которые отдавались под патронии магнатов.

Разумеется, не следует преувеличивать значение этого законодательного акта для формирования колоната. Конституция Анастасия лишь легализовала те отношения, которые складывались на практике на рубеже V и VI вв. Но она сыграла свою роль в превращении пестрой массы зависимого земледельческого населения в единый социальный слой непосредственных производителей — колонов.

Важным источником колоната служило воспроизводство рабочей силы в имениях крупных землевладельцев. Наличие у данной группы непосредственных производителей самостоятельного хозяйства и семьи создавало такие условия для воспроизводства рабочей силы, которых лишена была рабская система хозяйства. Государственное же право обеспечивало сохранение крупными землевладельцами данного прироста земледельческого населения в качестве дополнительной рабочей силы. Это достигалось путем установления наследственности звания колонов и путем причисления к разряду колонов детей от смешанных браков колонов с представителями различных групп свободного населения. Колонат стал наследственным еще в IV в. Но и в V в. ряд конституций закрепляет данную правовую норму (*Cod. Theod.*, V, 18. 1; *Cod. Just.*, XI, 48. 13, 16; 52. 1; 68. 3). В VI в. законодательство распространяло это положение на так называемых свободных колонов¹.

Особенно много внимания законодательство Восточной империи в V—VI вв. уделяло вопросу о положении детей от смешанных браков. Колоны находились в тесном общении с другими разрядами земледельческого населения. Они жили нередко в тех же деревнях, что и свободные крестьяне²; с другой стороны, в имениях, рядом с колонами находились свободные поселенцы — арендаторы, прекаристы, клиенты,

¹ „Свободные“ колоны отличались от адскриптивиев, согласно закону Анастасия (*Cod. Just.*, XI, 48. 19), тем, что могли иметь собственное имущество. Законодательство VI в. неоднократно подчеркивает принадлежность этого разряда колонов к свободным. Данные источников о положении колонов свидетельствуют, однако, о том, что „свобода“ этих колонов была весьма относительна и отличие их от колонов-адскриптивиев гораздо менее значительным, чем это представляется конституцией Анастасия (см. ниже о статусе колонов).

² Известно, что в V—VI вв. магнаты приобретали земли в сельских общинах (*Cod. Just.*, XI, 56. 1). В таких случаях в одной и той же деревне оказывались свободные крестьяне и колоны.

буккелярии и пр. Естественно, что браки между колонами и свободными земледельцами были обычным и широко распространенным явлением. Это обстоятельство используется землевладельцами как средство для расширения числа подвластного им и закрепощенного земледельческого населения.

Юридические источники позволяют нам проследить, какую эволюцию претерпевали правовые нормы в соответствии с указанной тенденцией господствующего класса.

Уже в IV в. потомство от женщины, принадлежавшей к числу колонов фиска, и свободного мужчины причислялось к разряду колонов (Cod. Just., XI, 68. 4). К началу V в. это положение было распространено и на колонов частных лиц (Cod. Just., XI, 48. 16). Потомство же колонов и свободных женщин (а также рабынь) до Юстиниана наследовало положение отца¹.

В 530 г. конституция Юстиниана распространила на адскриптивных то положение о смешанных браках, которое прежде применялось по отношению к рабам. Дети от смешанных браков должны были теперь наследовать положение матери (Cod. Just., XI, 48. 21). Этот законодательный акт провозглашался позднее как „покровительство свободе“ (Nov. Just., LIV, praef.).

Давление со стороны земледельческого населения, боровшегося против закрепощения, заставило правительство сделать жест „великодушия“ в сторону колонов. Дети от браков мужчин-колонов и свободных женщин теперь объявлялись свободными. Эти и другие подобные законы дали повод ряду буржуазных историков представлять Юстиниана „покровителем свободы“ и защитником крестьянства. Однако на самом деле и в данном вопросе официальное право всецело поддерживало землевладельцев. Указанное постановление шло вразрез с интересами землевладельцев в тех случаях, когда адскриптивный вступал в брак со свободной женщиной, так как их потомство оказывалось на свободе. Но государственное право, объявив детей от брака мужчин-адскриптивных и свободных женщин людьми свободными, вслед за этим запретило адскрипциям вступать в брак со свободными женщинами. За господами признано было право расторгать подобные браки².

Запретив такие браки на будущее, Юстиниан постарался лишить изданный им в 530 г. закон обратной силы. В 537 г. он выступает против „хитрости“ колонов, которые используют закон 530 г. для того, чтобы ускользнуть от уз колоната-адскрипциата. Эти колоны ссылаются на то, что они родились от свободных женщин. Юстиниан объявляет, что действие данного закона может быть применено лишь к тем, кто родился от колона и свободной женщины после 530 г. (Nov. Just., LIV, praef.). Таким образом, после издания закона 537 г. дети от смешанных браков колонов и свободных признавались свободными лишь в тех случаях, когда подобные браки были заключены после 537 г. и не были расторгнуты господами колонов.

Но государство не удовлетворилось и подобным ограничением. Несмотря на то, что „свободные“ колоны считались, по крайней мере формально, свободными людьми, законодательство извляло их из сферы действия закона 530 г. Землевладельцы, судя по обращению префекта претория к императору, превращали детей от браков между адскрипциями и женщинами из числа „свободных“ колонов в адскриптивных.

¹ Cod. Just., XI, 48. 13; Cp. Nov. Just., LIV, praef.

² Cod. Just., VII, 24. 1; Nov. Just., XXII, 17; Nov. Just., LIV, praef.; Cod. Just., XI, 48. 24.

Юстиниан, разъяснив, что потомки адскриптициев и женщин, принадлежавших к числу колонов, должны считаться свободными, тут же объявил, что они тем не менее прикрепляются к имениям (*Nov. Just., CLXII, 3*)¹. Это положение было подтверждено конституциями Юстина и Тиберия для Африки.

Законодательство VI в. о положении детей от смешанных браков колонов и свободных отражает различные перипетии длительной борьбы колонов против крупных землевладельцев за свободу.

В некоторых случаях правительство вынуждено было делать временные и частичные уступки колонам, когда оно считало необходимым предотвратить возможное народное восстание. Так, например, правительство осуждает поведение землевладельцев Апаimei, которые расторгают уже заключенные браки колонов и отбирают детей у родителей (*Nov. Just., CLVI, praef.; C. 1*). В других случаях, наоборот, правительство, по настоянию местных землевладельцев, вовсе отказывалось и от того „покровительства свободе“, которое было осуществлено законом 530 г. Так, например, удовлетворяя требование посессоров Иллирии, Юстиниан восстановил для этой провинции действие старого закона, по которому дети адскриптициев или колонов, с одной стороны, и свободных — с другой, должны были наследовать состояние отца². В общем же официальное право полностью содействовало тому, что естественный прирост земледельческого населения направлялся на умножение числа колонов.

О том, что тенденция государственного законодательства состояла в стремлении увеличить именно состав колонов, а не какого-либо другого разряда производительного населения, свидетельствует и тот факт, что деклассированные элементы оно старалось включить в состав колонов. Лиц, занимающихся нищенством и годных по состоянию здоровья к физическому труду, предписывалось отдавать в колоны³. Известно также, что одним из способов использования военнопленных „варваров“ было расселение их на территории империи в качестве колонов⁴.

Некоторые исследователи отмечают также сближение положения рабов с положением колонов. Наделение сервов земель и ведение ими самостоятельного хозяйства — это действительно новый метод использования рабов. Но это не дает еще оснований признать, что к VI в. стерлась грань между подобными сельскими рабами и колонами. В рассматриваемый период между сервом и колоном любого разряда сохранялись коренные отличия в их имущественной правоспособности, гражданских правах и степени зависимости от господина (см. ниже). Сервы и колоны не сливались в единую массу непосредственных производи-

¹ Это был обычный демагогический прием государственной власти в отношении колонов. Государство формально шло на уступку колонам, боровшимся против закрепощения, и признавало в принципе их „свободу“. Но в то же время оно запрещало им покидать имения магнатов (см. также *Cod. Just., XI, 48, 23* и др.).

² *De adscripticiis et colonis. Adierunt nostram serenitatem Lugdunensium habitatores, et hoc nos docuerunt: quia ante proposuimus legem, per quam iussimus adscriptitios vel colonos committentes se liberis mulieribus procreare filios ad similitudinem liberorum, [et] ex hoc detrimentari fundos et eorum functiones, recedentibus agricolis, velut ex utero libero procedentibus. Et hoc corrigentes sancimus, secundum veterem legem de adscriptitiis et colonis constitutis agricolis, quod nascitur adscriptitium et colonum fieri.* *Corpus juris civilis, rec. R. Schoell, Berolini, vol. III, 1904, p. 796.*

³ *Cod. Just., XI, 26, 1.*

⁴ *Cod. Theod., V, 6, 3.* См. также М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 36—37.

телей. Рабы являлись источником пополнения колоната не непосредственно и прямо, а через посредство института вольноотпущенничества.

Одним из показателей процесса разложения рабской системы хозяйства служит распространение практики освобождения сервов в Восточной империи и содействие подобной практике со стороны государства¹.

Если раб, получивший свободу, находил для себя применение в земледелии, то он становился мелким земельным собственником, арендатором или прекаристом. Все эти земледельцы, как мы видели выше, имели в перспективе участь колона. Но для земледельца-либертина подобная эволюция была еще более вероятна, чем для свободнорожденного мелкого собственника или арендатора. Либертин в силу своего положения находился в известной личной зависимости от своего бывшего господина. Личная зависимость вольноотпущенника от патрона и ограничение его имущественной и гражданской правоспособности в пользу патрона имели место в Восточной империи в V—VI вв., так же как и в предшествовавшую эпоху².

Законодательство Юстиниана также не смешивало либертинов и свободнорожденных³. Вольноотпущенники в VI в., как и прежде, не могли судиться со своими господами (Cod. Just., II, 41. 2). Значительная часть либертинов связана была со своими патронами обязанностью подчинения (obsequium), и нарушение этой обязанности давало патрону право вернуть „неблагодарного“ в рабство, отобрать у него все имущество (Cod. Just., VI, 4. 3; Nov. Just., LXXVIII, 2). В кодекс Юстиниана вошел и закон 371 г., свидетельствующий о прикреплении либертинов к имениям их патронов (Cod. Just., XI, 53. 1). Патроны имели, очевидно, известные дисциплинарные права по отношению к своим вольноотпущенникам⁴.

В общем можно констатировать, что либертины-земледельцы мало чем отличались от „свободных“ колонов. Рост вольноотпущенничества означал, следовательно, рост социальной группы непосредственных производителей, принадлежавших по своему положению к тому же разряду, что и колоны.

Таким образом, изучая положение основных групп производительного населения в сельском хозяйстве, мы убеждаемся в том, что они или служили непосредственно источником роста колоната или же эволюционировали к положению, близкому к статусу колонов. Это позволяет сделать вывод, что в рассматриваемый период колон становится в Восточной империи основным типом непосредственного производителя как в имениях светских землевладельцев, так и в доменах императора и церкви.

¹ См. Nov. Just., LXXVIII, praef.; 3—4; Cod. Just., VII, 5. 1; VII, 6. 1. Прокопий сообщает даже, будто иной раз господа были вынуждены помимо их желания освобождать рабов („Тайная история“, VII, 33).

² Ср. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках. ВДИ, 1954, № 2, стр. 55—58.

³ Вопрос о том, принадлежит ли данное лицо к свободнорожденным или к либертинам, служил объектом судебного разбирательства в VI в. [Cod. Just., II, 22. 6 (529 г.)].

⁴ В одной из конституций Юстиниана упоминается о том, что женщины-патроны производят расследование среди своих либертинок [Cod. Just., II, 55.6 (531 г.)]. В случае бегства либертину так же, как и рабу, грозили оковы (Cod. Just., XI, 53. 1).

II. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КОЛОНОВ

В буржуазной исторической литературе можно встретить совершенно противоположные взгляды на статус восточно-римских колонов. Одни исследователи (например, О. Зеек) сопоставляют колонов с сервами¹. Другие, наоборот, рассматривают колонов как свободных земледельцев, не связанных личными узами с землевладельцами². Нет единства в оценке положения колонов V—VI вв. и в советской исторической литературе. Н. В. Пигулевская, например, полагает, что в Восточной империи стиралась грань между колоном-энапографом и рабом³. По мнению А. П. Каждана, колонны в Египте не были закрепощены, и в V—VI вв. их владельческие права возрастали⁴.

Некоторые историки характеризуют восточно-римских колонов VI в. как крепостных крестьян⁵.

Определить социальное положение колонов V—VI вв. — это значит охарактеризовать, в первую очередь, их роль в производстве, отношение колонов к средствам производства, роль колонов в распределении продуктов производства. Определение социального статуса колонов предполагает также установление их политической и юридической правоспособности.

Процесс сближения различных групп зависимого и свободного земледельческого населения нашел свое отражение и в терминологии, служившей для обозначения земледельцев. Еще в III—IV вв. юридические и литературные источники для обозначения зависимых земледельцев применяли такие термины, как *colonus, rusticus* (γεωργός), *tributarius, inquilinus, adscriptitius* (ἐνυπόγραφος). Но уже во второй половине IV в. и в V в. источники исходят в ряде случаев из убеждения в отсутствии существенных различий между этими категориями зависимого населения⁶.

К началу VI в. официальное право знает лишь два разряда зависимого земледельческого населения: адскриптициев и „свободных“ колонов или просто колонов⁷. В основу деления земледельцев на эти две категории известная конституция Анастасия положила имущественную правоспособность (*Cod. Just.*, XI, 48. 19). Подобная дефиниция четко проводится в юридических источниках VI в.⁸

¹ RE, s. v. *Colonat*, t. IV, S. 509; cp. S. Waszinsky. *Die Bodenpacht*. Leipzig—Berlin, 1905; S. 49; F. L. Ganshof. *Le status personnel du colon au Bas-Empire*. „L'antiquité classique“, 14, 1946, p. 273.

² A. Johnson a. L. West. *Byzantine Egypt*, p. 29; M. Palasse. *Orient et occident*..., p. 61. Высказывалось также мнение, что адскриптиции были в рабской зависимости от своих господ, но выступали как свободные по отношению ко всем другим лицам (Ch. Saumagne. *Du rôle de „l'origo“ et du „census“*..., p. 543—4. Ср. П. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр. 28—29).

³ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 39. См. также „Византия“ в БСЭ, изд. 2, т. VIII, стр. 30; А. Г. Гемп. Крестьяне Римской империи IV—V вв. и формы их зависимости. Автореферат. Л., 1954, стр. 14.

⁴ А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 100.

⁵ Д. С. Ангелов. История на Византия, ч. 1, 1950, стр. 143, 152—153. Ср. также E. Hardy. *The Large Estates of Byzantine Egypt*. N. Y., 1931, p. 133.

⁶ *Cod. Just.*, XI, 48. 13; cp. *Cod. Just.*, XI, 48. 6; I, 3. 36.

⁷ Для обозначения колонов императорских доменов известной категории в конце V в. применялся также термин *tamiasus* (*Cod. Just.* XI, 69. 1), а земледельцы, прикрепленные к владениям епископов, в хронике, псевдо-Захария Митиленского именуются *tautebe*, что соответствует греческому *ταυτεβη* (Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 39—40).

⁸ *Cod. Just.*, I, 4. 24; XI, 48. 23; *Nov. Just.*, CXXIII, 35; CXXVIII, 14.

Необходимо, однако, отметить, что адскриптиций это также колон. Об этом свидетельствуют и юридические источники V—VI вв.¹, и египетские папирусы².

Термин *colonus* (γεωργός) в VI в. имеет не только узкое значение (зависимый земледелец, который по закону может иметь собственное имущество), но и широкое. В последнем случае *colonus* или γεωργός обозначает не только зависимого земледельца, но и мелкого земельного собственника-крестьянина³ и в отдельных случаях серва, сидящего на земле⁴. Но и в VI в. источники не смешивают колонов с рабами и свободных крестьян с колонами.

В источниках трудно найти данные о хозяйственном строе восточно-римского поместья V—VI вв. и, в частности, о хозяйстве колона. М. В. Левченко на основании анализа египетских папирусов сделал вывод, что крупное имение, распадаясь на ряд колонских держаний, сохраняло характер крупного предприятия. Держания колонов являлись самостоятельными хозяйственными единицами и в то же время были связаны с руководящим центром. Зачастую крупный землевладелец снабжал своих мелких держателей семенами и инвентарем⁵.

Связь между землевладельцем и колоном выражалась также в том, что первый обеспечивал земельные участки колонов ирригацией или снабжал колонов механизмами, необходимыми для ирригации, беря за это соответствующую плату (Cod. Just., XI, 63. 1; Р. Оху., 1899, 1900, 1982). Земельный собственник контролировал ведение хозяйства колоном. Хорошая обработка земли была непременным условием сохранения колоном своего участка⁶. Осуществление контроля за хозяйством колона обуславливалось также тем, что нередко земельный собственник получал определенную часть урожая колона.

Значительно больше данных имеется в источниках об имущественной правоспособности колонов, хотя эти данные носят нередко противоречивый характер.

Уже в IV в. многочисленные законодательные положения нередко ставят колона и в этом отношении на одну доску с рабом, отказывая ему в имущественной правоспособности. Официальное право лишает колонов возможности заключать контракты, продавать что-либо из

¹ В конституции 484 г. указывается, что господин может распоряжаться адскриптицием, ставшим без его (господина) санкции клириком, так же, как и прочими колонами (Cod. Just., I, 3. 36: *ius proprium ad similitudinem ceterorum colonorum in suos adscriptitios exercendi*). В греко-сирийском законнике V в. энапограф отождествляется с колоном (Fontes iuris romani antejustiniani, p. altera, auctores, Florentiae, 1940, col. 773). В конституции Юстиниана от 529 г. говорится о том, что право обращаться в суд принадлежит колонам любого состояния (Cod. Just., XI, 48. 20). Следовательно, адскриптиции и здесь причисляются к колонам.

² В Оксиринхских папирусах адскриптиции обычно характеризуются как энапографы (Р. Оху., 1896, 1900, 1982, 1985 и пр.).

³ См. *coloni-homologi* в Cod. Theod., XI, 24. 6; χωρίται в Cod. Just., XI, 54. 2.

⁴ В одной из конституций кодекса Юстиниана среди земледельцев (γεωργοί), ищущих покровительства, различаются две категории — δοῦλοι и ἐλεύθεροι (Cod. Just., XI, 54. 2). М. В. Левченко (Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 49) считает возможным, что δοῦλοι в данном случае обозначают адскриптициев. Подобное предположение нельзя, однако, признать обоснованным, так как ни юридические, ни литературные источники, ни папирусы не употребляют подобного термина для обозначения адскриптиция. В конституциях V—VI вв. обычно различаются три разряда землевладельцев: сервы, адскриптиции и колоны (Cod. Just., I, 4. 24; I. 12. 16; Nov. Just., CXXIII, 35 и др.).

⁵ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 76.

⁶ Dig., 19, 2. 25; Р. Росс. III, 51 (631 г.).

земли и пекулия без согласия господина¹ и, наконец, объявляет все имущество колонов-адскриптициев собственностью господ.

Данные правовые нормы подтверждаются и развиваются в Восточной Римской империи в VI в. В Дигесты, например, был включен ряд положений римских юристов II—III вв., которые предоставляли землевладельцам права на урожай, собранный колоном, на его имущество, ввезенное в имение².

В Кодекс Юстиниана вошли конституции, лишавшие колонов права иметь собственность (Cod. Just., XI, 50. 2), заключать имущественные обязательства, действительные для имения, в котором они находились [Cod. Just., VIII, 15. 8 (422 г.)]. Правда, конституция Анастасия объявила, что лишение права иметь свою собственность распространяется не на всех колонов, а на адскриптициев. Эта дифференциация в имущественных правах подтверждалась законами последующих императоров³.

Но законодательство отнюдь не предоставило неограниченного права собственности и „свободным“ колонам. Оно оставляет за господами известные, повидимому, довольно обширные права на имущество и этого разряда колонов.

В случае бегства колона к другому господину последний обязан был выдать его вместе с его пекулием⁴ так же, как и в случае бегства адскриптиция (Cod. Just., XI, 48. 23). В VI в. землевладелец, требуя возвращения колона, бежавшего в монастырь, мог настаивать на том, чтобы беглый был выдан со всем его имуществом; если же прошло более 3 лет со времени принятия колона в монастырь, то последний обязан был вернуть бывшему господину колона имущество беглого. Причем это правило распространялось как на адскриптициев, так и на „свободных“ колонов⁵. Данная новелла Юстиниана свидетельствует о том, что в глазах законодателей право господина на имущество колона было более прочно, чем даже на самого колона. Упомянутые выше положения Дигест относительно прав господина на урожай колона и его инвентарь, повидимому, также могли быть использованы землевладельцем для того, чтобы стеснить возможность „свободного“ колона произвольно распоряжаться своим имуществом.

Ограничена была также в пользу господина и свобода завещания. Завещая имущество, колон мог передать его, очевидно, лишь колонам того же господина⁶. Если же колон не имел детей и, умирая, не оставил завещания, то все его имущество переходило к господину [Cod. Just., I, 3. 20 (434 г.); Nov. Just., CXLIV, 2].

О том, что землевладелец всячески стремился сохранить свой контроль над имуществом колона, свидетельствует и известная формула поручительства за египетского колона. В ней подчеркивается, что

¹ См. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов..., стр. 63.

² Эти положения применялись не только, как было отмечено выше (стр. 52), к арендаторам, но и к колонам.

³ Nov. Just., CLXII, 2; Const. III (Justini): Unde sancimus, in Africana provincia filios ex libera matre et adscripticio patre productos liberos quidem esse, et res proprias habere, in ordine tamen colonorum esse, et non posse eos dimittere praedia, in quibus nati sunt, et excolere aliena...

⁴ Характерно, что имущество „свободного“ колона, именуемое в конституции Анастасия (Cod. Just., XI, 48. 19) „bona“ (в отличие от „пекулия“ адскриптиция), в данной конституции Юстиниана называется пекулием.

⁵ Nov. Just., CXXIII, 35.

⁶ Nov. Just., CXLIV, 2.

энапограф будет жить в имении со своей семьей и всем своим имуществом¹.

Таким образом, официальное лишение имущественной правоспособности одной части колонов и резкое ограничение права распоряжаться имуществом другой части колонов — несомненно. Это обстоятельство служило одним из главных оснований для сопоставления восточно-римских колонов VI в. с рабами.

Следует отметить также, что официальное право старательно предупреждало возможность приобретения колонами каких-либо прочных прав на землю. Длительное владение землей, согласно нормам римского права, не сообщало земледельцу владельческих прав². Землевладелец мог при желании удалить колона, даже не нарушая положений официального права. Законодательство разрешало поссessorу удалить с земли колона, не обеспечивающего своевременной выплаты оброка и хорошей обработки земли (Dig., 19, 2. 25; 54). О применении подобного положения в VI в. (по отношению к арендаторам и эмфитевтам на церковной земле) упоминают и новеллы Юстиниана (Nov. Just., CXX, 8)³.

Юридическим нормам, характеризующим имущественные права колонов, не следует придавать абсолютного значения. Несомненно, они служат показателем тенденции законодательства, направленной на расширение прав господина на имущество земледельцев. Но эта тенденция встречала упорное сопротивление со стороны самих земледельцев, заинтересованных в расширении своей хозяйственной самостоятельности и борющихся против постоянных попыток землевладельцев повысить норму эксплуатации⁴. На укрепление имущественных прав колонов влияли те зарождавшиеся в недрах рабовладельческого строя элементы нового общественного уклада, которые требовали создания у непосредственных производителей заинтересованности в своем хозяйстве и

¹ Р. Оху., 135.

² Cod. Just., VII, 39. 2. Ср. Cod. Just., IV, 65. 33.

³ Если колон становился непригодным к ведению хозяйства (*inutilis forte existat et tunc non idoneus*. Cod. Just., XI, 48. 22), участок передавали его сыну. Но если сына и других наследников не было, повидимому, поссessor отдавал участок другому держателю, способному обеспечить выплату оброка и несение повинностей. Договоры, которые заключались египетскими землевладельцами с колонами, нередко указывали, что срок пользования землей колоном определяется волей собственника земли (см. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 94; F. Zulueta. De patrociniis vicorum, p. 45). Практически, однако, держание колонов являлось длительным и, как правило, наследственным. В Оксиринхском папирусе колон, обращаясь с просьбой о суде, напоминает, что он служит землевладельцу, как это делали его отцы и предки: Р. Оху., 130. 9—10. . . ὡς ἐκ πατέρων καὶ ἐκ προγόνων δουλεύειν τῷ ἐμῷ ἀγαθῷ δεσπότην πληροῦσαι ἐτήσιως τὰ δημόσια. См. также Cod. Just., XI, 48. 21. Но и колон, обрабатывающий землю магната „с незапамятных времен“, мог быть лишен своего участка. По свидетельству Оксиринхского папируса, у жителей Пемпо были отобраны их земли, так как они не соглашались выплачивать такой оброк, какого потребовал землевладелец (Р. Оху., 1915. 4—6; 21—25. См. E. Hardy. The Large Estates. . . , p. 90—91).

⁴ Колоны оказывали сопротивление поссessorам в тех случаях, когда последние лишали их земельных держаний. Землевладельцы старались предотвратить подобные конфликты путем получения от земледельцев соответствующих обязательств. В египетском папирусе 584 г. содержится заявление двух земледельцев, которые обязуются не предъявлять никаких претензий собственнику земли, если он передаст их участки другим лицам. Они обещают также не чинить никаких препятствий новым земельным держателям в обработке их участков. В случае нарушения обязательства поссessor имеет право взыскать с данных земледельцев штраф (Р. Ross. III, 39. Ср. также П. В. Ериштедт. Два греческих папируса византийского периода из советских собраний. ВДИ, 1952, № 2).

инициативы в труде. В результате борьбы этих противоречивых сил складывалось на практике такое имущественное положение колонов, которое существенно отличалось от их положения, предусматриваемого юридическими нормами. Об этом можно судить даже и по самим юридическим источникам, которые нередко содержат косвенные указания на действительное положение колонов.

Конституции IV—VI вв. упоминают о том, что колоны приобретают собственные земельные участки и владеют ими¹. В поместьях, брошенных их владельцами, государственные чиновники могли утверждать колонов в качестве владельцев земли [Cod. Just., XI, 62. 5 (377 г.)]. У некоторой части колонов, особенно в Африке, земельное держание было по своему типу близко к эфитевтическому, и они могли становиться владельцами своих участков, как об этом свидетельствуют Тебесские грамоты (493—496 гг.). Колоны подобного типа свободно продавали свои земельные участки². При этом источники упоминают о наличии собственной земли не только у „свободных“ колонов, но и у энапографов³.

Наличие земли у колонов на Востоке было значительно более распространенным явлением, чем на Западе. Характерно, что все упоминания юридических источников о собственности колонов на землю относятся к восточным провинциям империи.

Не признавая приобретения колонами прав собственности на обрабатываемую ими землю, официальная юридическая теория вынуждена была в известной мере считаться с владельческими правами колонов.

Законодательство запрещало отчуждать имение без находившихся в нем колонов (Cod. Just., XI, 48. 7; XI, 48. 2). Конституции, признающие право землевладельцев продавать колонов, обычно содержат оговорку о том, что колон отчуждается вместе с землей (Cod. Just., XI, 50. 2; Cod. Just., XI, 48. 21)*.

О том, что колоны не были, подобно рабам, бесправны в имущественном отношении, свидетельствует и тот факт, что колоны могли составлять завещания и передавать имущество своим детям и родственникам. Этим правом располагали все колоны, как „свободные“, так и адскрипции⁵.

Папирусы также подтверждают наличие имущественной правоспособности у колонов. Египетские колоны заключают контракты, получают денежные ссуды. Выполнение своих обязанностей по отношению к землевладельцам, так же как и полученные ссуды, они гарантируют своим имуществом⁶. На основании ряда показаний источников можно также

¹ Cod. Theod., V, 19. 1; XI, 1. 14; XII, 1. 33; Cod. Just., XI, 68. 6; Nov. Just., CXXVIII, 14.

² См. Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale, Paris, 1952.

³ Nov. Just., CXXVIII, 14. Юстиниан признал, что колоны всех разрядов, следовательно и адскрипции, имеют право судом отстаивать свою собственность на землю (Cod. Just., XI, 84. 20).

⁴ В Кодексе Юстиниана содержится конституция, упоминающая о переводе посессором колонов из одного своего имени в другое [Cod. Just., XI, 48. 13 (400 г.)]. Но трудно сказать, насколько характерна она для взаимоотношений между землевладельцами и колонами в Восточной империи. Эта конституция, изданная на Западе, сохранена в Кодексе Юстиниана как правовая норма, регулирующая положение детей колонов различных разрядов.

⁵ Cod. Just., I, 3. 20 (434 г.); ср. Nov. Just., CXLIV, 2. Здесь предоставляется свобода завещания самаритянам и колонам. Термин, которым обозначаются колоны в данной новелле, — *υεσφρυγι*, охватывает, повидимому, колонов всех разрядов.

⁶ См. Р. Оху., 1896 (577 г.): *κλιδυω τον γην υπαρχοντων*. Ср. также Р. Оху., 1892 (581 г.); Р. Росс., III, 32 (504 г.).

заключить, что колоны продают свой урожай, владеют рабочим скотом¹.

Считаясь с действительным положением вещей, в отдельных случаях и законодательство признавало, если не прямо, то косвенно, имущественную правоспособность колонов. Так, например, колоны Африки за нарушение религиозных законов (принадлежность к донатистской ереси) подвергались штрафу в размере одной трети своего пекулия (Cod. Theod., XVI, 5. 54).

Мы имели, таким образом, возможность проследить, как на имущественном положении колона отражались противоречивые тенденции переходного периода от античности к средневековью.

С одной стороны, юридически колон или вовсе лишен имущественной правоспособности (если он адскриптиций), или его правоспособность существенно ограничена (если он „свободный“ колон). Но, с другой стороны, колон вел самостоятельное хозяйство и практически мог распоряжаться своим имуществом как движимым, так (в известной мере) и недвижимым. Имея юридически полное право собственности на имущество основной части колонов и обширные права на имущество „свободных“ колонов, землевладелец все же не мог наложить руку на имущество колона так же беспрепятственно, как на пекулий раба². Но он оказывал постоянное давление на колона, используя свои юридические права для расширения ренты, взимаемой с земледельца (см. ниже, стр. 66—67). Поэтому и возможность колона располагать своим имуществом, хотя бы и движимым, была существенно ограничена.

Права колона в V—VI вв. на имущество не были достаточно прочными. Это лишало колона заинтересованности в своем хозяйстве, присущей крепостному феодальному обществу, делало колона склонным к перемене местопребывания и обуславливало неустойчивость хозяйства колона.

Таким образом, хотя колон Восточной империи принципиально отличался от античного раба по своей имущественной правоспособности, он все же стоял ниже средневекового крепостного крестьянина. Восточно-римский колон не представляет собой собственника орудий производства и личного хозяйства, хотя его владельческие права, повидимому, шире, чем у колона на Западе.

С вопросом об имущественной правоспособности колонов тесно связан вопрос об обязанностях колонов по отношению к землевладельцу. Изучение этого вопроса поможет нам выяснить, какова была доля колона в распределении продуктов производства. Тем самым мы можем сравнить в этом отношении положение колона как с положением античного раба, который вовсе не владел продуктами производства, так и с положением крепостного крестьянина, обладавшего более или менее устойчивыми правами на часть продукта своего труда.

Основные обязанности, лежавшие на колонах в V—VI вв., — это уплата государственных налогов (*publica tributa, publica functiones* — Cod. Just., XI, 48. 20), несение различных государственных повинно-

¹ О том, что египетские колоны владеют рабочим скотом, свидетельствуют папирусы. Оксиринхские папирусы упоминают о стычках между колонами из-за краж скота (Р. Оху., 1867), о ссудах, которые получают колоны от имени для покупки скота (Р. Оху., 130).

² А. Б. Ранович („Колонат в римском законодательстве II—V вв.“, ВДИ, 1951, № 1, стр. 97) высказывал предположение о полном имущественном бесправии колона, ссылаясь на некоторые данные Дигест. На необоснованность ссылок А. Б. Рановича на Дигесты указал М. Я. Сюзюмов („О юридических источниках для истории колоната“. ВДИ, 1951, № 4, стр. 87).

стей (*munera extraordinaria, munera sordida* — *Cod. Theod.*, XI, 16. 18; XI, 16. 5), — преимущественно повинностей по строительству дорог, мостов, стен и т. п. (*Nov. Just.*, XVII, 4), а также выплата оброка землевладельцу и выполнение в его пользу различных работ.

Относительно размеров государственных повинностей мы не имеем каких-либо определенных и точных данных. Известно, что эти налоги выплачивались как продуктами земледелия, так и скотоводства. Данные юридических и литературных источников свидетельствуют, что государственные налоги взимались в огромных размерах и уплата их зачастую оказывалась непосильным бременем для колонов. Государственные чиновники, взимавшие налоги, разрешали проблему несостоятельности налогоплательщиков двояким способом: они сгоняли задолжавших колонов с земли (*Cod. Just.*, XI, 48. 15) или же отбирали у них скот и рабов и в некоторых случаях использовали самих этих колонов как рабов для своих нужд (*Cod. Just.*, XI, 55. 2). Подобные меры были обычно прибыльны для самих чиновников, присваивавших имущество и труд колонов, но невыгодны ни для землевладельцев, терявших земельных держателей и испытывавших обычно нужду в рабочей силе, ни для фиска, так как подобная практика вела в конечном счете к сокращению числа налогоплательщиков. Не могли оказаться действенными и попытки перекладывать обязанность уплаты за несостоятельных должников фиска на их соседей (*Cod. Just.*, XI, 57. 1; ср. *Nov. Just.*, LII, 1), так как задолженность колонов, судя по источникам, была широко распространенным явлением, и подобные меры лишь несколько нивелировали их бедственное положение. В ряде случаев колоны вместе с владельцами имений спасались от сборщиков налогов бегством, оставляя свое хозяйство и имение¹.

Косвенное признание того, что бремя налогов и государственных повинностей оказывалось непосильным для колонов, содержится в ряде конституций императоров V—VI вв., объявляющих о снижении налогов, о списании недоимок, о запрещении отрывать колонов для выполнения повинностей в период сельскохозяйственных работ и чрезмерно отягощать их повинностями по строительству дорог, мостов, стен и т. п.².

Эти предписания, однако, были мало эффективны по той причине, что взимание налогов с крестьян и принуждение их к несению повинностей являлось важнейшей доходной статьей чиновников. Произвол чиновников при взимании налогов с населения засвидетельствован известным замечанием Юстиниана о том, что никто не знает, сколько налогов собирается в сельских районах египетского диоцеза (*Edict.* 13, *praeft.*).

Но не менее важное значение для колона имела уплата землевладельцу оброка (*reditus* — *Cod. Just.*, XI, 48. 20; 23). Оброк вносился в зависимости от обычая натурой или деньгами, иногда частично натурой и частично деньгами (*Cod. Just.*, XI, 48. 5; XI, 48. 20).

Повидимому, обязанности колонов по отношению к их господам не ограничивались уплатой оброка. Некоторые исследователи отрицают выполнение колонами каких-либо отработок в пользу землевладельцев³. Но в источниках нередко упоминаются работы (*opera*) колонов.

¹ Прокопий. Тайная история, XXII, 16; Творения Феодорита Киррского, ч. VII, Сергиев-посад, 1907. Письма 42, 43.

² *Nov. Just.*, CXLVII, 1; *Cod. Theod.*, XI, 7. 11; *Nov. Just.*, XVII, 4.

³ А. Б. Ранович. Колонат в римском законодательстве II—V вв., стр. 105; А. Г. Гемп. Крестьяне Римской империи IV—V вв. и формы их зависимости, стр. 8.

В случае бегства колона землевладелец, принявший беглеца, обязан не только вернуть последнего его хозяину, но и произвести возмещение работ (*redhibitio... operarum* — *Cod. Just.*, XI, 53. 1)¹.

В известной конституции 409 г. о скирах землевладельцам предоставляется право пользоваться их работой (*opera... libera[utuntur]* — *Cod. Theod.*, V, 6. 3). Иоанн Златоуст также упоминает о работах колонов².

В конституции Юстиниана от 531 г., предоставляющей землевладельцу право потребовать возвращения сына колона, давно уже отсутствующего в имении, отмечается, что это можно сделать и в том случае, если сын колона прежде „не обрабатывал полей и не совершал никакой работы колонов“ (*neque agrum coluit, neque aliquid colonarii operis celebravit* — *Cod. Just.*, XI, 48. 22).

В египетских папирусах соответствующего периода упоминается выполнение колонами работ по устройству дамб, очистке каналов, производству работ по ирригации и пр.³

Таким образом, можно заключить, что наряду с оброком колоны должны были нести в пользу господ определенные повинности, возможно, в отдельных случаях отработочные. Но колонов, очевидно, можно было привлекать к определенным, а не к любым работам. Их нельзя было, в отличие от рабов, использовать в домашнем услужении (*urbanisve obsequiis addicere* — *Cod. Theod.*, V, 6. 3)⁴.

Трудно сказать, какова была дифференциация в отношении повинностей между приписными и „свободными“ колонами. Но можно предположить, что повинности лежали главным образом на первых. Еще в конце IV в. конституция Аркадия и Гонория отмечала, что колоны, записанные в ценз, обязаны ежегодными платежами и обязанностями, вытекающими из их положения (*quibus annuis functionibus et debito conditionis obnoxii sunt* — *Cod. Just.*, XI, 50. 2).

Главное значение среди обязанностей колона имели, однако, оброк и государственный налог, которые постоянно упоминаются в источниках, характеризующих положение колона⁵. Оброк и налог выступают как главный объект борьбы между земледельцем-колоном, с одной стороны, землевладельцами и государством, с другой.

О размерах оброков и налогов, которые приходилось вносить колонам в Восточной империи, имеется очень мало данных. В юридических источниках таких данных нет. Говорится лишь о том, что оброки взимаются в соответствии с обычаем. Обычай имения (*consuetudo praedii*) определяет и размеры оброка и его характер: взимается ли он деньгами

¹ В 47-й речи Либания („О патрониях“) говорится об отказе колонов от работ в пользу господ: *πρός τοὺς αὐτῶν κυρίους ἐπισπέρχοντες τούτο τῆς γῆς βουλομένης ἄγριον ἔσθραν ὀφθαλμὸν ὡς ἀνάγκης μὲν ὄντας ἔξω, γνώμη δὲ ἐργαζόμενοι καὶ οὐχ ἀψόμενοι τῆς γῆς, αἱ μὴ περὶ αὐτοὺς*. Libanii. Opera rec. R. Foerster, vol. III. Lips., 1906.

² PG, t. 58, col. 591.

³ См. A. Johnson a. L. West. Byzantine Egypt, p. 65.

⁴ В известном поручительстве за энапографа наследников Апиона указывается, что энапограф Аврелий Авраам будет жить постоянно в имении, выполняя все обязанности, за которые он ответственен как энапограф (Р. Ох., 135). В ранних контрактах египетских колонов-энапографов упоминаются обязанности не только платить оброк и выполнять ирригационные работы, но и „... подчиняться всем распоряжениям землевладельца“. В более поздних контрактах этой оговорки нет, но возможно, это положение стало уже обычным (см. A. Ch. Johnson. Egypt and the Roman Empire, p. 100).

⁵ В конституции Юстиниана от 529 г., регулирующей порядок исполнения колонами своих обязанностей во время тяжбы, упоминаются лишь государственный налог и оброк (*Cod. Just.*, XI, 48. 20).

или натурой¹. В некоторых случаях размеры оброка определялись контрактами. Папирусы содержат указания относительно размеров оброка египетских арендаторов и колонов. Доля урожая, вносимая египетским колоном или мелким арендатором землевладельцу, обнаруживает в IV—VI вв. явную тенденцию к повышению. В VI в. держатели земель египетских поссессоров обычно могли оставлять себе лишь одну четвертую или одну пятую часть урожая². В одном папирусе упоминается арендатор, который снимает у монастыря виноградник на 10 лет со всем оборудованием и с одним монастырским колоном. Арендатор обязуется отдавать монастырю половину урожая. Подобное распределение урожая позволяет заключить, какой незначительной была доля колона, выделявшаяся ему арендатором³.

Высокая норма прибавочного продукта, взимаемого землевладельцем, в сочетании с обременительными государственными налогами и повинностями зачастую лишала хозяйство колона способности к простому воспроизводству. О неспособности земледельцев выплачивать все следующие с их хозяйства платежи свидетельствуют многочисленные данные источников. В папирусах, например, имеются упоминания о задолженности колонов, о том, что они уплачивают оброки лишь на следующий год⁴.

Юристы Юстиниана сочли необходимым включить в Дигесты и применить, следовательно, по отношению к колонам VI в. те положения классической римской юриспруденции, которые обеспечивали права землевладельца на прибавочный продукт земельного держателя (см. выше, стр. 52)⁵.

Поссессоры, как правило, стремились повышать оброк. В тех случаях, когда с колонами заключались контракты, им навязывались новые условия пользования землей. Нередко землевладельцы попросту увеличивали оброк вопреки обычаю⁶.

В некоторых случаях землевладельцы переводили на деньги натуральные платежи колонов (Cod. Just., XI, 48. 5). Подобная мера являлась сильным ударом по интересам колонов, так как их мелкое хозяйство было малотоварным, и выплата оброка деньгами представляла большие, нередко непреодолимые затруднения.

Источники свидетельствуют также о том, что самая процедура взимания оброка с колонов сопровождалась различного рода злоупотреблениями, еще более отягчавшими положение земледельцев. Управляющие землевладельцев и сборщики налогов, собирая оброк с колонов, использовали эту свою обязанность как средство обогаще-

¹ Cod. Just., XI, 5. 1; XI, 48. 5; IV, 62.4; XI, 48. 23; Nov. Just., XXX, 3.

² Анализируя отчеты гермополитанского имения, М. В. Левченко отмечает, что государственные налоги составляли в обычные годы 24—25, а в неурожайные годы — 34 процента чистого дохода (М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 73, 95—96); S. Waszynski. Die Bodenpacht, S. 156.

³ P. Giess., 16. См. М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. ВВ, т. II, стр. 34.

⁴ S. Waszynski. Die Bodenpacht, S. 106.

⁵ В договорах, которые заключали египетские колоны, подчеркивалось, что доля землевладельца доставляется ему без всякого риска и вычета (см. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии. „Проблемы истории докапиталистических обществ“. М.—Л., 1935, стр. 95). О том, что с колонов требуют выполнения повинностей, независимо от того, принес ли участок доход, свидетельствует и Иоанн Златоуст (Homilia in Math., LXI). PG, t. LVIII, col. 591—592.

⁶ Cod. Just., XI, 50. 1—2; XI, 48. 23; XI, 68. 5.

ния и взимали с колонов значительно больше того, что вносили владельцу имения¹.

Существенное значение для расширения возможности землевладельца присваивать прибавочный продукт колона имело и то обстоятельство, что уже в IV в. владельцам имений было дано право собирать с колонов государственные налоги и вносить их в казну (*Cod. Theod.*, XI, 1. 14). Сложность налоговой системы и попустительство со стороны бюрократического государственного аппарата создавали землевладельцам благоприятные возможности для того, чтобы использовать это право как дополнительный источник доходов. Судя по папирусам, случалось и так, что землевладелец, собрав налоги с крестьян, не вносил их государственным властям, и колоны, оказавшиеся не в состоянии вторично внести этот налог, подвергались жестоким репрессиям².

По отношению к колонам, не выполнившим в срок свои обязательства, землевладельцы применяли меры насилия. Для этой цели использовались как легальные средства — суд и соответствующие репрессии, включая тюремное заключение³, так и нелегальные, которые в V—VI вв. становятся, однако, обычной практикой. Землевладельцы создают постепенно и собственный аппарат насилия над эксплуатируемым земледельческим населением (частные тюрьмы, отряды наемников-буккелариев или попросту отряды вооруженных рабов), важнейшей функцией которого становится сбор оброка и налогов с колонов.

В случае невыплаты оброка колонами, землевладельцы захватывали их имущество, хлеб, скот и пр.⁴, заключали в свои частные тюрьмы самих колонов или членов их семей в качестве заложников. В некоторых случаях владелец имения использовал круговую поруку, заставляя одних обитателей имения выступать поручителями за других⁵.

Колоны, в свою очередь, оказывали ожесточенное сопротивление землевладельцам и их агентам. В источниках, как юридических, так и в литературных, в агиографической литературе и в папирусах имеются данные о том, что земледельцы-колоны в ряде случаев отказывались выполнять повинности, выступали против своих господ, оспаривали право собственности землевладельцев на обрабатываемую ими, колонами, землю, изгоняли из деревень сборщиков налогов и оброков, вели бесконечные тяжбы со своими господами⁶.

¹ Р. Оху., 1915. 22—23. См. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 86.

² Р. Cairo Maspero 67024; *Select Papyri* A. S. Hunt and S. S. Edgar, vol. II. London, 1934, p. 100.

³ Во второй половине IV в. землевладельцы, по описанию Либания, допускали злоупотребления по отношению к земледельцам, обрабатывавшим их земли: „Если они не примиряются с корыстолюбием господ, то без долгих слов солдат с оковами посылается в деревню, и темница встречает узников“ (*Orat.* 45, 5—6). Сам Либаний в тех случаях, когда у него возникали трения с колонами, обращался в суд (*Orat.* 47, 13—15).

⁴ Р. Оху., 156, 1838.

⁵ Р. Оху., 135, 996.

⁶ Либаний в 47-й речи рассказывает о том, что жители деревень прогоняли сборщиков налогов. Он же упоминает об отказе колонов нести повинности в пользу господ (там же). В Кодексе Феодосия говорится о жителях египетских деревень, которые, надеясь на свою многочисленность, противятся выполнению государственных повинностей (*Cod. Theod.*, XI, 24. 3. *Ср. Cod. Just.*, IX, 39. 2). Житие Феодора Сикеота упоминает случай покушения крестьян на убийство антаксиупольского магната, притеснявшего их. В биографии Порфирия Газского излагается история клирика из Газы, который отправился собирать платежи среди крестьян церковных деревень и едва не был убит земледельцами (А. П. Рудаков. *Очерки византийской культуры...*, стр. 189). В Оксиринхском папирусе имеется характерное письмо

В ряде случаев колоны выступали с оружием в руках против имперских властей¹. Наиболее значительными были восстания колонов-самаритян в Палестине² (529—530 гг.) и земледельцев Египта (конец VI—начало VII в.), о котором сообщает хроника Иоанна Никиусского³.

В результате этой борьбы государство вынуждено было официально признать обычай главным критерием в определении размера оброка и повинностей колонов. Еще в начале IV в. Константин запретил взимать с колонов больше того, что обычно взималось прежде (*quam ante consueverat*). В случае нарушения этого закона колон мог принести жалобу судье, и последний должен был принудить землевладельца вернуть колону все, что было у него незаконно получено (*Cod. Just.*, XI, 50. 1). Во второй половине IV в. конституция Валентиниана, Феодосия и Аркадия запретила возлагать повинности сверх обычая на колонов фиска (*Cod. Just.*, XI, 68. 5). Колонам фиска разрешено было приносить жалобы на несправедливые поборы со стороны комитов [*Cod. Just.*, IX, 27. 5 (390 г.)]. В самом конце IV в. конституция Аркадия и Гонория, запрещавшая колонам судиться с господами в гражданских делах, допустила исключение для тех случаев, когда колоны жалуются на взимание оброков сверх обычного [*Cod. Just.*, XI, 50. 2 (396 г.)]. Это правило оставалось незыблемым и в VI в. Юстиниан возложил уже на самих правителей провинций обязанность принимать меры к возмещению ущерба колонам, с которых господа взяли оброков больше, чем это позволял обычай⁴.

Необходимо учесть при этом, что колоны не были так разобщены, как античные рабы. Колоны нередко жили деревнями и имели своих должностных лиц. В источниках упоминаются *primates possessionis* (*Cod. Just.*, IX, 39. 2), *φροντισταί* (*Nov. Just.*, CLXVII; Р. Оху., 1911. 196; 1917. 83—84; 1985; и др.), которые возглавляют деревни зависимых земледельцев-колонов.

О социальном весе колонов дает представление также новелла 167 Юстиниана. В ней упоминается, что в случае приобретения каким-либо лицом имения должен составляться протокол, подтвержденный дефензором провинции. Колоны или староста (*φρονιστής*) должны засвидетельствовать в протоколе свою осведомленность в том, что другое лицо стало владельцем и господином, и обещать выполнять волю бывшего господина, передавшего имение другому лицу.

Ряд законодательных положений VI в. направлен против злоупотреблений чиновников при установлении размеров повинностей и сборе налогов с земледельческого населения⁵. Разумеется, реальный вес этих правовых норм уменьшался в обратной пропорции к росту частной власти магнатов и их влияния на местные органы власти.

Имеется немало данных в юридических и в литературных источниках о том, что простому человеку можно было добиться правосудия

сборщика налогов. Последний сообщает, что ему не удалось собрать оброки с жителей деревни Пинурис, хотя последние задолжали значительную сумму (Р. Оху., 1855).

¹ О восстаниях колонов в Каппадокии Юстиниан говорит как о самом обычном явлении (*Nov. Just.*, XXX, 3).

² Прокопий. Тайная история, XI, 27—29.

³ Н. Пигулевская. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке. ВИ, 1950, № 4, стр. 51.

⁴ *Cod. Just.*, XI, 43. 23. См. также *Nov. Just.*, XXX, 3).

⁵ *Nov. Just.*, XVII, 4, запрещает чиновникам чрезмерно отягощать население повинностями по строительству дорог и мостов. В той же новелле предписывается сборщикам налогов точно отмечать в квитанциях, что было получено ими в счет налога от налогоплательщика (*Nov. Just.*, XVII, 8).

лишь в том случае, если он заручился покровительством магната, военачальника или подкупил судью. Магнаты уже в V в. пользуются значительным влиянием на судей¹. В VI в. правители провинций и судьи нередко вовсе отказываются разбирать жалобы колонов на несправедливые действия их господ².

Таким образом, законодательные положения, ограничивавшие произвол землевладельцев в отношении колонов, носили в значительной мере декларативный характер. Но сам факт издания этих норм служит показателем социального веса колонов в Восточной империи в V—VI вв.³. Борьба этих земледельцев заставила государственную власть признать в ряде случаев такие нормы обычного права, которые находились в явном противоречии с положениями официального права. Так, например, лишение землевладельца права произвольно устанавливать размеры оброка противоречило закону, объявлявшему все имущество колона достоянием господина.

Этот факт лишний раз подтверждает то положение, что колон (в том числе и адскрипций)⁴ в известных пределах мог распоряжаться своим имуществом, что землевладелец не имел права наложить свою руку на пекулий колона, как он мог это сделать с пекулием серва.

Наконец, издание указанных правовых норм служит показателем того обстоятельства, что колоны могли более эффективно вести борьбу против господствующего класса, чем рабы. Расселение колонов, как было уже отмечено, происходило нередко более или менее компактными массами в деревнях и имениях. „Многолюдные“ деревни могли иногда успешно оказывать сопротивление своим землевладельцам⁵.

Важно также отметить, что источники не позволяют провести резкую грань между адскрипциями и свободными колонами в этом отношении. Возможно, что оброки последних были ниже, чем приписных колонов, но обычное и официальное право не устанавливало в данном случае какой-либо дифференциации для колонов различных разрядов⁶.

Анализируя вопрос об участии колона в распределении продуктов производства, мы можем сделать вывод, что колон стоял в этом отношении значительно выше античного раба. Обычным правом и отчасти официальным законодательством признано было его право на известную часть продукта производства. Но в то же время норма эксплуатации колона была более высокой, чем у средневекового крепостного.

Важное значение для изучения статуса колона имеет также вопрос о его личных правах. Характеризуя личные права колонов, мы, так же как и при оценке имущественных их прав, встречаемся в источниках с рядом противоречивых положений. Законодательство обнаруживает

¹ Так, например, конституция, изданная в начале V в., предписывала, чтобы магнаты не заседали вместе с судьями в судах тогда, когда решаются их тяжбы (Cod. Just., I, 45. 1).

² Nov. Just., XXVI, 3.

³ Следует отметить, что все конституции IV—VI вв., запрещающие взимать оброк с колонов сверх обычая, относятся к восточным провинциям империи.

⁴ Конституция Аркадия и Гонория, упоминающая об отсутствии у адскрипций права иметь свою собственность, признает в то же время за ними право судиться с господами в случае незаконного обложения их оброком (Cod. Just., XI, 50. 2). Этот закон оставался в силе при Юстиниане.

⁵ См. выше, стр. 67, прим. 6.

⁶ Можно лишь предполагать, что правительству приходилось особенно заботиться о том, чтобы „свободные“ колоны, недавно закрепощенные и особенно активно выступавшие против землевладельцев, не были доведены до крайних средств борьбы. В связи с этим законодательство VI в. особенно строго запрещало чрезмерное обложение оброками именно этого разряда колонов (Cod. Just., XI, 48. 23).

совершенно явную тенденцию приравнять колона в отношении его личных прав к серву; но в то же время некоторые данные юридических и других источников позволяют сделать вывод, что практически колон обладал определенной суммой гражданских прав, поэтому сопоставление колона с античным рабом и в этом отношении неправомерно.

Утрата восточно-римским колоном важнейших атрибутов свободного состояния несомненна. Выше рассматривался уже вопрос об ограничении имущественной правоспособности колонов. Колоны утрачивают и такой признак свободы, как право произвольного передвижения. Известно, что еще в течение IV в. произошло во всей империи прикрепление колонов к земле¹. Это закрепощение постигло колонов всех разрядов без различия в их положении². К VI в. законодательство расширяет практику прикрепления к земле на всех тех земледельцев, которые более 30 лет обрабатывали чужую землю (Cod. Just., XI, 48. 19). Юстиниан распространил действие закона о прикреплении колонов к земле и на детей „свободных“ колонов, хотя бы они и прибыли на данной земле менее 30 лет (Cod. Just., XI, 48. 23).

В VI в. законодательство перестает ограничивать землевладельцев каким-либо сроком для розыска беглых колонов. В V в. существовал закон о тридцатилетнем сроке розыска колонов, оригинариев и инквилинов (Cod. Theod., V, 18, 1. Cr. Cod. Just., XI, 66. 6). Юстиниан же вовсе отменил давность для востребования детей „свободных“ колонов, ушедших из поместья (Cod. Just., XI, 48. 22), а затем уничтожил всякие ограничения в сроке розыска адскриптицев; он указал, что последние навечно привязаны к земле (Cod. Just., XI, 48. 23)³.

Хотя в данном законе отменялось ограничение срока розыска именно адскриптицев, но официальное право также непреклонно прикрепляло к земле и „свободных“ колонов. В законодательстве IV—VI вв. часто повторяется положение, что „свободные“ колоны, хотя и являются людьми свободными, не имеют права оставлять земли, которые они обрабатывают (Cod. Just., XI, 52; XI, 48. 19; 23; Nov. Just., CLXII, 2—3). Землевладелец мог также требовать возвращения беглого свободного колона, как и адскрипция, от укрывших его светских или духовных землевладельцев (Cod. Just., XI, 48. 23; Nov. Just., XVII, 14; CXXIII, 35). Это показывает несостоятельность утверждений некоторых буржуазных исследователей, будто на Востоке „свободные“ колоны не зависели от господ⁴.

В буржуазной историографии нередко делались попытки представить прикрепление колонов к земле меропрятием, продиктованным фискальными соображениями, проявлением политики прикрепления всего населения к тяглу. Лишение колонов свободы передвижения представляло собой, однако, явление, глубоко отличное от прикрепления куриалов к курии. Колон не просто лишался возможности менять местожи-

¹ В конституции Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 386 г. о закрепощении палестинских колонов указывалось, что в остальных провинциях закон уже удерживает колонов вечным принудительным правом (Cod. Just., XI, 51). Некоторые авторы ставили под сомнение прикрепление колонов к земле в Египте. См. A. Ch. Johnson. Egypt and the Roman Empire, p. 94, 106 и др.; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах..., стр. 100. Однако конституции Кодекса Феодосия требуют пресекать бегство египетских колонов с мест их жительства (Cod. Theod., XI, 24. 1; 6).

² Sine ullo sexus muneris condicionisque discrimine (Cod. Just., XI, 48. 6).

³ Исключение допускалось в случае бегства колона в монастыри. В таких случаях срок розыска беглого определялся в 3 года (Nov. Just., CXXIII, 35).

⁴ См. M. Palasse. Orient et occident à propos du colonat Romain au Bas-Empire, Lyon, 1950, p. 44—45, 56—61.

тельство, но и фактически становился крепостным человеком своего посессора, земледельцем, находящимся в личной зависимости от землевладельца. Прикрепление колонов являлось средством внеэкономического принуждения, необходимым для того, чтобы поставить непосредственных производителей в прямую зависимость от землевладельцев, обеспечить последних рабочей силой. Уже в IV в. законодательство трактует колонов не как полноправных свободных граждан, а как людей, принадлежащих землевладельцу. В юридических источниках V в. колоны выступают как собственность их господ¹.

Колон мог быть продан землевладельцем или отдан по завещанию вместе с имением, в котором он находился². Колон мог попасть в распоряжение арендатора, взявшего в аренду ту землю, на которой сидел колон³.

Официальное право в V в. нередко противопоставляет колонов свободным людям⁴. Состояние колонов юристы считают близким к рабству⁵. В VI в. противопоставление колонов свободным людям и сближение их с сервами еще больше усиливается, особенно по отношению к низшему разряду колонов — адскриптициям. Наиболее ярко сопоставление положения адскриптициев и рабов выражено в известном риторическом вопросе конституции Юстиниана от 530 г.: „В чем состоит различие между адскриптицием и сервом, если оба они находятся во власти господина, и господин может и серва освободить с его цекулием и удалить адскриптиция вместе с землей из-под своего господства?“ (Cod. Just., XI, 48. 21).

Детей адскриптициев новелла Юстиниана характеризует как „рабское отродье“ (Nov. Just., LIV, praef.). Стремление законодательства принизить социальный вес колонов чуть ли не до рабского заметно не только по отношению к адскриптициям. В более осторожной форме эта тенденция проявляется и по отношению к „свободным“ колонам. Несмотря на то, что законодательство постоянно подчеркивает свободное состояние данного разряда колонов⁶, последние, подобно адскриптициям, лишены свободы передвижения. Нередко в законодательных актах свободным людям противопоставляются все колоны независимо от их разряда⁷.

¹ Землевладелец мог разыскивать и требовать беглого колона как свою собственность — *causa proprietatis* [Cod. Just., XI, 48. 14 (400 г.)]; колоном можно было „владеть“ — *si quis colonus... a quo forte possidetur* [Cod. Theod., V, 18.1 (419 г.)]. Колонов делят на „чужих“ и „собственных“ [Cod. Theod., V, 6. 3 (419 г.)]. В конце V в. не только адскриптициями, но и прочими колонами землевладелец, по выражению конституции Зенона (484 г.), мог распоряжаться как своей собственностью: *dominis... jus proprium ad similitudinem ceterorum colonorum in suos adscriptitios exercendi... tribui facultatem* (Cod. Just., I, 3. 36).

² Cod. Just., XI, 50. 2 (396 г.); XI, 48. 13 (400 г.); Cod. Theod., XIII, 10. 3 (356 г.); XI, 1. 26 (399 г.); Nov. Just., CLXVII.

³ См. P. Giess., 56. См. М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 105.

⁴ Cod. Just., X, 71. 3.

⁵ *Paene est ut quadam servituti dediti videantur* (Cod. Just., XI, 50. 2). Также Cod. Just., XI, 52.

⁶ Cod. Just., XI, 48. 19; Nov. Just., CLXII, 2.

⁷ Cod. Just., X, 71. 3 (401 г.); Cod. Just., I, 12. 6 (466 г.); Cod. Just., VIII, 51. 3 (529 г.). Конституция Юстиниана от 531 г., разрешающая господину требовать возвращения сына „свободного“ колона, ушедшего из имения, указывает, что данный колон, даже не находясь в имении, не был в действительности на свободе, так как „часть его тела при посредстве родственников оставалась в имении“ (*Quum enim pars quodammodo corporis eius per cognationem in fundo remanebat, non videtur neque abesse neque peregrinari neque in libertate morari* — Cod. Just., XI, 48. 22).

За укрывательство беглого „свободного“ колона поссессор несет такую же ответственность, как и за укрывательство адскрипции (Cod. Just., XI, 48. 23; Nov. Just., XVII, 14; ср. Cod. Just., XI, 53. 1; XI, 52; Cod. Theod., XI, 24. 6). Одинаков был также порядок выдачи беглых адскрипциев и „свободных“ колонов из монастырей их прежним господам (Nov. Just., CXXIII, 35)¹.

Стремление государства подчинить колонов личной власти господ выражалось также в признании за владельцами имений патронатных прав по отношению к колонам. В конституции 393 г. о фракийских колонах указывалось, что поссессор может проявить по отношению к этим земледельцам попечение патрона и власть господина (*possessor eorum jure utatur et patroni sollicitudine et domini potestate* — Cod. Just., XI, 52). В конституции Аркадия и Гонория от 396 г. об отношении колонов к их владельцам говорится как об отношении к господам и патронам². Между тем известно, что патрон имел право требовать от своего клиента-вольноотпущенника повиновения и послушания (*obsequium*)³. Таким образом, отношения патрона и клиента увеличивали личную власть землевладельца над колоном. Личная зависимость от поссесора присуща не только адскрипцию, но и „свободному“ колону.

Юридические источники V—VI вв. противопоставляют свободным людям не только раба, либертина и адскрипция, но и „свободного“ колона, как человека связанного своим подчиненным положением⁴. Об этих колонах говорится как о людях, которые, подобно адскрипциям, тесно связаны со своими господами⁵. В перечне форм зависимого состояния, противопоставляемого свободе, фигурируют адскрипциат, колонат и рабство⁶. Землевладелец выступает в источниках как *dominus, δεσπότης, κύριος* по отношению к колону.

В источниках содержатся и конкретные данные, характеризующие тенденцию государства в IV—VI вв. расширить личную власть землевладельца над колоном и ограничить гражданские права последнего.

Уже в IV в. значительно сужается правоспособность колона. Колона запрещается без ведома господина вести какое-либо гражданское дело (Cod. Theod., V, 19. 1). Колон лишается права судиться в гражданских делах с господами, за исключением случаев незаконного взимания оброка (Cod. Just., XI, 50. 1—2). В VI в. ограничивается возможность колонов выступать в качестве свидетелей на суде. Их, очевидно, коснулось указание закона Юстиниана от 539 г. о том, что в свидетели

¹ Законодательство, очевидно, карало адскрипциев за бегство более строго, чем „свободных“ колонов. Закон Константина от 332 г. о наложении оков на беглых колонов (Cod. Theod., V, 17. 1) в VI в. распространялся лишь на адскрипциев (Cod. Just., XI, 48. 23).

² *Adversus dominos vel patronos* (Cod. Just., XI, 50. 2). См. также Cod. Theod., XI, 24. 6.

³ См. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов, стр. 57. Юридические источники в ряде случаев представляют отношения землевладельца к колону как покровительство, попечение со стороны патрона. В законе Анастасия, закрепощающем „свободных“ колонов, указывается, что эта мера „выгодна как поссессорам, так и земледельцам“ (Cod. Just., XI, 48. 19). О возможном освобождении адскрипции вместе с землей от зависимости говорится в конституции Юстиниана как об изгнании (*possit... adscriptitium cum terra suo dominio expellere*) — Cod. Just., XI, 48. 21).

⁴ *Persona... conditioni subdita* (Cod. Just., I, 12, 6). Ср. Nov. Just., LXXX, 2.

⁵ Nov. Just., CXXVIII, 14.

⁶ *Hi, qui ab hujusmodi hominibus educati sunt, liberi et ingenui appareant... nulla macula vel servitutis vel adscriptitiae aut colonariae conditionis imbuti* [Cod. Just., VIII, 51. 3 (529 г.)].

нужно брать лишь людей „достойных“; люди низшего звания должны были давать свидетельские показания под пыткой¹.

Колон не мог поступить в армию по своему почину. Он попадал в армию лишь в том случае, если был направлен землевладельцем, обязанным поставить известное число рекрутов. Беглого колона, оказавшегося в армии, возвращали его господину [Cod. Just., VII, 38.11 (365 г.)]. Уход колона в монастырь, поступление в клир были возможны, как правило, также лишь с санкции землевладельца [Cod. Just., I, 3. 16 (409 г.); I, 3. 36 (484 г.); Nov. Just., CXXIII, 17 и 35].

Колон лишен также права поступать на государственную службу (Cod. Just., XI, 48. 11; 18). Государственные налоги в большинстве случаев он вносил не сам, а через посредство владельца. Законодательство предоставляло право землевладельцу взять на себя уплату государственных налогов даже и „свободных“ колонов (Nov. Just., CXXVIII, 14).

О росте частной власти магнатов и о наличии дисциплинарной власти землевладельцев над колонами свидетельствуют многочисленные данные источников. Официальное право, опасаясь децентрализаторских тенденций магнатов на местах, формально запрещало устройство частных тюрем, содержание буккелариев и даже ношение и изготовление оружия частными лицами (Nov. Just., XVII, 17; LXXXV, 3—4). Эти запреты, однако, были столь же мало действенны, как и законы, направленные против патроциниев. Папирусы и литературные источники свидетельствуют о том, что крупные землевладельцы в VI в. имели буккелариев, нередко заключали колонов в поместные тюрьмы, подвергали различным наказаниям, осуществляли судебную власть над зависимыми земледельцами².

В ряде случаев государство само предоставляло дисциплинарные права над населением имений их владельцам. В V в. землевладельцам провинции Африка предписано было наказывать бичеванием колонов, придерживающихся донатистской ереси. (Cod. Theod., XVI, 5. 52). В VI в. землевладельцам разрешено было подвергать дисциплинарным мерам адскриптииев, виновных в сожительстве со свободными женщинами (Cod. Just., VII, 24. 1; XI, 48. 24). Практика дисциплинарного воздействия посессоров распространялась и на „свободных“ колонов. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при выдаче из монастырей беглых адскриптииев и колонов их господам, с последних бралось обещание, что они не будут сурово наказывать колонов за бегство (Nov. Just., CXXIII, 35).

О личной власти землевладельцев свидетельствует и тот факт, что магнаты в отдельных случаях заставляли колонов служить им с оружием в руках. Магнаты побуждали колонов братья за оружие во время столкновений с соседними светскими и духовными землевладельцами, для отражений нападений „варваров“ или для оказания сопротивления правительственным чиновникам, особенно налоговым³.

¹ Nov. Just., XC, 1.

² См. Р. Оху., 1867. О судебной власти, осуществляемой египетским монастырем над земледельцами, см. М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв., стр. 37—38.

³ Cod. Theod., XIII, 11.3. Иоанн Златоуст в XIV письме к Олимпиаде рассказывает о том, как „прекрасная Селевкия“, представительница каппадокийской знати, готовясь защитить Иоанна от кесарийских монахов, приказала собрать земледельцев из ее поместий и приготвить их к бою (см. М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 74).

Утрата колонами статуса полноправных свободных граждан выражается также в ограничении их брачного права. Ряд законодательных положений суживал круг лиц, с которыми колоны могли вступать в брак. Землевладельцы имели право не допускать браков своих колонов с колонами других господ (Nov. Just., CLVII, 1); поссессоры могли также разделять родителей и их детей: если адскрипции разных господ, вопреки правилам, заключали браки, то их потомство делилось между господами [Nov. Just., CLXII, 3 (539 г.)]. Между „свободными“ колонами и адскрипциями были запрещены браки даже в пределах одного и того же имения. Землевладельцы имели право расторгать такие браки (см. выше, стр. 54—56). Брак между колонами даже и в пределах имения оказывается под строгим контролем со стороны поместной администрации.

Таким образом, в V—VI вв. усиливается ограничение личных прав колонов.

Законодательное лишение свободы передвижения и подчинение колонов личной власти землевладельцев в сочетании с ограничением имущественной правоспособности колонов означали утрату последними важнейших атрибутов свободного состояния в той интерпретации понятия свободы, которая присуща античному обществу. Это распространялось не только на низший разряд колонов — на адскрипциев, но и на „свободных“ колонов.

Изменение статуса колонов, которые еще в III в. представляли собой свободных граждан в прежнем понимании этого термина, не означало, однако, что они деградировали до состояния сервов. Если мы замечаем в законодательстве стремление низвести колонов, особенно адскрипциев, до бесправного положения рабов, то это отнюдь не говорит о том, что практически колоны или хотя бы адскрипции перестали отличаться от рабов и слились вместе с ними в единую массу земледельческого эксплуатируемого населения¹.

Тенденция законодательства лишить колонов всех прав свободных людей, подчинить власти землевладельцев и обеспечить тем самым возможность внеэкономического принуждения встречала упорное сопротивление со стороны земледельцев. Колоны отстаивали свои права свободных граждан от посягательств поссессоров, отказывались нередко признавать себя колонами, апеллировали к высшим судебным инстанциям империи и в ряде случаев переходили к вооруженной борьбе. Это упорное сопротивление колонов порабощению не оставалось безрезультатным. Ряд правовых норм, направленных на выдачу колона во власть землевладельца, не получил применения или был ограничен. Не всегда у государства, например, хватало сил для осуществления закона о бессрочном розыске беглых колонов. Правительство не сочло возможным настаивать на применении этого закона в Африке после завоевания этой провинции. Специальные конституции Юстиниана предупреждали

¹ М. В. Левченко (Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 72) считает показателем реального соотношения сил крупного землевладельца и сельской общины тот факт, что администрация крупного имения могла бросить в тюрьму всех выборных лиц общины. Следует учитывать, однако, и те данные источников, которые показывают другие стороны взаимоотношений между земледельцами и поссессорами. В документах, на которые ссылается М. В. Левченко, идет речь о крупных имениях, владельцы которых, как правило, располагали значительным аппаратом принуждения. Но законодательство считается с тем, что землевладелец не всегда может заставить обитателей поместья подчиниться своей воле (Cod. Just., IX, 39.2). Колон, обращающийся с просьбой о ссуде к владельцу имения, предупреждает последнего, что в случае отказа он не останется в поместье (Р. Оху., 130).

землевладельцев Африки о том, что они не имеют права требовать возвращения колонов и их детей, которые ушли из имений еще при вандалах и живут среди свободных людей или вступили в духовное звание¹. Признано было также право детей адскрипционных от свободных женщин покидать владения поссессоров в том случае, если они становились земельными собственниками в каком-нибудь другом месте и для них было невозможно совмещать ведение хозяйства на этой земле и выполнение обязанностей колонов.

Закрепощение само по себе, однако, не определяет статуса колона: оно сразу же проводит грань между свободным поселенцем, арендатором и прекаристом, с одной стороны, и колоном, с другой; но отсутствие свободы передвижения — черта общая и для античного раба, и для средневекового крепостного.

Законодательные положения IV в., ограничивавшие правоспособность колонов, очевидно, не утвердились в V—VI вв. Так, например, конституция, запрещавшая колонам вести гражданские дела без санкции господина (Cod. Theod., V, 19. 1), не вошла в Кодекс Юстиниана².

Источники свидетельствуют о том, что, несмотря на отмеченные выше ограничения юрисдикции колонов, практика судебных дел между колонами и их господами была широко распространена в Восточной империи в VI в. Правительство высказывает нередко беспокойство по поводу скопления в столице большого количества колонов, тягущихся со своими землевладельцами. Оно старается сократить сроки пребывания этих крестьян в Константинополе и ограничить число их представителей; правительство требует, чтобы жалобы колонов выслушивали сначала местные власти, но не ставит под сомнение право колонов судиться с господами³.

В Восточной империи как „свободные“ колоны, так и адскрипции могли заключать браки — *matrimonia* (Cod. Just., XI, 69. 1; ср. Nov. Just., XXII, 17; CLXII, 2). Они имели семьи, и дети колонов находились в отцовской власти⁴. Не имея возможности вступать в армию по своей инициативе, колоны в отличие от сервов не были в принципе устранены от воинской службы. Несмотря на общие правовые нормы, позволявшие принимать колонов и рабов в клир с санкции их господ, колоны могли становиться клириками даже без разрешения землевладельца, хотя и обязывались нести прежние повинности в пользу своего господина (Nov. Just., CXXIII, 17).

Мы не встречаем ни в юридических, ни в литературных источниках V—VI вв. упоминаний о „цене“ колона или о продаже колонов без земли. О купле-продаже сервов в этих же источниках имеется немало данных. Юстинианом определена была такса цен на рабов различных профессий (Cod. Just., VI, 43. 3; VII, 7. 1).

Никакие презрительные эпитеты, употреблявшиеся законодателями V—VI вв. по отношению к колонам, не могут заслонить того совер-

¹ См. Э. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, т. V, 1952, стр. 47.

² На Западе, где права колонов ограничивались в большей мере, чем в Восточной империи, эта конституция вошла в Бrevиарий Алариха (Lex Romana Visigothorum, Cod. Theod., V, 11. 1).

³ См. Nov. Just., XXVI, 3. Право колонов судиться с господами по уголовным делам вообще никогда не оспаривалось (Cod. Just., XI, 50. 2). В законодательстве не ставится вопрос об ответственности господина за убийство колона (как это делается в отношении серва), так как колон не выделяется в этом отношении из числа свободных граждан.

⁴ См. К. Е. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1887, S. 230—231.

шенно несомненного факта, что ни официальное, ни обычное право Восточной Римской империи V—VI вв. не смогло низвести колона до положения раба, являвшегося вещью, собственностью землевладельца. Государственное законодательство признает за последним лишь право на труд колона, на принуждение его к отбыванию известных повинностей. Это — черта, присущая уже крепостной зависимости.

Таким образом, несмотря на все ограничения личной правоспособности колона в V—VI вв. и вопреки стремлению официального права принизить социальный вес этого разряда земледельцев, колон отнюдь не опускается до уровня серва. Об этом свидетельствуют ведение колонами самостоятельного хозяйства, известная имущественная правоспособность колона, в частности право передачи своего имущества детям и составления завещания, способность колонов судиться с господами, привлечение колонов к службе в армии, наличие у них семьи и пр.

Сопротивление колонов порабощению могло оказаться в значительной мере действенным по той причине, что оно находилось в соответствии с некоторыми тенденциями исторического развития.

В переходный период от рабовладельческого общества к феодальному наряду с традициями рабовладельческого строя действовали уже факторы феодализации. Потребность самих землевладельцев в рабочих, заинтересованных в своем труде, играла важную роль в том, что статус колона V—VI вв. остался совершенно отличным от статуса серва¹.

Не только „свободный“ колон, но и адскрипций представляет собой непосредственного производителя, принципиально отличного по своему типу от античного раба. Колону присущи, правда, некоторые черты рабского состояния. Но известно, что и крепостное право раннего средневековья заключало в себе еще много черт древнего рабства².

Рассматривая ограничения имущественных и личных прав колона, мы обнаружили ряд черт, которые могли бы отметить также и в статусе тех или иных групп средневековых крепостных крестьян. Колон Восточной Римской империи V—VI вв. стоит несколько ближе к крепостному раннего средневековья, чем колон Западной империи IV—V вв., хотя последний также представлял собой предшественника крепостного крестьянина.

В восточных провинциях империи колон имел, повидимому, больше прав на свое имущество, чем на Западе, чаще являлся владельцем собственной земли, его шире привлекали для службы в армии, он был не так бесправен по отношению к землевладельцу, как его собрат на Западе.

Колоны в Восточной империи, повидимому, вели борьбу против землевладельцев более сплоченно. Этому способствовало то обстоятельство, что здесь в большей степени, чем на Западе, сохранились остатки общинных связей у земледельцев, являвшихся основным контингентом для колоната. Но тем не менее положение восточно-римского колона по сравнению с обычным типом средневекового крепостного оставалось неустойчивым.

¹ Государство, идя на „уступки“ колонам, признавая, например, право колонов-самаритян делать завещания или объявляя о рассрочке платежей налогов, открыто заявляло, что все это совершается в конечном счете ради самих посессоров. См. Nov. Just., CLXIII, 1: Προσάγομεν ὑπὲρ πολιτευμάτων εἰκότως αὐτοῖς καὶ τὴν ἐπὶ παρόντος δωρεάν δι' ἧς concedimus γεωργοῖς τε καὶ συντελεσταῖς ἀπαισι (ταῦτόν δέ ἐστιν εἰπεῖν τοῖς τῶν χωρίων κυρίοις). Integrum unum canonem τῶν δημοσίων φόρων [τῆς] εἰς quadriennium διαχιρομένης. Ср. также Nov. Just., CXLIV, 2.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 640.

Колон не имел достаточно прочных прав на свой участок земли и свое хозяйство, хотя он, как отмечалось выше, имел право на часть продуктов производства своего хозяйства. Мы не встречаем в официальном праве каких-либо норм, закрепляющих за колонами обрабатываемую ими землю. Это, разумеется, замедлило процесс превращения колона в работника, заинтересованного в своем хозяйстве и в своем труде. Мы отмечали уже, что экономический и политический строй Восточно-римского государства V—VI вв. обуславливал такую норму эксплуатации колона, которая тормозила создание у этого непосредственного производителя серьезных стимулов для повышения производительности своего труда.

Таким образом, колонат в Восточной Римской империи, несмотря на его некоторую близость к крепостническим отношениям, отнюдь не может быть отождествлен с последними. Колонат представлял собой форму производственных отношений, соответствующую переходному периоду от рабовладельческого строя к феодальному. Изложенные выше данные о характере восточно-римского колоната, ставшего в V—VI вв. одной из главных форм эксплуатации непосредственных производителей, указывают, что рабство во многом уже начинает утрачивать в рассматриваемый период времени значение господствующей формы экономических отношений (во всяком случае в сельском хозяйстве).

Колонат V—VI вв. — это очевидный показатель разложения рабовладельческой системы хозяйства и яркое проявление процесса феодализации, происходившего уже в то время в Восточной Римской империи.

З. В. УДАЛЬЦОВА

**КРУПНОЕ СВЕТСКОЕ И ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ
В ИТАЛИИ VI в.**

В буржуазной историографии довольно широко распространено мнение о том, что во время правления остготов в Италии не произошло каких-либо существенных изменений в социально-экономической структуре общества¹. Однако изучение источников опровергает эту точку зрения и показывает, что остготский период итальянской истории являлся важным этапом в развитии феодальных отношений на Апеннинском полуострове.

Важнейшими источниками, содержащими ценные сведения о наиболее существенных изменениях, происшедших в сфере социально-экономических отношений Италии в период правления остготов, являются прежде всего эдикт Теодориха² и обширное собрание рескриптов, писем и различных актов и предписаний остготского правительства, составленное Кассиодором³.

Эдикт Теодориха, изданный остготским правительством в 512 г.⁴, представляет собой собрание законодательных актов, касающихся важнейших вопросов гражданского и уголовного права; значительное место в этом эдикте отводится регулированию прав собственности, наследования и завещаний, брачного права, взаимоотношений между различными социальными категориями населения Италии, определению статуса зависимого населения и наказаний за всевозможные правонарушения.

Эдикт Теодориха — один из ценных законодательных памятников раннего средневековья — неоднократно являлся предметом исследования буржуазных ученых. Труды некоторых буржуазных исследователей отличались тонкостью и скрупулезностью источниковедческого анализа этого памятника: этими учеными проведена большая работа по выявлению состава эдикта и его источников, по сопоставлению содержания

---

¹ W. Ensslin. Theoderich der Grosse. München, 1951; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, Paris, 1949, p. 131—132.

² ETh. MGH. Legum sectio I, t. V, ed. Fr. Bluhme. Hannoverae, 1875, p. 152—168.

³ Cassiodori Variae. MGH. Auctores antiquissimi, t. XII, p. 1—385.

⁴ О дате издания эдикта Теодориха см. G. Pfeilschifter. Der Ostgotenkönig Theoderich der Grosse und die katholische Kirche. Berlin, 1896, S. 7; L. Schmidt. Die Ostgermanen. Berlin, 1910, S. 386; J. Sundwall. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919, S. 219.

этого памятника с постановлениями римского законодательства и предписаниями германского обычного права¹.

Однако по вопросу о происхождении этого памятника и степени его зависимости от римского законодательства и германского обычного права среди буржуазных исследователей существуют значительные расхождения². Как правило, выводы того или иного автора относительно состава и источников эдикта Теодориха во многом определяются политическими взглядами и национальными симпатиями исследователя: одни ученые, принадлежащие обычно к романистическому направлению, стремятся акцентировать внимание на выявлении римских источников эдикта Теодориха и находят истоки памятника исключительно в римском законодательстве³; другие же исследователи, являющиеся выразителями германистической точки зрения, прилагают немало усилий для выяснения влияния германского обычного права на то или иное предписание эдикта Теодориха⁴. Весьма разноречива и крайне тенденциозна также и общая оценка этого памятника в буржуазной историографии раннего средневековья. Некоторые буржуазные ученые, постулируя исключительно римское происхождение этого законодательного памятника, считают, что эдикт Теодориха не внес ничего существенно нового по сравнению с римским правом и поэтому как исторический источник не имеет никакого самостоятельного значения, а представляет известный интерес лишь как свидетельство неоспоримого господства римского права в остготском королевстве⁵. Подобная нигилистическая оценка этого важнейшего памятника остготского периода итальянской истории получила довольно широкое распространение в буржуазной историографии романистического направления⁶, хотя она основывается отнюдь не на глубоком изучении памятника и сопоставлении его предписаний с римским законодательством, а главным образом на априорных и тенденциозных построениях ученых этого направления. По мнению некоторых ученых, отстаивающих подобную точку зрения, эдикт Теодориха имел преимущественно консервативный характер, сохранял основы римской цивилизации и не вносил каких-либо существенных изменений в социально-экономические отношения того времени⁷.

В противовес точке зрения ученых этого направления, буржуазные исследователи германистической школы явно преувеличивали влияние германского обычного права и германских общественных отношений

¹ G. F. Rhön. *Edictum Theoderici*. Halae, 1844; F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, Würzburg, 1866, S. 1—122; *Edictum Theoderici*, *Commentar* ab Fr. Bluhme. MGH. *Legum t. V*, p. 145—149; L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter* Bd. I. Leipzig, 1897, S. 114—118, 129; W. Ensslin. *Theoderich der Grosse*, S. 227—243.

² Так, например, Ф. Дан в трактовке отдельных статей эдикта и в определении их источников весьма часто самым решительным образом расходится с Ронем (F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 48, 62, 64—65, 80, 86) и др., а в то же время издатель эдикта Ф. Блуэ в свою очередь во многих случаях не соглашается с выводами Дана и иногда поддерживает точку зрения Рона (Fr. Bluhme. *Commentar*, p. 154 etc.).

³ J. Glöden. *Das römische Recht im ostgotischen Reiche*. Jena, 1843; D. K. Hegel. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*, Bd. I. Leipzig, 1847, S. 101—102, 105.

⁴ F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 41—42, 84—85, 96—97, 100 etc.

⁵ J. Glöden. *Das römische Recht im ostgotischen Reiche*, S. 73.

⁶ D. K. Hegel. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*. Bd. I, S. 101, 104.

⁷ H. St. Moss. *La naissance du moyen âge* (395—814). Paris, 1937, p. 94; E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 132—133.

на законодательство остготского правительства, иногда прибегая к разного рода гипотетическим построениям для обоснования своей концепции; однако попытки этих ученых выявить то новое, что было внесено в эдикт Теодориха по сравнению с римским законодательством, во многих случаях оказались плодотворными и дали возможность определить весьма существенные нововведения в законодательстве остготов этого периода¹. Тем самым изыскания этих ученых расширили наши знания о той отдаленной эпохе и принесли больше пользы, чем исследования тех представителей романистической школы, которые начисто отрицали наличие в эдикте Теодориха каких-либо элементов нового по сравнению с предписаниями римского права. Однако исследования Ф. Дана и его последователей были бы значительно более эффективными, если бы над ними не довели националистические идеи, заставлявшие их искать истоки появления того или иного постановления эдикта Теодориха не в реальной действительности V—VI вв., а в неких отвлеченных германских „началах“ общественной жизни.

Между тем лишь в свете изучения реальных изменений социально-экономической жизни Италии того времени могут быть определены характер и общая направленность этого важного законодательного памятника раннего средневековья.

Именно в синтезе общественных отношений остготов и римлян, во взаимодействии их социальных и правовых институтов и следует, на наш взгляд, искать ключ к пониманию значения эдикта Теодориха и других законодательных предписаний остготского правительства. Точно так же характер и социальная направленность тех весьма существенных нововведений, которые были внесены в остготское законодательство по сравнению с римским правом, не могут быть поняты вне органической связи с реальными изменениями в социально-экономических и политических отношениях того времени. И хотя в основе большинства статей эдикта Теодориха лежат постановления, почерпнутые из римского права, следует признать, что эти предписания римских юристов подверглись значительному изменению под воздействием новых общественных отношений, развивающихся в Италии на основе синтеза римских и германских социально-экономических и политических институтов.

Общая политическая и социальная направленность законодательства, подбор материала эдикта, весьма важные и довольно многочисленные отклонения от установлений римского права, изменения в положении отдельных категорий зависимого населения и в формах и видах наказаний за различные правонарушения, стремление законодателя самыми суровыми мерами поддержать авторитет предписаний эдикта и добиться их неуклонного выполнения, — все это свидетельствует о том, что эдикт Теодориха не был лишь мертвой буквой и простым переложением римских законов. Нет сомнения, что эдикт Теодориха являлся реально действующим правом, в котором нашли отражение существенные изменения, происшедшие в сфере экономики, социальной структуры общества и политических взаимоотношений различных слоев населения Италии в период, непосредственно следовавший за завоеванием этой провинции остготами.

Таким образом, не подлежит сомнению, что эдикт Теодориха не был лишь рецепцией римского права или механическим соединением римского законодательства с обычным правом германских племен,

¹ F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 40—102.

а являлся прежде всего отражением общественных отношений, существовавших в реальной действительности того времени: он фиксировал и закреплял те важнейшие изменения в социально-экономической жизни Италии, которые произошли в V—VI вв.

Социальная направленность эдикта Теодориха и других законодательных памятников той эпохи была обусловлена реальными классовыми и политическими целями господствующего класса остготского общества — феодализирующейся остготской знати, интересы которой выражало правительство Теодориха. В силу этого был произведен отбор именно таких постановлений римского законодательства и германского обычного права, которые отвечали насущным экономическим и классовым интересам остготской знати и закрепляли преимущественно те изменения в сфере общественных отношений, которые были ей в той или иной степени выгодны.

Вопреки демагогическим утверждениям законодателя о том, что целью издания эдикта является забота правительства об общем благе всех подданных¹, предписания этого важнейшего законодательного памятника остготского королевства носят ярко выраженный классовый характер. Основной задачей законодательства является защита интересов крупных земельных собственников² из числа остготской и римской знати, укрепление авторитета центральной власти³, беспощадное подавление всякого сопротивления со стороны народных масс⁴. Классовая направленность эдикта Теодориха особенно отчетливо проявляется в суровых постановлениях, касающихся различных категорий зависимого населения, особенно рабов и колонов⁵. В этих постановлениях эдикта не только всегда защищаются интересы господствующего класса, но в ряде случаев в угоду крупным собственникам санкционируется дальнейшее ухудшение положения зависимого населения⁶.

Вместе с тем в эдикте Теодориха, как и в других законодательных памятниках той эпохи, нашла свое отражение политика остготского правительства в отношении крупных римских землевладельцев и католической церкви: постановления эдикта отмечены стремлением привлечь на сторону правительства римскую земельную аристократию и католическое духовенство⁷. Подобная политика в свою очередь имела реальную основу в общих классовых интересах, сближавших остготскую знать и римскую земельную аристократию.

В связи с этим необходимо отметить, что эдикту Теодориха и другим предписаниям остготских королей не присуща племенная исключительность. Постановления эдикта Теодориха в равной степени относятся как к римлянам, так и к готам, которые именуются в эдикте „варварами“⁸. В заключительной статье эдикта Теодориха особо подчеркивается, что эдикт издан „на благо“ всем подданным, как „варварам“, так и римлянам, и что его предписания в равной степени должны выполняться и римлянами, и готами. Наблюдение за выполнением предписаний эдикта при этом возлагалось на особых судей, которые обязаны были одинаково сурово карать всех нарушителей постановлений

¹ ETh, praef.

² ETh, praef., § 12, 16, 23, 24, 25, 28, 29, 39, 47, 76, 104, 132, 137, 142, 144 etc.

³ ETh, praef., § 155.

⁴ ETh, § 97, 107 etc.

⁵ ETh, § 21, 56, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 77, 84, 85, 86, 87, 94, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 109, 117, 120, 121, 128, 141, 142, 148, 150, 152.

⁶ ETh, § 84, 97, 104, 109, 121, 142.

⁷ ETh, § 26, 70, 71, 125, 126, 154 etc.

⁸ ETh, praef., § 155.

эдикта, будь то римляне или готы¹. Лишь в отдельных случаях в эдикте Теодориха особо оговариваются некоторые привилегии остготской знати и остготских воинов², о чем подробнее будет сказано ниже³.

Вместе с тем эдикт Теодориха и другие законодательные памятники того времени содержат ценные сведения о формах и характере классовой борьбы в Италии в период правления первых остготских королей⁴, проливают некоторый свет на расстановку классовых сил в стране, а также помогают глубже уяснить причины и характер борьбы внутри господствующего класса Италии того времени⁵. Все это делает эдикт Теодориха одним из важных источников по истории раннего средневековья.

Все предписания эдикта Теодориха были в 533—534 гг. вновь подтверждены особым эдиктом его внука короля Аталариха⁶. Подобное подтверждение предписаний эдикта Теодориха указывает, что правовые нормы, введенные при Теодорихе, продолжали в основном отвечать интересам господствующего класса остготского общества еще спустя 20 с лишним лет после издания эдикта. Вместе с тем это свидетельствует, что в реальной действительности того времени постановления остготского законодательства отнюдь не всегда выполнялись, ибо они нуждались в новом подтверждении. Это особенно относится к постановлениям эдикта Теодориха, направленным против насилий знати⁷ и злоупотреблений судей и других государственных чиновников⁸.

Важные сдвиги, происходившие в социально-экономической и политической жизни Италии рассматриваемой эпохи, не могут быть всесторонне изучены без привлечения другого ценнейшего источника того времени — произведений Кассиодора. Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор (ок. 485—578 гг.) происходил из знатной семьи; его предки были родом из Сирии, но затем приобрели большие земельные владения в Бруттии. Отец Кассиодора в правление Одоакра занимал высокие государственные посты (*comes rerum privatarum* и *comes sacrarum largitionum*), а затем был наместником острова Сицилии. Во время вторжения остготов в Италию он перешел на сторону Теодориха и за это был назначен правителем Калабрии, а затем и префектом претория остготского государства (503—507 гг.). Его сын начал свою государственную карьеру еще во время префектуры отца в качестве одного из его помощников. Обладая недюжинным литературным талантом и выдающимся красноречием, Кассиодор написал панегирик в честь короля Теодориха, что позволило ему выдвинуться при остготском дворе. Затем он достиг высших государственных должностей⁹ и занимал пост префекта претория с 533 по 538 гг., т. е. в правление Аталариха и Амалазунты, Теодата и Витигиса; тот факт, что Кассиодор сохранял этот пост при многочисленных сменявших друг друга правителях, указывает, что он был весьма полезен остготскому правительству в качестве знающего и энергичного администратора и широко образованного человека. Вместе с тем это является свидетельством политической гиб-

¹ ETh, § 155.

² ETh, § 32, 34, 43, 44, 145; Cassiod. *Variae*, VIII, 23.

³ См. ниже, стр. 87—88.

⁴ ETh, § 16, 56, 57, 68, 69, 75, 77, 80, 84, 85, 87, 89, 97, 104, 107, 108, 141, 151.

⁵ Ibid. § 10, 12, 31, 43, 44, 45, 47, 69, 74, 75, 76, 77, 89, 114, 122, 150, 155.

⁶ См. Cassiod. *Variae*, IX, 18.

⁷ EAth, § 1, 2, 8.

⁸ EAth, § 1, 3, 12.

⁹ См. E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 109.

кости этого знатного римлянина, соединявшего льстивость царедворца с энергией государственного человека и ловкостью умного и осторожного политика, сумевшего приспособиться к новым правителям¹. После гибели остготского королевства Кассиодор переселился в Византию и возвратился в Италию лишь на склоне лет. Последние годы жизни он всецело посвятил литературным занятиям и закончил свои дни в Монте-Кассинском монастыре².

По своим политическим взглядам Кассиодор принадлежал к той части земельной аристократии Италии, которая пошла на сближение с остготской знатью во имя сохранения своего привилегированного положения. Кассиодор был одним из наиболее видных представителей римской аристократии, отдавшей свои знания и талант на службу готам. Он являлся ревностным проводником политики сближения римской и остготской знати. Литературное наследие Кассиодора довольно обширно, но в качестве исторического источника представляет далеко не одинаковую ценность. Наибольшее значение для изучения социально-экономической и политической жизни того времени бесспорно имеет составленное Кассиодором собрание посланий и рескриптов остготских королей и многочисленных постановлений префектуры претория (всего около 400), относящееся к 506—537 гг. и известное под названием „*Variae*“.

Большой заслугой Кассиодора является то, что он собрал в единый свод значительное количество законодательных актов, рескриптов, административных предписаний и различных посланий остготских правителей. Являясь их деятельным помощником, он принимал личное участие в составлении и редактировании многих из этих документов.

Обширное собрание рескриптов остготских королей, содержащее разнообразные сведения по социально-экономической и политической истории остготского государства, во многих случаях помогает установить, насколько адекватны реальной действительности были те или иные законодательные мероприятия остготского правительства и какой отклик они встречали со стороны различных социальных слоев населения Италии. Особый интерес представляют известия Кассиодора, относящиеся к внутренней, социально-экономической истории остготского государства и проливающие некоторый свет на положение народных масс Италии и их классовую борьбу³. Эти известия, несмотря на их тенденциозность, порою достаточно обстоятельны и помогают выяснить реальные изменения, происшедшие в процессе развития феодальных отношений в положении различных категорий зависимого населения Италии, в частности в положении рустика, колонов и рабов⁴.

¹ Политическая роль Кассиодора в истории остготского королевства нашла противоречивую оценку в научной литературе. Так, например, некоторые буржуазные исследователи, явно преувеличивая влияние Кассиодора, считали, что именно он вдохновлял и направлял всю политику остготского правительства при короле Теодорихе (см. F. Schneider. *Rom und Romgedanke im Mittelalter*. Berlin, 1926, S. 43, 86—88). В противоположность им Э. Штейн, не отрицая значения Кассиодора в истории культуры остготского общества, отказывается признать его решающее влияние на политику остготского правительства (E. Stein. *Op. cit.*, S. 109). По мнению Штейна, тот факт, что Кассиодор оставался префектом претория при различных остготских королях, свидетельствует, что его влияние на политические дела было не столь значительным и что он был нужен остготским королям как умелый администратор и энергичный проводник политики сближения готов и римлян (E. Stein. *Op. cit.*, p. 129).

² E. Stein. *Op. cit.*, S. 619—620.

³ Cassiod. *Variae*, I, 20, 30—33; VI, 6, 8; IV, 43; IX, 17 etc.

⁴ *Ibid.*, II, 13, 19, 29; III, 14, 32; V, 12, 39; VI, 8, 9, 24; VIII, 31—33; IX, 10; X, 5, 8; XI, 10 etc.

„*Variae*“ Кассиодора, так же как и эдикт Теодориха, являлись предметом специального исследования в научной литературе; наибольшее внимание анализу этого памятника уделено в трудах итальянских историков и экономистов, которые в большинстве случаев весьма высоко оценивают его как исторический источник¹. Особо следует отметить попытку итальянского историка и экономиста Дж. Сальвиоли воссоздать на основании изучения сочинения Кассиодора картину аграрных отношений в Италии в период остготского владычества².

Из других произведений Кассиодора следует особо упомянуть его краткую историческую хронику, написанную в 519 г. по просьбе наследника престола остготских королей Евтариха³. В этом произведении Кассиодора правление остготов в Италии рисуется в крайне панегирических тонах. Подобная же политическая тенденция была еще более ярко выражена в другом обширном историческом труде Кассиодора „История готов“, который, к сожалению, до нас не дошел. Известное представление о некоторых частях этого утраченного труда Кассиодора мы можем составить по переложению их у Иордана, который сократил их и подверг переработке. В этом сочинении Кассиодор, используя доступные ему официальные источники и свои личные наблюдения, пытался дать историю готов; при этом он тенденциозно утверждал, в угоду новым правителям Италии, что готы с древнейших времен восприняли высокую римскую культуру и питали дружеские чувства к Римской империи. Одновременно Кассиодор льстиво восхвалял правление остготских королей из рода Амалов и утверждал, что этот род принадлежал к числу древнейших и наиболее прославленных королевских династий народа готов⁴.

Учитывая слабые стороны произведений Кассиодора, их крайнюю тенденциозность, политическую ориентацию и ярко выраженную классовую направленность, необходимо с известной осторожностью подходить к некоторым сообщаемым ими сведениям, проверяя их на основании данных других источников. В то же время следует признать, что по широте охвата важнейших исторических событий, по обилию и разнообразию материалов, касающихся вопросов социально-экономической жизни, труды Кассиодора, в частности его „*Variae*“, принадлежат к числу источников первостепенной важности.

КРУПНОЕ СВЕТСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ИТАЛИИ В VI в.

Уже самый характер раздела земель в Италии во время остготского завоевания⁵ таил в себе семена будущего роста крупного землевладения остготской и перешедшей на сторону готов римской знати, и эти семена уже в VI в. дали обильные всходы.

¹ O. Bertolini. *Roma di fronte a Bizanzio e ai Longobardi*. Bologna, 1941; P. S. Leicht. *Storia del diritto pubblico Italiano*. Milano, 1938; G. Volpe. *Per la storia giuridica ed economica del Medio Evo*. Firenze, 1923.

² G. Salvioli. *L'Italia agricola nelle lettere di Cassiodoro*. „Studi di storia napoletana in onore di M. Schipa“. Napoli, 1925.

³ Cassiodori. *Chronica*. MGH. Auct. ant., t. XI, pars 2, p. 120—161.

⁴ L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter*, Bd. I, S. 178—182; J. Sundwall. *Abhandlungen...*, S. 154; E. Stein, *Histoire du Bas-Empire*, p. 128—130; J. B. Bury. *History of the Later Roman Empire*, vol. I, London, 1931, p. 220—223; A. Van de Vyver. *Cassiodor et son œuvre*. *Speculum*, VI, № 2, January, 1931, p. 244—253.

⁵ Этому вопросу посвящена другая работа автора данной статьи.

Действительно, все источники того времени неопровержимо свидетельствуют о росте крупного землевладения в Италии в остготский период ее истории.

При изучении отношений собственности в Италии в VI в. на основании данных эдикта Теодориха, „*Variae*“ Кассиодора, трудов Прокопия и других историков и хронистов того времени прежде всего привлекает внимание распространение института частной собственности и четко выраженное стремление остготского правительства законодательным путем укрепить этот институт и оградить права крупного землевладения¹.

На наш взгляд, это нельзя объяснить только лишь влиянием римского права и римских форм собственности. Конечно, не подлежит сомнению, что влияние римских правовых и государственных институтов на общественный строй остготов и на их законодательство было весьма значительным. Однако бесспорно и другое: законодательство отражало реальные изменения, происходившие в социально-экономической жизни того времени — защита института частной собственности и прав крупного землевладения в эдикте Теодориха и других законодательных памятниках остготского периода свидетельствует о значительном росте частной собственности и крупного землевладения среди остготской знати.

Влиятельное положение в остготском государстве крупных землевладельцев, „могущественных“ лиц (*potentiores*) из числа остготской и римской знати охарактеризовано в тех постановлениях эдикта Теодориха, которые ограничивают права фиска в интересах крупных землевладельцев. Так, например, особое предписание эдикта Теодориха ограждает права наследников лиц, умерших без завещания². Терминология, употребляемая законодателем в этом постановлении, в частности упоминание родственников, связанных с умершим единым *titulus*³, свидетельствует о том, что в этой статье речь идет о наследовании имущества крупных собственников, ибо термин *titulus* применялся лишь к крупному землевладению⁴.

Право наследования имущества лиц, умерших без завещания, в равной степени распространялось как на римлян, так и на готов. Более того, остготское законодательство не довольствовалось лишь защитой прав наследников лиц, умерших без завещания, но в особых предписаниях специально оговаривало ограничение притязаний фиска на выморочное имущество⁵. Фиск вступает в свои права на выморочное имущество лишь после того, как будет установлено отсутствие каких-либо родственников умершего как по отцовской, так и по материнской линии, являющихся законными наследниками его имущества. При этом закон преследует возможные злоупотребления со стороны чиновников фиска⁶. Для предотвращения этих злоупотреблений эдикт предписывал, чтобы иск, предъявленный фиском на выморочное имущество любого владельца, вступал в законную силу лишь по приговору суда⁷.

¹ ETh, § 10, 11, 12, 32, 43, 44, 45, 46, 47, 69, 74, 75, 76, 77, 104, 105, 122, 123, 124, 132, 136, 137, 138, 139, 140.

² ETh, § 23.

³ Si quis intestatus mortuus fuerit, is ad eius successionem veniat, qui inter agnatos atque cognatos gradu vel titulo proximus invenitur, salvo iure filiorum ac nepotum. ETh, § 23. Ср. Ulpianus. Fragm., tit. 17, § 2; Cassiod. *Variae*, V, 24; VI, 8.

⁴ Ф. Блуме (MGH, Legum t. V, p. 154) считает, что здесь речь идет о крупном землевладении.

⁵ ETh, § 24, 25.

⁶ ETh, § 24.

⁷ ETh, § 25; Cassiod. *Variae*, VI, 8.

Кассиодор, характеризуя функции *comes rerum privatarum*, упоминает о том, что в его обязанности входило наблюдение за выморочным имуществом. Он должен был предупреждать и пресекать незаконные захваты выморочного имущества посторонними лицами и передавать его в руки фиска. Однако и здесь опять-таки особо оговаривались преимущественные права на выморочное имущество родственников умершего, а не фиска. Лишь то имущество, на которое длительное время не имелось законных претендентов, поступало после соответствующего судебного расследования в государственную казну¹. Согласно другому предписанию эдикта Теодориха, фиск отстранялся от наследования выморочного имущества курiales².

Имущество лиц, осужденных решением суда за совершение какого-либо правонарушения, передавалось законным наследникам и только в случае их отсутствия — фиску. Исключения составляли лишь лица, виновные в оскорблении величества, все имущество которых конфисковывалось³.

В формуле *comitivae patrimonii*, сохраненной у Кассиодора, особо оговаривается, что наследственные (патримониальные) владения короля не должны превышать раз и навсегда установленные пределы, ибо размеры недвижимого имущества могут расширяться лишь по злому умыслу⁴. Тем самым признавалось незаконным всякое увеличение личного имущества королевского дома за счет других землевладельцев. Естественно, что подобное предписание могло быть вызвано лишь давлением со стороны крупных остготских и римских землевладельцев, опасавшихся дальнейшего роста королевских владений.

Таким образом, остготское правительство в угоду крупным землевладельцам должно было даже несколько поступиться интересами фиска и ограничить его права на выморочное имущество крупных собственников.

В тесной связи с этими предписаниями остготского законодательства находятся постановления эдикта Теодориха, охраняющие право собственников свободно распоряжаться своим имуществом и делать завещания⁵. Законодательство строго преследует подлоги и другие незаконные махинации, мешающие осуществлению воли завещателя⁶.

Право свободного распоряжения своим имуществом было особенно важно именно для представителей остготской и римской знати, обладавшей значительным имуществом. Об этом весьма красноречиво рассказывает один из современников — Эннодий в жизнеописании епископа Тичинского Епифания. Эннодий сообщает, что Теодорих, разгневанный на отпавших от него знатных лиц, лишил непокорную знать права свободно распоряжаться своим имуществом и делать завещания. Это распоряжение короля вызвало большое недовольство среди знати. По словам Эннодия, „вся Италия была наполнена жалобами и печалью“. Теодорих был принужден вскоре отменить свое предписание под давлением знати, защитниками интересов которой выступили Тичинский епископ Епифаний, обратившийся к королю с просьбой об отмене этого распоряжения, и „знаменитый муж Урбик“⁷.

¹ Cassiod. *Variae*, VI, 8.

² ETh, § 27.

³ ETh, § 112, 113. Ср. Cod. Theod., VII, 42, 2; VII, 42, 24 § 1.

⁴ Cassiod. *Variae*, VI, 9, § 6.

⁵ ETh, § 28, 33, 72.

⁶ ETh, § 29, 30, 31, 90.

⁷ Ennodii *Vita Epifanii*. PL, t. 63, col. 226.

Насколько важным именно для остготской знати и для части остготских воинов было право делать завещания и распоряжаться своим имуществом, свидетельствует внесение в эдикт Теодориха совершенно самостоятельного предписания остготского правительства, даровавшего остготам, сражающимся за интересы государства, право составлять завещания не только дома, но и в военных лагерях. При этом особо подчеркивалось, что эта привилегия была предоставлена именно военному сословию, лицам, непосредственно сражающимся за остготское государство¹. Внесение в эдикт Теодориха этого постановления, не заимствованного ни из римского, ни из германского права, указывает на то, что и для „варваров“-готов вопрос о завещании их собственности имел первостепенное значение, и в связи с особенностями их военного быта для них было важно получить право составлять завещания, имеющие законную силу, во время их пребывания непосредственно в военных лагерях. Вместе с тем это предписание эдикта Теодориха свидетельствует о распространении и среди „варваров“, населявших территорию Италии, института частной собственности. Это подтверждается и данными „*Variae*“ Кассиодора².

Влияние остготской знати еще более возрастало в связи с тем, что в ее руках сосредоточивались все командные посты в армии. Особенно большие выгоды знатым готам сулила служба в пограничных областях и гарнизонах крепостей. Завоевательные походы приносили новые земельные богатства остготской знати, ибо, как сообщает Эннодий, захваченная во время военных нападений территория подвергалась разделу, причем лучшие земли получали военачальники, возглавлявшие поход³. В остготском королевстве вошло в обычай назначать командиров войск, охранявших те или иные области Италии, из числа знатных готов, имевших в этой области земельные владения, с целью усилить их рвение по охране той территории, где находится их имущество.

В эдикте Теодориха имеются и другие постановления, устанавливающие привилегии „варваров“-готов, в первую очередь готской знати. Так, например, привлекает внимание постановление эдикта о том, что, в случае неявки „варвара“ в суд после троекратного вызова судьи, этот „варвар“ может избежать ответственности, представив поручителя также из числа готов или доказав, при посредстве показаний свободных или „почтенных“ (*honestiores*) свидетелей, что он не мог явиться в суд по уважительной причине. При этом особо оговаривается, что вместо ответчика-„варвара“ может быть вызван в суд кто-либо другой из числа „длинноволосых“ (*capillatorum*), т. е. готов⁴. Это предписание эдикта Теодориха со всей очевидностью показывает, что остготы, в первую очередь, конечно, остготская знать, не желали подчиняться общим законам и являться в суд для разбора различных дел. Правительство Теодориха, хотя и стремится подчинить их действию общего законодательства и поэтому обязывает их под страхом проигрыша тяжбы являться в суд по вызову судьи, но делает это нерешительно, с оглядкой, предоставляя готам некоторые привилегии и по существу давая

¹ *Barbaris, quos certum est reipublicae militare, quomodo voluerint et potuerint, faciendi damus licentiam testamenti, sive domi, sive in castris fuerint constituti.* — *ETH*, § 32. Ср. *Cassiod. Variae*, VIII, 23. См. F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 59—61.

² *Cassiod. Variae*, VIII, 23.

³ *Ennodii Panegyric*, XII, 62—63.

⁴ *ETH*, § 145. Предписание это является нововведением остготского правительства.

им возможность обходить предписания законов о явке в суд по вызову судьи.

Таким образом, несмотря на общее стремление законодателя уравнивать готов и римлян в правах, стремление, продиктованное, как мы видели, политикой сближения остготской и римской знати, остготское правительство, исходя из интересов остготской знати и части остготских воинов, должно было обеспечивать им некоторые привилегии по сравнению со всем остальным населением Италии.

Для крупных земельных собственников Италии наряду с правом свободного завещания имущества немаловажное значение имело также и право его дарения. Вследствие этого в эдикте Теодориха особо оговаривается право собственников дарить по своей воле принадлежащее им движимое (ETh, § 51) и недвижимое имущество¹, в частности деревенские и городские имения (*praedium rusticum aut urbanum*) (ETh, § 52).

Для того чтобы дарение имело законную силу, оно должно быть оформлено официальным документом, скрепленным подписями свидетелей и удостоверенным муниципальными чиновниками (ETh, §§ 52—53).

В эдикте Аталариха особо перечисляются незаконные способы приобретения чужого имущества в качестве дара, путем запугивания дарителя, обмана или разврата².

Охрана прав крупных земельных собственников, скорее всего представлятелей новой феодализирующейся остготской и римской знати, имеется в виду и в тех постановлениях эдикта Теодориха, в которых используется римский закон о тридцатилетней давности владения имуществом для ограждения интересов новых собственников. При этом особо оговаривалось, что закон о тридцатилетней давности владения имуществом охранял права новых владельцев от посягательств как со стороны частных лиц, так и со стороны фиска (ETh, § 12).

Тяжбы о возврате имущества, начатые до истечения срока тридцатилетней давности, по прошествии этого срока прекращались. Отсрочка на 5 лет для вчинения законного иска о возврате имущества предоставлялась лишь малолетним³.

Необходимо отметить, что в эдикте Теодориха одновременно с подтверждением действия закона о тридцатилетней давности владения землей и другим имуществом вновь подтверждается привилегия тридцатилетней давности владения зависимыми людьми (ETh, § 69). Это постановление также было крайне важно именно для крупных землевладельцев, нуждавшихся в рабочих руках для обработки своих имений. Укреплению крупной земельной собственности способствовали, кроме того, постановления остготского законодательства, регламентирующие брачное право, основной целью которых является ограждение от раздела и дробления имущества крупных собственников⁴.

В законодательстве остготского правительства имеются, кроме того, специальные постановления, касающиеся защиты прав крупных землевладельцев от насильственных захватов их имущества со стороны других лиц. Так, например, тот, кто захватывает межевые знаки с обо-

¹ ETh, § 52. Cp. Cod. Theod., VIII, 12. 1; 6; 8; Cassiod. Variae, VIII, 25; EAth, § 8.

² EAth, § 8. Cp. F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 131.

³ ETh, § 12. Cp. Cod. Theod., IV, 14. 1; Novellae Valentiniani III (anno 452) De episcopali iudicio, tit. 34, § 13.

⁴ ETh, § 54. В этом постановлении речь идет о крупном землевладении, о чем свидетельствует упоминание термина *titulus*. Cp. Cassiod. Variae, II, 11.

значением имени владельца имения (*titulus*), карается смертной казнью¹. Подобные же межевые знаки с указанием имени владельца имения ставились лишь во владениях крупных собственников, и их установление являлось привилегией знати².

Охрана интересов собственников имеется в виду и в другом предписании эдикта Теодориха, согласно которому землевладельцу разрешается с оружием в руках защищать свои владения от нападений кого-либо, кто соберет толпу народа и применит насилие. Если при этом сам организатор нападения или кто-либо из его помощников будет убит, владелец имения, защищавший свое имущество, не несет никакой ответственности³.

Законодательство остготского правительства строгими мерами защищает права собственников и во всех спорах и тяжбах, касающихся владения имуществом, стоит на стороне реального владельца, а не истца, широко используя для этого постановления римского права. Так, например, в случае предъявления судебного иска на какое-либо имущество, его владелец не обязан доказывать своих прав на это имущество, а, наоборот, истец должен доказать свои права на спорное владение⁴. Можно предположить, что это постановление римского права было использовано в эдикте Теодориха именно потому, что для новых владельцев из числа остготской знати оно было весьма выгодно и давало возможность закрепить за ними захваченные земли. При продаже имущества законодательство в большей мере защищало интересы покупателя, нежели продавца⁵.

В эдикте Теодориха имеются некоторые важные предписания, ограждающие интересы собственников от различных злоупотреблений со стороны государственных чиновников. Эдикт принимает меры против незаконных решений судей по делам о спорном имуществе (ETh, § 2), против различного рода вымогательств как самих судей (ETh, § 3), так и чиновников их канцелярий⁶. Законодательство гарантирует права собственников, устанавливая обязательное присутствие на судебных процессах обеих тяжущихся сторон (ETh, § 5) и строго предписывая судьям рассылать на места письменные решения по всем судебным делам, особенно касающимся вопросов собственности и статуса граждан (ETh, § 2, 6). Таким образом, законодательство остготского правительства прежде всего ограждает интересы собственников, преимущественно крупных, широко используя для этого римское право.

Вместе с тем законодательные памятники остготского периода, дополняемые данными нарративных источников, содержат ценные сведения о дальнейшем росте крупного землевладения в Италии VI в.

При этом мы располагаем такими источниками, которые дают возможность не только констатировать факт дальнейшего роста крупного

¹ ETh, § 47. В данной статье эдикта Теодориха, так же как и в § 46, термин *titulus* употребляется в значении межевого знака с обозначением имени владельца имения, на земле которого ставился этот знак. Ср. Cassiod. *Variae*, III. 20. Ср. *Lex Visigothorum*, § 274—275.

² См. ниже, стр. 101—102.

³ *Qui ad possessionem alienam violentus advenerit cum multitudine congregata, si aut ipse aut aliquis ex eodem numero casu, dum repellitur violentia, occisus fuerit, is qui per necessitatem hoc fecit, a metu poenae liber habeatur.* ETh, § 16. Ср. *Cod. Theod.*, IX, 14. 2.

⁴ ETh, § 132. Ср. *Cod. Theod.*, XI, 39. 12.

⁵ ETh, § 138, 139, 140.

⁶ ETh, § 4. Это предписание также является нововведением самого остготского правительства, а не заимствованием из римского права.

землевладения в Италии VI в., но и проследить пути этого роста, определить характер крупной земельной собственности и тем самым проследить процесс формирования крупного землевладения феодализирующейся остготской и римской знати на начальных его стадиях.

Одним из путей роста крупного землевладения остготской и римской феодализирующейся знати, как показывают источники того времени, являлся насильственный захват земель у прежних собственников. Эдикт Теодориха и „*Variae*“ Кассиодора содержат важные сведения о насильственных методах захвата земли, применяемых знатными лицами для расширения своих земельных владений. Весьма распространенным явлением в те тревожные времена было прямое насилие со стороны знати, опиравшейся на отряды вооруженных людей, состоящие из зависимых от них лиц. Только значительными масштабами распространения насильственных захватов земель знатью можно объяснить включение в эдикт Теодориха ряда предписаний, почерпнутых из римского права, запрещающих под страхом суровых наказаний захват чужих владений, особенно при помощи вооруженных отрядов¹.

Так, например, в одном из предписаний эдикта Теодориха запрещается захват чужого владения, дома или виллы при помощи отряда вооруженных людей, посланных каким-либо знатым лицом с целью совершения насилия². За подобное преступление лицо, пославшее „своих людей“ для захвата чужого имения, карается смертной казнью как виновное в совершении насилия³. Имущество, захваченное насильственным путем, должно быть в течение года возвращено законному владельцу с сохранением за ним прав собственности на это владение⁴.

Привлекает особое внимание заключительная часть этого постановления эдикта Теодориха, в которой применяется известная формула римского права о том, что имущество, захваченное путем насилия, возвращалось его прежнему хозяину в том случае, если он владел этим имуществом не насильственно, не тайно и не как прекарием (*precario*)⁵. На основании этой статьи эдикта Теодориха можно предположить, что в отношении прекария как условного владения по милости господина законом не устанавливалось ограничений захвата со стороны крупных собственников; это, быть может, свидетельствует о начавшемся процессе поглощения крупной собственностью мелких прекарных держаний, что теснейшим образом было связано с общим развитием феодальных отношений в стране.

Из предписаний того же эдикта Теодориха мы узнаем, что для совершения насильственных захватов чужих земель знатные и могущественные лица использовали своих рабов (ETh, § 77) и колонов (ETh, § 104). Согласно постановлению эдикта Теодориха, за совершение насилия рабами по приказанию господина ответственность возлагалась на хозяина раба: „Если рабы (*servi*) будут уличены в совершении насилия (*violentia*) или сознаются в этом, и окажется при справедливом и тщательном расследовании, что они сделали это по приказанию

¹ ETh, § 74, 75, 76, 77, 89, 104, 105.

² ETh, § 75. Cp. *Lex Iulia de vi privata*, Paulus. *Sententia*, lib. V, 26, § 3. MGH. *Legum* t. V, p. 160.

³ ETh, § 75. Насильственные захваты земель и другого имущества вооруженной толпой являлись иногда и проявлением классовой борьбы, о чем будет сказано в другой работе автора.

⁴ ETh, § 75. Cp. *Cod. Theod.*, IV, 22.4; Paulus, *Sententia* lib. V, 6, § 7.

⁵ *Illi res occupata per violentiam intra annum momenti iure salva proprietatis causa reddetur, qui eandem rem, quam alterius praesumptione perdidit, nec violenter, nec abscondite, nec precario possidet.* — ETh, § 76. Cp. *Cassiod. Variae*, IV, 44; VIII, 28.

господина, то господин присуждается к наказанию за совершение насилия, захваченное же возвращается обратно"¹.

В отдельных случаях по приказанию крупных землевладельцев их рабы и колонны нарушали границы чужого поля, вырывали межевые знаки и выкорчевывали деревья, указывающие границы владений соседа². По этому поводу эдикт предписывает следующее: „Если же окажется, что это сделано по приказанию господина, то господин лишается третьей части своего имущества, которая поступает в распоряжение фиска; при этом сам раб или колон тем не менее подвергается смертной казни“³.

В эдикте Теодориха особо оговариваются случаи запугивания частных лиц с целью захвата их имущества при помощи военных отрядов или незаконного превышения власти. При этом указывается, что знатные лица (*honestiores*), виновные в этом преступлении, присуждаются к изгнанию⁴.

Насильственные захваты земель соседей приводили к острым столкновениям, а порою даже к частным войнам между землевладельцами Италии⁵. Кассиодор упоминает, например, о случаях самообороны частных лиц, защищавшихся от вооруженных нападений со стороны главным образом высших командиров остготской армии⁶.

Будущий остготский король Теодат, один из крупнейших землевладельцев Италии, славившийся своей исключительной жадностью и стяжательством, захватывал имущество соседей при помощи вооруженных отрядов, состоявших из зависимых от него людей⁷.

В отдельных случаях представители светской знати совершали нападения и на земли церкви, причем правительство выступало в качестве защитника интересов духовенства. Так, например, Кассиодор сообщает о том, что правительство Теодориха было обеспокоено жалобами Миланского епископа Евсторгия, просившего защитить от насильственных захватов земли его церкви, расположенные в Сицилии. Особым рескриптом, изданным в 507—511 гг., остготское правительство предписывало комиту Адиле оказать помощь и защиту имениям и людям Миланской церкви, находящимся в Сицилии, и не допускать насилия по отношению к ним со стороны лиц любой национальности.

Особое упоминание о том, что это предписание относится к лицам любой национальности, т. е. не только к римлянам, но и к готам, повидимому, отнюдь не является простой случайностью, а свидетельствует о том, что подобные насилия чинились как остготской, так и римской знатью⁸.

¹ ETh, § 77. Cp. Cod. Theod., IX, 10. 4.

² ETh, § 104. Cp. Paulus. Sententia, lib. V, tit. 22, § 2.

³ Si vero hoc imperante domino factum esse constiterit, idem dominus tertiam partem bonorum suorum perdat, fisci viribus profuturam: servo ipso aut colono nihilominus capite puniendo. — ETh, § 104.

⁴ Si quis sibi, ut aliquem terreat, militiam confixerit, vel adsumpserit quam non habet potestatem, viliores fustibus caesi perpetuae relegationis mala sustineant, honestiores exilii patiantur incommoda. — ETh, § 89.

⁵ Cassiod. Variae, VII, 28.

⁶ Cassiod. Variae, V, 29. Cp. F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 52.

⁷ Cassiod. Variae, XI, 25; V, 12.

⁸ Et ideo beatissimi viri Eustorgii episcopi sanctae Mediolanensis ecclesiae petitione permoti praesentibus te affatibus ammonemus, ut praediis vel hominibus huius ecclesiae intra Siciliam constitutis tuitionem studeas salva civilitate praestare, nec a quoquam cuiuslibet nationis homine contra fas patiaris opprimi, quos decet divinitatis intuitu sublevari. — Cassiod. Variae, II, 29.

Таким образом, насильственные захваты земель знатью, преимущественно остготской, как можно заключить на основании данных источников, производились, повидимому, не только у средних и мелких земельных собственников, земли которых, естественно, являлись основным объектом нападений знати, но также и у некоторых крупных землевладельцев, в первую очередь римских. Бесспорно, бывали случаи ожесточенных стычек из-за земельных владений и между представителями самой остготской знати¹.

Все это приводило к обострению борьбы внутри господствующего класса, борьбы за плодородные земли Италии, за власть над зависимым населением, за почести и богатства. Вследствие этого остготское правительство Теодориха в первый период правления этого короля должно было несколько ограничить самоуправство остготской знати на местах, тем более что оно проводило политику сближения со старой римской аристократией и опасалось, что насильственные захваты знатными готами земель римлян могут оттолкнуть от правительства крупных римских землевладельцев. Кроме того, насильственные захваты остготской знатью земель в Италии задевали интересы и рядовых остготских воинов, что не могло не вызвать опасений со стороны правительства, нуждавшегося в их поддержке. Таким образом, мы можем прийти к заключению, что размах насильственных захватов чужих земель в Италии в VI в. был уже столь значительным, что остготское правительство, с одной стороны, под давлением римских поссессоров, земли которых все чаще и чаще становились объектом этих захватов, с другой стороны, идя на уступки рядовым остготским воинам, составившим основу военной мощи остготского государства, принуждено было несколько ограничить непомерно растущие притязания „могущественных“ лиц.

Нарративные источники, восходящие к VI в., также сохранили некоторые важные сведения, проливающие дополнительный свет на причины частичного ограничения со стороны остготского правительства насильственных захватов земель знатью. Так, например, Эннодий в жизнеописании епископа Тичинского Епифания, как уже упоминалось выше, сообщает о том, что Теодорих, разгневанный отпадением от его государства некоторых знатных лиц, решил лишить прав свободного распоряжения имуществом всех, кто не проявлял преданности его правительству. Поскольку это распоряжение задевало интересы многих, и притом влиятельных, лиц, оно было вскоре отменено по настоянию епископа Епифания, однако продолжало сохранять свою силу в отношении „зачинщиков смут“ (*malorum incentores*). Но вскоре, благодаря искусному редактированию нового предписания короля „знаменитым мужем“ Урбиком, и эти „зачинщики“ получили полную амнистию².

Можно высказать предположение, что это постановление правительства Теодориха, ограничивавшее право распоряжения имуществом, было вызвано смутами, чинимыми непокорной знатью. Различные беззакония, а порою и открытые выступления отдельных представителей феодализирующейся остготской и римской знати, естественно, не могли не вызвать серьезной тревоги у правительства и в свою очередь послужили одной из причин некоторых, хотя довольно нерешительных, законодательных мер, направленных против произвола знати.

¹ Cassiod. Variac, VII. 28.

² PL, t. 63, col. 226.

Но весьма симптоматично, что эти ограничения в тех случаях, когда они серьезно задевали интересы знати (как, повидимому, было с ограничением права свободно распоряжаться имуществом и составлять завещания), вскоре отменялись самим же правительством под давлением той же знати (Урбик) и духовенства (епископ Епифаний).

Таким образом, сложным переплетением социальных и политических интересов в стране и борьбой внутри различных группировок господствующего класса, повидимому, и объясняется то особое внимание, которое уделяет остготское законодательство ограничению насильственных захватов земель „могущественными“ лицами.

Этому вопросу посвящено значительное число статей эдикта Теодориха¹. Большое место вопросу о борьбе правительства с самовольными захватами знатью чужого имущества отводится также и в своде рескриптов остготских королей, составленном Кассиодором². Наиболее показательным в этом отношении является постановление эдикта Теодориха, представляющее собой самостоятельное предписание законодателя, а не рецепцию римского права; в нем категорически запрещаются незаконные захваты чужого имущества. Эдикт Теодориха гласит следующее: „Никто, ни римлянин, ни варвар, пусть не домогается чужого имущества: потому что, если он захватит его, то это не будет иметь [законной] силы, и пусть он не сомневается в том, что ему придется его возвратить вместе с плодами“³. В заключительной части этого постановления законодатель снова подтверждает свои прежние распоряжения по этому вопросу⁴, что свидетельствует, повидимому, об их нарушении, поскольку правительству было необходимо их вновь возобновлять.

Помимо категорического запрещения захватывать чужое имущество, эдикт Теодориха предписывает, чтобы всякого рода претензии на владение имуществом предъявлялись лишь в судебном порядке. Самовольный захват чужого имущества без соответствующего решения суда преследуется законом (ETh, § 10).

В том случае, „если кто-либо лишает какого-нибудь поссессора его владений, то за такое самоуправство он может проиграть даже законную тяжбу“⁵. При этом „за такую дерзость он обязан возвратить захваченное владение прежнему владельцу и в придачу еще собранный с имения урожай в двойном размере“⁶. Если же будет захвачено владение, на которое захватчик не имеет никаких законных прав и которое отнюдь ему не принадлежало, то он должен возвратить захваченное владение законному владельцу вместе со всем полученным урожаем и сверх того уплатить штраф в пользу фиска⁷.

Судьи и чиновники их канцелярий, на которых возлагалась обязанность следить за выполнением этого предписания как в провинциях,

¹ ETh., § 10, 34, 43, 44, 75, 76, 77, 89, 104, 105.

² Cassiod. *Variae*, III, 38; IV, 9, 27; V, 3, 17, 30; VI, 30; VII, 3, 39; XI, 8.

³ ETh., § 34. Ср. EAth., § 3.

⁴ „Пусть будет сохранено то, что относительно этого было установлено нашими прежними эдиктами“. — ETh., § 34. Ср. E. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 62.

⁵ Quod si quis qualemcumque possessorem possessione deiecerit, amissionem pro tanta praesumptione vel bonae litis incurrat. — ETh., § 10.

⁶ Reformata scilicet possessione quam occupaverit, fructus quoque duplos pro tanta temeritate persolvat. — ETh., § 10.

⁷ Quod si illam possessionem occupaverit, quae eidem minime debebatur, hanc poenam habeat, ut et rem cum fructibus in eo statu domino reddat invasam, et aestimationem rei pervasae subire cogatur, fisci iuribus profuturam. — ETh., § 10; ср. Cod. Theod., IV, 22. 3; Cod. Theod., II, 26. 2.

так и в самом Риме, в случае, если они своими силами не смогут справиться с захватчиками и осуществить их наказание, должны обращаться за помощью в королевский суд, куда может быть передано дело, и, если король сочтет нужным, то виновный будет строго наказан¹.

Заключительная часть этого предписания эдикта Теодориха, являющаяся нововведением самого законодателя, заслуживает особого внимания, ибо она свидетельствует, что незаконный захват чужих владений производился именно „могущественными“ лицами, представителями феодализирующей знати, которые мало считались с местными судьями и были в значительной степени независимы от государственных чиновников. Совершенно очевидно, что нарушителями предписаний эдикта, с которыми не могли справиться судьи на местах, могли быть только весьма влиятельные представители высшей знати, на которых можно было найти управу лишь в королевском суде.

Подобное предположение подтверждается данными Кассиодора, который сообщает о насилиях, чинимых в провинциях представителями знати, преимущественно остготской, и о незаконных захватах ими земельных владений и другого имущества частных лиц². При этом Кассиодор упоминает об отдельных случаях, когда провинциальные судьи не могли своими силами справиться с произволом „могущественных“ лиц и вынуждены были прибегать к помощи королевской курии³.

Источники VI в. позволяют установить и этнический состав знати, производившей эти насильственные захваты земель в Италии. Отнюдь нельзя считать простой случайностью, что в эдикте Теодориха именно в тех статьях, которые говорят о насильственных захватах земель могущественными лицами, особо оговаривается, что таковыми могли быть как римляне, так и „варвары“, и что они подлежат за совершение подобных преступлений одинаковому наказанию⁴. Особое упоминание „варваров“ именно в тех статьях, которые запрещают насильственные захваты чужого имущества, в то время как в подавляющем большинстве других статей эдикта Теодориха такого выделения „варваров“ не производится, свидетельствует о том, что именно со стороны остготской знати были особенно часты подобные захваты земель местного итальянского населения. Это предположение всецело подтверждается данными, содержащимися в „Variae“ Кассиодора и в других источниках VI в.

Так, например, Кассиодор среди „могущественных“ лиц, особенно отличившихся незаконными захватами земель своих соседей, называет одного из знатнейших готов, племянника короля Теодориха — Теодата, занявшего впоследствии престол остготского королевства, а также и других представителей остготской знати.

О значительных размерах земельных владений Теодата и других знатных готов, об их неудержимой жажде дальнейшего расширения своих владений сообщает, как известно, и Прокопий Кесарийский в „Войне с готами“. По словам Прокопия, Теодат, несмотря на то,

¹ Cuius decreti iusti atque legitimi omnes per provincias iudices et urbe venerabili constitutos, vel eorum officia, iubemus esse custodes: ita ut si aliquid extiterit, quo se putent exigendae mulctae superius comprehensae pares esse non posse, relationem ad scrinia nostra transmittant, ut a nobis, si ratio poposcerit, districtius vindicetur. — ETh, § 10. Cp. EAth, § 1.

² Cassiod. Variae, III, 20; IV, 39.

³ Cassiod. Variae, III, 21.

⁴ ETh, § 34, 43, 44.

что он являлся одним из крупнейших землевладельцев Этрурии (Тосканы), постоянно стремился к дальнейшим насильственным захватам чужих владений: „Этот Теодат был владельцем большинства земель в Этрурии (Тоскане), но он всячески старался насильно отнять и остальную землю у владеющих ею; иметь соседа для Теодата казалось своего рода несчастьем“¹. Насилия и бесчинства Теодата приняли столь большие размеры и вызвали такое недовольство населения, что Теодорих принужден был вмешаться. В своем рескрипте от 507—511 гг., направленном лично Теодату, король Теодорих упрекает его в жадности, которая является „корнем всех зол“², и в постоянной жажде обогащения. Морализируя по этому поводу, ученый советник короля Кассиодор пишет: „Среди различных соблазнов, которые обольщают род человеческий, особенно следует избегать стремления к захвату чужого имущества, ибо раз возникнув, оно возрастает до бесконечности, если его не ограничивают суровостью закона“³.

В рескрипте особенно подчеркивается, что недостойная жажда наживы позорит столь знатного мужа, как родственник короля Теодат, в жилах которого течет кровь царственного рода Амалов. Далее говорится о почтенном муже по имени Домиций, который обратился к королю с жалобой на то, что люди Теодата незаконно захватили его владения⁴. Король предписывает своему сайону Дуде позаботиться, чтобы отобранное Теодатом владение со всем захваченным там имуществом было бы немедленно возвращено законному владельцу⁵. В случае же, если Теодат имеет законные притязания на какие-либо земельные владения в его области, то он должен предъявить на них гражданский иск, и после разбора дела с участием обеих тяжущихся сторон может быть вынесено решение в соответствии с законом.

В другом рескрипте от 523—526 гг., адресованном также на имя Теодата, король Теодорих вновь упрекает своего корыстолюбивого родственника в позорящей их род жадности и приводит данные о новых насилиях Теодата, сообщая, что наследники знатных мужей Арголика и Амандиана обратились к нему с жалобой на людей Теодата, которые недостойным образом захватили их земельное владение в Паллентиане, пожалованное им самим королем⁶. Теодорих предписывает Теодату в случае, если справедливость жалобы подтвердится, немедленно возвратить захваченные земли законным наследникам.

При анализе этих предписаний Теодориха привлекает особое внимание то обстоятельство, что Теодат захватывал земли представителей высшей римской аристократии, которые искали защиты от его насилий у остготского правительства.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами, М., 1950, стр. 84.

² Cassiod. *Variae*, IV, 39.

³ Inter ceteras, quibus humanum genus sollicitatur, inlecebras praecipue vitanda est alienarum rerum turpis ambitio, quia in immensum iactata rapitur, si iustitiae ponderibus non prematur. — Cassiod. *Variae*, IV, 39.

⁴ Domitius itaque vir spectabilis data nobis supplicatione conquestus est, possessiones iuris sui, id est illam atque illam, ab hominibus vestris neglectis legibus fuisse pervasas. — Ibidem.

⁵ Ut imminente Duda saione nostro, si momenti tempora suffragantur, occupata nuper cum omnibus, quae direpta sunt, supplicanti faciatis sine aliqua dilatione restitui. — Ibidem.

⁶ Argolici itaque viri illustris et Amandiani viri clarissimi heredes supplici nobis additione conquesti sunt Pallentianam massam, quam eis pro compensatione largitas nostra transfuderat, ut casae Arbitanae amissionem hac commoditate solarentur, ab hominibus vestris nullis causis extantibus indecenter invasam. . . — Cassiod. *Variae*, V, 12.

В дальнейшем подобные захваты имущества римской знати могущественными готами послужили одной из важных причин разрыва временного союза римской аристократии с представителями остготской феодализирующейся знати. Но в тот момент правительство Теодориха еще стремилось сохранить поддержку римской аристократии и поэтому пресекало подобные насилия со стороны даже самых знатных готов. Само собою разумеется, что правительство вмешивалось лишь в такие конфликты, в которых пострадавшей стороной являлись римские аристократы, подававшие жалобы в королевскую курию; что же касается бесчинств знатных готов, вроде Теодата, по отношению к средним и мелким землевладельцам Италии, то они в большинстве случаев, повидимому, оставались безнаказанными.

Но даже и эти попытки королевской власти пресечь самовольные захваты земель Теодатом не принесли реальных результатов, ибо, как мы видели из рассказа Прокопия, бесчинства и беззакония, чинимые Теодатом, продолжались и позже, в правление королевы Амалазунты. При этом аппетиты Теодата не только не стали более умеренными, но даже возросли, ибо его захваты распространились даже на владения фиска. По этому поводу Прокопий писал следующее: „Многие этруски [тосканцы] жалуются Амалазунте на то, что Теодат насильничает над всеми людьми в этой провинции и без всяких рассуждений отнимает земли, как частновладельческие, так и имения императорского дома, которые римляне обычно называют патримониями“¹.

Попытки Амалазунты, в угоду римской знати, пресечь эти захваты Теодата также не принесли желаемых результатов, а лишь породили страшную ненависть Теодата к его царственной родственнице, что, по утверждению Прокопия, послужило одной из причин ее гибели².

Крупным землевладельцем являлся и знатный гот Пидзас, который, по сообщению Прокопия Кесарийского, сдал византийским войскам половину Самния, что свидетельствует о его огромном влиянии в этой области Италии³. Зять Теодата Эбримут также принадлежал к числу знатных и влиятельных готов⁴. Особенно обширными земельными владениями остготская знать располагала в Северной Италии, в частности в Лигурии.

Кассиодор сообщает о знатных „варварах“, являвшихся патронами других лиц. Опасаясь того, что они могут использовать свое влияние в корыстных целях, он настаивает на отстранении этих знатных готов от вмешательства в судебные дела римлян⁵.

Таким образом, не подлежит сомнению, что насильственные захваты земель в Италии производились в первую очередь феодализирующейся остготской знатью, на стороне которой была сила оружия.

Вместе с тем источники VI в. сообщают, что подобные захваты земли совершались также и знатными римлянами⁶, повидимому, в первую очередь той частью римской аристократии, которая перешла на сторону остготов и заключила временный союз с представителями остготской знати. Так, например, в „*Variae*“ Кассиодора (III, 20) имеются указания на незаконные захваты земель знатными римлянами, в том

¹ Прокопий. Война с готами, стр. 87.

² Там же, стр. 87 и сл.

³ Там же, стр. 124 и сл.

⁴ Там же, стр. 99.

⁵ Cassiod. *Variae*, II, 24, 25; III, 5, 20, 36; IV, 39, 40, 42; VIII, 31. Близкие к этому постановления имеются также и в *Lex Burgundionum*, tit. 22.

⁶ ETh, § 34, 43; Cassiod. *Variae*, III, 20.

числе префектом претория 507—512 гг., римским сенатором Фавстом, который отличался исключительной жадностью, беспощадно грабил население; на него поступили жалобы по поводу незаконного захвата земли некоего Кастория.

Однако необходимо особо подчеркнуть, что строгие предписания эдикта Теодориха, направленные против захвата чужих земель феодализирующейся остготской и римской знатью, не принесли реальных результатов, ибо спустя двадцать с лишним лет после издания эдикта остготский король Аталарих, продолжая политику своего деда и под влиянием многочисленных жалоб населения, вновь был вынужден принять решительные меры против подобных насильий знати.

В особом эдикте от 533/534 гг. Аталарих гневно обрушивается на тех, кто незаконно „вторгается“ в пределы чужих владений, что противоречит „гражданскому устройству общества“. Эдикт Аталариха предписывает неуклонно выполнять решение „божественного“ Валентиниана, направленное против подобных правонарушений и „долгое время позорным образом забытое“. Это решение, подчеркивается в эдикте, запрещало кому-либо лично или с помощью подвластных ему людей насильственным образом захватывать городские или деревенские владения, изгнав из них законных владельцев¹.

Помимо подтверждения закона императора Валентиниана, эдикт Аталариха вводит дополнительные постановления с целью пресечь насильственные захваты знатью чужих земель. При этом необходимо отметить, что эдикт Аталариха не только повторяет аналогичные предписания эдикта Теодориха, но и вводит некоторые важные дополнения и изменения.

Особое внимание привлекает нововведение правительства Аталариха относительно строгой ответственности судей за попустительство захватчикам чужих земель. Судьи, допустившие, чтобы захватчик удерживал у себя чужое имущество, подвергаются суровому наказанию — отрешению от должности и штрафу в том же размере, что и сам захватчик². В отличие от этого эдикт Теодориха устанавливает лишь, что провинциальные судьи наблюдают за выполнением предписаний закона, направленных против захвата чужих владений, однако случаи попустительства подобным преступлениям со стороны судей там не предусматриваются (ETh, § 10).

Это является не только важным свидетельством все большего распространения коррупции в среде провинциальной администрации остготского государства, но и доказательством продолжения незаконных захватов знатью чужих земель при попустительстве продажных судей, смотревших сквозь пальцы (конечно, за известное вознаграждение) на подобные преступления.

Вместе с тем эдикт Аталариха (§ 1) указывает на дальнейший рост политического влияния феодализирующейся знати на местах и слабость местной римской администрации, ибо он вновь подтверждает предписание правительства Теодориха о передаче в ведение центральной власти разбора дел тех представителей знати, которые не повиновались решениям местных судей. При этом в эдикте Аталариха и по этому вопросу имеются некоторые отступления от аналогичного предписания эдикта Теодориха: в то время как эдикт Аталариха предписывает,

¹ EAth, § 1. Cp. Cod. Theod., IV, 22. 3; Cod. Iust., VIII, 4. 7 (от 389 г.).

² EAth, § 1. При этом особо оговаривается, что виновные в захвате чужого имущества в свою очередь несут в полной мере ответственность перед законом.

что тот, кто в своей „безумной жажде грабежа“ будет пренебрегать постановлениями закона и не подчинится решению судьи, должен подвергнуться законному наказанию со стороны королевских сайонов, в эдикте Теодориха говорится о передаче подобного дела непосредственно в королевскую скринию (ETh, § 10). Можно предположить, что некоторые изменения, внесенные по этому вопросу в эдикт Аталариха, указывают, с одной стороны, на то, что остготская феодализирующаяся знать, продолжавшая незаконные захваты чужих земель, все более открыто проявляла свое нежелание подчиняться местной римской администрации; с другой стороны, это подтверждает рост влияния германских государственных институтов в лице королевских сайонов, которые теперь сами справлялись на местах с самоуправством непокорной знати и не должны были обращаться, как ранее, за помощью в королевскую курию.

Ответственность за пристрастное ведение судебных процессов о незаконном захвате чужого имущества эдикт Аталариха возлагает также и на канцелярию королевского суда (EAth, § 3). В случае попустительства знати, незаконно присваивающей чужое имущество, чиновники канцелярии наказываются лишением королевских милостей и всего, что они приобрели от подобной сделки. Знаменательно, что в эдикте прямо говорится о таких случаях, когда чиновники королевской канцелярии делают различные поблажки лицам, виновным в захвате чужого имущества, получив от них за это известное вознаграждение.

Таким образом, взяточничество, повидимому, прочно укоренилось не только в местных судах провинций Италии, но и в центральном аппарате государственного управления. Продажность и своекорыстие судей и чиновников их канцелярий искусно использовались „могущественными“ лицами для сокрытия своих преступлений и приумножения земельных владений.

Наряду с насильственными захватами остготской и римской феодализирующейся знатью земель мелких собственников, важным источником роста крупного землевладения в Италии в VI в. были также королевские земельные пожалования.

Все остготские короли¹, в том числе и Теодорих, щедро раздавали своим приближенным, как готам, так и римлянам, земельные владения в Италии из фонда пустующих земель и из владений фиска. В административной переписке Кассиодора сохранились важные сведения о земельных пожалованиях Теодориха остготской и римской знати, а также и духовенству. О земельных пожалованиях знатым лицам, в том числе римлянам, которые искали покровительства Теодориха, говорится в одном из писем этого остготского правителя, датированном 508—511 гг.²

В особом рескрипте Теодориха (от 507—511 гг.) сообщается о пожаловании королем земельного участка в Тридентской области готскому священнику по имени Буцила³. В письме к своему родственнику Теодату король Теодорих упрекает его за незаконный захват земельных владений потомков знатных римлян — иллюстрия (*vir illustris*) и префекта города (*praefectus urbi*) Арголика и клариссима (*vir clarissimus*) Амандиана. При этом он указывает, что эти земельные владения в Паллентине были им пожалованы самим королем в качестве компенсации

¹ О земельных пожалованиях Аталариха, Амалазунты, Теодата и „тирана“ Тотилы римлянам см. *Pragmatica Sanctio*, § 1. *Imp. Justiniani Novellae quae extra codicem supersunt*; ed. C. E. Zachariae a-Lingenthal. Lipsiae, 1881, pars II, Nov. 164.

² Cassiod. *Variae*, III, 18.

³ *Ibid.*, II, 17.

за потерю ими другого их владения в Арбитане¹. Этот рескрипт короля Теодориха показывает, что остготское правительство, стремясь привлечь на свою сторону высшую римскую аристократию, пыталось возместить земельные потери римской знати, лишившейся своих владений в связи с расселением готов и захватами земель остготской знатью, за счет раздачи им новых земельных пожалований из фонда государственных земель.

Политика заигрывания остготского правительства с римской аристократией простиралась даже до того, что Теодорих щедро награждал вернувшихся в Италию знатных римских эмигрантов и гарантировал им возврат и полную неприкосновенность их собственности. Так, например, Кассиодор сообщает о том, что некий сиательный муж по имени Магн, принадлежавший к высшей римской аристократии, спасаясь, повидимому, от народного восстания, эмигрировал из Италии, а теперь вновь возвратился на родину и пользовался особыми милостями остготского правительства. По личному предписанию короля Теодориха, датированному 508—511 гг., все утраченное Магном имущество, — все его земли и рабы, как городские, так и сельские, — немедленно вновь ему возвращались. Более того, правительство Теодориха не только гарантировало этому знатному эмигранту, ищущему покровительства остготского короля, прочное владение всем, чем он некогда владел, но и считало его достойным новых королевских пожалований².

Наряду с насильственными захватами земли остготская и римская феодализирующаяся знать для расширения своих земельных владений широко применяла другие методы, связанные с различными неблагоприятными махинациями, вымогательствами и заключением незаконных сделок.

В целях ограничения незаконных захватов чужого имущества остготское правительство принуждено было даже ввести материальную ответственность для лиц, возбуждавших незаконные иски относительно какого-либо владения. В случае возбуждения незаконной тяжбы истец должен был возратить захваченное имущество и уплатить судебные издержки (ETh, § 11, 74).

Подобное же постановление мы встречаем и в эдикте Аталариха, причем там незаконные тяжбы прямо связываются с насильственными захватами чужой земли. В эдикте особо оговаривается, что на ответчика, проигравшего незаконную тяжбу, возлагается уплата всех судебных издержек с той целью, чтобы впредь ни у кого не было бы стремления к судебному сутяжничеству и бесстыдному крючкотворству (EAth, § 2). С целью пресечения сутяжничества этот же эдикт запрещает вторичное разбирательство одних и тех же судебных дел под страхом проигрыша тяжбы (EAth, § 11).

Ряд постановлений эдикта Теодориха направлен против различного рода незаконных сделок, заключенных „могущественными“ лицами, представителями знати, высшего командования остготской армии, влиятельными чиновниками администрации с целью вымогательства имущества у людей, стоявших на более низкой ступени общественной лестницы

¹ Cassiod. *Variae*, V, 12.

² Atque ideo praesenti iussione sancimus, quatenus tam in agris quam mancipiis urbanis aut rusticis, vel quicquid sibi competens quolibet modo nunc amissum potuerit comprobare, sine aliqua recuperet tarditate, retinens ex nostra auctoritate dominii ius omne quod habuit: nec questionem eum de rebus sibi antiqua possessione competentibus volumus sustinere, cui propositi nostri est etiam nova praestare. Cassiod. *Variae*, III, 18.

и не имеющих возможности оказать решительное сопротивление подобным вымогательствам. Специальное постановление эдикта Теодориха запрещает знати запугивать лиц, составляющих завещания (ETh, § 31).

Другое предписание эдикта запрещает поручать вчинение иска относительно спорного имущества „могущественному римлянину или варвару“. Из этого предписания эдикта Теодориха со всей очевидностью вытекает, что подобная передача иска „могущественному“ лицу делалась с целью использования его влияния на суд и могла повлечь за собой незаконное решение суда в пользу могущественного покровителя и в ущерб другой тяжущейся стороне¹. Нет сомнения, что „могущественное“ лицо, пользующееся большим политическим влиянием, принимало на себя ведение судебного процесса отнюдь не бескорыстно, а, повидимому, заранее получив обещание истца подарить ему часть спорного имущества. Об этом свидетельствует указание эдикта, что материальную ответственность несли также те лица, которые считали, что спорное имущество, являющееся предметом тяжбы, должно быть передано могущественному покровителю истца. Косвенным образом об этом же свидетельствует разрешение истцу дарить выигранное по суду имущество лишь после окончания судебного процесса². О судебных процессах с участием „могущественных“ лиц, оказывавших давление на суд, сообщает также и Кассиодор³.

На подобные же факты указывает и другое постановление эдикта Теодориха, запрещающее какому-либо „могущественному“ римлянину или „варвару“ вмешиваться в судебное дело в качестве защитника или покровителя одной из тяжущихся сторон. Предписание эдикта гласит: „Пусть никакой могущественный римлянин или варвар не вмешивается в дело в качестве защитника или сторонника“ (Nullus se potens Romanus aut barbarus tamquam defensor aut suffragator negotio misceat—ETh. § 44)⁴.

Следует подчеркнуть, что в качестве „могущественных лиц“, вмешивающихся в судебные процессы в пользу одной из тяжущихся сторон, эдикт опять-таки особо упоминает как римлян, так и варваров⁵.

Все это свидетельствует о том, что в реальной действительности того времени весьма распространенным явлением, повидимому, было незаконное присвоение влиятельными людьми из числа остготской и римской знати имущества частных лиц путем использования политического влияния и общественного положения для воздействия на суд и заключения различных незаконных сделок.

Еще одним из распространенных методов, применяемых феодализирующейся знатью для округления своих земельных владений и стяжаний все новых и новых земель в Италии, являлось дальнейшее развитие патроната и концентрация в руках патронов земель зависимых от них крестьян.

Ряд параграфов эдикта Теодориха со всей очевидностью указывает на дальнейшее развитие патроната и на рост частной власти крупных

¹ Nullus ad potentem Romanum aut barbarum proprias quolibet titulo transferat actiones. Quod si fecerit, iacturam litis iurgator incurrat, et is qui suscepit medietatem pretii rei aestimatae fisco cogatur inferre. Qua poena teneri praecipimus etiam eos, qui rem in lite positam in huiusmodi crediderint transferendam esse personam; quoniam volumus, ut remota persona potentioris, aequa iurgantes sorte confligant. — ETh, § 43. Cp. Cod. Theod., II, 13; Dig., IV, 7.

² Litigantibus vero post causae terminum, largiendi quod vicerint, cui voluerint personae concedimus potestatem. — ETh, § 43.

³ Cassiod. Variae, II, 24, 25; III, 5, 20, 36; IV, 39, 40, 42; VIII, 31.

⁴ Cp. Cod. Iust. Ne liceat potentioribus. (II, 14); Lex Burgundionum, tit. 22.

⁵ Cp. ETh, § 34, 43.

землевладельцев в Италии VI в. Весьма показательными в этом отношении являются предписания эдикта, представляющие при этом самостоятельные постановления остготского правительства, а не рецепцию римского права, из которых явствует, что знатные лица использовали свои права патрона для присвоения земель отдавшихся под их покровительство бедняков и ставили межевые знаки с обозначением своего имени (*titulus*) на их землях (ETh, § 45, 46). В эдикте Теодориха упоминались случаи, когда отдельные лица, повидимому, из числа разорившихся средних и мелких землевладельцев, были принуждены ставить межевые знаки с обозначением имени какого-либо „могущественного“ лица в своих владениях, чтобы тем самым избежать судебного иска со стороны другого претендента на это имущество¹. Цель подобных действий состояла в стремлении выиграть судебное дело, используя покровительство влиятельного вельможи. В наказание за совершение подобного проступка виновный терял свое владение (*possessio*) или хижину (*casa*), а также право возобновлять даже законную тяжбу.

Указание эдикта Теодориха на потерю прежним хозяином владения или хижины свидетельствует о том, что в этом постановлении речь шла, повидимому, о бедных крестьянах, владевших лишь хижинной или небольшим участком земли, которые под давлением тяжелых экономических условий и чувствуя свою незащищенность перед лицом судебных чиновников, предпочитали искать покровительства „могущественных“ лиц и вступали под их патронат.

Вместе с тем вступление под патронат знатного вельможи и установление межевых знаков с обозначением имени патрона (*titulus*) на землях разорившихся крестьян рано или поздно влекли за собой переход этих земель в руки патронов.

Не подлежит сомнению, что установление на землях крестьян межевых знаков с именами „могущественных“ лиц являлось одним из средств расширения земельных владений знати. Это явствует из другого постановления эдикта Теодориха, выражающего опасения правительства, вызванные непомерным ростом влияния знати на местах и расширением ее земельных владений. Согласно этому постановлению, категорически запрещается ставить межевые знаки с обозначением имен знатных лиц (*titulus*) не только в чужих владениях, но даже и в имениях, принадлежащих самим этим „могущественным“ лицам, ибо, как особо подчеркивает законодатель, это „привилегия только фиска“².

Существеннейшим образом изменяя предписания римского права, остготское правительство Теодориха в данном случае полностью лишило частных лиц права ставить свои межевые знаки (*titulus*) даже в тех имениях, которые им принадлежали, в то время как согласно римскому законодательству запрещалось ставить *titulus* только тем могущественным лицам, которые не являлись законными владельцами этих имений³.

Это предписание эдикта Теодориха, являющееся важным нововведением остготского правительства, проливает свет на причины, заставлявшие правительство Теодориха принимать меры по частичному огра-

¹ *Is qui in ea re quam possidet, iudicis praeceptione conventus, titulum potentis nomine adfixum adversario suo crediderit opponendum, eius possessionis aut casae, quam sub hac fraude vindicare temptaverit, amissione mulctetur: nec repetendae actionis, etsi ei competere possit, habeat facultatem.* — ETh, § 46.

² *Nullus alienae rei vel suae titulos prorsus adfigat: cum soli fisco hoc privilegium, his quae possidet iure vel corpore, videatur esse concessum.* — ETh, § 45.

³ *Cod. Theod., II, 14. 1. Cp. EAth, § 2; Cassiod. Variarum, IV, 14; V, 16; IX, 18.*

ничению роста могущества и влияния феодализирующей знати в провинциях Италии. Расширение земельных владений феодализирующей знати и рост ее влияния на местах в известной мере задевали интересы фиска и тем самым вызывали подобные ограничительные меры.

Таким образом, рост патроната, как это явствует из предписаний эдикта Теодориха, вел к дальнейшему поглощению мелкого землевладения крупным. В то же время усиление влияния крупных землевладельцев представляло некоторую опасность и для владений фиска, что и заставило правительство Теодориха лишить крупных землевладельцев права ставить свои *titulus* не только на чужих землях, но даже и в своих имениях, и закрепить эту привилегию лишь за фиском¹. О значении привилегии установления *titulus* свидетельствует еще одно предписание эдикта Теодориха, гласящее, что тот, кто захватывает *titulus* имения, принадлежащего другим, наказывается смертной казнью². В то же время включение этого постановления в эдикт после вышеупомянутого запрещения частным лицам ставить *titulus* в своих имениях, быть может, является доказательством того, что это запрещение в реальной действительности обходилось и еще продолжали существовать имения крупных землевладельцев, в которых имелись межевые знаки с обозначением имен их владельцев. Кассиодор в свою очередь сообщает о том, что насильственные захваты *titulus* имений продолжали в то время иметь место³.

Об этом же свидетельствует и эдикт короля Аталариха, включающий особую статью о запрещении кому-либо, под страхом уплаты штрафа в пользу владельца земли, ставить межевые знаки в чужих владениях (E^Ath, § 2). При этом привлекает особое внимание свидетельство этого параграфа эдикта Аталариха, что некоторые лица находили незаконные пути обхода предписаний эдикта Теодориха (§ 45), ставя межевые знаки на чужих землях от имени государства, поскольку только фиску разрешалось это делать.

Таким образом, установление межевых знаков (*titulus*) и при преемниках короля Теодориха, несмотря на строгие запрещения законов, продолжало быть одним из средств незаконного захвата чужого имущества и расширения частной власти крупных землевладельцев.

Рост патроната и расширение власти крупных землевладельцев в провинциях Италии в VI в. засвидетельствованы также Кассиодором⁴. Особый интерес при этом представляет указание Кассиодора на развитие патронатных отношений в среде остготской знати, что с полной очевидностью явствует из упоминания о „варварах“-готах, являвшихся патронами римлян⁵.

Таким образом, мы можем констатировать дальнейшее развитие патроната в Италии в VI в. и проникновение патронатных отношений в среду завоевателей-остготов, что является прямым следствием развития феодализма в остготский период итальянской истории, протекавшего на основе синтеза римских и германских общественных отношений.

¹ Это не исключает, однако, того, что в других случаях правительство Теодориха шло на некоторое ущемление интересов фиска в угоду крупным землевладельцам. См. выше, стр. 85—86.

² *Ille vero qui possessa ab alliis praedia titulis occupaverit, capite puniatur.* — E^Ath, § 47.

³ Cassiod. *Variae*, III, 20.

⁴ *Ibid.*, IV, 14; V, 16; IX, 18.

⁵ *Ibid.*, II, 24, 25; III, 5, 20, 36; IV, 39, 40, 42; VIII, 31.

Весьма распространенным методом захвата и незаконного присвоения крупными землевладельцами имущества разорившихся мелких и средних собственников в остготском государстве являлась долговая кабала и связанные с ней различные злоупотребления.

Включение в эдикт Теодориха ряда постановлений, в большинстве случаев почерпнутых из римского долгового права и регулирующих взаимоотношения между кредиторами и должниками (ETh, § 122—127), естественно, было вызвано реальными потребностями того времени и указывает на распространенность долговых обязательств и различных кредитных сделок. Феодализирующаяся остготская и римская знать широко использовала долговые обязательства для незаконного приобретения имущества несостоятельных должников. Так, например, весьма распространенным способом незаконного приобретения знатью чужого имущества являлись самовольные захваты кредиторами залогов у несостоятельных должников¹, а также насильственный захват кредиторами у должника имущества, не отданного в залог. Эдикт Теодориха (§ 124) гласит следующее: „Если кредитор насильственным образом захватит у должника имущество, не отданное ему в залог, и если в течение года будет привлечен к ответственности за это преступление, то пусть возвратит захваченное в четырехкратном размере, по истечении же этого срока он обязан выплатить в одинарном размере (in simplum). Смысл законов требует, чтобы это [постановление] имело силу и в отношении насильственно захваченных плодов (fructibus)“². Заключительная часть этого постановления показывает, что незаконно захваченным у должника имуществом в первую очередь являлись земельные владения, ибо эдикт особо оговаривает возвращение кредитором прежнему хозяину стоимости урожая, собранного с присвоенного кредитором земельного участка должника³.

Знатные и влиятельные лица из числа крупных землевладельцев Италии использовали свое положение в обществе для заключения различных неблагоприятных сделок, связанных с долговыми обязательствами и имевших своей целью вымогательство имущества у разоренных жителей Италии. На это указывает предписание эдикта Теодориха, запрещавшее под страхом потери долга передачу долговых обязательств „могущественным“ лицам с целью при их помощи добиться взыскания долга⁴.

Не подлежит сомнению, что знатные лица брали на себя взыскание долгов по долговым обязательствам других лиц, преследуя прежде всего свои корыстные цели, и извлекали из подобных операций известные выгоды. Подобно тем случаям, когда знатные вельможи выступали „покровителями“ мелких собственников в судебных процессах, извлекая при этом определенный доход, и теперь за содействие при взыскании долга они, повидимому, получали какую-то его часть в свою пользу.

Наконец, могущественные лица из числа римской и остготской знати, используя свое влияние, стремились переложить основную тяжесть уплаты государственных податей на мелких землевладельцев, что приводило к дальнейшему разорению последних⁵.

¹ ETh, § 123; Cassiod. Variae, IV, 10. Cp. Paulus. Sententia, V, 26, § 4.

² Cp. Paulus. Sent., V, 26, § 4. Dig., XLVIII, 7, 8; IV, 2, 14, § 7.

³ Quod etiam de fructibus violenter ablati sarvari debere legum ratio persuadet. — ETh, § 124.

⁴ Amittant repetitionem debiti creditores, qui cautiones debitorum suorum potentibus tradiderint, et per eos magis exactionem mutuae pecuniae voluerint procurare. — ETh, § 122. Cp. Cod. Theod., II, 13. 1.

⁵ Cassiod. Variae, I, 19; IV, 44.

Таким образом, мы видим, сколь разнообразны были способы, применяемые остготской и римской феодализирующей знатю Италии VI в. для захвата новых земельных владений, умножения своих богатств, увеличения политического влияния в стране.

Насколько серьезно остготское правительство должно было считаться с все возрастающим влиянием феодализирующей знати, весьма ярко свидетельствует заключительная статья эдикта Теодориха. В этой статье наглядно проявляются весьма основательные опасения законодателя о том, что предписания эдикта не будут выполняться именно представителями могущественной, а порою и непокорной знати. По этому поводу эдикт Теодориха гласит следующее: „И пусть никакой знатный, или богатый, или могущественный, или военный, или почтенный гражданин никоим образом не дерзает идти против того, что здесь разумным образом установлено“¹. Больше того, судьям, которые были обязаны следить за выполнением постановлений эдикта, строжайшим образом предписывается, под угрозой личной ответственности, в случае, если они сами не смогут воздействовать на какое-либо нарушающее предписания эдикта „могущественное“ лицо, будь то „варвар“ или римлянин, или его прокуратор, заместитель или даже кондуктор, немедленно передавать дело в королевскую курию². Ибо, заключает законодатель, „то, что установлено для обеспечения спокойствия всех провинциалов, должно всеми ревностно охраняться“ („quia quod pro omnium provincialium securitate provisum est, universitatis debet servare devotio“).

Следует, кроме того, отметить, что во введении к эдикту Теодориха законодатель указывает на многочисленные поступающие к нему жалобы о том, что „некоторые лица в провинциях попирают предписания законов“³.

Можно высказать предположение, что под этими лицами, нарушающими в провинциях предписания законов, законодатель подразумевал, в частности, и непокорную знать, не желавшую подчиняться постановлениям центрального правительства.

Подводя некоторые итоги всему вышесказанному, мы можем прийти к заключению, что в остготский период истории Италии происходили существенные сдвиги в отношениях собственности, продолжался процесс дальнейшего роста крупного светского землевладения как остготской, так и римской феодализирующей знати, протекавший в обстановке сложной социальной и политической борьбы.

Тем самым уже в этот период началось формирование феодальной собственности на землю и были заложены основы консолидации и могущества будущего господствующего класса феодального общества, возникающего на почве слияния „варварской“ и римской знати на территории Италии.

¹ Nec cuiuslibet dignitatis, aut substantiae, aut potentiae, aut cinguli vel honoris persona, contra haec, quae salubriter statuta sunt, quolibet modo credat esse veniendum.—ETh., § 155.

² Quod si forsitan persona potentior, aut eius procurator, vel vicedominus ipsius, aut certe conductor, seu barbari, seu Romani, in aliquo genere causae praesentia non permiserint edicta servari, et iudex, cuius intererit, obsistere, aut vindicare, aut obviare non poterit, in nostram illico, si sibi consulit, instructa ex omnibus relatione, dirigat, deposita totius formidinis suspicione, notitiam. Hac enim sola ratione a culpa esse poterit absolutus.—ETh., § 155. Этот параграф является полностью самостоятельным предписанием остготского правительства.

³ Querelae ad nos plurimae pervenerunt, intra provinciam nonnullos legum praecepta calcare.—ETh., praef.

КРУПНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ИТАЛИИ В VI в.

В VI в. в Италии, одновременно с укреплением и расширением светского крупного землевладения, продолжается рост земельных владений церкви; основы будущих земельных богатств католической церкви были заложены уже в этот период.

Образование крупного церковного и монастырского землевладения в VI в. происходило как за счет пожалований со стороны остготских королей (главным образом в пользу арианской церкви)¹ и дарений частных лиц², так и преимущественно за счет захвата церквями и монастырями земель разорившихся мелких собственников³.

О значительных земельных пожалованиях в пользу церкви ценные сведения содержатся в особом постановлении короля Теодориха от 508 г., которое обычно рассматривается как дополнение к эдикту этого короля⁴. Запрещая духовенству отчуждать церковные земли и другое имущество церкви, остготское правительство в этом эдикте упоминает особо об имуществе, переданном церкви в виде дара частными лицами, и мотивирует запрещение отчуждать церковные земли следующим образом: „Что может быть более нечестивым, чем то, чтобы в этом отношении попиралась воля жертвователя; ведь то, что он хотел видеть принадлежащим церкви, присваивают себе частные лица для того, чтобы пользоваться доходами с этого“⁵.

В правление короля Теодориха и его ближайших преемников остготское правительство заботилось в первую очередь о наделении земель арианской церкви. Иногда наделение земель арианского духовенства производилось в том же порядке, в каком проходил раздел земель между готами и римлянами; из имения какого-либо римского поссессора выделялась третья часть земель и передавалась духовному сановнику⁶. Но наиболее распространенным явлением было пожалование церкви земельных владений из фонда государственных земель⁷.

О значительных размерах земельных богатств арианской церкви в период правления остготов в Италии можно судить по сообщению историка Равеннской церкви Агнелла о том, что после завоевания Италии византийскими войсками по приказанию императора Юстиниана у арианских церквей было конфисковано их имущество, состоящее из городских и сельских имений, пригородных vill и значительного числа храмов, которые подробно перечисляются в труде Агнелла⁸. Все эти богатства арианских церквей были после византийского завоевания переданы католическому духовенству, оказавшему активную поддержку завоевателям.

Для приобретения новых земель церковь, прикрываясь различными лицемерно-благочестивыми доводами, фактически не гнушалась прямого насилия, различных вымогательств, подлогов, составления ложных завещаний и других самых темных махинаций.

¹ Cassiod. *Variae*, II, 29.

² ETh. App. MGH. *Legum*, t. V, p. 169—170.

³ Cassiod. *Variae*, IV, 44; IV, 18.

⁴ ETh. App. MGH. *Legum* t. V, p. 169—170.

⁵ Quid enim tam profanum est, quam ut in hac largientis parte violetur arbitrium, dum quod ad ecclesiam quisque voluerit pertinere, privatae sibi vindicent pro usufructuariarum personarum contractum. Ibid., p. 170.

⁶ Cassiod. *Variae*, I, 14.

⁷ Ibid., II, 17.

⁸ Agnelli liber pontificalis ecclesiae Ravennatis. MGH. *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX*, vol. I, p. 334 et sq.

Так, например, имеются сведения о насильственных захватах духовенством земель и имущества разорившихся крестьян, для чего церковь использовала зависимых от нее людей.

В одном из рескриптов короля Теодориха от 507—511 гг. с негодованием сообщается о насильственном захвате людьми церкви (*homines ecclesiae*) в епархии Поленского епископа Антония дома (*casa*), законным владельцем которого в течение многих лет был некий Стефан¹. Остготское правительство предписывает епископу Антонию проверить факты, возратить потерпевшему захваченное у него имущество и впредь не разрешать своим слугам (*familiares*) чинить насилия. Однако, если претензии церкви на имущество Стефана окажутся законными, правительство приказывает расследовать дело в судебном порядке и вынести надлежащее решение.

Нередко в распоряжении видных духовных сановников Италии находились вооруженные отряды, составленные из зависимых людей церкви. Эти отряды применялись не только для защиты владений церкви, но и для насильственных захватов чужих земель². Так, например, в одном из писем Кассиодора, датированном 507—511 гг., рассказывается о том, что некий Юлиан обратился к остготскому правительству со слезной жалобой на епископа Оригена, сообщив, что его жена и имущество подверглись незаконному нападению и его владения были захвачены людьми епископа. В ответ на эту жалобу остготское правительство потребовало от епископа Оригена в том случае, если справедливость обвинения подтвердится, немедленно возратить захваченное имущество законному владельцу, а виновных в совершении этого преступления предать наказанию³.

С целью незаконного присвоения чужих земель духовенство прибегало к подделке завещаний, захватывая земли законных наследников, на что поступали жалобы в королевский суд⁴. Встречались случаи ограбления духовенством фамильных склепов знати, осквернения могил⁵. Нередко духовенство, пользуясь неурожаем, несущим голод и другие бедствия трудовому населению Италии, спекулировало хлебом и другими продуктами питания, наживая на подобных злоупотреблениях большие деньги. Так, например, высшие церковные сановники осенью 527 неурожайного для Италии года скупили значительные запасы зерна, с тем чтобы впоследствии продать их по повышенным ценам. Пользуясь голодом, они нажили на этой спекуляции большие богатства⁶.

Чрезвычайно важные сведения о неустанном стяжательстве католической церкви и постоянных заботах римского престола о расширении ее владений и приумножении богатств содержит обширная переписка пап, частично восходящая к VI в.⁷.

¹ *Stephanus siquidem flebili additione conquestus est casam iuris sui ante decessorem prodecessoremque vestrum longa aetate, possessam ante hos fere novem menses ab hominibus ecclesiae, cui praesidetis, despecto civilitatis ordine fuisse pervasam.* — *Cassiod. Variae*, IV, 44.

² *Ibid.*, IV, 44; III, 14.

³ *Julianus itaque nobis lacrimabili additione conquestus est uxorem suam vel res a vestris hominibus iniusta usurpatione pervasas. Unde si veram petitionem supplicantis agnoscitis nec se rationabiliter pulsatus absolvit, in auctorem facti sine aliqua tarditate rescate.* — *Cassiod. Variae*, III, 14.

⁴ *Ibid.*, XII, 5.

⁵ *Ibid.*, IV, 18.

⁶ *Ibid.*, IX, 5.

⁷ *Regesta pontificum Romanorum*, ed. Ph. Jaffé, vol. I, Lipsiae, 1885.

Так, например, папа Сильверий, заботясь о закреплении за монастырями их земельных владений, издал особое постановление, запрещающее передавать земли монастыря кому бы то ни было, даже самому королю, или продавать их. Разрешалось лишь обменивать земли одного монастыря на земли другого или передавать монастырские владения другому монастырю¹.

Папа Вигилий (537—555 гг.), по данным источников отличавшийся крайней скупостью и корыстолюбием, в своих письмах к подвластным ему епископам и другим духовным лицам проявлял суровую требовательность и неустоимую заботу прежде всего об аккуратном и своевременном поступлении в папскую казну сборов с церковных патримониев Италии².

Так, например, в одном из своих посланий от 549 г. он настойчиво требует, чтобы некий Себастиан Диякон, посланный в Далмацию для управления церковными патримониями, не возвращался бы оттуда до тех пор, пока не соберет все взносы с церковных владений³.

Папа Пелагий I (555—560 гг.) не уступал Вигилию в требовательности в отношении сбора церковных доходов и крайней скарденности. В письме, датированном 556 г., этот понтифик, обращаясь к патрицию Плациду, предупреждает его о необходимости скорейшей присылки собранных с церковных владений Арелатской епархии взносов и предлагает ему закупить в той области шерстяные плащи, белые туники и другие одежды, необходимые для духовенства, и прислать их в Рим⁴. При этом он жалуется на трудности сбора церковных доходов в самой Италии⁵. Настойчивые требования присылки взносов с церковных патримониев и суровые попреки дефензорам различных церквей за несвоевременное поступление этих сборов являются лейтмотивом многих других писем папы Пелагия⁶. Привлекает особое внимание письмо этого папы от 555 г., которое проливает свет на размеры церковных владений и их доходы. В этом письме папа подтверждает, что епископ Цингуланской⁷ церкви Иоанн внес в счет сборов с церковных патримониев, которых было в Пиденской области свыше 11, за 7-й индикт взносы в сумме 500 золотых солидов⁸.

Папа сурово предписывал духовенству заботиться о сохранении и приумножении церковного имущества, в том числе зависимых от церкви людей⁹. В письме к епископу города Нарни папа Пелагий I требует, чтобы этот епископ проявил рвение и позаботился о возвращении отчужденных у церкви земель¹⁰.

Таким образом, в центре внимания папства и высшего духовенства в Италии находилось постоянное стремление к расширению и округлению церковных земель и увеличению доходов церквей и монастырей Италии.

В конце VI в. среди римских пап особенно отличался своим неустойчивым стяжательством папа Григорий I (590—604), который, повидимому, и был столь прославлен церковной традицией в первую очередь

¹ Regesta pontificum Romanorum, p. 115.

² Ibid., p. 117—121.

³ Ibid., p. 121.

⁴ Ibid., p. 126.

⁵ Ibid., p. 126—127.

⁶ Ibid., p. 127.

⁷ Город Cingulum (Cingoli) был расположен около Анконы.

⁸ Regesta pontificum Romanorum, p. 127.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 128.

потому, что он немало потрудился над приумножением богатств церкви, не гнушаясь для достижения своей цели никакими средствами. Об этом свидетельствует его собственная обширная переписка, в которой неоднократно упоминается о жалобах со стороны частных лиц на незаконные захваты церковью их земель и другого имущества, на нарушение людьми церкви границ частных владений, увод рабов, похищение инвентаря и другие подобные беззакония¹.

Так, например, в одном из посланий, датированном 591 г., папа Григорий I рисует поистине трагическую картину ограбления католическим духовенством населения Сицилии: „Кроме того, дошло до нас, — пишет он, — что со времени [управления] дефензора Антонина и вплоть до текущего десятилетия многие люди претерпели всяческие насилия со стороны римской церкви, так что они открыто жалуются на то, что в пределы их владений совершено насильственное вторжение, рабы угнаны, даже движимое имущество отнято, и не по суду, а силой“².

Для поддержания авторитета церкви и прекращения жалоб населения папа предписывает духовенству возвратить законным владельцам отнятое у них имущество и впредь не допускать, чтобы ограбленные землевладельцы обращались с жалобами к папскому престолу. Вместе с тем Григорий I советует подчиненным ему епископам со всей тщательностью собирать подати и арендную плату с зависимого от церкви населения, но избегать насильственного захвата чужого имущества³.

Значительный интерес для выяснения методов приобретения духовенством новых земель имеет сообщение Григория I о том, что церковь нередко налагала свои *tituli* на чьи-либо городские или сельские имения без достаточных законных оснований для этого. Подобные злоупотребления духовенства, повидимому, приобрели такой размах, что папа принужден был издать особый декрет, запрещающий под страхом анафемы насильственные захваты духовенством чужого имущества⁴. Таким образом, мы видим, что установление межевых знаков с указанием имени владельца на чужих землях производилось не только светскими землевладельцами, но и духовенством, и также являлось одним из путей дальнейшего расширения церковно-монастырского землевладения.

В „Диалогах“ того же папы Григория I содержатся интересные, почерпнутые из конкретной действительности сведения, весьма ярко отражающие нравы того времени. В этих „Диалогах“ имеются многочисленные упоминания о монастырях и церквях Италии, а иногда и об их владениях. Так, например, в одном из своих „Диалогов“ Григорий I рассказывает, что один из монастырей в Кампании, во главе которого стоял некий Либертин, прославился своим богатством, что привлекло к его стенам грабителей-франков из отрядов Буцеллина (553—554 гг.)⁵. Подобные примеры, свидетельствующие о росте богатств церкви в VI в., можно было бы умножить.

¹ Gregorii I papae registrum epistolarum. MGH, Epp., t. I, I, 39, etc.

² Praeterea pervenit ad me ab Antonini defensoris temporibus nunc usque in hoc decennio multos a Romana ecclesia quasdam violentias pertulisse, ita ut quidam publice conquerantur, fines suos violenter invasos, mancipia abstracta, res etiam mobiles manu non iudicio aliquo ablatas—Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 2.

³ Ibid., § 2.

⁴ Maxime quia et decretum sub anathematis interpositione constitui, ne unquam a nostra ecclesia urbano vel rustico praedio tituli debeantur inponi. — Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 5.

⁵ Gregorii Magni dialogorum libri I. MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum, I, p. 525.

Остготское правительство, особенно в период правления короля Теодориха и его ближайших преемников, поощряло дальнейший рост церковного землевладения и покровительствовало церкви, в первую очередь арианской, но стремилось также сохранять миролюбивые отношения и с католической церковью. Политика остготского правительства Теодориха по отношению к церкви, так же как и по отношению к крупному светскому землевладению, носит сугубо классовый характер: в основном она преследовала цели укрепления крупного церковного землевладения и охраны привилегий церкви, являвшейся важной идеологической опорой господствующего класса.

Широко известно настойчивое стремление правительства Теодориха установить мирные отношения с католической церковью. Политика терпимости по отношению к католикам нашла весьма отчетливое выражение в „*Variae*“ Кассиодора¹. Кассиодор следующим образом сформулировал политическое *credo* остготского короля в этом вопросе: „Мы не можем предписывать веры, ибо нельзя силой заставить человека верить“². По словам Кассиодора, Теодорих стремился одинаково „справедливо“ относиться как к арианскому, так и к католическому духовенству, и поэтому виновные в правонарушениях арианские епископы не спасались от суда этого короля³. О терпимости Теодориха к католической церкви сообщает и другой современный ему хронист⁴.

Однако в законодательстве остготского правительства, особенно в эдикте Теодориха, церковной политике и вопросам, связанным с положением церкви, отводится сравнительно незначительное место. Подобное умолчание, повидимому, можно объяснить известной осторожностью правительства Теодориха, которому порой приходилось лавировать между арианским и католическим духовенством. Правительство Теодориха, повидимому, опасалось, что, даруя особые привилегии арианской церкви, оно могло вызвать сильное недовольство католического духовенства, с которым принуждено было считаться; в то же время, уравнивая положение католической церкви с положением арианской, оно навлекло бы на себя серьезные нарекания со стороны ариан.

Но и те, сравнительно немногочисленные, постановления, касающиеся церкви, которые имеются в эдикте Теодориха и в других законодательных памятниках того времени, не оставляют сомнения в том, что остготское правительство стремилось законодательными мерами укрепить положение церкви и способствовать дальнейшему росту церковного землевладения.

Особенно показательным для подобной политики остготского правительства является предписание, изданное королем Теодорихом в 508 г.⁵. Это постановление было направлено против отчуждения высшим духовенством церковных имуществ⁶. Согласно этому эдикту, духовенству Италии (как арианскому, так и католическому) категорически запрещалось продавать, дарить или каким-либо иным способом отчуждать церковное имущество, находившееся в его распоряжении. За незаконное отчуждение духовными лицами церковных владений предписывалось

¹ Cassiod. *Variae*, V, 33; XI, 18, 27, 33.

² Ibid., XI, 27.

³ Ibid., XI, 18.

⁴ Anonymus Valesianus. MGH. Auct. Ant., t. IX, p. 322—323.

⁵ ETh. App., p. 169—170. См. выше, стр. 105.

⁶ Cp. Nov. Just., VII.

суровое наказание в виде конфискации всего имущества духовного сановника, виновного в этом преступлении¹.

Это важное предписание остготского правительства имело своей целью сохранение неприкосновенности церковного имущества и фактически способствовало дальнейшему росту церковного землевладения, поощряя пожалования и дарения в пользу церкви и заботясь об их сохранности.

Нередко остготское правительство в судебных процессах и при разборе различных тяжб между духовенством и частными лицами принимало сторону церкви. Правительство предписывало правителям отдельных областей Италии защищать интересы церкви от незаконных притязаний со стороны „могущественных“ лиц. Так, например, остготское правительство направило комиту готов (*comes Gothorum*) по имени Адиле специальный рескрипт, предписывавший ему охранять сикилийские владения Миланского епископства². Незаконно захваченное кем-либо церковное имущество, в том числе и земли, по предписанию остготского правительства, вновь возвращались церкви. Лишенные незаконным образом своего сана епископы нередко восстанавливались на своих кафедрах по особому предписанию остготского правительства. Укреплению церковного землевладения и расширению владений церкви способствовали также и некоторые постановления эдикта Теодориха³. Так, например, эдикт Теодориха устанавливал, что все имущество духовных лиц и клириков, умерших без завещания и не имевших законных наследников, передается церкви⁴.

Остготское правительство не только заботилось об укреплении церковного землевладения, но и способствовало удовлетворению потребности церковных имений в рабочих руках. В этом отношении в достаточной мере показательным является предписание эдикта Теодориха, в общих чертах совпадающее с одной из статей Вестготской правды⁵. Этот параграф эдикта Теодориха гласит следующее: „Если приговоренных и осужденных по суду насильственно похитят клирики или кто-либо другой, то они сами привлекаются к несению наказания, т. е. к уплате того, что по приговору [суда] должен был уплатить осужденный, и если окажется, что это совершено с согласия и при пособничестве судьи, то этот судья должен будет уплатить [штраф] в 5 либр золота“⁶.

Это предписание эдикта Теодориха указывает, что в судебной практике того времени бывали случаи, когда преступников, осужденных за какое-либо правонарушение, похищали клирики или другие заинтересованные в том лица. Упоминание клириков среди лиц, похищающих осужденных, является свидетельством того, что в этот период церковь, как и светские землевладельцы, остро нуждалась в рабочих руках и прибегала к разного рода махинациям для их приобретения.

¹ Ergo si quis scaelestis ausibus interdicta praesumpserit, et ultra usufructum retinere cepit, episcopo vel clero largiente, alienata res protinus cum fructibus a veniendo praesole vindicentur. — *ETH. App.*, p. 170.

² *Cassiod. Variae*, II, 29. См. выше стр. 91.

³ *ETH.*, § 26, 114, 125, 126.

⁴ Clericos religiosasque personas intestatas deficientes, quotiens defuerit qui iure succedat, locum ecclesiae suae secundum leges facere debere praecipimus. — *ETH.*, § 26.

⁵ *ETH.*, § 144; *Lex Visigothorum*, VII, 4, 3.

⁶ Si addictos damnatosque iudiciis clerici vel quilibet alii violenter eruerint, ipsi ad poenam vel ad dispendia teneantur, quae sententia in convictos prolata statuisset monstrabitur: et si conniventia iudicis vel conludio hoc claruerit perpetratum, quinque auri libras idem iudex cogatur exsolvere. — *ETH.*, § 114. *Cp. Cod. Theod.*, IX, 3. 5; IX, 1. 7.

Одним из таких незаконных методов приобретения работников являлся, повидимому, сговор между духовенством и судебной администрацией о фактической передаче осужденных в распоряжение церкви под видом их похищения. О подобных сделках свидетельствует включение в эту статью эдикта Теодориха особого дополнительного предписания — являющегося полностью нововведением остготского правительства — о материальной ответственности судей, способствовавших похищению преступников. В реальной действительности бывали, повидимому, случаи, когда духовенство даже соглашалось заплатить за преступника тот штраф, который он был обязан внести за совершенное им преступление, с тем чтобы получить его в свое распоряжение. Очевидно, переданные духовенству осужденные превращались затем в зависимых людей церкви и использовались духовенством на различных работах в церковных имениях.

Нередки, повидимому, были случаи применения духовенством и прямого насилия для приобретения необходимых церкви рабочих рук. Так, например, в переписке папы Григория I имеются сведения о насильственном похищении духовенством чужих рабов¹ и о принятии беглых рабов в церковные владения. Относительно удержания духовенством беглых рабов Григорий I пишет следующее: „Мы знаем, что многие возбуждают дело о потерянных рабах, говоря, что если чей-либо раб бежал от своего господина и объявил себя принадлежащим к людям церкви, то ректоры церкви владеют им как церковным рабом, делая это не на основании решения какого-либо суда, но защищая силой утверждение раба“². Не желая усиливать недовольство землевладельцев, Григорий I предписывает возвратить незаконно приобретенных рабов их прежним хозяевам еще до разбора дела в суде, но указывает, что в случае, если церковь имеет на них какие-либо права, следует настойчиво отстаивать их и привлекать к судебной ответственности тех лиц, которые без достаточных оснований требуют возврата рабов, принадлежащих церкви.

Важной привилегией, дарованной остготским правительством церкви в целях укрепления ее экономического могущества, было освобождение церковных имений от уплаты государственных налогов. Так, в 507 г. правительство Теодориха санкционировало предписание римского сената об освобождении церковных имений от уплаты поземельной подати и выполнения различных повинностей в пользу государства.

В интересах упрочения политического влияния церкви остготское правительство законодательным путем подтверждало и другую весьма важную для церкви привилегию — право церковного убежища (ETh, § 125—126).

При этом право церковного убежища предоставлялось остготским правительством как католической, так и арианской церкви (ETh, § 125). С этой целью в законодательство было внесено существенное изменение по сравнению с предписаниями римского права. Если в постановлениях римских императоров право церковного убежища предоставлялось лишь ортодоксальной церкви, т. е. господствующей католической церкви (*sacrosanctae ecclesiae orthodoxae fidei*) (Cod. Iust., I, 12. 6), то в эдикте

¹ Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 2, 3.

² Plerosque vero cognovimus de amissis mancipiis conqueri, dicentes, quia si servus cuiuspiam fortasse dominum suum fugiens iuris ecclesiastici se esse professus est, rectores ecclesiae protinus hunc ut servum ecclesiastici iuris habuerunt, nullo agentes iudicio, sed servi vocem manibus defendentes. — Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 3.

Теодориха эта привилегия была дарована всякой церкви — *ecclesiae, id est loci religiosi*¹.

Таким образом, согласно этому предписанию эдикта Теодориха, арианская церковь в отношении такой существенной привилегии, как право церковного убежища, уравнивалась с католической².

Не подлежит сомнению, что это важное нововведение остготского правительства было сделано в интересах арианской церкви и непосредственно под давлением арианского духовенства. В то же время привлекает внимание чрезвычайная осторожность остготского правительства в выборе выражений, формулирующих это предписание: правительство намеренно воздержалось от особого упоминания арианской церкви и прибегло к общим, в достаточной мере расплывчатым выражениям (*ecclesiae, id est loci religiosi*), очевидно, для того, чтобы не раздражать католического духовенства. Таким образом, нововведения остготского законодательства относительно права церковного убежища были прямым отражением церковной политики остготского правительства; они проливают некоторый свет на взаимоотношения остготского правительства с арианским и католическим духовенством.

О том, насколько большое политическое значение имело для духовенства предоставление права церковного убежища, свидетельствует введение остготским правительством смертной казни в качестве наказания за нарушение этой важной привилегии церкви (ETh, § 125).

Право церковного убежища распространялось законодательством и на должников фиска. Согласно особому постановлению эдикта Теодориха, никакой куриал, табулярий или сборщик податей не мог требовать отдачи в долговую кабалу несостоятельного должника, если тот нашел убежище в церкви (ETh, § 126). К церковному убежищу, по данным эдикта Теодориха, прибегали не только несостоятельные должники, но и рабы³.

Анализ законодательных предписаний, касающихся права церковного убежища, приводит нас к заключению, что именно в этих постановлениях особенно отчетливо выявляется социальная функция церкви в остготском государстве — основной обязанностью церкви являлась отнюдь не защита несостоятельных должников и беглых рабов от преследований со стороны кредиторов и господ, а, наоборот, на духовенство возлагалась важная миссия — от должников добиваться уплаты долга, а беглых рабов возвращать их господам. Так, например, особая статья эдикта Теодориха предписывает духовенству „убеждать“ несостоятельных государственных должников, нашедших убежище в церкви, уплатить долг и покинуть убежище; в случае же отказа должник должен отдать все имущество, принесенное им в церковь. Если же должник откажется добровольно это сделать, то архидиакон той церкви, где он нашел убежище, должен уплатить его долг государству⁴.

¹ Si quis de ecclesiis, id est locis religiosis, homines traxerit, vel aliquid violento crediderit auferendum, capite puniatur. — ETh, § 125.

² F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 92.

³ ETh, § 70. Необходимо отметить, что римское право предоставляло убежище в церквях не только беглым рабам, но и колонам, спасшимся от преследования своих господ (Cod. Just., I, 12. 6); эдикт Теодориха о колонах молчит, а упоминает лишь о рабах.

⁴ ETh, § 71. Остготское правительство в этой статье эдикта внесло некоторые изменения в нормы римского права. Если Cod. Theod., IX, 45 указывает, что обязанность уплаты долга за несостоятельного должника, нашедшего убежище в церкви, ложится на епископа, то эдикт Теодориха возлагает эту обязанность на архидиакона той церкви, где должник нашел себе убежище.

Таким образом, само духовенство несло материальную ответственность перед государством в том случае, если оно не сумело добиться от несостоятельного должника, прибегнувшего к церковному убежищу, уплаты долга фиску.

Можно высказать предположение, что в отдельных случаях духовенство предпочитало уплатить долг за несостоятельного должника с тем, чтобы, используя экономические затруднения последнего, превратить его затем в зависимого от церкви человека. Это делалось с целью использовать труд несостоятельного должника в интересах церкви, точно так же, как в случаях похищения клириками осужденных за какие-либо правонарушения духовенство, повидимому, использовало труд этих преступников для обработки церковных имений. Однако чаще всего духовенство выполняло свои обязанности по отношению к государству и принимало решительные меры для того, чтобы добиться уплаты несостоятельным должником государственного долга.

Таким образом, фактически введение материальной ответственности духовенства за уплату долга должниками фиска весьма существенным образом ограничивало для них реальное право церковного убежища, а духовенству давало возможность извлекать из права церковного убежища известные выгоды, иногда прибегая к „выкупу“ несостоятельных должников, в использовании труда которых оно было заинтересовано.

Особенно ярко социальная функция церкви, действовавшей в интересах господствующего класса, проявляется в предписании эдикта Теодориха, касающегося церковного убежища для беглых рабов. Статья эдикта, посвященная этому вопросу, гласит: „Если какой-либо раб любой национальности будет искать убежища в какой-нибудь церкви¹, пусть он немедленно будет передан господину, обещающему прощение: мы предписываем, чтобы он там оставался не более одного дня. В случае его отказа покинуть [убежище], пусть духовное лицо, архидиакон той самой церкви, или пресвитер и клирики, принудят его возвратиться к своему господину и пусть без промедления передадут его господину, при условии прощения [раба]“².

Таким образом, духовенство, выполняя свою социальную функцию защиты интересов господствующего класса, обязано было прежде всего заботиться о возвращении беглых рабов их хозяевам, даже применяя для достижения этой цели меры принуждения. Лицемерная оговорка о прощении господином беглого раба как необходимом условии его возвращения вряд ли имела реальное значение, ибо если господин даже и давал обещание простить провинившегося раба, то, получив беглеца в свои руки, он мог в дальнейшем безнаказанно нарушить это обещание и расправиться с рабом по своему усмотрению.

В отдельных случаях духовенство могло оставить у себя беглого раба, но обязано было выдать за него господину другого раба, одинакового с ним качества³.

¹ Имеются в виду как католические, так и арианские церкви.

² Si servus cuiuslibet nationis ad quamlibet ecclesiam confugerit, statim domino veniam promittente reddatur: nec enim ultra unum diem ibidem residere praecipimus. Qui si exire noluerit, vir religiosus archidiaconus eiusdem ecclesiae, vel presbyter atque clerici, eundem ad dominum suum exire compellant, et domino indulgentiam praestanti sine dilatione contradant. — ETh, § 70.

³ Quod si hoc suprascriptae religiosae personae facere forte noluerint, aliud mancipium eiusdem meriti domino dare cogantur. — ETh, § 70. Cp. Cod. Just., I, 12. 4, 5; I, 3. 12, 1; Cod. Theod., IX, 45. 5.

Можно предположить, что иногда, в случае острой нехватки рабочих рук в церковных имениях, духовенству было выгодно задержать у себя беглого раба, договорившись с господином об уплате денежной компенсации.

Не подлежит сомнению, однако, что это делалось отнюдь не из гуманных стремлений духовенства облегчить участь беглого раба и спасти его от гнева господина, а из чисто практических соображений — использовать труд раба в церковном хозяйстве, а также в целях идеологического воздействия на народные массы путем создания у них ложного представления о церкви, как о защитнице всех угнетенных и обездоленных.

В конечном счете все законодательные предписания, касающиеся права церковного убежища для беглых рабов, защищали интересы господ, используя для этого авторитет церкви. В особенно неприкрытом виде эта социальная направленность законодательства того времени проявляется в заключительной части вышеприведенной статьи эдикта Теодориха, в которой говорится, что если господин сможет захватить вне церкви беглого раба, укрывавшегося в церковном убежище, то он немедленно забирает его себе¹.

Таким образом, постановления остготского правительства, предписывавшие духовенству возвращать укрывавшихся в церкви рабов их прежним хозяевам, фактически сводили на нет право церковного убежища для беглых рабов. Это право было выгодно прежде всего самой церкви, так как поднимало ее политический авторитет, и вместе с тем реальное применение этого права лишний раз показывало прочность союза церкви и государства на основе общности классовых интересов. Государство охраняло привилегии церкви, способствовало укреплению ее влияния, но взамен этого церковь верой и правдой служила господствующему классу.

Все это показывает неправомерность теории, созданной в буржуазной историографии, согласно которой церковь в средние века якобы являлась защитницей всех страждущих и угнетенных, заботилась об освобождении рабов и их защите от произвола господ и что именно под влиянием деятельности церкви якобы происходило постепенное смягчение рабства².

В остготский период в Италии оформляется и судебная власть церкви как прямой результат усиления ее экономического и политического влияния. Так, в правление короля Теодориха епископы не только творили суд над всеми подчиненными церкви людьми и всеми лицами духовного звания, но и разбирали многие дела, касавшиеся имущественных прав церкви и церковных владений. Даже особо важные дела о политических преступлениях, например, дела о государственной измене духовных лиц, рассматривались в суде епископа.

Некоторой уступкой церкви со стороны остготского правительства являлось еще одно предписание эдикта Теодориха, устанавливавшее, что в воскресные дни и на Пасху должны прекращаться все судебные тяжбы: в эти дни запрещалось разбирать какие-либо судебные дела. Виновный в нарушении этого предписания эдикта считался святотатцем³.

¹ Ita ut etiam illud mancipium, quod in ecclesiae latebris commoratur, si extra ecclesiam potuerit comprehendi, a domino protenus vindicetur. — ETh, § 70.

² A. Hadjinicolaou-Morava. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950. См. М. Я. Сюзюмов, ВВ, т. V, 1952, стр. 280—284.

³ Die solis, qui dominicus nuncupatur, sed et diebus paschalibus, nullum praecipimus conveniri: qui contra fecerit, sacrilegii reus habeatur. — ETh, § 154. Cp. Cod. Theod., II, 8. 18; VIII, 8. 3.

Само собою разумеется, что для распространения своего влияния на широкие круги населения церковь была заинтересована в прекращении какого-либо судопроизводства в праздничные дни, которое могло бы отвлекать верующих от исполнения религиозных обрядов.

Таким образом, законодательство остготского правительства, особенно в период правления короля Теодориха и его ближайших преемников, деятельно охраняло интересы церкви, способствовало укреплению ее экономических позиций и политического влияния, что являлось важным звеном во внутренней политике остготского государства и отражало стремление правительства Теодориха заручиться поддержкой церкви. Особенно знаменательно для религиозной политики остготского правительства было желание по возможности смягчать и предотвращать столкновения между арианами и католиками, придерживаясь политики веротерпимости, опираться не только на арианскую церковь, но и стремиться получить поддержку также и католического духовенства.

В то же время мы видим, что арианская церковь в этот период все более и более теряет свою былую оппозиционность и использует свое положение в остготском государстве для дальнейшего приумножения своих богатств и привилегий¹. Католическое же духовенство, хотя и использует терпимость остготского правительства и, стремясь мирно ужиться с новыми завоевателями и избежать каких-либо конфликтов с правительством, оказывает ему поддержку, все же, повидимому, не может окончательно примириться с усилением позиций арианской церкви и поэтому все чаще и чаще обращает свои взоры на Восток, мечтая о восстановлении своего господствующего положения.

Подводя некоторые итоги, мы можем прийти к заключению, что в период правления остготов в Италии продолжался дальнейший рост крупного церковного и монастырского землевладения, происходил процесс расширения земельных владений как арианского, так и (хотя в несколько меньшей степени) католического духовенства. Источники VI в. неоспоримо свидетельствуют о дальнейшем укреплении экономического и политического влияния церкви, о росте власти церкви над зависимым от нее населением, об алчном стремлении духовенства к постоянному расширению церковных владений и к приумножению ее богатств. Источники рассказывают и о жестоких методах, применяемых духовенством для округления церковных патримониев, о насилиях, чинимых духовными сановниками, о различных махинациях и вымогательствах в отношении народных масс, к которым прибегали прелаты церкви для дальнейшего обогащения.

В этот период в Италии наряду с крупным светским землевладением феодализирующейся знати растет и крепнет церковно-монастырское землевладение. На этой основе разворачивается процесс формирования господствующего класса будущего феодального общества, в котором видная роль будет принадлежать высшему духовенству католической церкви.

Рождение этого высшего сословия феодального общества было окутано мрачной тенью неумоимого стяжательства и скопидомства, тайных насилий и преступлений, искусных политических интриг и заискивания перед могущественными „варварами“. Кровь и слезы народа, обман и преступления, невежество и суеверие — вот чем отмечены первые страницы истории католической церкви в ту отдаленную от нас эпоху.

¹ MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX, p. 334—335.

Рассмотрев материалы источников, касающиеся изменений в отношениях собственности в Италии VI в., мы можем прийти к заключению, что в период правления первых остготских королей на Апеннинском полуострове происходил неуклонный рост крупного землевладения остготской и римской феодализирующейся знати. Рост крупного землевладения происходил как за счет раздела земель завоеванного населения Италии и пожалований остготских королей, так и путем насильственного захвата знатью земель мелких и средних собственников.

Наряду со светским землевладением росло и укреплялось церковно-монастырское землевладение как арианской, так и католической церкви. Духовные сановники особенно отличались своим стяжательством и постоянным стремлением к приумножению своих богатств.

Мелкое свободное землевладение, несколько возросшее непосредственно после завоевания остготами Италии, в дальнейшем хотя и сохраняло свое значение, но все больше и больше начало уступать свои позиции¹. В связи с общим процессом феодализации уже началось поглощение мелкой свободной собственности крупным землевладением. Одновременно, на основе этих изменений в отношениях собственности, начался двуединый процесс формирования как господствующего класса будущего феодального общества, так и феодально-зависимого крестьянства. Данные источников показывают, что в остготский период в Италии уже начали оформляться права и привилегии феодализирующейся знати и высшего духовенства, все более и более укреплявших свои экономические позиции и расширявших политическое влияние. Вместе с тем происходили изменения в положении трудового населения Италии, свидетельствующие о начале процесса формирования феодально-зависимого крестьянства.

---

¹ Этому вопросу посвящена другая работа автора данной статьи.

М. Е. СЕРГЕЕНКО

ИТАЛИЙСКИЙ ПЛУГ

Один из лучших знатоков материальной культуры древнего мира Г. Блюмнер полагал, что уцелевшие сочинения римских писателей-агрономов превосходно, до мелочей, ознакомили нас с сельскохозяйственным бытом древней Италии. Вряд ли можно согласиться с этим мнением. Наши знания в упомянутой области далеко недостаточны, и как раз наши знания о технике пахоты и устройстве итальянских плугов страдают досадными и очень существенными пробелами. При нынешнем состоянии нашего материала — письменного и археологического — мы не можем дать ни истории итальянского плуга, — а у него, конечно, была длинная история, в ходе которой делались различные изменения и усовершенствования, — ни отнестись к определенным местностям известные нам типы плуга. Можно с уверенностью ручаться, что этими плугами отнюдь не представлены все виды итальянского плуга. Мало того: мы знаем, какие части имелись в итальянском плуге, и ничего не знаем о соотношении этих частей: если бы нас попросили охарактеризовать прирейнский плуг или украинский сабан, и мы ответили бы только перечислением частей, имеющихся у одного и у другого, то такая характеристика вряд ли бы удовлетворила кого-либо. Между тем для итальянских плугов мы только это и можем сделать: до нас не дошло ни одного подлинного плуга, а составлять числовые пропорции на основании игрушек и вотивных статуэток имеет такой же смысл, как описывать внешний вид древнегреческих волов на основании танагрской статуэтки VII в. до н. э., изображающей пахаря за плугом. Самая техника пахоты в древней Италии далеко не ясна; еще в недавнее время она служила или темой для бесцветного рассказа, или поводом для злого спора, который так и остался не разрешенным, а только отложенным.

Сказанного, думается, достаточно, чтобы убедиться в том, насколько неполны наши знания по одному из самых важных вопросов сельскохозяйственной жизни древней Италии. Постараемся хотя бы до некоторой степени осветить его и понять то, что сообщают нам о плуге и пахоте наши источники.

Источники. Они распадаются на две категории: археологические и письменные. К первым относятся: а) статуэтка пахаря из Аредцо, датируемая VI в. (была в Риме, Villa Tullia); б) статуэтка плуга из Теламоне (хранилась во Флоренции); в) статуэтка из Чивита Кастеллана, датируемая II в. (находится в Нью-Йорке, в Городском музее); г) монеты последнего века республики, а также императорского времени. Письменные источники представлены Катонем („Сельское

хозяйство“); Варроном („Сельское хозяйство“, I, 29 — главное место — и отдельные замечания, рассеянные по всей книге, а также „Латинский язык“, V, 135 — названия плужных частей); Вергилием („Георгики“, I, 160 — описание плуга) и его комментатором Сервием; Колумеллой (II, 2, 22—28 — описание пахоты) и Плинием („Естественная история“, XVIII, 171—180 — виды плуга и „законы пахоты“).

Части плуга. Начнем с наиболее легкого и наименее спорного: с терминов, обозначающих разные части плуга. Их дают Варрон, Вергилий и Сервий. Варрон („Латинский язык“, указ. место) перечисляет плужные части: „лемехом“ (vomer) эта часть называется потому, что ею плуг выбрасывает землю¹; „зубом“ (dens) потому, что она кусает землю. Прямая палка, которая стоит над лемехом, называется „рукояткой“ (stiva — от stando), поперечина к ней названа manicula, потому что пахарь держится за нее рукой (manu). Та часть, которая, как дышло, находится между волами, называется „грядилем“ (bura — от bubus). Один из позднейших лексикографов объяснял bura, как „искривленную заднюю часть плуга“ (Ноний, 80, 16), т. е. считал, что bura — это рукоятка. Основание для такого комментария дали позднейшие плуги с прямым грядилем и кривой рукояткой². Для времен республики и ранней империи толкование Варрона единственно правильное, и мы должны безоговорочно принять его, во-первых, потому, что Варрон, интересовавшийся и сельским хозяйством, и словарным составом латинского языка, хорошо знал технические сельскохозяйственные термины; во-вторых, в его „Сельском хозяйстве“ имеется одно место (I, 19, 2), устраняющее всякие сомнения относительно значения bura: „Бывает земля, которую волы могут поднять, только напрягая все силы, причем часто лемех остается в земле, а bura ломается“: ясно, что при напряженной тяге и большом сопротивлении, которое земля оказывает этой тяге, ломается главная тяговая часть пахотного орудия, т. е. как раз грядиль, а не рукоятка. От Варрона же мы узнаем, что при заделке семян „к лемеху приделываются две дощечки“ (I, 29, 2); доски эти, как сообщает Вергилий, назывались „ушами“ — название, до последнего времени сохранявшееся на всем романском юге. Вергилий называет еще часть плуга, пропущенную у Варрона: dentalia — слово, которое Сервий объясняет, как „дерево, на которое надевается лемех“, т. е. подошва. Итак, вот части италийского плуга:

vomer	или dens	лемех
dentale	или во мн. ч. dentalia	подошва
bura	или buris	грядиль
	stiva	рукоятка
	manicula	поперечина к рукоятке
tabellae	или aures	„дощечки“ или „уши“

Кроме того, из Плиния (указ. место) мы узнаем, что — в императорское время, по крайней мере, — имелись плуги, снабженные кривым резакком.

Какую форму имели все упомянутые части? Ответить на этот вопрос позволят те памятники материальной культуры, о которых говорилось выше.

Памятники эти дают далеко не однородный тип плуга: на каждой из упомянутых статуэток мы видим совершенно особый плуг; плуги

¹ Варрон производит vomer от слова vomere „рвать“ (vomitus — „рвота“): лемех „рвет землей“.

² См. A. S. F. Gow. The Ancient Plough. JHS, 34, 1914, pl. 2, p. 274.

с монет Вибия Пансы (табл. 1, рис. 1), Сципиона Метелла (табл. 1, рис. 2) и Тиберия Гракха (табл. 1, рис. 3) одинаковы; плуг на монетах Юлия Цезаря (табл. 1, рис. 4) несколько отличен, а плуги с монет Мария (табл. 1, рис. 5) представляют собой нечто совсем иное. Рассмотрим каждый тип в отдельности.

Плуг из Чивита Кастелляна. Плуг этот может служить наглядным пояснением вергилиевых слов: „В лесу с большим усилием сгибают для грядилы вяз, заставляя его принять форму кривого плуга“ („Георгики“, указ. место). На статуэтке перед нами очень толстый сук с другим суком, который притянули и привязали к первому, заставив согнуться для грядилы. Он целиком сохранил форму древесной ветки: круглый, более толстый у основания, несколько обтесанный и постепенно утончающийся к концу, где он, с помощью двух больших костылей, скрепляется с дышлом. Подошва тоже сохраняет округлую форму сука; она примерно вдвое короче грядилы и, вероятно, была заострена на конце, чтобы легче войти в железную трубку, представляющую собой один из видов „надеваемого лемеха“ — *vomeris inutilis* Катона (135,2). Съемные лемехи Катон называл „превосходнейшими“; в рабовладельческих хозяйствах его времени они были, повидимому, очень распространены; по крайней мере, в инвентарной описи масличного сада Катон упоминает „шесть плугов с лемехами“ (10, 2); лемехи мыслились, как нечто отделяемое от плугов, и в описи виноградника они и поставлены отдельно: плуги упоминаются среди предметов, сделанных из дерева (телеги, ярма), а лемехи — среди железных орудий (топоры, клинья, лопаты — 11, 2, 4). К сожалению, слова Катона не позволяют представить форму этих, восхваляемых им, съемных лемехов: может быть, они были трубкообразными, как на плуге с нашей статуэткой, а может быть, имели тот вид, который представлен на статуэтке из Ареццо (см. ниже).

Рукоятки в плуге из Чивита Кастелляна нет, но она, разумеется, имелась. На медальоне Коммода, на котором он представлен в виде Геркулеса, основателя нового Рима, изображен именно этот тип плуга: рукоятка вставлена в грядиль, недалеко от его основания. И здесь и там подошва в задней своей части, обращенной к пахарю, имеет небольшой выступ: пахарь становился на него (как мы и видим на медальоне Коммода), чтобы придать плугу больше тяжести и заставить его глубже войти в землю¹. Этого же вида плуг изображен и на бронзовой римской пластинке из Копенгагена.

Такие плуги были, конечно, очень древними. Это не значит, что в Италии настало время, когда они превратились в музейную редкость. Плиний в своем перечне плугов (указ. место) называет плуг такого типа „обычным колом с клювом“ (*genus vulgare rostrati vectis*): надо признать, что трудно придумать определение более простое и живописно точное.

Статуэтка из Ареццо. „Кол с клювом“ мог быть и другой формы: мы видим его на статуэтке из Ареццо (табл. 2). Подошва этого плуга составляет вместе с грядилем один кусок дерева, но стоит не параллельно к земле, как у плуга из Чивита Кастелляна, а под углом, примерно в 45°; грядиль почти прямой; в него вделана рукоятка с поперечиной. Особенно интересен лемех: это — не знакомая уже нам

¹ Один путешественник XVIII в. рассказывает, что он видел под Римом пахарей, стоявших на плуге на специально предназначенной для этого его части; плуг, по словам путешественника, представлял собой один лемех без передка и колес, и пахарь „тяжестю своей помогал работе лемеха“. (P. J. Grosley. *Nouveaux mémoires ou observations sur l'Italie et sur les italiens*, vol. III, Londres, 1764, p. 12—13.

трубка, а железный „лапоть“ без задка, который надет на деревянный „клюв“ — подошву и прихвачен к ней двумя, конечно, подвижными кольцами. С помощью их и вкладышей „лапоть“ можно было поднимать и опускать, т. е. пахать глубже или мельче; можно было переносить „лапоть“ направо или налево. В этом было значительное преимущество плуга из Аретцо перед плугом из Чивита Кастелляна. Вообще же такие пахотные орудия рыхлили почву и хорошо разбивали земляные глыбы. На каменистых почвах трубкообразные лемехи незаменимы, потому что, натываясь на камни, они не ломались и не сгибались. Простота устройства, дешевизна, прочность и относительная легкость „кола с клювом“ должны были обеспечить ему широкое применение в бедных крестьянских хозяйствах древней Италии. Переворачивание земляного пласта, однако, произвести таким орудием невозможно, а что землю в древней Италии, вспахивая, переворачивали, мы увидим в дальнейшем. Остается, следовательно, предположить, во-первых, что были хозяйства, где работали „колом с клювом“, потому что „кол“ этот был дешев, а землю переворачивали вручную, лопатой — так в наших старых крестьянских хозяйствах пахали сохой, когда у соседа-помещика работали уже плугом последней марки; во-вторых, — что были работы, которые лучше было производить „колом с клювом“, например вторичную вспашку, целью которой была разбивка земляных глыб, вывернутых при взмете пара (Варрон, 1, 29, 2); в-третьих, — что были почвы, на которых всего удобнее было пахать таким плугом.

Плуги с монет. Рассмотрим теперь плуги с упомянутых выше монет, относящихся к 50—29 гг. до н. э. Все они более или менее одинаковы, и все, очевидно, в родстве со старым „колом с клювом“: у всех имеется кривой округлый грядиль, этой округлостью выдающий свое происхождение от древесного сука, и подошва, составляющая около половины грядиля и заостренная к концу (она целиком видна на монете Метелла). На этом сходство кончается.

От „кола с клювом“ плуги эти существенно отличаются местом, где находится рукоятка: она вделана в подошву сразу же за грядилем; поперечина, длинным концом обращенная к пахарю, превращает рукоятку в рычаг, регулирующий ход подошвы и тем самым всего плуга. В этих плугах, кроме того, пахарю некуда поставить ногу: не требовалось, следовательно, увеличивать тяжесть плуга весом работника; плуг был достаточно тяжел сам по себе.

Плуг из Теламоне. Плуг этот (табл. 3) составлен из трех отдельных кусков дерева: грядиль, совершенно прямой, скреплен с подошвой болтом; рукоятка с длинной поперечиной вделана в грядиль; подошва резко отличается от тех, которые мы до сих пор рассматривали, — это очень массивный кусок дерева, по форме своей скорее всего напоминающий башмак, удлиненный и острый конец которого служит лемехом. Представим себе этот плуг в работе. Его лемех, который имел, вероятно, форму равнобедренного треугольника, входя в землю, подрезает земляной пласт, который, вспolzая до точки, где „носок“ переходит в „голенище“, должен, при малейшем наклоне плуга влево или вправо, опрокинуться и упасть. Подошва этого плуга представляет собой соединение лемеха и отвала: по существу такое устройство основано на том же принципе, что и устройство современного шведского плуга. Именно плуг такого типа видим мы на монетах Мариа, где изображена сцена пахоты: башмакообразная подошва с прямым, вделанным в нее грядилем и с рукояткой, так же вставленной в грядиль, как на статуэтке из Теламоне.

Займемся теперь литературными источниками, начав с Плиния и приварив наш комментарий несколькими замечаниями.

Плиний. Естественная история, XVIII, 171—173. Стиль Плиния вообще не отличается ясностью. Он весьма любил изысканность выражений и умел говорить об очень простых вещах очень запутанным языком. Запутанность эта еще увеличивалась, когда он был не в силах справиться со своим материалом и когда в его распоряжении не имелось достаточной и четкой терминологии. Все это вместе взятое делает его текст, посвященный плугам, и трудным и темным. Чтобы понять его, надо прежде всего установить, какое значение вкладывает он в употребляемые им термины. В своем описании плугов он занят, преимущественно, лемехами и начинает так: „лемехи бывают многих видов“ — *vomerum plura genere* — и непосредственно дальше: „ножом (*culter*) называется кривой (лемех), разрезающий землю прежде, чем она поднята, и предписывающий (*praescribens*) будущим бороздам место, куда вцепится (*mordeat*) при пахоте лежащий плашмя лемех (*vomer*)“. В трех строчках, следовательно, одно и то же слово *vomer* употреблено в двух разных значениях: во-первых, в обычном, узком — *vomer* — лемех и, во-вторых, в расширенном, когда и другая режущая часть плуга, в данном случае резак, тоже называется *vomer*. Почувствовав сам, что такая неопределенность может сбить читателя, Плиний ввел новый термин, который служит для него синонимом *vomer* в обычном, узком значении, а именно *cuspis* („острие“ копыя, стрелы). Что *cuspis* означает в этих параграфах, посвященных плугу, именно лемех, это не подлежит сомнению: „*cuspis* имеет вид лопаты“ — лопатообразным в плуге может быть только лемех. „*Cuspis* у четвертого вида (плуга) шире и острее; он заканчивается так же, как меч (*in mucrone fastigata*), и этим самым мечом разрывает землю и острыми сторонами разрезает корни трав“ — речь идет, бесспорно, о лемехе. Установив таким образом значение *cuspis*, обратимся к „третьему виду (плуга) для легких почв... с маленьким лемехом на клюве“ (*tertium in solo facili, nec toto porrectum dentali, sed exigua cuspidе in rostro*). С „клювом“ дело обстоит довольно просто: вспомним, что у „кола с клювом“ под этим последним словом разумелась подошва. Как к *vomer* Плиний подобрал синоним *cuspis*, так и для *dentalе* он нашел живописное *rostrum*: вместо „клюва“, следовательно, мы можем подставить „подошву“. Остается середина фразы: *nec toto porrectum dentali*. Слова *toto dentali* можно понимать и как *abl. loci* и как *abl. qualitatis*. Разница будет невелика, но все-таки будет. В первом случае следует перевести: „третий вид (лемеха) вытянули не на всю подошву“ (примером такого плуга может служить плуг на статуэтке из Чивита Кастелляна, где лемех, действительно, закрывает не всю подошву); во втором „не вытянут целиком в подошву“, иными словами, „не представляет собой целиком подошву“. Что это значит? Лемех должен к чему-то прикрепляться; дальше мы увидим, что *vomer* у Плиния обозначает еще и отвал, непосредственно соединенный с лемехом; подошвы обычного типа (на изображениях с монет, на статуэтке из Чивита Кастелляна) здесь нет. Это тип плуга из Теламоне. В Майнце были найдены бронзовые игрушечные плужки римского времени, о которых тоже можно сказать, что лемех заменяет у них подошву. Этот тип плуга продолжает и по сей час существовать в Германии в форме кельнского *Wessel's*я. Весьма вероятно, что майндские плужки воспроизводили собой какой-то итальянский плуг: вряд ли у германцев того времени мог существовать плуг уже столь развитой формы. Осторожнее, однако, на этом предположении

не настаивать, потому что одно место Плиния, допускающее при этом разное толкование, не дает для него прочной основы.

Как бы то ни было, мы имеем здесь у Плиния противопоставление тяжелого плуга легкому. Этот последний „с маленьким лемехом на подошве“ предназначался для легких почв; об этом именно плуге говорит Колумелла, упоминая о пахоте *exiguus vomeribus et dentalibus* (II, 2, 24). Плуги эти были, повидимому, теми „кампанскими плугами“ — *aratra sampanica*, — которые „хороши будут для рыхлой почвы“ (Катон, 135, 2) и которые Варрон называл „легкими“, упоминая их тоже в связи с Кампанией, где такими плужками работали на коровах или даже на осликах (I, 20, 4). О форме его лемеха мы ничего сказать не можем; зато лемех четвертого вида, о котором речь была выше, описан точно и ясно: это равнобедренный треугольник с закругленной вершиной (*in mucronem fastigata*), отточенный с обеих сторон. Плуг с таким лемехом, широким и обоюдоострым, применялся на травянистых почвах и противопоставлен был Плинием легкому плужку, о котором только что шла речь. Что плуг этот был действительно тяжел, об этом свидетельствует прибавление к нему „двух колесиков“, о чем Плиний говорит, как о „недавнем изобретении в галльской Ретии“. В этом плуге „лемех (*cuspis*) имеет вид лопаты, ... благодаря ширине своей *vomer* переворачивает дерн“.

Мы видели уже, что Плиний обозначает словом *vomer* и „лемех“, и „резак“. Ни лемех, однако, как бы широк он ни был, ни тем более резак переворачивать землю не могут. Слова Плиния имеют смысл только в том случае, если *vomer* обозначает в данном случае не одну режущую часть плуга (она названа *cuspis*), а в соединении ее с отвалом: нечто вроде того, что мы уже видели у плуга из Теламоне. Таким образом, *vomer* употреблен здесь в третьем значении; лемех — часть плуга, с которой он непосредственно соединен, но которая отнюдь не похожа на подошвы большинства плугов, изображенных на монетах и статуэтках, упомянутых выше.

Нам понятны теперь затруднения, которые испытывал Плиний, говоря о лемехах и плугах: ему не хватало слов для точного обозначения плужных частей, столь разных у различных плугов. Ужели можно было назвать рабочую часть плуга из Теламоне „подошвой“ — тем же словом, которым обозначали соответственную часть такого плуга, который был изображен хотя бы на монетах Метеллы или Цезаря? Вводя новые термины и растягивая, если можно так выразиться, смысл старых, общепотребительных, Плиний запутал и затемнил свой текст настолько, что самое осторожное толкование его слов будет всегда заключать в себе долю предположительности. Мы можем, однако, комбинируя его слова с данными изобразительных памятников, перечислить те виды лемехов, которые имелись в древней Италии: лемех в виде трубки: статуэтка из Чивита Кастелляна; лаптеобразный лемех: статуэтка из Ареццо; лемех в форме равнобедренного треугольника с закругленной вершиной; лопатообразный лемех (оба последних упомянуты у Плиния).

Описание плуга у Вергилия. Древняя Италия оставила нам еще одно описание плуга: оно сделано Вергилием („Георгики“, I, 169—175).

Если страница Плиния, посвященная плугам, представляет собой ряд головоломок, то стихи Вергилия тоже не отличаются большой ясностью. Начало вполне понятно: „В лесу, прилагая все силы, сгибают для грядилы вяз, заставляя его принять форму кривого плуга“, — имеется достаточное количество изображений такого кривого грядила. „К нему дышло в восемь футов а *stirpe*“ — тут начались затруднения

и разногласия. *Stirps* значит буквально „комель“, „ствол у корня“; из этого основного значения и должно, как мне кажется, исходить толкование. Вергилий рекомендует брать для дышла деревцо такой толщины, чтобы первые его восемь футов от корня, от комля — а *stirpe* — вполне подошли бы к грядилю, т. е. имели бы диаметр, соответствующий диаметру грядиля. Именно молодое деревцо, как отличающееся наибольшей вязкостью своей древесины, и требовалось для такой части плуга, как дышло. Длина дышла — 8 футов ($2\frac{1}{2}$ м) — единственная числовая величина для плуга, нам известная, и в качестве таковой совершенно бесполезная¹. Естественно предположить, конечно, что при изготовлении плуга соблюдались такие пропорции, при которых вол не мог бы поранить ногу о лемех; такие случаи, однако, иногда происходили (Колумелла, VI, 15, 1): были, следовательно, плуги с короткими грядилем и дышлом. „Прилаживаются два „уха“ и подошва с двойной спинкой“: приведенное выше объяснение Варрона позволяет на „ушах“ не задерживаться; зато „подошва с двойной спинкой“ достаточно помучила комментаторов. Правильнее всего, конечно, слушаться Сервия, который жил в Италии и видел то, о чем писал. Он дает, однако, два возможных объяснения: „Подошва называется двойной или потому, что она широка, или же потому, что она, действительно, двойная и обе стороны у нее выдаются (*cuiusque utrumque latus eminet*) — таковы плуги в Италии“. У нас нет ни одного античного памятника, который мог бы иллюстрировать это объяснение. Гоу предполагает, что для уменьшения веса пластины, взятой на подошву, ее вырезали так, что она получала форму опрокинутой буквы V. В развилку такой пластины вставляли грядиль, который эта развилка и зажимала². В Италии XVIII в. были такие плуги, и весьма вероятно, что идут они от глубокой старины. Есть, однако, одна подробность в вергилиевом описании, которая мешает принять это объяснение: „Срубают легкую липу для ярма и высокий бук для рукоятки, которая поворачивает, находясь сзади, низ колесницы (*carrus imos*)“. Вергилий был точен в употреблении слов: поворачивать „низ колесницы“, т. е. подошву, могла только рукоятка, в эту подошву вделанная; между тем места для нее в такой подошве с развилкой нет. Вставить ее в грядиль при таком устройстве, не закрепив грядиль боковыми присошками (а о них у Вергилия речи нет), вряд ли возможно, потому что повороты плуга в конце концов грядиль расшатывают, и он может во время пахоты выскочить из развилки. Не разумел ли Вергилий под „двойной спинкой“ скорее плуг с башмакообразным станом типа плуга из Теламоне и плугов с монет Мария? Вопрос остается нерешенным.

Перейдем теперь к словам *carrus imos*, „низ колесницы“. Слово „колесница“ наделало больших бед. Плуг, о котором пишет Вергилий, был без дальних рассуждений объявлен колесным, и этот мнимый колесный плуг послужил основанием для создания теорий, более смелых, чем убедительных. Чтобы решить вопрос о том, имелись ли у вергилиева плуга колеса, следует принять в расчет следующее: во-первых, слово *carrus* в поэтическом языке отнюдь не означает обязательно колесницу: Катул называет корабль аргонавтов *carrus*; никто, однако, не сделает отсюда вывода, что Ясон и его товарищи приделали к Арго колеса; во-вторых, Плиний говорит о „паре колесиков, добавленных

¹ Гоу (The Ancient Plough, p. 271), опираясь на сообщение Катона (63) о длине вожжей для телеги, хочет определить длину грядиля. Вряд ли можно считать убедительными его рассуждения: вожжи для телеги и плуга могли быть разной длины.

² A. S. F. Gow. The Ancient Plough, p. 272.

к плугу“, как о недавнем изобретении (*non pridem inventum*): вряд ли можно было говорить, как о новинке, о плуге, бывшем в употреблении, самое меньшее, сотню лет; в-третьих, слова Сервия: „Он сказал «колесница» на основании обычая своей провинции, где у плугов имеются колеса“, — убедительной силы не имеют: ко времени Сервия „недавнее изобретение“ плиниевых времен могло получить значительное распространение, и Сервий переносил на I в. до н. э. то, что он видел вокруг себя в IV в. н. э.¹ И наконец, нет ни одного античного памятника с изображением колесного плуга².

Очень интересен выбор деревьев для плуга и запряжки: для ярма рекомендуется самое легкое дерево — липа; для рукоятки — крепкий бук и для грядиля — вяз, который отличается своей крепостью и вязкостью, т. е. способностью гнуться, не ломаясь.

Обратимся теперь к самой пахоте.

Термины, обозначающие пахоту. Объяснение терминов, обозначающих пахоту, оставил нам Варрон: „Когда землю пахут в первый раз, то называют это *proscindere*; когда двоят (*iteratur*), то говорят *offringere*... Когда пахут в третий, то говорится, что воли *lirant*, т. е. с помощью дощечек, прибавленных к плугу, одновременно и прикрывают в гребнях посеянную пшеницу и бороздят канавки для стока дождевой воды“ (I, 29, 2). Терминология эта, создавшаяся, конечно, в среде земледельческой, удержалась и в дальнейшем, насколько мы можем судить, основываясь на языке Колумеллы и Плиния, но с некоторыми изменениями.

Первая вспашка у Колумеллы почти всегда обозначается словом *proscindere*, а поднятая земля — субстантивированным причастием *proscissum*. То же найдем мы и у Плиния. Для вторичной вспашки слово *offringere* у Колумеллы почти не употребляется: оно заменено термином *iterare*, который наше „двоить“ передает в точности. *Lirare* сохранилось для обозначения той заделки семян, о которой рассказывает Варрон, но третья вспашка обозначается словом *tertiare* — „троить“. Можно предполагать, что в тех местностях, где трехкратная вспашка была или стала обычной, обозначение ее — *tertiare* — содействовало закреплению за второй вспашкой термина *iterare*, который и вытеснил *offringere*.

Внимание земледельца было перенесено на „порядковый номер“ пахоты в виду того, что самая сущность двоения и троения была одинакова: и то и другое имело целью разбить комья земли, вывернутые при взмете пара; разница была только в том, что целью вторичной вспашки было раздробить более крупные глыбы, а третьей — комья поменьше. Чрезвычайно интересно и важно отличие первой вспашки от остальных, о котором говорит Плиний: „Прежде чем пахать, подними землю“ (*priusquam ares, proscindito*): польза этого в том, что когда дерн перевернут, то корни трав умирают (XVIII, 176).

Текст этот подводит нас к вопросу о том, переворачивал итальянский плуг землю или нет? Вопрос этот отнюдь не так безобидно-академичен, как это кажется. Немецкие историки-националисты конца прош-

¹ Гоу указывает еще, что колесный плуг обычно имеет прямой грядиль, тогда как у вергилиева плуга грядиль кривой. (Указ. соч. стр. 270). Имеются, однако, и колесные плуги с кривым грядилем, например плуг из Бормио (см. „*Wörter und Sachen*“, Heidelberg, 1914—1915).

² Поддельность геммы с изображением колесного плуга („плуг из Магнезии“) из коллекции графа Келюса теперь настолько общепризнана, что о ней можно просто забыть.

лого века и начала нынешнего, которых мы по всей справедливости можем считать духовными отцами фашистских лжеисториков, объявили, что римляне умели только ковырять землю, что настоящий плуг с отвалом — это изобретение германского племени и что весь романский мир и славяне в придачу пошли в науку к немцам, чтобы от них узнать, как надо по-настоящему пахать землю. Надо отдать справедливость честным традициям старой немецкой науки: скромный нассауский археолог Г. Белен¹ первый выступил против такого авторитета, как Мейтцен, указав на неоднократное употребление римскими авторами, когда речь заходит о пахоте, слова *vertere* — „переворачивать“ — и на невозможность без переворачивания земли целого ряда работ, например запахивания зеленого удобрения или навоза. У древних писателей-агрономов мы постоянно встречаем такие выражения: „запахать навоз и засыпать его землей“ (Колумелла, II, 5, 2: *ingarari et obrui* — обычное для Колумеллы параллельное употребление двух синонимов); „лемех пусть срежет и засыплет землей“ (корни скошенной вики) — *rescindat atque obruat* (там же, 13, 1). Мы только что привели текст Плиния, где совершенно ясно говорится о переворачивании дернового пласта. Говоря о работе лопаты, Плиний употребляет тот же глагол *vertere*, которым определяет и работу плуга; что лопата переворачивает землю, в этом сомнения нет². Очень убедительно одно место у Колумеллы (II, 15, 6), где говорится о запахке лупина: „Срезать лупин на песчаных местах следует, когда он выгонит второй цветок, на скользких (т. е. на глинистых) — когда третий. Там (т. е. на песке) его переворачивают, пока он еще не окреп, чтобы он скорее перегнил и смешался с легкой почвой; здесь (т. е. на глинистой земле), когда он стал уже твердым, — чтобы он смог подольше держать на себе, как на весу, довольно крупные комья земли“. Совершенно ясно, что лупин перевернут вместе с пластом земли, который прикрывает срезанные растения и сам лежит на этих перевернутых стеблях, как на подставке. Все эти места бесспорно свидетельствуют о том, что итальянский пахарь не только рыхлил землю, но и переворачивал ее своим пахотным орудием. Каким, однако?

Совершенно ясно, что „кол с клювом“ ни того типа, который представлен на статуэтке из Чивита Кастелляна, ни того, который мы имеем на статуэтке из Аретцо, переворачивать землю не мог; к плугам, изображения которых имеются на монетах, нужно было для выполнения этой работы приделывать отвал. Римские писатели-агрономы, однако, рассказывают о добавлении „ушей“ для заделки семян, но нигде не упоминают о том, чтобы к плугу прилаживали лишь одно „ухо“ для отваливания подрезанного пласта. Молчание это не дает основания думать, что этого никогда и не делали, но и не позволяет утверждать обратного: аргументы *e silentio* не обладают большой убедительностью. К счастью, у нас имеется рассказ Колумеллы о пахоте, который

¹ H. Behlen. Der Pflug und das Pflügen, Dillenburg, 1904.

² Ввиду важности вопроса приведем ряд текстов: Колумелла, I, 7, 9: „Рабы небрежно переворачивают землю“ — *terram vertunt*; II, 1, 6: „Опавшие листья... перевернутые сошником и смешанные с нижним слоем почвы“ — *folia... conversa vomeribus*; Плиний, XVIII, 135: „Лупин следует перевернуть, когда на нем появится третий цветок“ — *verti debet*; там же, 147: „Если травы заглушили (люцерну), то единственное средство — в частом переворачивании (земли) плугом, пока все другие корни не погибнут“ — *remedium unicum in aratro saepius vertendo*. Работа лопатой: Колумелла, X, 45: „Пусть тогда крепкая, обитая железом лопата перевернет землю“: *ferrato versetur robore palae dulcis humus*; Плиний, XVIII, 46: „Поле, заросшее ситником, следует перевернуть лопатой“ — *verti pala debet*; там же, 236: „Землю под розы и для посадки винограда следует перевернуть двойным заступом“ — *vertere bipalio oportet*.

позволяет представить себе и плуг того времени и технику работы этим плугом: „Пахарь должен идти по взметанному уже пару (*per proscissum*) и держать плуг попеременно на одном заходе (*versus*) наискось, а на другом — прямо, глубоко забирая землю — *recto plenoque sulcare*“ (II, 2, 26). Невозможно предполагать, конечно, что Колумелла рекомендует вспахивать поле разными полосами: совет его приобретает смысл только в том случае, если он относится к одной и той же борозде — пахарь шел ею дважды; в первый раз он подрезал пласт дерна и переворачивал его: для этого нужно было держать плуг наклонно, потому что только такое положение плуга и обеспечивало отваливание подрезанной полосы; однако глубоко взрыхлить землю, ведя таким образом плуг, было невозможно. Чтобы это сделать, надлежало держать плуг совершенно прямо, полностью погружая его лемех (*plenoque sulcare!*) в землю. Вспашка каждой борозды разбивалась на две операции, и теперь понятно, почему Плиний (XVIII, 176), перечисляя „законы пахоты“¹, делает разницу между *proscindere* „взрезать землю“, „взметывать пар“ и *agere* — „пахать“. Можно представить себе, какой тяжелой работой была такая пахота: пахарь должен был, проходя бороздой первый раз (борозде полагалось быть длиной в 120 римских футов = ок. 35 $\frac{1}{2}$ м), удерживать почти всю тяжесть плуга на собственных руках и следить еще при этом за волами. О трудности первой вспашки свидетельствует то обстоятельство, что на взмет югера (ок. $\frac{1}{4}$ га) полагалось два дня (Колумелла, II, 12, 1) и только на легкой почве — один (Плиний, XVIII, 178). Вполне естественно, что рабы, ничуть не заинтересованные в преуспевании господского хозяйства, старались по возможности облегчить себе эту пахоту, и недаром Колумелла жаловался, что, оставленные без присмотра, они „плохо переворачивают землю“ (I, 7, 6).

Мы не можем нарисовать себе со всей ясностью форму плуга, работу которого описывает Колумелла, но можем представить его тип. Чтобы отваливать землю, он должен был иметь лемех (вероятно, в виде равнобедренного треугольника), с которым непосредственно соединялся отвал, не настолько совершенный, чтобы отваливать подрезанную полосу без наклона всего плуга. По всей видимости, это было орудие типа плуга из Теламоне. Для вторичной вспашки, которую производили в поперечном направлении по отношению к первой (Плиний, XVIII, 178), брали, вероятно, плуг другого типа, а именно „кол с клювом“, очень удобный именно для разбивания земляных комьев и глыб².

Все ли хозяйства пользовались плугами этих двух типов? Колумелла был передовым хозяином, который стремился максимально рационализировать свое хозяйство и не останавливался для этого перед расходами. Не следует, однако, думать, что плугом, который он имеет в виду, работали только в хозяйствах, хорошо и умно организованных. Описывая работу пахаря, Колумелла излагает ее правила, как нечто общезвестное и общепризнанное³. Такими они, конечно, и были. Не следует забывать, что техника земледельческих работ вырабатывалась

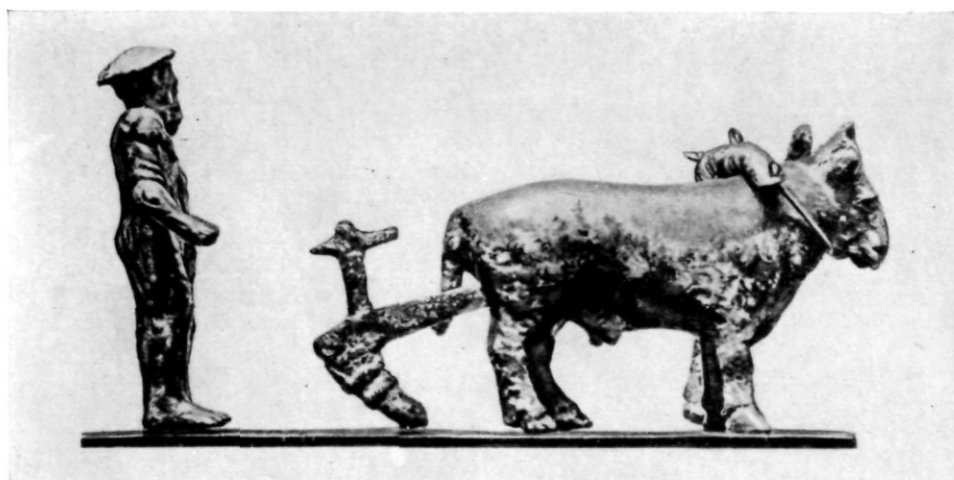
¹ „Законы“ эти сложились в давние времена. Изложены они в коротких афористических фразах, часто с глаголом в императивном инфинитиве. Эти короткие изречения напоминают стиль Катона.

² Все статуэтки, изображающие плуг, происходят из Этрурии. Это тоже дает некоторое основание думать, что в той же самой местности работали плугами разных типов.

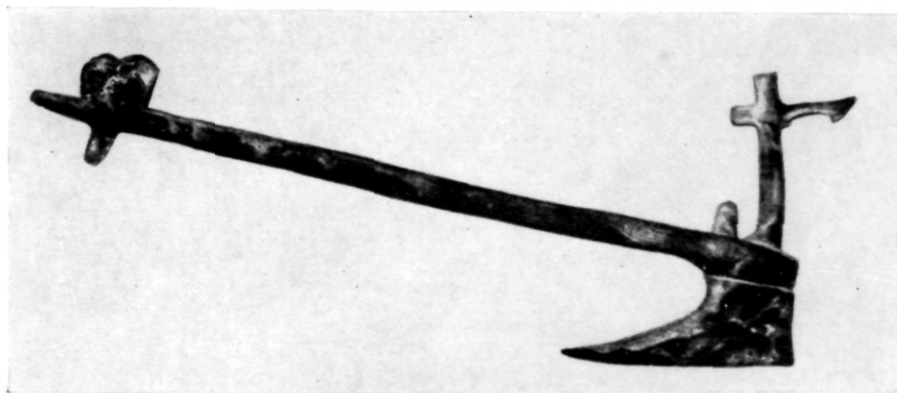
³ Эти правила во многом совпадают с „законами пахоты“ у Плиния (XVIII, 176—179), и это обстоятельство также указывает на то, что Колумелла черпает правила пахоты из сокровищницы векового земледельческого опыта.

1. Изображение плугов на монетах

2. Бронзовая модель упряжки из Ареццо

3. Бронзовая модель плуга из Теламоне

в древней Италии в маленьких, крестьянского типа хозяйствах, и что хозяин был кровно заинтересован в преуспевании своего хозяйства и урожайности своей земли. Повседневный опыт работы на земле убеждал его в пользе переворачивания взрытой глыбы и заставил придумать такое пахотное орудие, которым можно было не только рыхлить, но и переворачивать землю. Очень вероятно, что плуг из Теламоне был только одной из разновидностей плуга, переворачивающего землю, и что такой плуг видоизменялся в разных местностях в зависимости от требований почвы и рельефа местности, равно как и видоизменялся „кол с клювом“. Об этих местных вариациях мы, к сожалению, ничего не знаем и вряд ли когда-либо узнаем. Но и тот материал, который имеется в нашем распоряжении, дает нам достаточно оснований для двух хотя бы выводов: мы можем утверждать, во-первых, что итальянский земледелец, вспахивая землю, переворачивает ее, и, во-вторых, что итальянские плуги были очень разнообразны, но при всем разнообразии своем сводились к двум типам: легкие плуги, разбивавшие земляные комья и только рыхлящие землю, и тяжелые, переворачивающие земляной пласт.

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ПОЛЕВЫЕ И ОГОРОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ИРАНЕ В XIII—XV ВЕКАХ

(Из истории земледелия в Иране)

Успешные результаты исследования истории земледелия в Византии в эпоху феодализма в значительной степени зависят от развертывания аналогичных исследований по истории агрикультуры сопредельных стран. Тесные связи земледельческой культуры стран трех нагорий Западной Азии — Малоазиатского, Армянского и Иранского — существовали с глубокой древности. В средние века можно отметить значительную общность орудий пахоты, навыков и приемов полеводства, огородничества и садоводства, общность в возделывании и распространении одних и тех же культурных растений в римско-византийской Малой Азии, странах Закавказья и Иране. Арабо-персидская терминология в области земледелия и аграрных отношений также говорит о старинной близости с римско-византийским земледельческим миром. В течение средневековья эта близость не только не была разорвана, но еще более укрепилась после сельджукских завоеваний в Малой Азии. В XIII—XIV вв. в восточной части Малой Азии были внедрены достижения ирригационной культуры и техники Ирана¹. В частности, в Малой Азии в XIII в. появились каризы — подземные галереи для вывода грунтовых вод наружу², бывшие основным видом ирригации на Иранском нагорье. Все это позволяет думать, что существует настоящая необходимость координации усилий, обмена опытом и результатами исследований византийских и иранистов-медиевистов, работающих над историей земледелия. Эти соображения и дают нам основание предложить вниманию читателей „Византийского Временника“ настоящую статью.

Большинство культурных растений Ирана и сопредельных стран, упоминаемых в источниках XIII—XIV вв., известно с древних времен. Иран — один из стариннейших очагов земледелия. Находки зерен ячменя и пшеницы 5—6-тысячелетней давности при новых раскопках и археологических разведках в Тахт-и Джемшиде, Дамгане и других местностях Ирана позволяют отнести начальный период истории земледелия в Иране по меньшей мере к IV тысячелетию до н. э.³ Страбон,

¹ См.: В. А. Гордлевский. Из истории водопользования в Конии. ЗИВ, т. II, вып. 4, стр. 183—192; И. П. Петрушевский. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XV вв. УЗ ЛГУ, серия истории и филологии стран Востока, т. IV, 1954, стр. 159—192.

² О строительстве четырех каризов в районе г. Сиваса (Севастии) упоминается в переписке Рашид-ад-дина. См.: Мукатебат-и Рашиди, изд. персидского текста проф. Хан Бахадура Мухаммеда Шаф'и. Лахор, 1947, письмо № 28, стр. 157.

³ تاریخ کشاورزی در ایران نگارش دکتر تقی بهرامی (Д-р Таги Бахрами, История земледелия в Иране, на персидск. яз. Тегеран, 1330 г. хиджры солнечной (1952 г. н. э.)), (стр. 3—4). E. F. Schmidt, Excavation at Tepe Hissar Damghan, Philadelphia, 1937.

говоря о разных местностях Ирана, упоминает о возделывании там ячменя, пшеницы, люцерны, фигового дерева (винная ягода, инжир), плодовых деревьев и винограда¹. О возделывании кунжута (сезам) в Гиркании (Гургане) упоминает Геродот². Арриан говорит о финиковых пальмах в Кермании и Персиде (Кермане и Фарсе) и сообщает, что у персов возделывались те же плодовые деревья, что и в Греции, кроме оливковых³. Пшеница в V в. до н. э. считалась основной сельскохозяйственной культурой у персов⁴.

В соседней Месопотамии уже в III—II тысячелетиях до н. э. были широко известны пшеница, ячмень, оливки, фиги, виноград, финиковая пальма; правда, северная граница созревания фиников доходила только до р. Малого Заба⁵, и они здесь даже еще в I в. н. э., по свидетельству Плиния Старшего, были невысокого качества⁶. В Месопотамии II—I тысячелетий до н. э. известно было также гранатовое и миндальное дерево: персики и абрикосы появились здесь значительно позднее завоевания страны Ахеменидами⁷. Ксенофонт видел в Месопотамии пшеницу, ячмень, просо, финики; лучшие из фиников шли для стола знатных людей, остальному населению доставались худшие; из фиников приготавливали пальмовое вино, а также уксус⁸.

О культуре ячменя и пшеницы⁹, гороха, бобов, чечевицы, репы, капусты, мальвы, горьких трав¹⁰, винограда¹¹, оливки¹² в ирано-византийских пограничных областях в Верхней Месопотамии упоминает сирийский хронист начала VI в. н. э. Иисус Столпник (Иешу Стилит). Согласно актам церковного собора в Албании (северном Азербайджане), происходившего, по сообщению Моисея Каганкатвацци, при царе Вачагане III и архиепископе Шупхалишо, т. е. в конце V в. н. э., — впрочем, дошедшая по нас редакция соборных актов, вероятно, относится к началу VII в. н. э., — церковная десятина должна была взиматься с людей, имевших пашни и скот, пшеницей, ячменем, вином, сладким (виноградным?) соком, овечьим сыром и шерстью¹³.

О том, какие зерновые культуры, технические растения и плоды возделывались в Иране при Сасанидах, и о классификации этих растений дает представление любопытный отрывок из пехлевийского труда IX в. по космографии, скомпилированного по источникам времени Сасанидов — „Бундахиши“: „Есть многие роды растений: деревья (*дәр*), кустарники (*дирахт*), плодовые деревья, зерновые хлеба, цветы, пахучие травы, салаты, пряности, травы, дикие растения, лекарственные растения, камедные растения и [растения], производящие масло, краски и одеяния. Далее все, чьи плоды не пригодны в пищу для человека,

¹ Страбон. География, XI, 7, 10, 12; XV, 2, 3.

² Геродот. История, III, 117.

³ См. Ch. Joret. Les plantes dans l'antiquité et au moyen âge, Paris, 1895, part. I. vol. II, p. 73.

⁴ Геродот. История, III, 22.

⁵ Ch. Joret. Les plantes..., part. I, vol. I, p. 381.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid., p. 382.

⁸ Ксенофонт. Анабасис, I, 5; II, 3.

⁹ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.—Л., 1940, ч. II. Хроника Иешу Стилита, русский перевод Н. В. Пигулевской, стр. 137, 143, 159, 161.

¹⁰ Там же, стр. 144—145.

¹¹ Там же, стр. 145, 147, 163.

¹² Там же, стр. 163.

¹³ Моисей Каганкатвацци. История Агван, русский перевод К. П. Патканова. СПб., 1861, стр. 66.

и которые многолетни, каковы кипарис, платан (чинар), белый тополь, самшит (букс) и прочие этого рода, — их называют деревьями и кустарниками (*дар ва дирахт*). Продукты всех многолетних, пригодные в пищу для человека, каковы финик, мирта (?), *кунар*¹, виноград, айва, яблоко, лимон, гранат, персик, фи́га (инжир, винная ягода), грецкий орех, миндаль и прочие такого же рода называются плодами (*мивак*). Все, которые требуют труда с лопатой, называются кустарниками (*дирахт*). Все [растения], которые требуют для своего урожая труда, и корни которых вянут, каковы пшеница, ячмень, [прочее] зерно, разные сорта стручковых, вики и прочие этого рода, называются зерновыми (*джурдак*). Всякое растение с ароматными листьями, которое требует труда человека и является многолетним, называют душистой травой (*сипарам*)... Все, что выпускает приятно пахнущие цветы в разные времена года благодаря труду человека или имеет многолетние корни и в те же времена года цветы с новыми побегами и приятно пахнущее цветение, как роза, нарцисс, жасмин, шиповник (*нестарун*), тюльпан, колоквинт (*кавастик*), панданус (*кади*), *чамба*², синица (*хари*), крокус (*зерда*), фиалка, *карда*³ и прочие этого рода, называется цветком (*гуль*). Все, что выпускает сладко пахнущий плод или цветок в те же времена года без ручного труда человека, называется диким растением (*вахар* или *нихаль*). Все, что пригодно в пищу скоту или выючным животным, называется травой (*шйях*). Все, что кладется в печения (*пас-паракиха*), это называется приностями (*авзари́ха*). Все, что приятно для вкушения с хлебом, каковы сорванные побеги кориандра, кресс-салата (*какидж*), лука-порея и прочие этого рода, называется салатом (*тарак*)⁴. Все, что подобно прядильному [растению] — хлопку, и прочее этого рода, называется ткацким (текстильным) растением (*джамак*). Всякая жирная чечевица (*мачаг*), каковы кунжут (сезам), *душданг*⁵, *зандаг*⁶ и прочие этого рода, называется маслянистым растением (*рокано*). Все, что служит для окраски одежды, как шафран, зачава, ваха⁷ и прочие этого рода, называется красильным растением (*раг*). Всякое (растение), у коего корень, клей (туф) или древесина пахучие, каковы ладан (пазендское „*кендра*“ вместо пехлевийского „*кундур*“), вараст⁸, куст⁹, сандаловое дерево, кардамон (пазенд. „*какура*“), камфора, пахучая мята и прочие этого рода, называются благовониями (ароматами, *бод*). Если из растений истекает клей, такие называются камедью (*задак*). Древесина, поступающая от деревьев, сухая или влажная, называется дровами (*чиба*). Каждое из всех этих растений, которое является таковым, называется лекарственным (*дарук*). Главные плоды бывают тридцати родов, и есть из них десять пород, внутренние и наружные части которых пригодны в пищу, каковы фи́га, яблоко, айва, лимон, виноград, тут, груша и прочие этого рода. Есть десять таких, наружные, но не внутренние части которых при-

¹ По словам Ж. Шардена (J. Chardin. Voyages du chevalier Chardin en Perse... (éd. par L. Langlès, Paris, 1811, t. III, p. 293), кизил (le cornouillier) персы называют „ковар“ (кунар). По мнению Лауфера (B. Laufer. Sino-Iranica, Chicago, 1919, p. 192), „кунар“ — жужуба, т. е. унаби, *Zizyphus vulgaris*.

² Значение не выяснено.

³ Значение не расшифровано.

⁴ В новоперсидском языке *таррэ* — всякая зелень, подаваемая к столу как приправа.

⁵ Значение не выяснено.

⁶ По мнению Лауфера (B. Laufer, Sino-Iranica p. 140), синоним пехлевийского *зето*, арамейского *зайта*, арабского *зейтун* — оливка (маслина).

⁷ Оба термина не расшифрованы.

⁸ Пехлевийское „вараст“ соответствует новоперсидскому „баргаст“ — род шпината.

⁹ В новоперсидском „куст“ — колоквинт.

годны в пищу, каковы финик, персик, абрикос и прочие этого рода. Есть такие, внутренние, но не наружные части которых пригодны в пищу, каковы грецкий орех, миндаль, кокосовый орех¹, лесной орех (*фундук*), каштан (*шахбалут*), фисташка, *варган*² и все, кроме описанных, которые достойны внимания³.

Дальше в „Бундахишне“ перечислено тридцать видов цветов, каждый из которых почитался символическим атрибутом одного из тридцати высших ангелов (амешаспенд): их именами назывались и тридцать дней каждого месяца в персидском зороастрийском календаре. Так как значительная часть среднеперсидских названий этих цветов не поддается расшифровке, мы не приводим здесь этого перечня полностью; укажем лишь, что среди цветов упомянуты: жасмин, мирта, душистый майоран, базилик, мускусный цветок, лилия, душистая мята, ноготки, водяная лилия, фиалка, красная и желтая хризантема, шиповник, петушиный гребень, роза, крокус (шафран), дикорастущие цветы. Нет сомнения, что эти цветы тогда, как и позже, использовались как пряные и лекарственные растения и для изготовления предметов парфюмерии.

Из приведенного выше отрывка „Бундахишна“ видно, что и при Сасанидах в Иране разводили уже большую часть (однако, не все) из тех культурных растений, которые возделывались в Иране и в позднее средневековье. Замечательно, что „Бундахишн“ знает своеобразную классификацию растений, которой, видимо, обычно пользовались в позднесасанидском Иране. В основе этой классификации лежал принцип распределения растений по группам в зависимости от способов их применения в быту и хозяйстве человека.

Помимо „Бундахишна“, историческая наука располагает еще и другими текстами, упоминающими культурные растения в Иране при последних Сасанидах: это — описание справлявшегося при дворе сасанидских царей весеннего праздника Ноуруза (солнечного нового года, 21 марта), во время которого зерна, плоды и цветы растений употреблялись для ритуальных целей. Описания эти передают поздние арабоязычные авторы — Кесрави (IX в.), Бируни (XI в.), Закария Казвини (XIII в.), Димашки (XIV в.), но базируются они на домусульманских пехлевийских первоисточниках. Древнейшее из этих описаний приведено у Мусы ибн 'Исы ал-Кесреви в „Китаб ал-махасин ва-л-адда“ (около половины IX в.). Оно переведено и комментировано К. А. Иностранцевым⁴. В этом описании среди ритуальных растений упомянуты⁵: пшеница, ячмень, просо, дурра (сорго хлебное, джугара), горох, чечевица, рис, кунжут, бобы, фасоль, крокус, вика, маслина (оливка), айва, гранат, рута⁶, финик, свежий кокосовый орех, цитрон⁷.

¹ Низкорослые кокосовые пальмы уже тогда росли на побережье Персидского залива, хотя были мало распространены.

² Значение не выяснено.

³ Перевод пехлевийского текста: E. W. West. *Pahlavi Texts*, part I, p. 100. (*Sacred Books of the East*, vol. V); также: B. Laufer. *Sino-Iranica*, p. 192.

⁴ К. А. Иностранцев. Сасанидский праздник весны. Сасанидские этюды, стр. 82—109. Арабский текст Абу Мусы ал-Кесреви издан Фан Флотеном — *Le livre des beautés et des antithèses*, texte arabe. Leide, 1898. Фан Флотен ошибочно приписывал авторство книги Джахизу.

⁵ Перевод текста у К. А. Иностранцева, указ. соч., стр. 87—91.

⁶ Коньектура издателя арабского текста Фан Флотена.

⁷ В тексте *اترجة* = перс. *ترنج* *турундж*. „Цитрон“ в переводе К. А. Иностранцева. — Для данного периода *турундж* должен был означать „лимон“, см. у Б. Лауфера (*Sino-Iranica*, стр. 301, прим. 6).

В „Шах-намэ“ Фирдоуси (XI в.), для которого поэтически обработанные им рассказы сасанидского летописного свода „Хвадай-намак“ (новоперс. „Худай-намэ“), подвиги и деяния героев и царей древнего Ирана служили историческим фоном для изображения современных поэту общественных отношений и быта, упоминаются следующие культурные растения Ирана и их плоды: пшеница — *гандум*¹, ячмень — *джоу*², просо — *арзан*³, рис — *гурундж*⁴, греческий клевер — *шанбалйд*⁵, хлопок — *панбэ*⁶, лен — *катан*⁷, шафран — *зафаран*⁸, индиго — *ниль*⁹, тыква — *кадү*¹⁰, лук-порей — *тарэ*¹¹, огурец — *бадран*¹², яблоня и яблоко — *сиб*¹³, айва — *бех*¹⁴, джида, иначе лох или шпат — *синджид*¹⁵, тутовое или шелковичное дерево — *түд-түт*¹⁶, грецкий орех — *джоуз*¹⁷, фисташка — *пистэ*¹⁸, гранатник — *нәр*¹⁹, оливка, иначе маслина — *зейтун*²⁰, лимон — *турундж*²¹, апельсин — *нарин*²², финик — *хурма*²³, виноградная лоза — *раз*²⁴; некоторые растения или их плоды упоминаются в „Шах-намэ“ много раз. Хотя эти упоминания чаще всего связаны с художественными образами и метафорами, они убеждают нас в том, что эти растения на рубеже X и XI вв. были распространены и хорошо известны в Иране. У Фирдоуси встречается также много названий цветов и аро-

¹ „Шах-намэ“, изд. перс. текста Ж. Моля (Jules Mohles, *Shah namà*, édition complète, Paris (1830—1878), т. VI, стр. 78 (гл. 356, ст. 876—879), стр. 144 (гл. 40, ст. 239—243, 254) и во многих других местах.

² Там же, т. I, стр. 42 (гл. 3, ст. 10); т. IV, стр. 414 (гл. 15, ст. 673); т. V, стр. 548 (гл. 34, ст. 2062).

³ Там же, т. V, стр. 650 (гл. 35, ст. 1201); т. VII, стр. 222 (гл. 43, ст. 2625), стр. 462 (гл. 50, ст. 424).

⁴ Там же, т. V, стр. 312 (гл. 21, ст. 560).

⁵ Там же, т. IV, стр. 512 (гл. 15, ст. 1823) и др.; там же, т. IV, стр. 312 (гл. 14, ст. 412) — „цветок клевера“.

⁶ Там же, т. V, стр. 308 (гл. 21, ст. 504—508, 518, 531); т. VI, стр. 660 (гл. 42, ст. 1391), стр. 670 (гл. 42, ст. 1524) и во многих других местах.

⁷ Там же, т. I, стр. 48 (гл. 4, ст. 13).

⁸ Там же, т. I, стр. 62 (гл. 4, ст. 166), стр. 234 (гл. 7, ст. 282), стр. 236 (гл. 7, ст. 298), стр. 448 (гл. 10, ст. 100) и др.

⁹ Там же, т. I, стр. 170 (гл. 6, ст. 559), стр. 228 (гл. 7, ст. 208); т. IV, стр. 402 (гл. 15, ст. 534) и др.

¹⁰ Там же, т. VII, стр. 174 (гл. 43, ст. 2047—2048, 2061).

¹¹ Там же, т. VII, стр. 26 (гл. 43, ст. 261).

¹² Там же, т. IV, стр. 664 (гл. 15, ст. 3624).

¹³ Там же, т. I, стр. 201 (Введение, ст. 175); т. IV, стр. 706 (гл. 15, ст. 4125); т. V, стр. 308 (гл. 21, ст. 514), стр. 504 (гл. 34, ст. 146) и во многих других местах.

¹⁴ Там же, т. V, стр. 352 (гл. 22, ст. 547).

¹⁵ Там же, т. V, стр. 612 (гл. 35, ст. 718).

¹⁶ Там же, т. VI, стр. 216 (гл. 41, ст. 678—679).

¹⁷ Там же, т. II, стр. 320 (гл. 12, ст. 1489); также в некоторых рукописях в других местах, см. в лексиконе к „Шах-намэ“ 'Абд-ал-Кадира Багдадского — 'Abdulqadir Bagdadiensis Lexicon Sahnamiannum, ed. K. Saleman, St.-Pb., 1895, № 2128, 2204.

¹⁸ „Шах-намэ“, т. VII, стр. 462 (гл. 50, ст. 424).

¹⁹ Там же, т. III, стр. 392 (гл. 13е, ст. 21); т. V, стр. 576 (гл. 35, ст. 292), стр. 598 (гл. 35, ст. 598), стр. 608 (гл. 35, ст. 672) и во многих других местах.

²⁰ Там же, т. VI, стр. 166 (гл. 41, ст. 80).

²¹ Там же, т. II, стр. 72 (гл. 12с, ст. 3), стр. 114 (гл. 12с, ст. 509); т. III, стр. 292 (гл. 13с, ст. 21), стр. 364 (гл. 13с, ст. 850) и др.

²² 'Abdulqadir Bagdadiensis Lexicon..., № 2536.

²³ „Шах-намэ“, т. VI, стр. 678 (гл. 42, ст. 1622); т. VII, стр. 64 (гл. 43, ст. 716), стр. 466 (гл. 50, ст. 427).

²⁴ Там же, т. I, стр. 270 (гл. 7, ст. 704); т. VI, стр. 166 (гл. 41, ст. 79), стр. 566 (гл. 42, ст. 266). — Почти все перечисленные термины плодов — персидские, только немногие — арабские (*зафаран*, *джоуз*).

матных растений, которых мы здесь не приводим. Конечно, в тексте „Шах-намэ“ Фирдоуси можно предполагать и наличие интерполяций, однако они появились не позднее XIV в.

ЗЕРНОВЫЕ РАСТЕНИЯ ИРАНА В XIII—XIV вв.

В изучаемый нами период, как и в раннее средневековье, основными зерновыми культурами Ирана и сопредельных стран, входивших в состав государства монгольских ильханов Хулагуидов (1256—1353 гг.), были пшеница (перс. *гандум*, ар. *ал-хинта*) и ячмень (перс. *джоу*, ар. *аш-ша 'ир*), распространенные на всей территории государства Хулагуидов и постоянно упоминаемые источниками¹. Рашид-ад-дин, назначая подарки и пенсии в виде доли феодальной ренты (*идрары*) духовным лицам и своим вассалам, служилым людям и доверенным слугам, всегда обычно назначал их зерном — пополам пшеницей и ячменем². В XIV в., согласно лексикону Шемс-и Фахри, составленному в 745 г. хиджры — 1344/45 г. н. э., белый пшеничный хлеб обозначался терминами „пехнанэ“ и „куличэ“³. Трактат о земледелии начала XVI в. „Иршад аз-зера 'ат“ отводит особый раздел возделыванию пшеницы и ячменя⁴.

И до, и после изучаемого нами периода пшеница была широко распространена в Иране. В XVII в. Шарден писал, что в общем в Персии, как и в Турции, много пшеничного хлеба⁵. Олеарий также подтверждает, что „из хлеба и произведений земли персияне возделывают преимущественно рис, пшеницу и ячмень“⁶.

Хамдуллах Казвини в своем географическом труде под общим именем „зернового хлеба“ — *заллэ* объединяет пшеницу, ячмень, также и просо, но не включает в эту категорию рис, о котором упоминает отдельно. О возделывании зерновых хлебов названный автор упоминает на первом месте при описании всех областей Ирана, не исключая и субтропических районов Гургана, Мазендерана и Гиляна⁷, тогда как в наши дни в этих районах пшеница и ячмень занимают лишь незначительное место в земледелии по сравнению с культурой риса, которая почти вытеснила их⁸. В зональном отношении ячмень и озимые

¹ См.: Абу Мансур Муваффах, изд. перс. текста, *Codex Vindobonensis*... edidit F. R. Seligmann, Viendobonae, 1859, стр. 84—86 (№ 127) — *حطاب*, стр. 156 (№ 339) — *شعير*; Рашид-ад-дин Джамий-ат-таварих. Стамбульская рукопись (фотокопия ИВ АН СССР), лл. 634—636; перевод А. К. Арендса, Сборник летописей, М.—Л., 1946, т. III, стр. 259—261 — ярлык Газан-хана о порядке сбора податей; Мукатебат-и Рашиди, № 22, 33, 34 — Лахорское издание, стр. 122—123, 177, 182, 234; Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, изд. Gibb Memorial Series. Leiden, 1915; Хафиз-и Абру, географическое соч., рукопись Ин-та вост. рукописей АН УзССР, № 5361 (Ташкент) *passim*; Марко Поло. Путешествие, перевод И. П. Минаева, стр. 47.

² Мукатебат-и Рашиди. Лахор. изд., № 37, 41, 45, 50 — стр. 240—242, 252—256, 265—272, 312—314.

³ Шемс-и Фахри Исфаханский. *Lexicon Persicum*, изд. К. Залемана. Казань, 1887, стр. 133 — „пахнанэ-куличэ, белый хлеб“.

⁴ Иршад-аз-зера-ат, перс. рукопись Е. М. Пещеревой, лл. 58—68, — „раздел третий — О возделывании зерновых хлебов и сортах пшеницы“. — За предоставленную возможность использования рукописи приносим Е. М. Пещеревой благодарность.

⁵ J. Chardin. *Voyages*..., t. IV, p. 39.

⁶ Адам Олеарий. Путешествие, русский перевод П. Барсова, Москва, 1870, стр. 737.

⁷ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 159—162.

⁸ См. Сборник консульских докладов. Северная Персия. М., 1933, стр. 31, 49—52.

сорта пшеницы в Иране могут произрастать до предельной высоты — 2500—3000 м над уровнем моря, яровые сорта пшеницы до предельной высоты — 2000—2500 м над уровнем моря, хотя, конечно, далеко не всегда доходят до этих пределов. Разумеется, эти пределы отклоняются в разные стороны еще и в зависимости от широтного положения той или иной местности. Вероятно, так же обстояло дело и в средние века: указания источников согласуются с современными данными.

При описании горной области Курдистана, Хамдуллах Казвини (1340 г.) почти не упоминает о садоводстве¹, поскольку в высокогорных районах можно было возделывать лишь зерновые культуры. Говоря о высоколежащем округе Зенджан, тот же автор указывает, что там основная культура — зерновые хлеба (т. е. ячмень, пшеница и просо) и что в городе и его вилайете плодов нет, их привозят из округа Обоих Тарумов; только в долине реки (Зенджанруд, лежащей ниже, на абсолютной высоте 1500—1700 м) есть огороды и посевы риса². По словам того же автора, в горном округе Ардебиль (лежит на 38°10' с. ш., средняя высота 1800—2000 м над уровнем моря) „климат предельно холоден, так что зерно в тот год, что его сожнут, целиком не успевают обмолотить³, часть остается на другой год, и там, кроме зерновых хлебов, ничего другого не родится“⁴. А в округе Хамадан, лежащем на высоте 1950—2200 м над уровнем моря, но значительно южнее (на 34°50' с. ш.), несмотря на очень суровую зиму⁵, было много плодовых садов и зерновые хлеба изобильны, но качество зерна было невысокое, и печеный хлеб не был хорош⁶.

Вообще, благодаря резким различиям в высотном положении часто даже близлежащих местностей, в Иране были очень разнообразные условия для возделывания сельскохозяйственных культур, нередко даже в пределах одного и того же округа. Так, говоря об округе Султании, Хамдуллах Казвини сообщает, что в нем были в расстоянии 1 дня пути местности сердсирные (т. е. высокогорные, на абсолютной высоте 1800—2000 м и выше) и гермсирные (т. е. низменные, все же около 1000 м над уровнем моря)⁷.

Среди районов с обильными урожаями зерновых хлебов и с дешевыми ценами на хлеб Хамдуллах Казвини упоминает в Ираке Персидском округа Рей, Казвин (однако, хлеб там был нехорош), Рудбар, Соуджбулак, Миздакан, Кум, Ардистан, Джербадекан, Делиджан, Ферахан⁸, в Фарсе — округа Хунейфкан, Истахр, Аберкух, Байза, Кемин и Фарсук, Иг и Зеркан⁹, в Кухистане — округ Туршиз¹⁰, в Кумисе — горный округ Фирузкух¹¹. В округе Кашан (в Ираке Персидском)¹² и Шираз урожаи постоянно были средние; в Ширазе всегда стояли высокие цены на предметы продовольствия¹³, вероятно благодаря населенности этого

¹ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 107—109.

² Там же, стр. 62.

³ Из-за позднего созревания хлебов.

⁴ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 81.

⁵ Якут приводит слова 'Абд ал-кахира ибн Хамзы ал-Васити относительно суровости хамаданской зимы „Муджам-ал-Булан,“ — *Jaquts Geographisches Wörterbuch*, hsg. von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1866, t. IV, S. 984).

⁶ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 71.

⁷ Там же, стр. 55.

⁸ Там же, стр. 54, 58, 61, 63, 66, 67, 68—69.

⁹ Там же, стр. 118, 121, 122, 123, 124, 138.

¹⁰ Там же, стр. 143.

¹¹ Там же, стр. 161.

¹² Там же, стр. 67.

¹³ Там же, стр. 115.

города¹. В Исфахане цены на зерно постоянно были средние, а цены на плоды были очень низки². Исключительно высокими урожаями хлебов и постоянными низкими ценами славился Хузистан³.

Культура проса в Иране распространилась, повидимому, позднее, нежели культура ячменя и пшеницы. Китайские источники утверждают, что (при Сасанидах) в стране Бо-сы (Персии) не было проса⁴. О просе нет упоминания в „Бундахишне“, но оно упомянуто как ритуальное растение при праздновании Ноуруза у Мусы ибн Исы ал-Кесреви⁵. С другой стороны, просо как одно из древних культурных растений Передней Азии не могло оставаться неизвестным Ирану. Скорее всего, просо возделывалось в Иране и при Сасанидах, но было мало распространено. Арабские географы X в., говоря о податном обложении, введенном арабскими завоевателями в Фарсе, упоминают как объекты обложения пшеницу, ячмень, фасоль, люцерну, хлопок, виноград, но не упоминают проса⁶. Зато Абу Мансур Муваффах в конце X в. говорит о просе (*джаварс*), как о растении хорошо известном⁷. Распространение проса, *Panicum miliaceum* L., в Иране происходило, повидимому, в века, последовавшие за арабским завоеванием.

В позднее средневековье просо (перс. *арзан*, *гаварс*, *гаварз*, в арабизированной форме *джаварс*, *джаварз*) упоминается в источниках нередко. „Иршад-аз-зера'ат“ приводит существовавшее в Хорасане название проса „*заль*“⁸, которое в наши дни в афганском языке (пушту) саужит для обозначения итальянского проса, *Panicum italicum* L.

В позднее средневековье хлеб из проса, как и из ячменя, в чистом виде и с разными примесями и суррогатами служил основной пищей для бедняков. В конце X в. анонимный персидский географ писал о жителях Кермана, что „пища их — просяной хлеб“⁹. Народный поэт Баба Тахир Урйан Лурский (начало XI в.) говорит об ячменной лепешке (*курс-и джоу*), как о хлебе бедняков, орошенном кровавым потом. Са'ди говорит: „О сытый, тебе не нравится ячменный хлеб!“¹⁰ В ферхенге Шемс-и Фахри приведен ряд терминов, указывающих на широкое распространение ячменного и просяного хлеба с примесями: „зегарэ — хлеб из просяной муки“¹¹, „кешкин“ — хлеб, испеченный из смеси ячменя, бобов и проса¹², также „кешкинэ“ — хлеб из ячменя или бобов¹³. В XIV в.

¹ Шираз был крупным узлом караванной торговли; в частности, через него шла основная торговля Ирана, Азербайджана и Средней Азии с Индией (см. G. Barbano a. A. Contarini. *Travels to Tana and Persia...* Hakluyt Society, Second Series, London, 1870, part I. № 49, p. 74). Население Шираза в последней четверти XV в. Дж. Барбаро определяет, вероятно, с преувеличением, в 200 000 домов, т. е. семейств (там же), что составило бы не менее 900 000 душ; современник Барбаро Дж. М. Анджиолелло считает в Ширазе 200 000 душ (G. M. Angiolello. *Discourse...* Hakluyt Society, part. II. № 49, p. 95).

² Хамдуллах Казвини. *Нузхат-ал-кулуб*, стр. 49.

³ Там же, стр. 109—110.

⁴ См.: Иакинф Бичурин. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II. М.—Л., 1950, стр. 261 (из Бэй-ши).

⁵ См. выше на стр. 131.

⁶ Истахри, стр. 156; Ибн Хаукаль, стр. 216.

⁷ Абу Мансур Муваффах, стр. 74—76 (№ 103).

⁸ Иршад-аз-зера'ат, рукопись Е. М. Пешеревой, л. 70 сл.

⁹ Худуд-ал-алем, изд. В. В. Бартольда, Л., 1930. л. 266, англ. перевод В. Ф. Минорского, Лондон, 1937. стр. 123.

¹⁰ Са'ди. *Куллият*, тегеранск. литогр. изд., 1291 г. х., стр. 38 („Гулистан“, т. I, рассказ 7): *ای سیر ترانان جوین چوین خوش نماید*.

¹¹ Шемс-и Фахри, стр. 124 (№ 96).

¹² Там же, стр. 103 (№ 87).

¹³ Там же, стр. 134 (№ 194): *کشکینه نان باشد از جو یا باقلا*. Там же приведен, в виде примера, характерный текст: *کز هرگز ضمیرش التفاتی بدینا و بدین*.

Ибн-Баттута упоминает о хлебе из муки с каштанами в Луристане¹. Хамдуллах Казвини говорит об употреблении муки из жолудей в юго-западной части Фарса (Кубад-Хуррә), на берегу Персидского залива², Шарден пишет: „Самые обыкновенные зерновые хлеба в Персии — пшеница, которая у них очень хороша и чиста, ячмень, рис и просо, из которого делают хлеб в некоторых местностях, как в Курдистане, когда случается, что зерно кончается раньше сбора нового урожая“³.

Вопрос о времени введения культуры риса (новоперс. „бириндж“, „гурундж“, „шальтук“; ар. „ал-аруз“) в Иране до сих пор не разрешен. О посевах риса в Персии нет упоминания ни в Авесте, ни у Геродота, ни у Страбона, ни у Аммиана Марцеллина. Китайские источники прямо говорят, что в стране Бо-сы (Персии, т. е. по крайней мере в Западном Иране) риса не сеяли⁴. На это обстоятельство обратил внимание Б. Лауфер, пришедший к выводу, что в Иране рис появился лишь после арабского завоевания⁵. Можно с большой долей вероятности утверждать, что при Ахеменидах, Аршакидах и при первых Сасанидах культуры риса в Иране не было, кроме, быть может, окраинных восточных районов (например, Гургана), поскольку не так далеко к востоку, в Фергане, рис возделывался уже во II в. до н. э.⁶.

Сложнее обстоит дело с вопросом о культуре риса в Иране при последних Сасанидах: показания источников противоречивы. Бросается в глаза отсутствие упоминания о рисе в перечне культурных растений в „Бундахишне“⁷, что вряд ли можно признать случайным. С другой стороны, как сказано выше, рис упомянут в числе ритуальных растений при праздновании ноуруза у Мусы ибн 'Исы ал-Кесреви⁸. Известен дошедший до нас в поздних арабоязычных редакциях податной устав сасанидского царя Хосрова I Ануширвана (531—579 гг. н. э.). Согласно редакции этого устава, переданной нам Табари (начало X в.), с 1 гарiba (джерiba, около 2900 кв. м) посевов ячменя и пшеницы следовало взимать 1 дирхем, с 1 гарiba люцерны — 7 дирхемов, с 1 гарiba под виноградником — 8 дирхемов⁹. Об обложении посевов риса ничего не сказано, хотя упомянуто о существовании посевов риса. Но поскольку в редакции того же податного устава, переданной Мукаддаси (конец X в.), сообщается, что с 1 гарiba посевов риса взималось 5/6 дирхема¹⁰, Нёльдеке полагает, что отсутствие расценки обложения рисовых посевов у Табари объясняется пропуском переписчиков¹¹.

كشكينة او — „Никогда сердце его не было благосклонно к миру сему и к этому ячменному хлебу его (кешкине)“.

¹ Ибн-Баттута, *Voyages...* éd. par Défremery et Sanguinetti, Paris, 1859, t. II, p. 32.

² Хамдуллах Казвини. *Нузхат-ал-кулуб*, стр. 130.

³ J. Chardin. *Voyages...*, t. III, p. 102.

⁴ Иакинф Бичурин. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии*, т. II, стр. 261.

⁵ B. Laufer. *Sino-Iranica*, p. 372—373.

⁶ См. В. В. Бартольд. *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 6.

⁷ См. выше, стр. 129 сл.

⁸ См. выше, стр. 131 сл.

⁹ Табари, изд. араб. текста de Goeje, сер. 1, т. 2, стр. 962; немецк. перевод Нёльдеке (T. Nöldeke. *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden*, Leiden, 1879, S. 244).

¹⁰ Мукаддаси, изд. *Bibliotheca geographorum Arabicorum* (BGA), t. III, p. 451.

¹¹ T. Nöldeke. *Op. cit.*, S. 245, Anm. 3.

Напротив, Лауфер считает, что в сасанидском Иране культуры риса еще не было, и упоминание об обложении посевов риса в поздних арабоязычных редакциях податного устава Хосрова I Ануширвана может быть только интерполяцией¹. Это объяснение очень правдоподобно: финансовые чиновники времени Буидов, Саманидов и других династий X в. считали сасанидскую податную систему образцовой; им казалось странным пропуском отсутствие обложения риса в податном уставе Хосрова Ануширвана, и вот поздние интерполяторы сочли нужным пополнить этот пробел.

В податном обложении Фарса, введенном после арабского завоевания, также нет риса среди облагаемых объектов², хотя позднее (в XII—XIV вв.) рис упоминается как распространенная в Фарсе культура³. Видимо, распространение риса здесь относится к сравнительно позднему времени. В Хузистане в X в. рис занимал уже третье место среди зерновых культур — после пшеницы и ячменя⁴. В последней четверти X в., как видно из персоязычного трактата по фармакологии Абу Мансура Муваффака ал-Хереви, рис (аруз) стал уже хорошо известной сельскохозяйственной культурой в Иране⁵. Абу Мансур различает два сорта риса — белый и красный; последний возделывался главным образом в Южном Иране.

Итак, рис оказывается сравнительно поздней сельскохозяйственной культурой в Иране. Можно допустить, что при последних Сасанидах рис возделывался в Иране, однако еще в очень небольшом количестве и значительное распространение здесь получил лишь к X в. Но и в изучаемый период рис занимал лишь третье место среди зерновых культур после пшеницы и ячменя; быть может, рис в то время возделывался не во всех тех районах, где он возделывается в наши дни.

Хамдуллах Казвини говорит о возделывании риса лишь в следующих районах Ирана: Зенджан в Ираке персидском, Дазин и Даван в Фарсе, весь Гилян, в частности Решт и Лахиджан⁶. О возделывании риса в Гиляне в XIII—XIV вв. говорят и другие авторы⁷. В житии шейха Сефи-ад-дина Исхака Ардебильского говорится, что ячмень из Ардебилля вывозили в Гилян для обмена там на рис⁸. О возделывании риса в Мазендеране мы имеем также ясные данные⁹. Известно также, что рис возделывался в имениях Рашид-ад-дина в округах Курбаль и Фирузабад в Фарсе¹⁰. О культуре риса в Хузистане в XIII в. упоминают Якут¹¹ и Закария Казвини¹².

¹ B. Laufer. Sino-Iranica, p. 372, прим. 4 — Лауфер допускает также, что в арабских рукописях, где диакритические знаки были опущены, следовало читать вместо *برنج* — бириндж — „рис“, *نارنج* — нариндж — „апельсин“ (там же).

² Истахри, BGA, t. I, p. 156 sq.

³ Ибн-ал-Балхи. Фарс-намэ, изд. Gibb Memorial Series, перс. текст, стр. 142 — об области Шапур-Хурра.

⁴ Истахри, стр. 91.

⁵ Абу Мансур Муваффака, стр. 6—8 (№ 1).

⁶ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 62, 117, 163.

⁷ Мукатебат-и Рашиди, № 45, стр. 271.

⁸ Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебилли, рук. Ин-та вост. рукописей АН УзССР, № 4357, л. 1496.

⁹ Захир-ад-дин Мар'аши. Тарих-и Табаристан ва Руйян ва Мазендеран, цит. изд. Б. Дорна. СПб., 1850, стр. 413, также *passim*.

¹⁰ Мукатебат-и Рашиди, № 41, стр. 254—255.

¹¹ Муджам-ал-булдан, т. II, стр. 496.

¹² F. Wüstenfeld. Kitab athar el-belad Qazvini's Cosmography. Göttingen, 1848, Bd. II, S. 102.

В трактате „Иршад-аз-зера'ат“, где трактуется в основном о земледельческих культурах Хорасана, много и подробно говорится о возделывании пшеницы — *гандум*, ячменя — *джоу*, *джоутереш* и проса — *арзан*, *арзанэ*, *джаварз*¹, но рис — *гурундж* упомянут вскользь только один раз².

Нет сомнения, что данные Хамдуллаха Казвини о возделывании риса в Иране не полны. Из неиранских областей государства Хулагуидов рис возделывался в Северном Азербайджане в округах Бейлакан и Густасфи³ и в Южном Азербайджане в округах Хийяв, Килян-Фаслун, Ноудер, Гермруд, Мийянидж (Мийяне)⁴. В переписке Рашид-ад-дина упоминается о возделывании риса в округе Астара (Талышский край)⁵.

Вика посевная, *Vicia sativa* L., видимо, не имела значительного распространения в Иране в изучаемый нами период.

В средневековых источниках нет ни малейших указаний на существование посевов ржи (новоперс. „джоудар“), как и овса, или на наличие этих растений в диком состоянии в Иране. Западноевропейские путешественники XVII в. также категорически говорят, что рожь и овес в Иране нигде не возделывались⁶, хотя в диком состоянии как сорно-полевое растение рожь была, видимо, известна в Иране в средние века. „Из хлеба и произведений земли, — говорит Олеарий, — персияне возделывают преимущественно рис, пшеницу и ячмень. Рожь они считают ни во что и не сеют ее; если же иногда зерна ее попадутся в пшенице, из которой она собственно и происходит, то на них смотрят так же, как мы смотрим на куколь или плевелы во ржи. Об овсе они даже и вовсе не знают“⁷.

Из приведенных слов видно, что на рожь в Иране в XVII в., — нет сомнения, и раньше, — смотрели, как на сорняк пшеницы, и только. Овса же не знали вовсе.

Для корма лошадей в Иране, как известно, употреблялись джюерна и ячмень, а для корма скота — ячмень, солома (перс. *kāh*, тюрк. *çāyān*), а в Гиляне — сечка из рисовой соломы с рисом⁸.

Из хлебных злаков в Хорасане в источниках упоминается еще хлебное сорго, иначе дурра *Andropogon sorghum*, хорошо известное в наших советских республиках Средней Азии под именем джугары (перс. *джу-вари*)⁹.

БОБОВЫЕ И КОРМОВЫЕ РАСТЕНИЯ В ИРАНЕ В XIII—XV вв.

Из бобовых растений, распространенных в Иране в XIII—XV вв., источниками упоминаются: бобы (бакла, *Vicia faba* L.)¹⁰, распространенные до зоны в 3000 м абсолютной высоты; горох обыкновенный

¹ Иршад-аз-зера'ат, л. 58—70.

² Там же, л. 71.

³ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 91, 93.

⁴ Там же, стр. 83, 84, 86.

⁵ Мукатебат-и Рашиди, № 45; Лахорское издание, стр. 270.

⁶ См. J. Chardin. Voyages..., t. IV, p. 39.

⁷ А. Олеарий. Путешествие, стр. 737.

⁸ См. об этом: А. Олеарий. Путешествие, стр. 738.

⁹ Иршад-аз-зера'ат, л. 73.

¹⁰ Там же, стр. 67; при этом упоминаются сорта *расми* и *багдади*; Шемс-и Фахри, стр. 103 (№ 187), 134 (№ 193).

(ар. *джулбан*¹, перс. *мушун*², *Pisum sativum*), subsp. *Asiaticum*, распространенный местами до зоны в 3000 м абсолютной высоты; „бараний“ или „овечий“ горох или нут, (ар. *химс*³, перс. *нухūd*⁴, *Cicer arietinum* L.), растущий до зоны абсолютной высоты в 2400 м; культура его в странах Передней Азии гораздо более распространена, чем культура обыкновенного гороха⁵; чечевица — араб. *адас*⁶, перс. *наск*⁷, *Ervium lens*; мелкозернистый зеленый горох маш — перс. *маш*, *Phaseolus aureus*⁸, очень распространенный до зоны 2000 м высоты и в наши дни как в Иране, так и в советских республиках Средней Азии, употребляемый в пищу в чистом виде, сваренный с рисом и т. д.; фасоль — лобия, перс. *лүбийя*⁹, *Vigna sinensis*, очень распространенная и в наши дни.

Из кормовых бобовых растений Ирана преобладающее место занимает люцерна *Medicago sativa*, *مڭدجڭ*, т. е. „мидийская (травя)“ древнегреческих авторов, авестийск. *аспо асти*, пехлевийск. *аспаст*, *аспист*, новоперсидск. *аспист*, *аспуст*, афганск. (пушту) *спасту*, арабизованная форма *исфист*, *фисфиса*, ар. *рутбат*. В своем описании Мидии Страбон упоминает об изобилии там люцерны, служившей главной пищей для лошадей и получившей свое имя от Мидии¹⁰. В Персии люцерна была известна задолго до Страбона¹¹. По мнению де Кандолля, люцерна издревле была автохтонным растением, сперва диким, потом превратившимся в культурное, в Анатолии, на юге Кавказа, во многих частях Персии, Афганистане, Белуджистане и Кашмире¹². Лауфер не соглашается с этой теорией, считая древнейшим очагом культуры люцерны Мидию, которой греки обязаны своим знакомством с этим культурным растением¹³.

Как сказано выше, люцерна упоминается как объект податного обложения при Хосрове I Ануширване, а также после арабского завоевания (в Фарсе)¹⁴. В X в. н. э. люцерна (ар. *рутба*) использовалась, по свидетельству Абу Мансура Муваффака, также и как лекарственное растение¹⁵. Хамдуллах Казвини, много и пространно говорящий в своем географическом описании о лугах и пастбищах (*маргзар*), совсем не говорит

¹ См.: Абу Мансур Муваффак, стр. 76 (№ 104); автор различает три сорта этого гороха, из них об одном — *караснэ* *کرسنه* (стручковый?) говорит более подробно. По словам автора, горох в Азербайджане называли *калүль* *کلول*, в Казвине — *хулар*, *خوار*, в Хорасане — *мульк* *ملک*. — Автор упоминает о гороховой муке; ср. A. Achundov. Commentar zum Liber fundamentorum pharmacologiae, des Abu Mansur Muwaffak... Dorpat, 1892, S. 59.

² См.: Иршад-аз-зера'ат, л. 69.

³ Абу Мансур Муваффак, стр. 87 (№ 130).

⁴ Иршад-аз-зера'ат, л. 72; ср. А. Олеарий. Путешествие, стр. 737: „Горох у них (персов) двух родов: овечий (стручковый), называемый у них нагуд, и обыкновенный, который они называют кюлюль“. Конечно, принятое название „бараний“ или „овечий“ не подходит к Ирану, где нут (нухūd) употребляется в пищу людьми.

⁵ См. П. М. Жуковский. Земледельческая Турция, М.—Л., 1933, стр. 365.

⁶ Иршад-аз-зера'ат, стр. 70.

⁷ Шемс-и Фахри, стр. 76 (№ 71): *نسک — عدس* — О чечевице и бобах в Иране см. также А. Олеарий. Путешествие, стр. 737.

⁸ Иршад-аз-зера'ат, л. 72.

⁹ Там же, стр. 73.

¹⁰ Страбон. География, XI, 13.

¹¹ См. подробно В. Laufer. Sino-Iranica, p. 208—219.

¹² A. de Candolle. L'origine des plantes cultivées, 1886, p. 103.

¹³ В. Laufer. Sino-Iranica, p. 209.

¹⁴ См. выше, стр. 136, прим. 11.

¹⁵ Абу Мансур Муваффак, стр. 133 (№ 276) *رطبہ*.

о составе луговых растений. В „Иршад-аз-зера'ат“ люцерна упомянута среди растений Хератского района под термином *юринджекэ*¹, соответствующим тюркскому слову *юренджэ*, вошедшему в новоперсидский язык. Синяя люцерна и в наши дни очень распространена в Хератском районе под тем же названием *юренджа*². Нет сомнения, что и в изучаемый нами период люцерна была распространена в Иране как кормовое растение.

В XVII в. Олеарий описывает, под именем „гончэ“ (*Gontscheh*, из новоперс. *гончэ* — „бутон, почка цветка“), видимо многолетнюю синюю люцерну, *Medicago sativa*³, в следующих словах: „У персиян есть еще род травы, называемой ими гонче, которую они разводят семенами; ростом она более полутора локтя в высоту, с листьями, как у клевера, с голубыми цветами во время цветения, когда и скашивается в первый раз, а через шесть недель в другой раз. Такой сьем этой травы делают они в продолжение шести лет сряду; на седьмой же год землю вспахивают опять и снова засевают, и поле это, или луг, должно быть так же орошаемо, как и другие хлебные поля. Из этого рода травы персияне собирают лучшее сено, которое идет в корм лошадей, принадлежащих знатным вельможам“⁴.

Как известно, многолетняя синяя люцерна держится несколько лет (до 8 лет), не входит в севооборот, является поливной культурой, подобно хлебным злакам, и считается лучшим кормом для лошадей, что вполне соответствует описанию Олеария. Сходство люцерны с клевером верно отмечено Олеарием, и нередко оба эти кормовых бобовых растения в странах Передней Азии смешиваются. В Турции термин *йонджа*, *йонджэ* служит для обозначения и люцерны⁵, и клевера⁶.

Пажитник или греческий клевер, *Trigonella foenum graecum* L., упомянут у Абу Мансура Муваффака под арабским термином *хульбат*⁷. В изучаемое нами время этот вид клевера упомянут в ферхенге Шемс-и Фахри под термином *шамбалид*⁸. Лауфер указывает, не ссылаясь, однако, на Шемс-и Фахри, оставшегося неизвестным ему, что *шамбалид* — местный исфаханский термин для обозначения греческого клевера, как *шамлиэ* — местный ширазский⁹. О греческом клевере в Иране говорит также Олеарий; он называет его „греческое сено“ — *foenum graecum*; а по-персидски „*schembebile*“ — *шембебилэ*, — несомненно, вариант термина *шамбалид*; по словам Олеария, персы употребляли это растение в корм для крупного рогатого скота, а также в пищу для людей, как приправу к маслу¹⁰. Об этом клевере упоминает и Шарден, называя его также *foenum graecum*; по его словам, персы называли его *kambales*, т. е. *ханбалык*¹¹ (тюрк.-монг.).

¹ Иршад-аз-зера'ат, л. 111: *يورنجه*.

² Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, стр. 352.

³ Описание см.: П. М. Жуковский. Земледельческая Турция, стр. 409 сл.

⁴ А. Олеарий. Путешествие, стр. 738.

⁵ П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 753.

⁶ Турецко-русский словарь, сост. Д. А. Магазаник, под ред. В. А. Гордлевского, М., 1945, стр. 679.

⁷ Абу Мансур Муваффака, стр. 86 (№ 128); ср. А. Achundov. Commentar..., S. 62.

⁸ Шемс-и Фахри, стр. 33 № 32 (произносится „шамбалид“): *شنبلیله گل زرد است*

⁹ В. Laufer. Sino-Iranica, p. 447.

¹⁰ А. Олеарий. Путешествие, стр. 738—739.

¹¹ J. Chardin. Voyages..., t. III, p. 298.

ТЕХНИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ В ИРАНЕ В XIII—XV вв.

Из красильных растений истари большое значение имели шафран, дававший желто-оранжевую краску, марена, дававшая красную краску, и индиго, дававшее синюю краску. Шафран, *Crocus sativus* (ар. *зафаран*) известен на Иранском нагорье издревле. О возделывании шафрана в стране Бо-сы (сасанидской Персии) известно из китайских источников¹. Как сказано выше, шафран упомянут в „Бундахишне“ как красильное растение. В конце X в. о нем упоминает Абу Мансур Муваф-фак ал-Хереви². Анонимный персидский географ конца X в. указывает на Джибаль (Ирак Персидский), Кум и Заминдавер к востоку от Систана, как на районы, изобиловавшие шафраном³. Арабские географы X в. называют Рудравер близ Хамадана в Джибале (Ираке Персидском) как район, производивший лучший в мире шафран, за которым приезжали купцы из Нехавенда и Хамадана⁴.

В начале XIII в. Якут также говорит об обилии шафрана в Рудравере и о вывозе его оттуда в большом количестве⁵. Хамдуллах Казвини называет три района в Иране, в которых больше всего производилось шафрана: Буруджирд в Малом Луре, Рудравер в Ираке Персидском, Бирджанд и Каин в Кухистане⁶. В частности, о Рудравере названный автор говорит: „Там много шафрана, и по этой причине ту землю называют шафранною (*зафаран*)“⁷. Из неиранских областей государства Хулагуидов, изобиловавших шафраном, названный автор указывает на гавадан в нынешней Таджикской ССР⁸. Рашид-ад-дину присылали шафран из Хамадана и из гор Демавенда⁹.

Марена, *Rubia tinctoria* L., перс. *рӯдан*, *рӯнās*, *руинас*, ар. *фувват-ас-сиб*¹⁰, также возделывалась в Иране и сопредельных странах, например, в районе Берда'а в Северном Азербайджане¹¹. Хамдуллах Казвини называет лишь один район в Иране, производивший много марены (*рӯй-нās*) — Хаф в Хорасане, в Хератской области¹². В ферхенге Шемс-и Фахри упоминается марена, под термином *рӯйин*¹³. Повидимому, марена производилась и в других районах Ирана, и культура ее не была уничтожена после монгольского завоевания. В XVII в. Шарден пишет: „Рунас (*rounas*), который наши авторы зовут опопонакс, красноватый корень, который употребляют для окраски. Его много в Персии, и именно отсюда его вывозят в Индию, где изготовляются лучшие краски“¹⁴.

Индиго, *Indigofera tinctoria*, перс. *ниль*, ар. *ниладж* — красильное растение индийского происхождения, и персидское название его про-

¹ B. Laufer. Sino-Iranica, p. 320.

² Абу Мансур Муваф-фак, стр. 138 (№ 287).

³ Худуд-ал-алем, цит. изд. перс. текста, лл. 29а, 29б, 22а; англ. перевод В. Ф. Минорского, стр. 131, 133, 110.

⁴ Истахри, стр. 199; Ибн Хаукаль, стр. 256, 258.

⁵ Муджам ал-булдан, т. II, стр. 832.

⁶ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 70, 73, 144, 146. О шафране в Буруджирде см. также у Истахри, стр. 199.

⁷ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 73.

⁸ Там же, стр. 156.

⁹ Мукатебат-и Рашиди, № 34, стр. 197.

¹⁰ Абу Мансур Муваф-фак, стр. 186—187 (№ 424).

¹¹ Худуд-ал-алем, перс. текст, л. 33а, перевод В. Ф. Минорского, стр. 143.

¹² Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 154.

¹³ Шемс-и Фахри, стр. 106 (№ 116).

¹⁴ J. Chardin. Voyages..., t. III, p. 315. — Отождествление марены с опопонаксом неверно; ср. A. Achundov. Commentar, S. 61, 93.

изошло из санскритского *нила*¹. Возможно, индиго было ввезено в Иран из Индии в VI в. н. э. при Хосрове I Ануширване². Абу Мансур Муваффах в конце X в. упоминает об индиго в Иране не столько как о красильном, сколько о лекарственном и косметическом растении³. Разумеется, индиго могло произрастать только в южных субтропических районах Ирана, прилегающих к Персидскому заливу. Анонимный персидский географ конца X в. говорит о возделывании индиго (ниль) в Керманской области⁴, в частности, в округах Мугун, Балашгерд, Кумин, Бахруган и Мануган⁵. В Фарсе и Хузистане индиго, повидимому, не возделывалось. В начале XIII в., еще до монгольского нашествия, Якут отмечает хозяйственный упадок Кермана⁶. Ни этот автор, ни Хамдуллах Казвини уже ничего не говорят о культуре индиго в Кермане⁷. Повидимому, в связи с общим экономическим упадком Ирана в XIII в. и сокращением торговли культура индиго здесь пришла в упадок.

Хенна известна была и как красильное, и как лекарственное растение. Мы скажем о ней ниже.

Из масличных растений в Иране первое место в средние века занимал кунжут, или сезам, *Sesamum indicum*, перс. *кунджуд*. Де Кандолль предполагает индийское происхождение кунжута, но его теория базируется исключительно на лингвистических данных⁸. Г. Уатт, автор специального труда о кунжутном масле, считает Иран и Среднюю Азию древнейшими очагами культуры кунжута⁹. О возделывании его в Хорезме, Парфии и Гиркании (Гуркане) упоминает Геродот¹⁰. В Персии (Западный Иран) кунжут был известен при последних Ахеменидах¹¹. Как было сказано, кунжут упомянут в „Бундахишне“. Абу Мансур Муваффах упоминает и о кунжуте — *симсим* (ар.), *кунджуд* (перс.)¹², и о кунжутном масле — *духн ас-симсим* (ар.)¹³. О культуре кунжута сообщается в „Иршад-аз-зера'ат“¹⁴. Что наиболее распространенное в Иране растительное масло изготовлялось из кунжута (*gongeth*), сообщает Шарден¹⁵. Кунжутное масло в Иране постепенно почти вытеснило из употребления оливковое масло.

Упоминания источников о других масличных растениях крайне редки. О клещевине, *Ricinus communis* L., нам встретилось упоминание только у Абу Мансура Муваффака — *хирва* (ар.), *биданджир* (перс.)¹⁶. Видимо, в средние века, как и теперь, культурная клещевина занимала незна-

¹ См. В. Laufer. Sino-Iranica, p. 370.

² Ср. Мурудж-аз-захаб, арабск. текст, изд. С. А. С. Barbier de Meynard, Les prairies d'or, texte, Paris, 1861, t. II, p. 203.

³ Абу Мансур Муваффах, стр. 263 (№ 557); приведены термины — *ниль* и *лиль*.

⁴ Хулуд-ал-'алем, перс. текст, л. 266; перевод В. Ф. Минорского, стр. 123.

⁵ Там же, перс. текст, л. 266; перевод В. Ф. Минорского, стр. 124.

⁶ Муджам-ал-булдан, т. IV, стр. 264.

⁷ См. раздел о Кермане Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 139—141.

⁸ A. de Candolle, L'origine des plantes..., p. 422.

⁹ См. В. Laufer. Sino-Iranica, p. 290—291.

¹⁰ Геродот. История, кн. III, гл. 117.

¹¹ См. В. Laufer. Sino-Iranica, p. 290—291.

¹² Абу Мансур Муваффах, стр. 146 (№ 314).

¹³ Там же, стр. 114 (№ 191): *دهن السمسم*.

¹⁴ Иршад-аз-зера'ат, лл. 68, 74.

¹⁵ J. Chardin. Voyages..., t. IV, p. 85.

¹⁶ Абу Мансур Муваффах, стр. 109 (№ 174); Там же, стр. 115 (№ 196) *دهن الخروع* — масло из клещевины. См. также: А. Achundov., Commentar, S. 67—68 (об упоминании клещевины в Яджур-веде).

читательное место в сельском хозяйстве Ирана. Сафлор, *Carthamus tinctorius* L., упомянут также у Абу Мансура Муваффака — *куртум* (ар.), *гавджилэ* (перс.)¹. Культура сафлора, как и в наши дни, должна была занимать незначительное место.

Абу Мансур Муваффак различает два сорта мака — *хашхаш* (перс.) „белый“ (*сапид*) и „черный“ (*сийах*). Последний, несомненно, опийный мак, *Papaver somniferum* L., из застывшего сока незрелых коробочек которого изготовляли опиум — *афйун* (ар., из греч. *ῑπνον*), как и сообщает Абу Мансур Муваффак². Других упоминаний об опийном маке в источниках рассматриваемого периода мы не встречали. Культура опийного мака до XII в. сосредоточивалась в Малой Азии (Рум) и только после завоевания ее сельджуками стала распространяться по мусульманским странам Передней Азии³. Но, судя по скудости сведений источников, опийный мак широко распространен не был.

Б. Н. Заходер отмечает: „По производству сельскохозяйственных технических культур халифат довольно резко делился на две части. Восток был районом преимущественно производства хлопка; запад, включая Египет, Аравию и Юго-Западный Иран, был преимущественно районом культуры льна“⁴. В X в. н. э. и позднее известны были центры льняной промышленности, работавшие на местном сырье, — Дербенд на берегу Каспийского моря⁵ и Казерун в Фарсе⁶. Только по мере распространения в Иране с востока хлопка, значение льна, как текстильного растения, здесь почти совсем упало.

В XIV в. и еще в начале XV в. Казерун был чуть ли не единственным пунктом в Иране, о котором упоминают географы как о месте производства льняных тканей в больших размерах⁷, но и здесь они вытеснялись производством хлопчатобумажных тканей (*карбас*)⁸. Кроме Казеруна, Хамдуллах Казвини упоминает еще только два района, где производили лен (*катан*), — Ришехр и Синиз⁹ (оба в западной части Фарса — Кубад Хуррә), однако скорее как масличное, нежели как текстильное растение, что видно из слов Хамдуллаха Казвини, который, описывая Синиз, упоминает рядом льняные ткани и осветительное масло (*роуган-и чираг*) и говорит, что в этом районе за льном не было должного ухода¹⁰. О возделывании льна (катан) упоминается в оглавлении „Ахйа ва-л-асар“ Рашид-ад-дина¹¹. В „Иршад-аз-зера‘ат“ лен (*катан*)

¹ Абу Мансур Муваффак, стр. 190 (№ 441): *قرطم بيارسی کاوجیلہ باشد*. Там же, стр. 115 (№ 195) — *دخن ال-куртум* — масло из сафлора.

² Там же, стр. 32 (№ 49): *افیون عصارۃ خشخاش سیاهست*. „афйун — сок из черного хашхаша“.

³ См. статью Afyun в *Encyclopédie de l'Islam*, Leide-Paris, 1913, t. I; Ибн-ал-Аввям. *Китаб-ал-фалах*, франц. перевод, т. II, стр. 128 сл.

⁴ Б. Н. Заходер. *История восточного средневековья*, М., 1944, стр. 70.

⁵ Истахри, стр. 184.

⁶ Мукаддаси, стр. 433 сл. Ибн-ал-Балхи. *Фарс-нама*, стр. 145—146.

⁷ Хамдуллах Казвини. *Нузхат-ал-кулуб*, стр. 126; Хафиз-и Абру, географический труд, цит. ташкентская рукопись, л. 108а.

⁸ Хамдуллах Казвини. *Нузхат-ал-кулуб*, стр. 126.

⁹ Там же, стр. 130, 131.

¹⁰ Хамдуллах Казвини. *Нузхат-ал-кулуб*, стр. 131: *وحاصلش کتان و روغن چیراغ باشد آنکتنانش را داشتی نباشد*. О ришехрском льне см. также Ибн-ал-Балхи. *Фарс-нама*, цит. изд., стр. 77.

¹¹ Рук. ИВ АН СССР, С-375, л. 4: „Глава тринадцатая. О познании условий посева сахарного тростника, хлопка, кунжута, льна, индиго, конопли и подобных им [растений]“ *در معرفت احوال زرع شکر و پنبد و کنجد و کتان و نیل و قتب و امثال ان*.

упоминается как масличное растение; там же упомянуто и льняное семя (*zezir*)¹, которое и в наши дни употребляется в Иране как для осветительных целей, так и в пищу. По словам Олеария, еще в XVII в. в Гиляне сеяли лен и изготавливали льняное полотно для рубашек².

Конопля, *Cannabis indica* упоминается еще в Авесте (*банга*)³. О конопле — *шāхдāнэ* (перс.), *куннаб* (ар.), упоминает Абу Мансур Муваффах⁴. В средние века она возделывалась в Иране не столько как текстильное растение, сколько для изготовления из нее известного наркотика (*бенг* или *хашиш*), который исмаилиты и некоторые персидские мистики употребляли, дабы вызывать состояние экстаза⁵. О возделывании конопли упоминается в оглавлении „Ахйа ва-л-асар“ Рашид-ад-дина⁶.

Мы не располагаем данными относительно того, претерпело ли распространение конопли в Иране какие-либо изменения в XIII—XIV вв. Хамдуллах Казвини и Хафиз-и Аbru не упоминают о посевах конопли. Однако из сообщений западноевропейских путешественников XVII в. мы можем заключить, что старинная культура конопли продолжала непрерывно существовать в Иране в течение всего средневековья. Об изготовлении хашиша из конопли сообщает Шарден⁷. Ее возделывали в Луристане и в районах Казеруна и Шираза⁸.

Хлопок, *Gossypium herbaceum* L., — ар. *кутн*, пехлевийск. *памбак*, новоперс. *панбэ* (произносится *памбэ*), арм. *бамбак*, тюрк. *пахта* в XIII—XV вв. занимал видное место в земледелии Ирана. По мнению А. де Кандолля, культура хлопка была занесена в Иран из Индии. Следы индийского происхождения этого текстильного растения отразились в персидской лексике: новоперс. *карбас* — сорт грубой хлопчатобумажной ткани — из санскритск. *карпасси* — „хлопок“. Хлопок был уже известен в Бактриане во время похода Александра Македонского, о чем упоминает Феофраст; тот же автор описывает растение, в котором легко узнать хлопок, на острове Тилос в Персидском заливе⁹.

При Сасанидах хлопок был известен в Иране, как это видно из упоминания его в „Бундахишне“, о чем было сказано выше. Но значительное распространение его с востока на запад относится, повидимому, к более позднему времени (X в. и позднее).

О хлопке — *кутн* (ар.) кратко упоминает Абу Мансур Муваффах, не приводя никаких подробностей¹⁰. Замечательно, что этот автор, приводя перечень масел, умалчивает о хлопковом масле. В X в. хлопок был уже распространен в Фарсе¹¹, в Хузистане¹² и в других районах. Персидский анонимный географ конца X в. подробно перечисляет районы Ирана, в которых производились хлопчатые ткани, однако не ясно, какие районы перерабатывали местный хлопок и какие — привозной.

¹ Иршад-аз-зера'ат, л. 74.

² А. Олеарий. Путешествие, стр. 738.

³ В. Laufer. Sino-Iranica, p. 294.

⁴ Абу Мансур Муваффах, стр. 157 (№ 343).

⁵ См. статьи „Assassins“ и „Beng“ в Encyclopédie de l'Islam, t. I (там же приведена библиография).

⁶ Рук. ИВ АН СССР, С-375, л. 4.

⁷ J. Chardin. Voyages..., t. IV, pp. 79—81.

⁸ Kaempfer. Amoenitates exoticae, politico-physico-medicae, fasc. V. Lemgo, 1712, p. 645—647.

⁹ A. de Candolle. L'origine des plantes..., p. 324—325.

¹⁰ Абу Мансур Муваффах, стр. 197 (№ 466): *قطن*.

¹¹ Истахри, стр. 156.

¹² Там же, стр. 91.

О возделывании хлопка упоминается в дошедшем до нас оглавлении „Ахйа ва-л-асар“ Рашид ад-дина¹.

Согласно описанию Хамдуллаха Казвини, возделывание хлопка (панбэ) в Иране в XIV в. получило большое распространение, как и теперь, в зоне 1000—1500 м абсолютной высоты и ниже, как видно из следующей таблицы, составленной нами на основании сообщений указанного автора².

Область (мамлакат)	Округ (вилайет)	Примечание
Ирак Персидский	Рей	—
" "	Абхар	Хлопка мало
" "	Ашкур, Дейлеман, Тавалиш, Харакан и Хустанджан	Хлопка мало
" "	Авэ и Савэ	Хлопка в обоих округах много
" "	Рудбар	Хлопка много
" "	Кагаз-кунан	До монгольского нашествия здесь изготовлялась бумага
" "	Кум	Хлопка много
" "	Тэфриш	—
" "	Ферахан	—
" "	Харраканин	Хлопка мало
" "	Даргузин	—
" "	Нехавенд	Хлопка мало
" "	Иезд	—
Хузистан	Вся область, особенно округа Хувейза и Рамуз	Хорошие урожаи хлопка
Фарс	Шираз	—
"	Лагир и Кехраджан	—
"	Аберкух	Хорошие урожаи хлопка
"	Дарабджерд	—
"	Казерун	Много хлопка
Шебангарэ	Иг и Зиркан	—
"	Лар	—
Керман	Сирджан	—
"	Шехр-и Бабек	—
Кухиستان	Зиркух	—
Хорасан	Хабушан	—
"	Завэ	—
Гурган	Гурган (Джурджан)	—
Мазендеран	Сари	—
Кумис	Х[в]ар	—
Гилян	Решт	—
"	Шефт	—

Перечень районов хлопководства у Хамдуллаха Казвини, видимо, не полон, ибо отдельные авторы указывают и другие районы. Так, Сейфи говорит о культуре хлопка в Хератском оазисе (Хорасан)³;

¹ Рук. ИВ АН СССР, С-375, л. 4.

² См.: Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 54, 60, 61, 66, 67, 68, 69, 73, 74, 110, 111, 116, 117, 119, 122, 125, 126, 138, 139, 141, 145, 150, 154, 159, 161, 163.

³ Сейфи, The Tarikh nama-i Harat, ed. Mohammed Zubáyr Siddiqi, Calcutta University, 1944, p. 111.

Доулетшах говорит о хлопке лучшего сорта в округе Наин между Исфаханом и Иездом¹. Хлопок возделывался в Мазендеране². О коробках хлопчатника (*gūzā*) упоминается в „Иршад-аз-зера‘ат“³. В ферхенге Шемс-и Фахри приведен термин для обозначения поля, засеянного хлопчатником: *панбэзār*⁴.

Из неперсидских областей государства Хулагуидов, по сообщениям Хамдуллаха Казвини⁵, хлопок возделывался в Ираке арабском (Багдад, Хилла), Южном Азербайджане (округа Хийяв, Кехран, Килян-Фаслун, Нудер, Гермруд, Мийянидж, Марага, Маранд, Дизмар), Арране и Ширване — Северном Азербайджане (округа Нахчеван, Азад, Байлакан, Гуштасфи)⁶, Хутталяне (в нын. Таджикской ССР), Малой Азии (округа Сивас, Эрзинджан, Конья, Малатья), Верхней Месопотамии (округа Ирбиль, Басида, Б-р-тли, Рас-ал‘Айн).

Из всех этих сообщений видно, что в XIII—XIV вв. хлопчатник был безусловно преобладающей технической культурой в Иране и сопредельных областях. Возделывание хлопка, видимо, еще более распространилось в Иране в XVII в., в связи с общим экономическим подъемом страны в тот период. По словам Олеария, „хлопчатая бумага (*Rambech*) возделывается почти во всех областях, и ею засеваются целые страны; растет она кустарником в локоть вышиною; листья у нее, как у винограда, только значительно меньше; кверху, на вершине стебля, у нее образуются головки, подобные крупным круглым волошским орехам; когда наступает время созревания, то головки эти по сторонам, в 4-х или 6-ти местах открываются, и бумага (т. е. волокно. — *И. П.*) потесняется сквозь эти трещины“⁷. По словам Шардена, хлопок (*le coton*) растет во всей Персии, и повсюду видны поля, покрытые им⁸.

БАХЧЕВЫЕ, ОВОЩНЫЕ И ПРЯНЫЕ РАСТЕНИЯ В ИРАНЕ В XIII—XV вв.

Бахчеводство в изучаемый нами период было очень развито в Иране. Обычными терминами для обозначения бахчи были *джāлиз*⁹ и *pāliz*¹⁰ (перс.), которые могли обозначать также и огород. Среди бахчевых растений первое место, бесспорно, занимала культурная дыня, *Cucumis melo*, перс. *харбузэ*¹¹. Автор „Нузхат намэй-и-Алайи“ (конец XI — на-

¹ Доулетшах, изд. перс. текста Э. Г. Броуна, Лондон, 1915, стр. 187—188.

² См.: Захир-ад-дин Мар‘аши. Тарих-и Табаристан ва Руйян ва Мазендеран, стр. 348.

³ Иршад-аз-зера‘ат, рукопись Е. М. Пещеревой, л. 110.

⁴ Шемс-и Фахри, стр. 34 (№ 40).

⁵ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 36, 40, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 91, 93, 94, 95, 97, 103, 104, 155.

⁶ Заслуживает внимания, что в Гуштасфи (район у слияния рр. Куры и Аракса) преобладающими культурами были хлебные злаки и рис, а хлопка было мало (там же, стр. 93).

⁷ А. Олеарий. Путешествие, стр. 737—738.

⁸ J. Chardin. Voyages..., t. III, p. 315—316.

⁹ Шемс-и Фахри, стр. 51 (№ 33): جاليز خربزه زار و توتوزار — „Джализ — [место под] посевами дынь и зелени“.

¹⁰ В письме Рашид-ад-дина к сыну Маджад-ад-дину (Мукатебат-и Рашиди, № 34, Лахор, изд., стр. 201) говорится о получении Рашид-ад-дином 2130 джеривов (= 628 500 кг) дынь (*харбузэ*) из „собственных огородов“ (или „бахч“).

¹¹ Этот персидский термин перешел во многие языки, между прочим также, с изменением функционального значения, в языки русский („арбуз“) и украинский („гарбуз“ в значении „тыква“).

чало XII в.) говорит, что *харбузэ* — пехлевийский, иначе говоря, среднеперсидский термин¹. Хамдуллах Казвини упоминает как лучшие и наиболее известные в Иране, частично служившие предметом вывоза дыни районов Исфахана, Кума, Кашана в Ираке Персидском, Туна в Хузистане, Фушенджа, Бахерза, Балха, Серахса в Хорасане², а из неперсидских областей государства Хулагуидов дыни Мерва³ (ныне Мары в Туркменской ССР) и Тебриза в Южном Азербайджане (сорта: *маджд-ад-дин*, *йакүти*, *малйк*)⁴.

Об исфаханской дыне Ибн Баттута говорит, что кожа ее зеленая, а внутри она красная; эту дыню он называет замечательной, подобной которой нет во всей вселенной, кроме дынь бухарских⁵ и хорезмских. Исфаханскую дыню также сушили, подобно фиге Магриба, и она была чрезвычайно сладка⁶. Рашид-ад-дину присылали дыни из его собственных садов, из Херата, Исфахана и Тебриза⁷. Марко Поло говорит о дыне из Сапургана (Шупургана в Балхской области): „Лучшие в свете, скажу вам, тут дыни, и много их. Сушат их вот как: нарежут тонкими ломтиками, выложат на солнце и сушат, и делаются они слаще меду. Ими торгуют, развозят во все окрестные страны“⁸.

Сортов культурной дыни в Иране и сопредельных странах в средние века знали много. В „Иршад-аз-зера'ат“ сообщается, что в садоводческом хозяйстве некоего махдума (господина), „прибежища накибства“ (*накабат-панāх*), т. е. духовного феодала из накибов, иначе говоря потомков пророка Мухаммеда⁹, близ Херата, разводили 50 сортов дынь¹⁰. Шардену было известно более 20 сортов дынь Ирана¹¹; из них он хвалит ранние дыни сорта гермек. По словам этого автора, „в течение четырех месяцев (сезона) дынь в Исфахан их доставляется такое количество, что я не думаю, чтобы их съедали столько во всей Франции в месяц, сколько этот город съедает в один день. Улицы полны ослов и лошадей, нагруженных ими, от полуночи до заката солнца“. Шарден считает лучшими в Иране дыни из города Saquerde (Хосровджерд в округе Бейхак?) в Хорасане¹². О дыне сорта гермек упоминает и Олеарий¹³, считающий его лучшей исфаханской дыней¹⁴.

Арбуз, *Citrullus vulgaris* (перс. *хиндуванэ*, афганск. *хиндвана*, т. е. „индийский плод“) некоторые авторы, основываясь на его названии у персов и афганцев, считают введенным в Иран и Афганистан из Индии¹⁵. Де Кандолль считает родиной арбуза Южную Азию¹⁶. Лауфер

¹ Нузхат-намэй-и 'Алайи, рук. ИВ АН СССР, фонд Gotha, Pertsch, № 10, л. 66а.

² Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 49, 67, 144, 152, 153, 155.

³ Там же, стр. 157.

⁴ Там же, стр. 77.

⁵ В наши дни их называют чарджоускими дынями. О них см. также в Путешествии Чан-Чуни. Труды членов русской духовной миссии в Пекине, т. IV, стр. 327.

⁶ Ибн Баттута, т. II, стр. 43.

⁷ Мукатебат-и Рашиди, № 34 — Лахор. изд., стр. 201.

⁸ Марко Поло. Путешествие, стр. 61.

⁹ Это лицо, упоминаемое в нескольких местах данного трактата о земледелии, названо не по имени, а по титулу, как это нередко делалось в средневековом Иране.

¹⁰ Иршад-аз-зера'ат, рукопись Е. М. Пещеревой, л. 87; сорта дынь перечислены.

¹¹ J. Chardin. Voyages..., t. III, p. 330.

¹² Ibid., p. 332—333.

¹³ А. Олеарий. Путешествие, стр. 751.

¹⁴ Там же, стр. 758.

¹⁵ F. Spiegel. Iranische Altertumskunde, Bd. I. Leipzig, 1878, S. 259; Н. И. Вавилов и Д. Д. Букенич. Указ. соч., стр. 420.

¹⁶ A. de Candolle. L'origine des plantes..., p. 209.

предполагает африканское происхождение арбуза¹. Как было сказано, колокви́нт (*кавастик*), т. е. горький дикий арбуз, *Citrullus colocynthis*, ближайший родич культурного арбуза, назван в „Бундахишне“². В изучаемый нами период культурный арбуз, вероятно, как и раньше, был значительно меньше распространен в Иране, нежели дыня, судя по тому, что источники редко говорят об арбузе. Хамдуллах Казвини лишь в виде исключения упоминает об арбузе — в районе Казвина, наряду с дыней³. Сейфи (начало XIV в.) упоминает вскользь об арбузе (*хиндуванэ*), которым отравили в ханской ставке хератского владельца Шемс-ад-дина I Курта Старшего в месяце ша'бана 678 г. х. — январе 1277 г. н. э.⁴ Об арбузах Ирана и Средней Азии упоминают китайские путешественники периода монгольского владычества⁵. О громадных арбузах Ирана упоминает Олеарий⁶.

Разные виды тыкв, *Cucurbita maxima*, *Cucurbita pepo*, *Cucurbita moschata* (перс. *каду*), возделываются в Иране до зоны 2400 м абсолютной высоты истари. О тыкве упомянуто в „Нузхат намэй-и 'Алайи“ и в „Иршад-аз-зера'ат“⁷. Несколько видов тыквы в Иране видел Олеарий; среди этих видов был один, который он определяет как *Cucurbita lagenaria* — крупная тыква, „величиною с голову человека, даже больше, с длинной, как у гуся, шеей, с головою наверху“⁸.

Огурец, *Cucumis sativus* L. (перс. *хййār*, *бāдранг*), повидимому, был весьма распространен в средневековом Иране. Согласно де Кандоллю, огурец был известен на Ближнем и Среднем Востоке уже с I тысячелетия до н. э.⁹ О нем упоминает Абу Мансур Муваффах под терминами *киса* (ар.) и *хййār* (перс.)¹⁰. Огурцы (*хййār*) упоминаются в одном из житий дервишеского шейха Абу Са'ида Фазлуллаха Мейхенейского (XI в.)¹¹. Об обилии огурцов (*хййār*) на базарах Исфахана около 1329 г. мы узнаем из персидской версии „Махасин-и Исфахан“¹². В „Иршад аз-зера'ат“ среди перечисленных там сельскохозяйственных культур Хорасана упомянуты оба названия огурца — *хййār* и *бāдранг*¹³. По всей вероятности, два термина эти соответствовали двум известным в странах Передней Азии группам огурцов, из которых одна отличается крупными длинными плодами, с незначи-

¹ B. Laufer. Sino-Iranica, p. 438.

² См. выше. — О колокви́нте — *حنظل* (*ханталь*) — упоминается в „Дастур-намэ“ Низари, цит. изд. — „Восточный сборник“ Ленингр. гос. публичной библиотеки, перс. текст, Л., 1926, стр. 59, русск. перевод Е. Э. Бертельса, стр. 89.

³ Хамдуллах-Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 56.

⁴ Сейфи, изд. пер. текста, Калькутта, 1944, стр. 357.

⁵ B. Laufer. Sino-Iranica, p. 442. Ср. сообщение Чан-Чуня о крупных арбузах превосходного качества в Мавераннахре; 10 арбузов весили 120 гинов = 4 пуда или 64 кг — Труды членов русской духовной миссии в Пекине, т. IV, стр. 325.

⁶ А. Олеарий. Путешествие, стр. 752.

⁷ Нузхат намэй-и 'Алайи, л. 606; Иршад-аз-зера'ат, рукопись Е. М. Пещеревой, л. 100.

⁸ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 752.

⁹ A. de Candolle. L'origine..., p. 211.

¹⁰ Абу Мансур Муваффах, стр. 190 (№ 442) различает два вида огурца — *киса* и *кисад*: *قشا گویند وی را قشقر را خیار خوانند و بزبان خراسانیان کونده گویند* — „Его зовут киса и кисад, называют также хййār, а на языке хорасанцев киса зовут кундэ“.

¹¹ Жизнь и речи старца Абу Са'ида Мейхенейского, изд. перс. текста В. А. Жуковского, СПб., 1899, стр. 45.

¹² Махасин-и Исфахан, изд. А. Эгбаля, Тегеран, 1328 г.х.-1950, стр. 64.

¹³ Иршад-аз-зера'ат, рукопись Е. М. Пещеревой, лл. 92, 93.

ными семенниками и с низкими вкусовыми качествами, а другая — короткими эллипсоидными очень вкусными плодами¹.

Что термин *бадранг* мог относиться к сортам второй группы огурцов, можно судить по тому, что в ферхенге Шемс-и Фахри термином *бадранг* назван, с заменой функционального значения, другой, внешне похожий плод — померанец (или лимон?)². В этом ферхенге приведено несколько названий огурца, синонимов термина *хййар*: *гавш* — „большой желтый огурец, который сохраняют ради семян“³, *гавуш* — огурец, разводимый ради семян⁴, *пашанг* — огурец, сохраняемый ради семян⁵, *кйвиджак* — „сочный зеленый огурец“⁶. Уже одно обилие терминов, служивших для обозначения огурца, указывает на его распространение в средневековом Иране.

О вывозе перца в огромном количестве из Ирана через порт Сирафна в Персидском заливе в Фарсе „во все четверти мира“ в X в. сообщает Ибн Хаукаль⁷. В XIII—XIV вв., повидимому, в связи с общим экономическим упадком, культура перца в Иране утратила свое экспортное значение.

Что касается тмина, *Cuminum cuminum* L., то, по словам Абу-Мансура⁸, лучшим считался керманский тмин. О возделывании тмина (*зирэ*) в Кермане и особенно в его округах Мугун, Валашгерд, Кумин, Бахруган и Мануган говорит также анонимный персидский географ конца X в.⁹. О разведении лука в Кермане упоминает Марко Поло¹⁰.

Чеснок, *Allium sativum* L., перс. *сир*, упоминается в Продолжении анонимной „Истории Систана“: в месяце джумади-л-авваль 632 г. хиджры — с 22 января по 20 февраля 1235 г., в связи с нашествием монголов на Систан, голодом и „болезнью ног, рта и зубов“ (цынга?), цена на сухой чеснок (*сир-и хушк*) за 1 ман¹¹ дошла до 25 динаров (золотых)¹².

Та же „История Систана“ сообщает, что тогда же, в связи с упомянутой эпидемией, хенна (*Lausonia alba*) употреблялась как лекарственное растение; цена на хенну за 1 сир дошла до 7 динаров (золотых)¹³. Хенна широко известна как краситель и как универсальное в Иране и сопредельных странах косметическое средство; оранжевая пудра из сухих листьев хенны употреблялась у мусульман Ирана для окрашивания бороды и усов (у пожилых людей) и ногтей (особенно у женщин). „Среди замечательных растений Персии, — писал Шарден, — очень известных теперь, есть хенна (*hannah*)“¹⁴. Это семя, из которого делают краску, которой окрашивают руки, ноги и иногда лицо, как

¹ См.: П. М. Жуковский. Земледельческая Турция, стр. 531.

² Шемс-и Фахри, стр. 83 (№ 145); *بادرننگ — تونج — бадрени — турундж*, последний термин мог означать и померанец, и лимон (см. ниже).

³ Там же, стр. 112 (№ 34).

⁴ Там же, стр. 61 (№ 39).

⁵ Там же, стр. 80 (№ 125).

⁶ Там же, стр. 74 (№ 59).

⁷ См.: Ибн Хаукаль. Цит. изд., стр. 222.

⁸ Абу-Мансур Муваффах, стр. 202.

⁹ Худуд-ал-алем, перс. текст, л. 266; английский перевод В. Ф. Минорского, стр. 123.

¹⁰ Марко Поло, стр. 53.

¹¹ Систанский ман — 5900 г.

¹² Тарих-и Систан, изд. Бехара, Тегеран, 1314 г. х., стр. 396.

¹³ Мера веса = 15 мискалей = около 70 г.

¹⁴ Транскрипция неправильна. Следовало бы: *henna* — *حناء*.

мужчины, так и женщины, чтобы сохранить цвет лица и кожу. Когда они натерты ею, солнце не покрывает их загаром, холод не угрожает им так, как раньше, и не вызывает трещин на коже. Ею натирают ноги лошадей, по тем же основаниям. Это семя растет на деревце пучками, как перец или можжевельник. Оно находится в изобилии в области Керман и в Систане (au pays de Kirmon et á Siston)¹.

Наиболее полный, по сравнению с другими источниками, перечень бобовых, бахчевых, овощных и пряных растений, которые все использовались и как лекарственные растения, приводит автор персидской фармакологии конца X в. Абу-Мансур Муваффах ал-Хереви. В его труде по фармакологии упомянуты: шпинат — *исфānāх* (арабо-перс.)², *Spinacia oleracea*; анис — *анйсун* (греко-ар.)³, *Pimpinella anisum*; бобы — *бақилā* (ар.)⁴, *Vicia faba* L.; дыня — *биттйх* (ар.), *харбузэ* (перс.)⁵, *Cucumis melo*; арбуз — *биттйх ал-хиндй* (ар.), *харбузэй-и хиндй* (перс.)⁶, *Melo indicus*; баклажан — *бадинджāн* (перс.)⁷, *Solanum melangeпа*; базилик — *бадрудж* (ар.)⁸, *Ocimum basilicum*; меласса — *бадрудж-и буййэ* (арабо-перс. — „душистый базилик“)⁹, *Melissa officinalis*; лук — *бақаль* (ар.), *пийāз* (перс.)¹⁰, *Allium сера*; чеснок — *сум* (ар.)¹¹, *Allium sativum* L.; горох — *джулбāн* (ар.)¹², *Pisum sativum*; морковь — *джазар* (ар.)¹³, *Daucus carota*; кресс-салат — *хурф* (ар.)¹⁴, *Lepidium sativum*; горох бараний (иначе нут) — *химс*, *хуммис* (ар.), *нухūd* (перс.)¹⁵, *Cicer arietinum* L.; салат-лактук — *хас* (ар.), *кахū* (перс.)¹⁶, *Lactuca sativa*; горчица — *хардаль* (ар.), *сапандāн* (перс.), *Sinapis nigra*¹⁷; имбирь — *занджабиль* (ар.)¹⁸, *Lingiber officinale*; свекла — *сильк* (ар.), *чуундур* (перс.)¹⁹, *Beta vulgaris*; рута — *сидаб* (ар.)²⁰, *Ruta graveolens*; репа — *шальджам* (ар.)²¹, *Brassica*

¹ J. Chardin. Voyages..., t. III, p. 313—315.

² Абу-Мансур Муваффах, цит. изд. перс. текста, стр. 8 (№ 3); اسفناخ (из перс. *исфинāдж* اسفناج).

³ Там же, стр. 12 (№ 9).

⁴ Там же, стр. 32 (№ 50): باقلى; (перс. *бакла* — بقل).

⁵ Там же, стр. 35 (№ 53).

⁶ Там же, стр. 38 (№ 54).

⁷ Там же, стр. 38 (№ 55).

⁸ Там же, стр. 41 (№ 57).

⁹ Там же, стр. 41 (№ 58).

¹⁰ Там же, стр. 43 (№ 61): Автор различает пять сортов лука: шами (сирийский), набати (набатейский), везири, фар и балбус (дикий лук?).

¹¹ Там же, стр. 71 (№ 99): ثوم (перс. *сум*).

¹² Там же, стр. 76 (№ 104).

¹³ Там же, стр. 76 (№ 105): جزر (перс. *зардак*).

¹⁴ Там же, стр. 87 (№ 129): حورف по словам автора, в ходу были также названия

хабб-ар-рашад, الرشاد и *таван-и таррэ* ترون (перс. *таррэ*).

¹⁵ Там же, стр. 87 (№ 130); حمص نخود داشت А. Ахундов (Commentar, S. 62) в согласии с Э. Мейером (Geschichte des Altertums, Stuttgart, 1892, S. 69), определяет нухуд, как *Cicer arietinum*; см. также: Н. И. Вавилов и Д. Д. Буканич. Земледельческий Афганистан, стр. 341 сл.

¹⁶ Абу-Мансур Муваффах, стр. 105 (№ 169): خمس کاهو بود. Автор считает салат-лактук лучшим из всех овощей — او پيشت از همه بقولها. Такая слава этого салата объяснялась тем, что он поспевал раньше других огородных растений и в большом количестве.

¹⁷ Там же, стр. 107 (№ 174).

¹⁸ Там же, стр. 137 (№ 288).

¹⁹ Там же, стр. 145 (№ 312).

²⁰ Там же, стр. 145 (№ 313).

²¹ Там же, стр. 156 (№ 340): شلجم (перс. *шалыгам* — شلغم).

campestris; укроп — *шибит* (ар.)¹, *Anethum graveolens* L.; чернушка — *шүнйз*², *Nigella sativa* L.; царский базилик — *шāхисфарām* (перс.-ар.), *рейхāн* (перс.)³, *Ocimum minimum*; эстрагон — *тархūн* (перс.)⁴; чечевица — *‘адас* (ар.)⁵, *Ervium lens* L.; редька — *фуджль* (ар.)⁶, *Raphanus sativus*; мята — *футанадж* (ар.), *пūdйнэ* (перс.)⁷, сем. Labiatae; перец — *фальфаль* (перс.)⁸, *Capsicum annuum* L.; тыква — *қар’а* (ар.), *кадū* (перс.)⁹, *Cucurbita*; огурец — *қисā* (ар.), *хййār* (перс.)¹⁰, *Cucumis sativus* L.; петрушка — *карафс* (перс.), *Petroselinum sativum* L.¹¹; капуста — *каранб* (перс.), произносится *карамб*¹², *Brassica oleracea* L.; тмин — *камūн* (ар.), *зйрэ* (перс.)¹³, *Cuminum cyminum* L.; кишнец, иначе кориандр — *кузбара* (ар.), *кашнйз* (перс.)¹⁴, *Coriandrum sativum* L.; лук-порей — *куррās* (ар.)¹⁵, *Allium porrum* L.; лобия спаржевая — *лūбийā* (перс.)¹⁶, *Phaseolus vulgaris* L.¹⁷; мелкозернистый зеленый горох — *мāш* (перс.)¹⁸, *Phaseolus mungo*¹⁹; цикорий — *хиндубā* (ар.?), *каснй* (кашнй, перс.)²⁰, *Cichorium intibus* L.; спаржа садовая — *халййūн* (ар.)²¹, *Asparagus officinalis* L.; сельдерей — *нāнх/вāх* (перс.)²², *Arium graveolens*.

В „Нузхат-намэй-и ‘Алайи“ Шахмардана ибн Абу-л-хейра²³ перечислены следующие бахчевые, пряные и огородные растения, культивируемые в Иране на рубеже XI—XII вв.: дыня — *харбузэ*²⁴; огурец — *хййār*²⁵; тыква — *кадū*²⁶; баклажан — *бāдинджāн*²⁷; редька — *турб*²⁸;

¹ Абу-Мансур Муваффах, стр. 157 (№ 341); *شیت* (перс. *шивит* *شوت*).

² Там же, стр. 157 (№ 342); *شو نيز* (перс. *сййāх данэ*).

³ Там же, стр. 162 (№ 342); ср. *шаспарам-шахсипарам* в ферхенге Шемс-и Фахри, стр. 112, № 32.

⁴ Абу-Мансур Муваффах, стр. 169 (№ 384).

⁵ Там же, стр. 172 (№ 390).

⁶ Там же, стр. 183 (№ 419); *فجل* перс. *турб* *قرب*.

⁷ Там же, стр. 184 (№ 420). Автор различает мяту „горную, приречную и садовую“ — *سه جنس ست کوهی و جویباری و بستانای*.

⁸ Там же, стр. 186 (№ 422) *فلفل* — автор различает перец „белый“ и „черный“.

⁹ Там же, стр. 189 (№ 439); *قرع کدو بود*.

¹⁰ Там же, стр. 190 (№ 442).

¹¹ Там же, стр. 199 (№ 469); *کرفس*.

¹² Там же, стр. 199 (№ 470): Автор упоминает сорта капусты: *набати* („набатейская“), *барри*, *бэхри*, *қунбит* (*قنبیط* — цветная капуста?), *маусили* („мосульская“); ниже (стр. 200) упомянут еще сорт *хамадани* („хамаданская“).

¹³ Там же, стр. 201 (№ 473).

¹⁴ Там же, стр. 202 (№ 474).

¹⁵ Там же, стр. 203 (№ 476); *کراث* (перс. *гандāнэ*, *таррэ*).

¹⁶ Там же, стр. 233 (№ 506).

¹⁷ По определению А. Ахундова (Commentar..., S. 101); согласно данным Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича (Земледельческий Афганистан, стр. 347), — *Vigna Catjang*, *Vigna sinensis*; согласно П. М. Жуковскому (Земледельческая Турция, стр. 404) — *Vigna sesquipedalis*.

¹⁸ Абу-Мансур Муваффах, стр. 246 (№ 517).

¹⁹ По определению А. Ахундова (Commentar..., S. 102). Согласно данным Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича (Земледельческий Афганистан, стр. 345) — *Phaseolus aureus* Piper.

²⁰ Абу-Мансур Муваффах, стр. 266 (№ 568).

²¹ Там же, стр. 267 (№ 569); *مارچوبه هليون* (перс. *мāрчӯдэ*); по словам автора, спаржу ели свежую, вареную с мясом и вареную с оливковым маслом и соусом (мури).

²² Там же, стр. 260 (№ 551).

²³ Рук. ИВ АН СССР, фонд Gotha, Pertsch, № 10.

²⁴ Нузхат-намэй-и ‘Алайи, л. 66а.

²⁵ Там же, лл. 66а—66б.

²⁶ Там же, л. 66б.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, лл. 66б—67а.

лук — *пййāз*¹; чеснок — *сйр*²; капуста — *каранб* (произносится *карамб* или *курумб*)³; свекла кормовая — *чугундур*⁴; спаржа — *мāрчубэ* (*аспарагус*)⁵; белый базилик — *бāдрудж*⁶; лук-порей — *гандāнā*⁷; салат-лактук — *кāху*⁸; рута — *сидāб*⁹; петрушка (или сельдерей) — *карафш*¹⁰ (иначе *карасф*, *карасп*); цикорий — *кашнй*¹¹; репа — *шальām*¹²; укроп — *шибит*¹³.

В „Иршад-аз-зера’ат“ сообщается о следующих огородных и пряных растениях¹⁴, разводившихся в районе Херата в Хорасане: баклажан-демянка, *Solanum melangena* L. — перс. *бāдинджāн*¹⁵; редька, *Raphanus sativus*, черная, красная и белая — перс. *турб*¹⁶; лук сладкий, разных сортов, *Allium sera* L., — *пййāз*¹⁷; лактук — *кāху*, *кжк*¹⁸ и др.

В „Нузхат намэй-и ’Алайи“ приводятся советы относительно возделывания огородных растений, вместе с народными приметами, поверьями и суевериями¹⁹. Приведем как образец советы относительно возделывания капусты (*карамб*): „Капусту, если посадишь в местности и на земле засоленной (*джайгах ва замин-и шурэ*), листья будут большие, и она будет хороша и будет быстро вариться в котле (*диг*). И если земля хорошая, засоленная и мягкая (*нарм*), и ты посадишь на ней капусту, она будет крепкая, и червяк (*кирм*) не нападет. Лист (*барг*) капусты теряет крепость от винного уксуса (*сйкй*), и по этой причине не должно сажать капусту в винограднике (*раз*)“²⁰.

Огородные растения в источниках изучаемого периода упоминаются редко. Хамдуллах Казвини в своем географическом описании лишь в немногих случаях и вскользь, не приводя никаких подробностей, упоминает об огородах *джализ* и *пализ*, — впрочем, под этими терминами можно понимать и бахчи²¹, — и об овощах (*букӯль*)²², хотя много говорит о садовых плодах и виноградниках. В переписке Рашид-ад-дина „собственные огороды“ (или „бахчи“) — *пāлйзхāй-и хāссэ* упоминаются только один раз, в письме к сыну Маджд-ад-дину²³, хотя о собственных плодовых садах и виноградниках там говорится часто и много; в том же письме приведен огромный перечень разных плодов, свежих и сушеных, и фруктовых соков, заготавливаемых на зиму и доставляемых из разных областей государства Хулагуидов, видимо, из находившихся там имений Рашид-ад-дина, но при этом об огородных овощах не упо-

¹ Нузхат-намэй-и ’Алайи, лл. 666.

² Там же, л. 67а.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 67а—67б.

⁵ Там же, л. 67б.

⁶ Там же, лл. 67б—68а.

⁷ Там же, л. 68а.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 68б.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 67б.

¹³ Там же, л. 68б.

¹⁴ Вместе с ними указаны также бобовые и бахчевые растения: перечни их приведены нами выше.

¹⁵ Иршад-аз-зера’ат, рукопись Е. М. Пещеревой, лл. 95, 101.

¹⁶ Там же, л. 95.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 72 (№ 37).

¹⁹ Нузхат намэй-и ’Алайи, лл. 66а—68б.

²⁰ Там же, л. 67а.

²¹ Хамдуллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб, стр. 62, 65.

²² Там же, стр. 77.

²³ Мукатебат-и Рашиди, № 34, стр. 201.

минается вовсе, если только термин *дунбулй* там не означает баклажана¹.

Видимо, в Иране изучаемого нами периода огородничество в хозяйстве крестьянина и феодала занимало второстепенное место по сравнению с садоводством и виноградарством и было распространено главным образом в пригородных районах близ больших и густонаселенных торговых городов; рынок большого города поглощал привезенные из близлежащих селений овощи полностью. В персидской версии „Махасин-и Исфahan“ говорится об обилии в районе Исфahана пшеницы, моркови, бобов и ячменя², о множестве огурцов, баклажан и прочих овощей на базарах Исфahана³. В одном из житий дервишеского шейха Абу Са'ида Фазлуллаха Мейхенейского говорится о „вареной репе, белой и чистой“ на базаре большого города Нишапура⁴. Упомянутый нами трактат о земледелии „Иршад-аз-зера'ат“ говорит об огородных растениях, разводимых в имениях крупных феодалов (упомянутого уже выше накиба и других), очевидно для вывоза на рынок большого города Херата.

---

¹ Мукатебат-и Рашиди, № 34, стр. 206, прим. 1 (прим. издателя проф. Хан-Бахадура Мухаммеда Шафи').

² Махасин-и Исфahan, стр. 46: термин *зард* в таком контексте может означать только *зардак* — „морковь“.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Жизнь и речи старца Абу Са'ида Мейхенейского, стр. 69.

П. В. ЕРНШТЕДТ

ЮЖНОЕГИПЕТСКИЙ КОПТИЗМ В СРЕДНЕГРЕЧЕСКОМ
СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ

(Слово *πασχων* коптского происхождения)

При прослеживании словарных заимствований из языка в язык мы имеем дело не только со случаем звуковой и словообразовательной обработки слов на новой почве, но и с тем случаем, что все слово подлежит подмене словом или совпадению со словом, по составу своих звуков максимально сходным с предметом заимствования, но по значению с ним расходящимся более или менее существенно. Те исследователи, которые односторонне подготовлены к использованию только того языка, который, в нашем понимании, окажется на самом деле заимствующим данное слово, легко могут стать жертвой ошибочного взгляда, будто дело сводится к изменению значения слова такого-то языка, при полном отсутствии участия лексики какого-либо второго языка. Говоря так, я, в частности, имею в виду слово *πασχων*, *πασχουσα* как синоним слова *πασχυος*, т. е. как имеющее одинаковое с ним значение „одержимый, -ая“, и как омоним причастия глагола *πασχω* „страдать“.

Слово *πασχυος* в древнем греческом языке не существует. Наиболее раннее мне известное свидетельство о нем мы имеем в толковании глоссы Гесихия: *ἐπιληπτικος πασχυος, κληρομενος* „эпилептический: пасхикос; одержимый“.

Относительно ниже следующих примеров слов *πασχυος* и *πασχυη* оговариваю, что я их привожу в том виде, как они приведены Дюканжем по рукописям Национальной библиотеки (Париж), так как я не имел возможности для данной цели просмотреть соответствующие издания, а частично потому, что не все еще издано.

Vita s. Eupraxiae Virg., n. 26:

ἦν δὲ τις ἐν τῷ μοναστηρίῳ ἐκείνῳ γυνὴ πασχυὴ ἐκ παιδίδεν — εἶχεν δὲ πνεύμα ἀρχοντικόν „была в том монастыре женщина, одержимая с детства; а имела она дух господский(?)“.

Там же п. 23: *ὅταν οὖν ᾤρατο κινεῖσθαι ἀπὸ τοῦ δαιμονος ἡ πασχυὴ καὶ ἀγανκτεῖν* „и вот когда юродивая начала быть тормозимой демоном и негодовать . . .“.

Vita s. Barsanuphii apud Niconem Monachum in Pandecte MS lib. 1, serm. 32: *ῥωτήθη ὁ αὐτὸς μέγας γέρον πρὸς πασχυοῦ τινος ἵνα εὐχῇ ὑπὲρ αὐτοῦ* „попросили того великого старца о некоем одержимом, чтобы он помолился о нем“.

Vita s. Marinae MS: ἰδοὺ πολλοὶ πασχικοὶ ἤρχοντο καὶ ἐθεραπεύοντο „и вот, многие одержимые приходили и были исцеляемы“. [Этого текста нет в издании H. Usener, Acta s. Marinae et Christophori, Bonn, 1886 (Festschrift zur fünften Säcularfeier d. Carl-Ruprechts Universität zu Heidelberg, 15—46].

Nicephorus Presb. in Vita MS s. Andreae Sali: παρὰ τραπεῖς ταῖς φρεσὶ, ὥς περ πασχικὸς πεφυρμένος „свихнувшийся умом, подобно помешавшемуся юродивому“. Там же: καὶ αὕτη ὁμοίως προσευχομένη ὥς περ τις πασχικὴ „в свою очередь молясь, как какая-нибудь одержимая“ (Этот текст, повидимому, читается в изданиях: AASS. Maii VI 4*—111*, 3-e ed. 4*—102* и в PG, t. 111, col. 625—888).

Желая осознать словообразовательную природу слова πασχικός, мы на первых порах неизбежно противопоставляем друг другу две мысли: одну — основанную прежде всего на внешнем сходстве — о том, что это слово как-то связано с глаголом πάσχω „страдать“, и другую — противоречащую первой — о том, что какой бы то ни было основе настоящего времени несвойственно служить отправной точкой для именных образований, иных чем построенные на промежуточной ступени — причастии. Первая мысль подсказывается звуковым составом слова πασχικός не без поддержки со стороны значения слова: ведь состояние одержимости принадлежит к числу состояний болезненных, а общий характер значения πάσχω не исключает того, что слово могло применяться как обозначение той ненормальности, которая имеется в виду между прочим в случаях так называемой „одержимости“, а затем подверглось соответствующему сужению значения. С этой точки зрения предположение прямой исторической связи значения слова πασχικός с глаголом πάσχω „страдать“ кажется в конце концов приемлемым, и, совершенно вне всякого сомнения, большинство читателей всегда разделяло именно это предположение. Как мало носители, лингвистически не образованные, данной живой речи считаются с основными закономерностями словообразования и в то же время охотно пользуются иностранными словами без знания тех иностранных языков, из которых данные слова происходят, это видно между прочим из употребления слова „будировать“ со значением не французского глагола boudier, а со значением русского слова „будить“, „пробуждать“, в сочетании „будировать мысль“.

Но формальный момент второго из названных предположений никак не говорит в пользу связи с глаголом πάσχω: соображение о несбыточности того, что основа настоящего времени (πασχ-) служила бы, минуя причастие, образованию производного имени, сохраняет свою силу. Ему можно противопоставить, кажется, только один случай образования имени как производного от основы настоящего времени глагола: слово διδάσκαλος „учитель“, которое, видимо, должно быть рассматриваемо как производное от основы настоящего времени глагола διδάσχω „учить“. В этой аналогии презентический характер основы выражен, правда, даже вдвойне: т. е. кроме презентического суффикса также еще презентической редупликацией. Положительной чертой этой аналогии можно назвать тождество — в историческом плане — суффиксов основы настоящего времени: глагол πάσχω имеет тот же суффикс, что и глагол διδάσχω. Но я подвергаю сомнению, воспринималось ли настоящее время πάσχω как содержащее вариант суффикса -σχω. Не без аналогии наличие суффикса -λος при одновременном наличии удвоения: сравни κεκορφίλος, „сетка для волос“, где удвоение, правда, — непрезентическое.

Однако аналогия слов διδῆσκω и, с оговоркой, κερφύλλος вызывает как таковая прежде всего то возражение, что между первыми примерами слова διδῆσκω и свидетельством Гесихия о слове πασχίος умещается целое тысячелетие.

Тем более пристальное внимание нужно уделить вопросу, не отличаются ли условия появления слова διδῆσκω таким своеобразием, которое делало бы несправедливым, или, по меньшей мере, неосторожным, вывод о годности, хотя бы в самых скромных размерах, глагольных основ настоящего времени для образования от них имен, кроме причастных.

В ожидании разрешения поставленного вопроса прибавим, что постановка вопроса об использовании слова διδῆσκω как принципиальной параллели к попытке усмотреть основу настоящего времени греческого глагола в слове πασχίος представится неубедительной, или даже повиснет в воздухе, как только мы укажем на возможность такого объяснения слова πασχίος, при котором одновременно окажется не при чем 1) и использование глагола πάσχω „страдать“ как якобы доподлинно лежащего в основе образования πασχίος и 2) гипотеза о том, что греческое обозначение, с помощью глагола πάσχω „страдать“, всякого болезненного состояния изменялось в направлении „одержимости“.

На мой взгляд, иноязычным источником обоих слов не может не являться соответствующая диалектная форма египетского глагола psh, „быть в смятении“, по-коптски звучавшего πωσρ, πωсщ, πωсщс и означавшего „быть вне себя“, „быть сумасшедшим“. В тех коптских диалектах, в которых все формы этого глагола звучали с согласным [š], ро:šš, ро:сš (πωсщс, πωсщ), финитная форма, так называемый квалитатив, выражавшая соответствующее состояние, гласила роšš, росš (πωсщс, πωсщ), а в ахимском диалекте, сохранившем согласный [h], квалитатив имел добавок и вокализм [a]¹ — pash (πаср). Но предлагая это сопоставление, нельзя упускать из вида различие между сопоставляемыми единицами по линии частей речи: в основе вторичного образования πασχίος как имени может лежать только имя же, между тем как египетская категория, к которой принадлежит форма pash, является категорией чисто глагольной. Следовательно, вторичное именное образование на суффикс -ίος не может воспроизводить форму pash на правах только грецизации как таковой. Невозможность установления прямой преемственности между образованием на -ίος как вторично именным и формой pash как первично глагольной должна быть основана на исчезновении некоего промежуточного звена. Установить полноценную, словообразовательно опосредствованную, преемственность между формой πασχίος и формой pash — значит учесть в составе иноязычного прототипа слова πασχίος такой словообразовательный элемент, который в процессе грецизации стал жертвой словообразовательной абстракции, будучи, с другого конца, подменен суффиксом -ίος. Именно этот суффикс сохранял заимствование в лоне той части речи, к которой относился прототип данного словарного заимствования. Подмененный в процессе заимствования словообразовательный элемент я усматриваю в префиксе, гласящем по-коптски, смотря по диалекту, gm ef „человек, который

¹ Гласный [a], как отвечающий здесь саидскому и бохайрскому [o], мы установили также в слове ψαῖον, сῆμα „благовоние“ (см. мои „Египетские заимствования в греческом языке“, М. — Л., 1953, стр. 154).

делает то-то“ или *реч-(ref-)*. Именно этот префикс был способен превращать в отглагольное имя не только инфинитив, звуковой состав которого нас здесь не устраивает, но и — квалитатив, звуковой состав которого к корню *πασυχός* подходит в точности.

В отличие от имени *πασυχός*, мы в подобной гипотезе как будто бы не нуждаемся, если захотим к египетскому глагольному образованию возвести греческий глагол, который в точности отвечал бы как с формальной, так и с семантической стороны требованиям, предъявляемым к характеристике глагола *rash* как попавшего на греческую почву. Такой глагол должен был бы звучать *πάσχω* „быть одержимым“. Окажется, что формы глагола *πάσχω*, являющиеся не финитными, а омонимами форм причастия настоящего времени глагола *πάσχω* „страдаю“, мы можем установить в текстах, где речь идет об одержимости.

Лавсова история монашества¹, 99,8: *Μίαν ἔχομεν σελήν ἑνὸν ἐν τῷ ἀρχιερίῳ* — *οὕτω γὰρ καλεῖται τὰς πασχούσας* — „у нас здесь есть одна юродивая (*σελή*), там в доме, на кухне, — ибо так зовут они одержимых“.

Aporhthegmata patrum Aegyptiorum 141. Рассказ начинается словами „Пришел один одержимый (*δαιμονιζόμενος*) в Скит. Несмотря на молитвы о нем, демон (*ὁ δαίμων*) не выходит из него. Организуют встречу одержимого с аввой Висарионом в том месте церкви, куда Висарион приходит стоять (*παύσασθαι τὸν πάσχοντα καθευδῆσαι εἰς τὸν τόπον αὐτοῦ* (= *τοῦ ἱερέως Βισαρίωνος*). Демон (*ὁ δαίμων*) выходит из больного, и одержимый исцелен.

Леонтий Кипрский (житие Симеона Юродивого)²: *Θεωρεῖ τὸν σελὸν πάσχων δαιμονιτῇ ἐξ αὐτοῦ κύων μέγρον καὶ τύπτοντα αὐτὸν μετὰ ζυλίνου σταυροῦ* „Одержимый видит, как юродивый изгоняет из него черную собаку и бьет ее деревянным крестом“.

Слова *πασυχός* „одержимый“, „юродивый“ и *πάσχω* „одержимый“, „юродивый“ (повидимому, как уже подчеркнуто, только в виде причастия настоящего времени) появляются прежде всего в монашеской литературной среде. Тон в ней задавал юг Египта, к которому относится и Ахимм-Панополь. Это он донес до коптских времен как старое произношение согласного [h], так и гласный [a] там, где бохайрско-саидский север имел вторичным образом [o] и [š]. С ахиммоязычным югом мы и свяжем слова *πασυχός* „одержимый“ и *πάσχω* „одержимый“ именно по этим их чертам как приравненным к соответствующим диалектизмам, в частности — ахиммизмам, коптского языка. Тем самым мы установим не только египетскую, но и, в частности, южноегипетскую, ахиммскую, его иррадиацию в греческую литературу, — минуя северноегипетский ее центр, Александрию. Моментом, выгодным для восприятия слов, содержащих звуки *πασχ-*, как напоминавшие основу глагола *πάσχω* „страдаю“, было то обстоятельство, что данные египетские слова обозначали некое болезненное ментальное состояние и людей, страдавших этим состоянием. Ведь при таких условиях частичное созвучие данных слов с глаголом *πάσχω* „терпеть“, „страдать“ не могло не способствовать их усвоению остальными греками, а не только обитавшими в Египте.

Но предполагаю, что причастие *πάσχω* „одержимый“ не является попросту формальной грецизацией коптского квалитатива *rash* „(он)

¹ D. C. Butler. *The Lausiatic History of Palladius*. Cambridge, 1898. (*Texts and Studies, Contributions to Biblical and Patristic Literature*, ed. by J. A. Robinson, vol. 6).

² PG, t. 93, col. 1716 A.

одержим“, параллельной и синонимной с образованием $\pi\alpha\sigma\chi\iota\kappa\acute{\iota}\varsigma$. Я склонен полагать, что оформление $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega\nu$ предназначалось встать на место образования $\pi\alpha\sigma\chi\iota\kappa\acute{\iota}\varsigma$ в качестве его „исправления“, возникавшего в литературном языке по отношению к образованию, индивидуально создававшемуся данным автором как нежелательное нарушение элементарного правила словообразования о недопустимости производства имен на $-\iota\kappa\acute{\iota}\varsigma$ от основы настоящего времени какого бы то ни было глагола. Это было выводом пуриста из его же ложного предположения о том, что слово $\pi\alpha\sigma\chi\iota\kappa\acute{\iota}\varsigma$ якобы содержит в себе основу какого-то греческого настоящего времени. Как и в других случаях, пуризм выдает себя с головой тем, что сугубо греческую окраску он придал иноязычному слову, ни в какой мере не осознанному в качестве такового. Вводя в употребление форму $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega\nu$ со значением „одержимый“, пурист в действительности, как уже сказано, создавал омоним причастия глагола $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „страдаю“.

Что же касается встречающегося в литературе первых веков н. э. суффикса глагола $\pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$ „prurio“, который как будто бы указывает на прецедент в виде образования типа $^*\pi\alpha\sigma\chi\iota\omega$ или $^*\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\alpha}\omega$, то я склонен предполагать, что с этим $\pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$ стоит в связи тот новогреческий глагол $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\alpha}\omega$ „стремиться“, „прилагать усилия“, „стараться“, „пытаться“, „пробовать“, который словообразовательно никак не выводим непосредственно из глагола $\pi\alpha\sigma\chi\omega$. Контаминация глагола $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „быть одержимым“ с $\beta\iota\nu\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$ могла дать образование $\pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$, восходящее к последнему в отношении значения, после чего по аналогической пропорции $\beta\iota\nu\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega : \beta\iota\nu\omega = \pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega : x$, $x = ^*\pi\alpha\sigma\chi\iota\omega$ мог возникнуть такой контрактный глагол, который дальше создавал через аорист $^*\epsilon\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\eta\sigma\alpha = \epsilon\pi\alpha\sigma\chi\iota\sigma\alpha$ настоящее время новогреческого глагола $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\alpha}\omega$ „одержим стремлением“ > „стремлюсь“.

Только путем предположения действия подобной аналогии можно установить связь преемственности между древним глаголом $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „страдать“ и современным глаголом $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\alpha}\omega$ „стараться“. Первоначально между ними, разумеется, не было ничего общего.

То обстоятельство, что носителями народного греческого языка глагол $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\alpha}\omega$ „стараюсь“ как-то сопоставлялся с глаголом $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ как с его родичем, проявляется между прочим в том, что форма $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ со своей стороны приобщилась к тому значению „стремлюсь“, „стараюсь“, которое никоим образом не может объясняться внеконтаминационным развитием значения древнего глагола $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „страдаю“. К сожалению моему, я теперь не могу найти того новогреческого текста, в котором я когда-то прочитал предложение, содержавшее конструкцию $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\epsilon\iota \nu\acute{\alpha} \tau\omicron \kappa\acute{\alpha}\mu\eta$, „он стремится это сделать“. Но, может быть, лица, знающие новогреческие диалекты лучше меня, укажут, где такое употребление теперь может быть установлено. Со своей стороны я желаю предостеречь тех, кто знаком только с соответствующим употреблением глагола $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\alpha}\omega$, против того, чтобы назвать форму $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\epsilon\iota \nu\acute{\alpha} \tau\omicron \kappa\acute{\alpha}\mu\eta$ нереальной.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

ОТРЫВОК МЕДИЦИНСКОГО ТРАКТАТА АЭЦИЯ ИЗ АМИДЫ В СПИСКЕ X—XI ВЕКА

Среди греческих рукописей, хранящихся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, рукописи светского содержания составляют меньшую часть всего собрания. Подавляющее большинство рукописей содержит богослужебные тексты, сочинения „отцов церкви“, жития святых и т. п. Такой состав рукописей характерен, однако, не только для собрания Публичной библиотеки, но и для всей массы греческих рукописей византийского времени, сохранившихся до наших дней. Большое число светских текстов уже извлечено из рукописей, опубликовано или по крайней мере учтено, известно в литературе. Поэтому всякий вновь обнаруженный текст такого рода привлекает к себе внимание. Настоящая работа посвящена отрывку трактата по гинекологии, обнаруженному в собрании греческих рукописей Публичной библиотеки.

* * *

Медицинская ученая литература Византии была — за немногими исключениями — компилятивной. Некоторые историки медицины прямо заявляют, что единственная ценность византийской медицины заключается в сохранении текстов и достижений античной и эллинистической медицинской науки¹. Центром медицинских знаний древнего мира была Александрия, в медицинских школах которой особое внимание уделялось изучению анатомии. В этой области были достигнуты значительные успехи, благодаря тому, что здесь производились вскрытия человеческих трупов. Позднее, в средневековых медицинских школах, например, в знаменитой Салернской школе², анатомию изучали на трупах животных (главным образом — свиней), так как христианской религией вскрытие человеческих трупов воспрещалось.

Слава медицинских школ Александрии была велика; считалось, что молодой человек, желающий изучать медицину, должен обязательно

¹ См., например, F. H. Garrison. *An Introduction to the History of Medicine*, 4 ed., 1929, p. 120 и сл. Ср. также: В. А. Эберман. Медицинская школа в Джунджапуре. Записки Коллегии востоковедов. Л., 1925, т. I, стр. 47—72. Указанием на эту статью я обязана А. Л. Троицкой.

² Литература о медицинской школе в Салерно весьма обширна. См. *Enciclopedia Italiana*, vol. XXX. Roma, 1936, p. 509—512; *Cambridge Medieval History*, vol. VI, Cambridge, 1929, p. 560—562; Th. Meyer-Steineg u. K. Sudhoff. *Geschichte der Medizin im Überblick mit Abbildungen*. 4. Aufl., Jena, 1950, S. 75—89, 173—201.

отправиться с этой целью в Александрию, где работало большое число врачей-профессионалов.

Завоевание Александрии арабами обогатило арабскую медицину достижениями греческой медицины. Арабы переводили и изучали из греческих медиков преимущественно Галена, греческие врачи служили у арабов.

Относительно положения врачей и медицинского образования в Византии известно сравнительно немного. Среди сохранившихся медицинских рукописей византийского времени первое место занимают списки сочинений двух великих медиков древности — Гиппократ и Галена. Их труды в течение многих веков служили основными пособиями при изучении медицины, они считались неопровержимыми авторитетами¹. Извлечения из сочинений Гиппократ и Галена входили во вновь составляемые компиляции, переводились на латинский, арабский, сирийский языки и сохранились во множестве списков. В медицинской школе в Салерно преподавание велось в основном по Гиппократу и Галену. Однако сохранилось значительное число византийских рукописей, содержащих произведения и других врачей древности — Диоскорида (I в. н. э.), Сорана Эфесского (первая половина II в. н. э.), Архигена (I—II вв. н. э.), Орибазия (325—403 гг. н. э.) и других.

Собственно византийская медицинская литература небогата; наиболее значительными ее представителями были несколько врачей IV—VII вв. Выше уже упомянут Орибазий, врач и друг императора Юлиана, составивший собрание эксцерптов из важнейших сочинений лучших медиков древности. В VI в. н. э. подобную компиляцию составил Аэций из Амиды, о котором подробнее речь будет дальше. К VI в. относится и сочинение Александра Тралльского (525—605 гг. н. э.) под названием *Θεραπευτικὴ*, посвященное патологии и терапии внутренних болезней и написанное автором на основании долголетней практики. В VII в. врачом Павлом Эгинским был составлен компендий по всем отраслям медицины, особенно важным разделом которого является раздел хирургии.

О постановке медицинского образования в Византии сохранились лишь отрывочные сведения. Некоторые широко образованные византийские ученые включали медицину в круг своих знаний. Так, в „Библиотеке“ Фотия (IX в.) рассматриваются, наряду с прочими сочинениями, и медицинские — например, сочинения Орибазия, александрийского врача IV в. н. э. Феона, Аэция из Амиды. При изложении сочинения Аэция Фотий обнаруживает знакомство с медицинской литературой, указывая, произведения каких именно авторов использовал Аэций в своей компиляции. Михаил Италик (XII в.), как это видно из его писем, обладал познаниями в медицине². Михаил Пселл, среди множества своих сочинений, оставил также несколько медицинских³. Но указанные выше авторы не были врачами по профессии, — нас же интересует подготовка врачей-профессионалов.

Помимо уже упомянутых медицинских школ Александрии и Салерно, медицина, наряду с другими науками, преподавалась в высшей школе в Константинополе в IX—XII вв. Однако изучение медицины в Византии проводилось в тесной связи с практикой, медицинское учебное заве-

¹ См. H. Diels. Die Handschriften der antiken Aerzte. Berlin, 1905.

² M. Treu. Michael Italikos. BZ, Bd. IV, 1895, S. 12.

³ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Aufl. München, 1897, S. 435.

дение было связано с больницей — клиникой. В Салерно¹, куда стремились молодежь для получения медицинского образования, существовали госпитали, пользовавшиеся в X—XII вв. широкой известностью; больные со всех концов Европы направлялись в Салерно, надеясь получить исцеление у тамошних врачей. В пределах самой империи также существовали больницы и госпитали, главным образом при монастырях. В этих заведениях велось и обучение медицине. В типиках монастырей имеются указания на то, что при монастырских странноприимных домах служили врачи, дети которых тут же обучались медицине². Вероятно, существовали также частные школы, где можно было изучать медицину. Известно, что в Византийской империи молодежь могла получать образование у частных учителей. В Риме подготовка молодых врачей осуществлялась при помощи частных учителей-врачей, ученики которых посещали больных вместе со своим наставником, а также изучали соответствующие медицинские сочинения³.

После этих вводных замечаний перейдем к самой занимающей нас рукописи.

Греческая рукопись № 115 Публичной библиотеки представляет псалтирь, писанную на пергамене, обычным для конца XIII в. — начала XIV в. минускулом. Рукопись эта является палимпсестом, текст XIII—XIV вв. писан по смытому греческому евангельскому тексту IX в. Рукопись поступила в Библиотеку в 1852 г. в составе собрания рукописей М. П. Погодина. На одном из листов имеется пометка XVI в. „Псалтирь Селивестровская“, что дало повод к возникновению легенды, будто эта псалтирь принадлежала священнику Сильвестру, духовнику Иоанна Грозного⁴. На наш взгляд, на основании одной пометки эту гипотезу нельзя считать доказанной.

Настоящая статья посвящена первым шести листкам этой псалтири, которые при составлении рукописи были почему-то оставлены пустыми, а, может быть, позднее были приплетены к ней. На самом деле эти листки представляют собой два листа — цельных в ширину, но обрезанных снизу или сверху — и два обрезка листа — обрезанных наполовину в ширину, а также снизу и сверху. Таким образом, не сохранилось ни одного цельного листа, вследствие чего подлинный размер рукописи остается неизвестным. В настоящее время размер листков — 10,1 × 13,4 см; на каждой страничке сохранилось 28—30 строк, местами — только следы строк. Рукопись имела довольно широкие поля и вообще была довольно широка — листы были перегнуты пополам тогда, когда первоначальный текст был уже смыт и пергамен был приплетен к псалтири № 115.

¹ Хотя город Салерно находился не на территории империи, но в Салернской медицинской школе в числе преподавателей и учеников были греки и преподавание велось по греческим авторам.

² См. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. I. — Тулик, Киев, 1895, стр. XC, 683, 693.

„Ἀλλὰ καὶ διδάτῃλον εἶναι τυπούμεν, ὁρεῖλοντα διδάτῃν τὰ τῆς ἱατρικῆς ἐπιστῆμης, ὅστις καὶ λήφεται τὰ αὐτὰ τοῦ νοσηκόμου ἐν ἅπασιν. Διὰ τοῦτο δὲ τετύπωνται αὐτοῖς τὰ ἀνωτέρω δηλωθέντα σιτηρέτια, ἵνα τοῦ ἔργου τῆς διδασκαλίας ἐπιμελήτηται, καὶ ἐκδιδάτῃ τοὺς παῖδας τῶν ἱατρῶν τοῦ ξελώνος τὰ τῆς ἱατρικῆς μαθήματα ἐπιμένως καὶ μετὰ σπουδῆς“.

(Перевод: Назначаем также и учителя, который должен обучать медицинской науке и будет получать вообще то же, что и врач в больнице. Ради того назначено ему указанное выше довольствие, чтобы он заботился о деле обучения и обучал детей врачей странноприимного дома медицинским наукам прилежно и с усердием).

³ См. Th. Puschmann. Geschichte des medizinischen Unterrichts von den älteren Zeiten bis zur Gegenwart. Leipzig, 1889; A. Heisenberg. Grabeskirche und Apostelkirche. II-er Theil: Die Apostelkirche in Konstantinopel. Leipzig, 1908, S. 90.

⁴ Отчет Публичной библиотеки за 1852 г. СПб., 1853, стр. 35—36, прим.

На листках не сохранилось следов древнейшего переплета; возможно, первоначально рукопись и не была переплетена, а лишь слегка сшита или скреплена каким-либо иным образом. Смытый текст, содержащийся на этих листках, представляет собой отрывок из медицинского трактата врача Аэция из Амиды, а именно — из 16-й книги этого трактата, посвященной гинекологии¹.

Аэций из Амиды (Ἀέτιος ὁ Ἀμιδηνός) жил в первой половине и середине VI в. Он имел чин κόμης ὀψικίου, служил при дворе Юстиниана. По мнению некоторых исследователей, Аэций был придворным врачом Юстиниана. Сведений о нем имеется очень мало². Данные о его биографии черпаются из сообщений, передаваемых Фотием, и из сочинения самого Аэция. Известно, что учился он в Александрии, что доказывает его замечаниями, включенными в некоторые реценты³.

Аэций — первый византийский врач, в сочинении которого имеются указания на его принадлежность христианству. Так, в книге 8-й, посвященной болезням дыхательного аппарата, между прочим указаны методы извлечения костей и других посторонних предметов из горла и гортани. Рекомендуются, подойдя к пациенту, произнести некоторое заклятие, приводимое в двух вариантах.

„Λέγε· ἔνελθε ὀστούν, εἴτε ὀστούν ἢ κάρφος ἢ ἄλλο ὀτιοῦν, ὡς Ἰησοῦς Χριστὸς Ἀλέξανδρον ἀπὸ τάφου ἀντήγαγεν, καὶ Ἰωάνν ἐκ τοῦ κήτους. Ἄλλο. Λέγε, κατέχων τὸν λάρυγγα τοῦ πάσχοντος· Βλασίος ὁ μάρτυς ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ λέγει, ἀνάβηθι ὀστούν ἢ κατὰβηθι“. (Скажи: выйди кость, кость ли то, или соломинка, или что-либо другое; как Иисус Христос Лазаря вывел из могилы и Иону из чрева кита. Иначе: Скажи, держа горло пациента: Власий, мученик, раб божий, приказывает, выйди наружу, кость, или спусться ниже)⁴.

Упоминания о церкви встречаются также в рецентуре, например: κάρδος σκευαζομένη ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ (ладан, приготавливаемый в церкви).

Само сочинение Аэция, названное одним из первых его издателей Τετραβιβλίον, именуемое так иногда и в рукописях, обычно упоминается в литературе именно под этим названием. Греческое его название βιβλίον ἱατρικὰ ἐκκλίδεα, откуда видно, что оно состоит из 16 книг. Содержание книг (или глав) таково: 1-я книга: лекарственные растения в алфавитном порядке; 2-я книга: минеральные и животные лекарственные средства, прочие медикаменты; 3-я книга: общая терапия и гигиена, гимнастика, климатология, слабительные; 4-я книга: диететика детского возраста, детские болезни, общая диететика, темпераменты; 5-я книга: общая патология и диагностика, чума; 6-я книга: болезни головы, волос, болезни носа и ушей; 7-я книга: глазные болезни; 8-я книга: косметика, болезни зубов и полости рта, чужеродные тела в дыхательных путях и органах пищеварения, болезни дыхательных путей, легких; 9-я книга: болезни органов пищеварения, глисты; 10-я книга: болезни печени и селезенки, всдынка; 11-я книга: болезни мочевых органов; 12-я книга: ишиас, ревматизм, болезни суставов; 13-я книга: укусы животных, противоядия, болезни кожи; 14-я книга: болезни прямой кишки, половых органов, лечение подвергнутых бичеванию, лечение ран

¹ Смытый текст палимпсеста выявлен фотографическим способом С. Г. Гасиловым.

² См. W. Haberling, F. Hübötter u. H. Vierordt. Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker. 2. Aufl. Berlin, 1929, S. 39—40.

³ Например, в рецептах, приведенных в гл. 129 и 135 кн. I, говорится о мазях, которые автор приготавливал в Александрии.

⁴ В числе „чудес“ Власия имеется избавление им отрока от кости, попавшей в горло. AASS, Februarii 1, стр. 335—337.

и язв, кровотечения, общая хирургия, болезни кожи, ногтей, вывихи, расширение вен; 15-я книга: опухоли, аневризмы, парша, лекарственные средства; 16-я книга: родовспоможение, гинекология, некоторые рецепты приготовления пищи, средства для бальзамирования трупов.

Отрывки из этой-то последней книги и содержатся в шести листках нашего палимпсеста. Как видим, распределение материала не соответствует систематизации болезней в современной медицине; разумеется, такого соответствия не следует и ожидать. Средневекковая медицина обладала еще столь скудными сведениями, что весь комплекс знаний мог быть объединен в одном трактате; никакой специализации в подготовке молодых врачей не могло и быть.

В сочинение Аэция включены подчас целые отрывки из работ предшествовавших авторов; обычно указывается, из какого труда заимствован тот или иной отрывок. Аэцием использованы преимущественно такие авторы, как Архиген (I—II вв. н. э.), Соран (II в. н. э.), Гален (II в. н. э.), Орибазий. Кроме этих важнейших источников, Аэций пользовался также сочинениями следующих медиков: Асклепиана Младшего (I—II вв.), Диоскорида (греческий врач на службе у Нерона), Гиппократ, Руфа Эфесского (II в.). В компилятивном труде Аэция сохранились отрывки некоторых сочинений, дошедших не полностью или совсем утраченных. Так, для восстановления наиболее полных текстов Орибазия и Руфа Эфесского приходится пользоваться отрывками из их трудов, передаваемых Аэцием. О женщине-враче Аспазии, жившей, возможно, во II в., мы узнаем только по отрывкам ее сочинения, использованному в 16-й книге Аэция. Видимо, Аспазия была не просто практикующей повивальной бабкой, но врачом, составившим сочинение о женских болезнях. Этот интересный факт свидетельствует о том, что в эллинистической Александрии, а, может быть, и в ранневизантийское время женщины были причастны к ученым занятиям медициной.

В трактате Аэция даются обычно сведения по анатомии и физиологии тех органов человеческого тела, болезням которых посвящается данная книга; затем следует описание симптомов и течения болезней, после чего следует раздел лечения — *θεραπεύειν*, — где приводится рецептура, описываются физические методы лечения — ванны, гимнастика, диета, даются указания на режим, который надлежит соблюдать больному.

Труд Аэция в Византии был чрезвычайно распространен. О нем упоминают и его используют в своих трудах позднейшие византийские медики, например Павел Эгинский. По мнению некоторых историков медицины, этот трактат был одним из важнейших сочинений, по которым изучали медицину византийские молодые врачи. О распространенности того или иного сочинения в средние века можно судить обычно по числу сохранившихся списков. Разумеется, сочинения Галена (особенно Галена) и Гиппократ сохранились в большем количестве списков, чем произведения любого другого греческого медика. Число же списков трактата Аэция (как полностью, так и в отрывках) превосходит число списков сочинений прочих медиков. Правда, наибольшее число списков относится к сравнительно позднему времени — к XIV—XV и XVI вв. Но это явление не исключительное, — подавляющее большинство византийских светских сочинений сохранилось лишь в небольшом количестве более древних списков.

В противоположность распространенности этого трактата в рукописях, печатных изданий его существует немного. Первые восемь книг Аэция были изданы в 1534 г. в Венеции Альдом Мануцием на грече-

ском языке¹; это издание изобилует ошибками и неточностями. Отрывки других книг, а некоторые книги и полностью, были напечатаны в разных изданиях. Интересующая нас 16-я книга была издана в 1901 г. в Лейпциге греком Ζερβός.² Существует также несколько переводов на латинский и немецкий языки.

Итак, наши листки содержат отрывки 16-й книги трактата, посвященной гинекологии. Между прочим, в листках имеется глава 16-й книги, посвященная истерическому припадку; в то время истерия относилась к числу гинекологических заболеваний, а не к психоневрозам, как в настоящее время. Текст рукописи содержит некоторые отличия по сравнению с печатным греческим текстом в издании 1901 г. Разночтения эти заключаются не только в замене одного слова другим, но и в дополненных сведениях о симптомах болезни, в пополнении рецептуры. Разделение текста на главы несколько отличается от разделения глав в печатном тексте. Рукопись писана беглым минускулом курсивного характера, изобличающим опытную руку; датировать рукопись можно лишь на основании палеографических данных, которые указывают на рубеж X—XI вв. Буквы расположены безотносительно к строкам, — они стоят то на строке, то между строк. Писец пренебрегал надстрочными знаками, ставил их (насколько можно разобрать при плохой сохранности смытого текста) нерегулярно, не заботился о правильном их употреблении. В отдельных случаях надстрочные знаки пропущены, острое ударение поставлено вместо тупого, острое заменено обличенным или, наоборот, обличенное — острым; ι adscriptum, насколько можно разобрать, отсутствует (ι subscriptum в X—XI вв. вообще не была в употреблении). Рукопись изобилует ошибками в написании гласных. Так, писец заменяет ο — ω и наоборот; смешивает ι с η; ε с η, ι с ε, ε с α.

Итацизмы сами по себе не представляют уж очень редкого явления в средневековой греческой рукописи, напротив, они встречаются довольно часто. Обычно, однако, число итацизмов не особенно велико, и писцы соблюдают относительную закономерность в их употреблении. Так, смешение ι с ε встречается сравнительно часто; замена ι — η и наоборот попадает реже; υ легко смешивается с ο; смешение α с ε — явление нечастое. Но все эти ошибки чрезвычайно редки в написании членов всех трех родов и в местоимениях. В позднейших приписках в рукописях, составленных на новогреческом языке, число подобных ошибок значительно больше. Среди рукописей лучшего периода византийской книги разбираемые шесть листков представляют явление исключительное, как по числу встречающихся итацизмов, так и по полному безразличию писца к правильному написанию слов. Писец, разумеется, не был хорошо грамотным, но он и не заботился о правильном написании слов. Правда, писец не забывал, что звуки ο, ι, ε не всегда пишутся одинаково, что имеется расхождение между произношением и написанием слов; поэтому он старался проявить свои знания, делая это подчас совсем неудачно. Таким образом возникло написание союза ὅτε с α: на конце. Наряду с этими проявлениями безграмотности надлежит отметить, что в написании специальных терминов писец ошибается реже, чем можно от него ожидать.

В употреблении сокращений также наблюдаются интересные особенности. Писцу была известна обычная система сокращений отдельных слов (главным образом — предлогов, союзов, некоторых форм вспомо-

¹ Aetius Amidenus. Librorum medicinalium tomus primus. Venetiae, Aldus, 1534.

² Aetii sermo sextidecimus et ultimus. Erstens aus Handschriften veröffentlicht mit Abbildungen, Bemerkungen und Erklärungen von Dr. Skévos Zervós. Leipzig, 1901.

гательного глагола εἶναι) и отдельных слогов с помощью определенных тахиграфических значков (см. таблицу сокращений). Эта система сокращений была широко распространена в византийской письменности; особенно часто и свободно она применялась в рукописях, рассчитанных на подготовленного читателя, в рукописях, предназначенных для ученых занятий, — в комментариях или схолиях, обрамляющих текст, в текстах, изучавшихся в учебных заведениях. Писец наших листков, хотя и знает эту систему сокращений, но применяет ее в ограниченных размерах. Удивительно, что писец ни разу не написал сокращенно союз καὶ (и), т. е. не употребил наиболее распространенное сокращение, которое сократило бы ему труд и время, сэкономило бы пергамен. Зато писец довольно свободно сокращает специальные термины, как, например, слова κύπελλος (кубок), δραχμή (драхма), σπέρμα (сперма), κηλίς (жир), νίτρον (натр) и т. д. (см. таблицу).

Как видим, писец знает специальную терминологию лучше, нежели можно ожидать от просто грамотного человека. Писец несколько не опасается, что впоследствии, при чтении текста, он (или другой читатель) не будет в состоянии раскрыть эти специальные сокращения. Сокращения специальных терминов были довольно широко распространены в ученых кругах Византии¹. Такие сокращения с помощью ли подлинных сокращений (например, сокращенное написание, простой обрыв слова (κύπελλος — кубок), или путем специальных значков (например, καρδίη — сердце) встречаются еще в папирусах первых веков нашей эры. Этим путем достигалась экономия материала, труда и времени писца, т. е. стремление сокращать специальную терминологию вызывалось теми же причинами, что и стремление вообще сокращать отдельные слоги и слова в рукописях. Но терминология могла быть сокращаема лишь писцами-специалистами, писцами, достаточно хорошо знающими эту терминологию. Византийская рукопись, переписанная с научными целями, вообще несколько отличалась от тех роскошных иллюминированных кодексов и богослужебных рукописей, по которым принято изучать византийскую палеографию и о которых вспоминают в первую очередь, говоря о византийской книге.

Византийская рукопись, предназначенная для ученых занятий, почти лишена украшений. Небольшие киноварные или рисованные чернилами заставки — обычно в виде волнистой линии, простейшего орнамента — и подобные же инициалы служат не столько для украшения этих рукописей, сколько для выделения отдельных параграфов, глав или книг, на которые разделяется текст. Обилие свободно применяемых лигатур и сокращений свидетельствовало о том, что рукопись писана писцом опытным, хорошо разбирающимся в содержании переписываемого текста, рассчитана на подготовленного, знающего читателя, а не на человека просто грамотного.

В византийской письменности существовала тщательно разработанная система знаков, употреблявшихся не только для сокращения отдельных слов или обозначения специальной терминологии. Так, в рукописях, содержащих схолии к какому-либо тексту, часто встречаются особые знаки, с помощью которых отдельные абзацы текста связывались с соответствующими схолиями. В рукописях, содержащих схолии

¹ См., например, V. Gardthausen. Griechische Paläographie, Bd. II, 2. Aufl., Leipzig, 1913. Г. Церетели. Сокращения в греческих рукописях. СПб., изд. 2, 1904. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688, Appendix: Notae sententiarum mathematicae, astronomicae, chymicae, iatricaе.

к поэмам Гомера¹, применялась система знаков, указывающих на принадлежность той или иной схолии одному из комментаторов Гомера (Зенодоту, Кратиту или Аристарху), на испорченные места текста, на ошибочное местонахождение отдельных строк поэмы и т. п.

Таким образом, средневековая греческая рукопись, написанная для ученых занятий, имела свои особенности, отличающие ее от рукописи богослужебного назначения или от роскошной рукописи, украшенной миниатюрами и нарядными заставками.

В рукописи византийского ученого заметна строгая обдуманность и целесообразность распределения отдельных составных ее элементов — орнамент служит целям выделения глав или параграфов, на которые разбит текст, схолии пишутся письмом, отличным от письма основного текста, система специальных знаков применяется последовательно и продуманно, в соответствии с особенностями переписываемого текста.

В подобной рукописи недопустимо было такое количество ошибок, какое дает нам рассматриваемый палимпсест. Можно заключить, что он представляет собой отрывок тетради, где текст трактата Аэция был записан со слуха, вслед за преподавателем в аудитории. Этот вывод делается на основании следующих особенностей нашего палимпсеста: 1) рукопись писана лицом, сведущим в медицине, не новичком в этой отрасли знания; 2) писец, писавший рукопись, будучи не вполне грамотным, и не заботился о правильном написании слов — его интересовало только содержание, но никак не внешнее оформление рукописи, так как он не был писцом-профессионалом, зарабатывавшим себе пропитание путем переписки. Следовательно, писцом являлось лицо, изучавшее медицину: видимо, это был студент, так как сочинение Аэция представляло одно из основных пособий по медицине. Известно, что в средневековых университетах читали и тут же комментировали тексты, причем делалось это достаточно медленно, чтобы слушатели могли записывать тексты и комментарии. Такая практика вызывалась, понятно, дороговизной книги, отсутствием учебных пособий.

Тексты, записанные за преподавателем, были распространяемы учениками, списки таких текстов размножались; на списках делалось указание о записи текста с голоса — *ἀπὸ φωνῆς*. Так, например, в словаре Дюканжа под словами *φωνή, ἀπὸ φωνῆς* (голос, с голоса), между прочим, указаны: 1) *σχόλια ἀπὸ φωνῆς Στεφάνου φιλοσόφου εἰς τὸ περὶ ἐρμηνείας Ἀριστοτέλους* (схолии с голоса Стефана Философа к сочинению Аристотеля „Об истолковании“; 2) *ἀπὸ φωνῆς Κωνσταντῆς Μειφίτου ἰατροῦ* (с голоса врача Константа из Мемфиса); 3) *ἀπὸ φωνῆς Παύλου ἰατροῦ* (с голоса врача Павла). Записи лекций сохранились, однако, почти исключительно в перебеленном виде, обычно уже как-то обработанные и переписанные начисто. Шесть листов палимпсеста из греческой рукописи № 115 Государственной публичной библиотеки представляют отрывок подлинной тетради, в которой были записаны лекции в аудитории.

Если мусорные кучи Египта сохранили обрывки не только книг и документов, но и частные письма и ученические тетради, если среди богатейшего рукописного наследия западноевропейского средневековья имеются и архивы, и средневековые библиотеки, и тетради школяров, то византийская письменность представлена беднее, что объясняется общеизвестными причинами гибели византийских библиотек и архивов.

¹ См. *Scholia Graeca in Homeri Iliadem ex codicibus aucta et emendata*. Ed. G. Dindorfius. T. I. Oxonii, 1875, p. XLIII, *Excerpta de notis criticis*; G. Cereteli et S. Sobolevski. *Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum*, vol. I. M., 1911, tab. VI; vol. II. M., 1913, tab. XVII.

Тем больший интерес представляют эти шесть листов, по которым обучался когда-то медицине византийский студент или начинающий врач.

Ниже печатается отрывок текста, находящийся в рукописи на л. 2, строки 1—18. Вслед за текстом дается перевод; при переводе были опущены те части текста, в которых связное изложение нарушено непоправимой с помощью печатного издания утратой значительного числа букв.

При передаче текста соблюдались следующие правила: текст дан исправленным; ошибки писца приведены под текстом с указанием строк рукописи, в которых та или иная ошибка встречается. Все дополнения текста, сделанные с помощью вышеуказанного издания Зервос, даны в квадратных скобках так же, как и приблизительное число утраченных букв; раскрытие сокращений дано в круглых скобках.

Печатаемый отрывок представляет 67-ю главу XVI книги трактата Аэция (по изданию Зервос — стр. 95—96).

¹ Πα(ρι) ὑστερικῆς πνιγός. Ἡ[ὑστερικὴ πνίξις] κάτωθεν μὲν ἀπὸ τῆς ὑτέρας λαμβάνει τὴν ἀρχήν², εἰς συμπάθειαν (δὲ) ἄγει τὰ ὑπερκείμενα μέρη [καὶ μάλιστα τὰ κυριώτατα, διὰ μὲν τῶν ἰσχυριῶν τὴν καρδίαν]³ διὰ (δὲ) τῶν τοῦ νωτιαίου μηνίγγων καὶ τῶν εἰς αὐτὴν [ἐμφομένων νεύρων τὸν ἐγκέφαλον, διὰ δὲ τῶν]⁴ φλεβῶν τ[ὴ] ἥπαρ. "Εοικε (δὲ) ἀναδρομὴ πάσ[ης] τῆ[ς] ὑτέρ(ας) [ἐπὶ τὰ ἄνω μέρη γίνεσθαι. Παρέπεται δὲ ταῖς πασχούσαις]⁵ ἐγγίζοντος τοῦ παροξυσμοῦ διανοίας νωδρότης στυγνὴ [οἷον ὑπὸ ἐκπλήξεως τεταμβαωμένη, ὅκνος πρὸς τὰς]⁶ πράξεις, ἀτονία τῶν σκελῶν, ὥχρότης προσώπου, βλέ[μ]α [ὑπολίπαρον, εἴτα ἐξαπίνης προσπεσούσης τῆς πνιγός,]⁷ ἀνίσθητοι καὶ ἀκίνητοι γίνοντ(αι)· [μι]κ[ρ]ό(ν) (δὲ) καὶ ἀμυδρό[α]τον τὸν σφυγμὸν ἴσχουσιν, ἐνίστε δὲ καὶ παντελῶς ἀσφυκτοί]⁸ γίνονται, ἐνίαις (δὲ) οὐ(δὲ) ἡ ἀναπνοὴ αἰσθητῶς σώζεται, ἐνία[ις] 45 букв⁹ μόλις ν[10 букв]¹⁰ ἐπὶ τὰ πάθη καὶ δηλον(ότι) ἐφ' ὧν ὁ ὑπερ[2—3 буквы]ην [45 букв]¹¹ ἢ κατ(α)ψύξεις ὑπὸ τῆς ἀναδρομῆς τῆς ὑτέρ(ας) γίνεται, ἀλλ[1 буква]περ [45 букв]¹² γοντω συμβαίνει διὰ τοῦτο οὐ(δὲ) ἡ λ[ι]ποθυμία ταύτη σφόδρα σα[45 букв]¹³ ἐνίαις (δὲ) καὶ τὰ σκέλη [12 букв]ιδ[2 буквы]λ[8 букв]ων τὸν [50 букв]¹⁴ τοῖς κάτω μέρεσιν ἐκφύ[ε]ται νεῦρα δηλον(ότι) πά(ρα) [4 буквы] της πο [50 букв]¹⁴

¹ π^ξ; ὑστερικῆς.

² συμπάθειαν; γ = δὲ; ἄχη; ὑπερκείμενα.

³ γ = δὲ; νωτιέου; μηνίγγων; ἰς.

⁴ γ = δὲ; ὑστερ^ξ.

⁵ διανύας; νοδρότης; στυγνός.

⁶ τον

⁷ γινον^τ; γ = δὲ; μικρῶν.

⁸ γίγνονται; ἐνίαις; ἰ; ἀναπνωή.

⁹ επη; διλονθ^ξ.

¹⁰ κατψύξεις; αναδρομεις; ὑστερ.

¹¹ γοντω-так!; συμβενη; ουγ = ουδε; ταυτη?

¹² ενίαις.

¹³ διλονθ^ξ; π.

¹⁴ βούλωμενοι; εῶξετα; ἀναπνωη.

βουλόμενοι εἰ σώζεται ταῖς αὐταῖς καὶ βραχεῖ[α ἀναπ]νοῇ [45 букв]¹ ἔριον, εἴτα ἐκ τῆς γινομένης τούτου κιν[ήσ]εως [τεκμαίρονται σώζεσθαι τὴν διὰ τῆς ῥινός εἰσπνοὴν καὶ]² ἐκπνοήν· τινὲς (δὲ) καὶ φιάλην [ὑδατος μεστήν] κατ(ὰ) τοῦ [στόματος τῆς γαστρὸς ἐτίθεσαν, θεωροῦντες εἰ κίνησιν]³ τινα ἔξει τὸ ὕδ(ωρ)· ἀγνοοῦσι (δὲ) οὗτοι ὥς ἡ μὲν διὰ τοῦ στόμα[τος] καὶ τῶν ῥινῶν ἀναπνοὴ ἐνίοτε οὐ γίνεται, ἡ δὲ διὰ τῶν ἐν ὅλῳ τῷ σώματι ἀρτηριῶν διαπνοὴ ἐγγίνεται κα[ὶ]⁴ ὅτι ἐπὶ τῶν φλεβόντων ζώων ἰσόβλων ὁρώμεν γιγνόμενον[ν].

Перевод

Об истерическом припадке. Истерический припадок начинается снизу от матки, заставляет страдать также вышележащие органы, а в особенности важнейшие, (а именно) через артерии — сердце, через оболочку спинного мозга и расположенные в ней нервы — головной мозг, а через вены — печень. Повидимому, происходит поднятие всей матки в вышерасположенные части. У больных при приближении припадка появляется удрученное душевное состояние, как бы вызванное испугом, нерасположение к действиям, вялость ног, бледность лица, тяжелый взгляд. Затем, когда припадок внезапно наступает, (больные) делаются бесчувственными и недвижимыми; (они) имеют малый и слабый пульс, иногда и вовсе лишаются пульса; у некоторых даже и дыхание не сохраняется ощутимым... (связное изложение нарушено)... шерсть, чтобы по движению ее определить, сохраняется ли вдох и выдох через нос. Некоторые и чашу, полную воды, помещают у входа в желудок, смотря, не будет ли движения воды. Поступающие так не знают, что иногда дыхание через рот или ноздри не происходит, а по артериям всего тела происходит, подобно тому, что (мы) наблюдаем у ядовитых животных, гнездящихся в логовищах.

Ошибки писца

Написание рукописи   Правильное написание

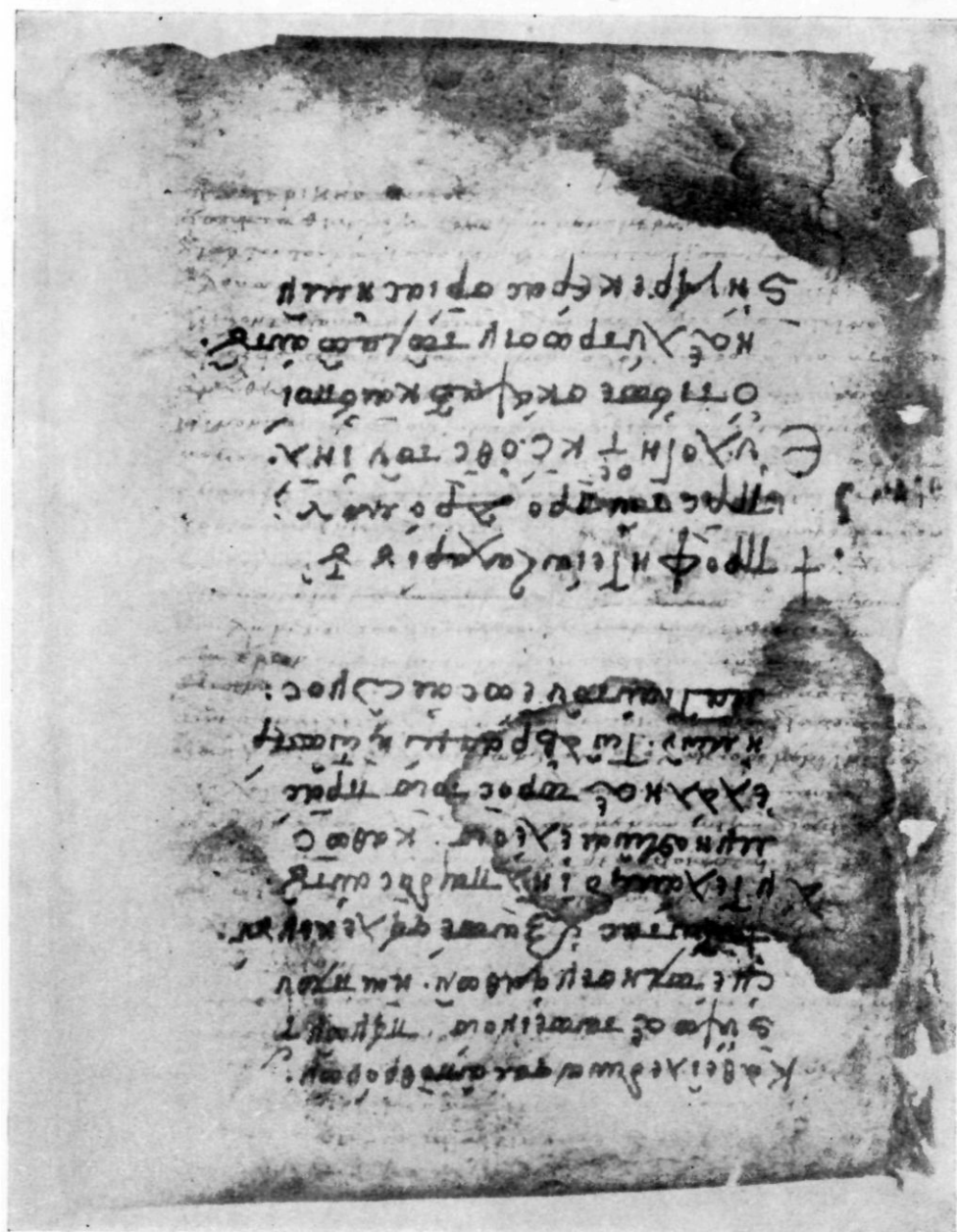
τεις	τῆς
τον	τῶν
ἱ	ἡ
τες	ταῖς
το	τῷ
ῥ	οἱ
ε	αἱ
ηνα	ἵνα
επη	ἐπί
ωσται	ὥστε
τηνα	τινά
ἱς	εἰς
τεις	τις
συ	σοι
μικετη	μικέτι
ιδονεις	ἰδονῆς
νωην	νοεῖν
ῥνω	οἷνω
ἰδος	εἶδος
αἱεαι	εἴαι

¹ εἰς¹ εκ.

² > δε; κατῃ.

³ την την?; αἵξει; ὕδωρ; ἀγνωνουσι; οὔτοι.

⁴ τον; φλεβόντων; ζώων; ὁρώμεν.

Фотоснимок страницы рукописи отрывка медицинского трактата Аэция из Амиды

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

**ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ФРЯГАМИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ**

Четвертый крестовый поход завершился в 1204 г. взятием Константинополя „крестоносными болванами“¹. Этот поход явился наиболее ярким проявлением грабительских устремлений западноевропейских феодалов и католической церкви в крестоносном движении².

Падение столицы Византийской державы не могло не оказать влияния на ход истории стран Востока и Запада на протяжении ряда десятилетий. Оно не могло не оказать воздействия и на ход дел в тогдашней Руси, тесно связанной с Византией в церковном отношении. Сохранилось послание римского папы Иннокентия III к русским епископам, в котором глава римской церкви предлагает им признать свою верховную власть над собою, так как Византия, которой они ранее подчинялись, перестала существовать. Послание это, как известно, осталось без ответа.

В передовых слоях русского общества накануне нашествия монголов известие о взятии Царьграда способствовало развитию патриотизма и чувства гордости за свою оставшуюся независимой Родину. Отсюда вполне объясним тот живой и неиссякаемый интерес, с которым воспринимались все сообщения о событиях этого похода на Руси вплоть до XVII в.

Основные источники, повествующие о четвертом крестовом походе и о взятии Константинополя крестоносцами, — это французские записки Жоффруа Виллардуэна, маршала Шампани, одного из руководителей похода; это „История“ знатного византийца Никиты Хониата, лично пережившего осаду и штурм столицы латинянами; это, наконец, и древнерусская повесть „О взятии Царьграда от фряг“, написанная тоже, по всей вероятности, вскоре после совершившихся событий, их очевидцем.

I

Древнерусская повесть давно уже известна науке по Синодальному списку I Новгородской летописи, но до сих пор этот памятник почти не подвергался глубокому изучению.

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 197.

² Ср. М. А. Заборов. К вопросу о предистории четвертого крестового похода. ВВ, т. VI, 1953, стр. 223.

Отдельные замечания по поводу „Повести“ были сделаны еще Н. М. Карамзиным¹. В 1872 г. П. Савваитов высказал несколько соображений об авторе повести, комментируя свое издание „Путешествия“ в Константинополь новгородца Добрыни Ядрейковича (впоследствии новгородского архиепископа Антония), который был в Византии в 1201 г.: П. Савваитов предположительно приписал ему авторство „Повести“².

Несколько заметок по поводу текста „Повести“ и относительно передачи в ней собственных имен крестоносцев были приведены издателями I Новгородской летописи в III томе „Полного собрания русских летописей“ (1841 г.). Примечания эти были перепечатаны с указанием источника и в последнем издании Новгородской первой летописи³.

Несколько примеров из текста „Повести“ приведены в работах о языке I Новгородской летописи П. А. Лавровского (1852 г.), Б. М. Ляпунова (1899 г.) и Е. С. Истриной (1923 г.).

Относительно полный обзор известного в науке о „Повести“ изложен в I томе „Истории русской литературы“, изданной Институтом литературы Академии Наук СССР⁴.

Коротко говорит о „Повести“ Д. С. Лихачев в своем очерке древнерусской литературы, включенном в „Историю культуры древней Руси“⁵.

Этим исчерпывается то, что сделано до сих пор исследователями по поводу интересующего нас памятника. Таким образом, можно сказать, что в исторической литературе в лучшем случае был лишь намечен ряд проблем, связанных с его изучением, однако ни одна из них не была исследована сколько-нибудь обстоятельно⁶.

„Повесть“ представляет для нас несомненный интерес прежде всего как исторический источник по истории Византии, как самобытное произведение древнерусской литературы и как памятник древнерусского литературного языка старшего периода. Между тем она остается еще настолько неисследованной, что мы даже не имеем ее критического издания и не можем пока прочитать ее правильный, первоначальный текст. Решению некоторых проблем, связанных с изучением текста „Повести“ и ее содержания, посвящена настоящая статья⁷.

II

Текст „Повести“ дошел до нас в целом ряде списков XIII—XVI вв. которые можно подразделить в основном на две группы. К первой следует отнести все списки I Новгородской летописи как старшего, так и младшего изводов. Ко второй группе — все списки Еллинского летописца 2-й редакции и стоящие в тесной связи с последними: Софийскую I летопись (списки Карамзина и Оболенского так называемой первой

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. III, СПб., 1892, прим. 149.

² П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. Изд. Археогр. комиссии, СПб., 1872, стр. 8, прим. 17.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР под ред. А. Н. Насонова. М. — Л., 1950, стр. 46, 49.

⁴ История русской литературы, т. I. М. — Л., 1941, стр. 307—308. Автором данной главы очерка является член-корр. Акад. Наук СССР В. П. Адрианова-Перетц.

⁵ История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР. М. — Л., 1951, стр. 199.

⁶ Недоступным автору статьи явилось исследование о новгородском варианте „Повести“ в „Исторических известиях“, № III—IV, М., 1916.

⁷ Более подробное исследование филологической стороны памятника см. в нашей статье, посвященной „Повести“ (ТОДРА, т. X, 1954, стр. 120—136).

редакции) и зависимые от нее списки Московского летописного свода конца XV в. и Воскресенской летописи (XVI в.).

Первая группа включает в себя следующие списки:

Синодальный список I Новгородской летописи, писанный уставом на пергамене. „Повесть“ занимает листы 64—72 этой рукописи, следовательно, относится к первой части списка, написанной вторым почерком XIII в.¹ Список хранится в настоящее время в Рукописном отделении Государственного исторического музея в Москве, в Синодальном (Патриаршем) собрании под № 786. Последнее издание данного списка опубликовано с большой точностью А. П. Насоновым в 1950 г. В этом издании текст „Повести“ занимает страницы 46—49 (в дальнейшем изложении мы обозначаем этот список литерой С).

Комиссионный список той же летописи, младшего извода. Рукопись относится к середине XV в., писана полууставом. „Повесть“ занимает в ней листы 126—130. Список издан в той же книге А. Н. Насоновым отдельно от Синодального списка, к которому по прежним изданиям он давался только в вариантах. В указанном издании текст „Повести“ помещен на стр. 240—246 (в дальнейшем обозначается литерой К).

Академический список той же летописи и извода XV в. Варианты по этому списку подведены в указанном издании А. Н. Насоновым, так же как и по Воронцовскому и Толстовскому спискам, скопированным с последнего в конце XVIII и начале XIX вв. и поэтому не представляющим интереса для восстановления первоначального текста „Повести“ (Академический список в дальнейшем мы будем обозначать литерой А).

Ко второй группе рукописей следует причислить списки Еллинского летописца 2-й редакции. Сюда относятся:

Список библиотеки Академии наук СССР № 33.8.13. Список датируется последней четвертью XV в. Текст его до сих пор нигде не издан. Описание рукописи дано в статье Д. С. Лихачева, опубликованной в VI томе „Трудов отдела древнерусской литературы“². В этой рукописи текст „Повести“ занимает листы 724в—726г. Список, по многим признакам, носит следы последней его переписки новгородским писцом (в дальнейшем обозначаем список литерой Б).

Список Чудовский 51—353 (7), относящийся ко времени не позднее середины XV в. В нем текст „Повести“ занимает листы 451—461. Рукопись описана М. Н. Сперанским³. По всей вероятности, она переписывалась в Москве. В настоящее время хранится в Государственном историческом музее (в дальнейшем изложении обозначаем Чудовский список литерой Ч).

Список Кирилло-Белозерский (Синодальная библиотека) № 86, восходит к началу XVI в. В нем текст „Повести“ занимает листы 335—345. В настоящее время хранится в Государственном историческом музее (в дальнейшем обозначаем данный список сокращением Кир).

К этой группе следует отнести и списки I Софийской летописи, обозначаемые А. А. Шахматовым как принадлежащие к первой ее ре-

¹ Автор согласен с палеографической датировкой Б. М. Ляпунова, поддержанной Е. С. Истриной и принятой в последнее время А. Н. Насоновым.

² Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. ТОДРА, т. VI, 1948, стр. 100—110.

³ М. Н. Сперанский. Библиографические материалы, собранные А. Поповым. „Чтения ОИДР“. М., 1889, кн. 3.

дакции. К сожалению, издание Софийской летописи в т. V „Полного собрания русских летописей“ опускает текст „Повести“. Уже А. А. Шахматов указал, что в этой летописи под 6711 годом находим „Повесть о взятии Царьграда... дополненную сказанием об иконе пречистыя Одигитрия, о ризе Влахернской богородицы“¹. Отмеченное указание позволяет не сомневаться, что в Софийскую летопись текст „Повести“ попал не из Новгородской летописи, а именно из Еллинского летописца, где мы также вслед за „Повестью“ читаем тексты упомянутых А. А. Шахматовым сказаний.

Очевидно, к Софийской же летописи восходит „Повесть“ по тексту Московского летописного свода конца XV в., изданного в 1949 г. М. Н. Тихомировым по Уваровскому (середина XVI в.) и Эрмитажному (XVII в.) спискам. В издании М. Н. Тихомирова текст повести занимает стр. 101—103 (в дальнейшем изложении текст Московского летописного свода будем обозначать литерой М).

Во всех отмеченных списках и изданиях текст „Повести“ — один и тот же; незначительные отличия состоят лишь в мелких разночтениях стилистического характера. Так, например, С, К: „Черньче же и чернице и попы облупиша, и нѣколико ихъ избиша“. Б, Ч, А: „Черноризцовъ и черноризицъ и попы обоимаша, и нѣколико ихъ избиша“; М: „и людей много множество избиша и ограбиша“ и т. п.

Еще первые издатели I Новгородской летописи в 1841 г. высказали предположение о неполной сохранности текста „Повести“ в списке С. В нем, по их мнению, „нечто пропущено“: речь царевича Алексея крестоносцам прерывается, и далее следуют слова императора Филиппа или папы Иннокентия².

Приведем это место полностью по С с современной пунктуацией: „Цесарь нѣмечьскый посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста, яко нѣ воевати на Цесарьградъ; нѣ яко же рече Исаковицъ: «всь град Костянтинъ хотять моего царства». — Такоже, посадыче его на прѣстолю, поидете же къ Иерусалиму въ помочь; не въсхотять ли его, а ведете и опять къ мнѣ, а пакости не деите Грѣчьской земли“.

Тот же текст содержится и во всех остальных списках. Если в него внимательно вчитаться, то в нем не обнаруживается никаких следов пропуска.

Смысл приведенного отрывка таков: „Царь немецкий послал (Алексея) к папе в Рим и они (оба) так увещевали (крестоносцев), чтобы они не воевали против Царьграда, но поскольку Исакович сказал, что весь Константинополь желает его воцарения, то, посадив его на престол, идите на помощь Иерусалиму; если же его не захотят, то приведите его опять ко мне (в Рим), а обиды не творите Греческой земле“.

Ошибка издателей I Новгородской летописи, заподозривших здесь пропуск в тексте, состояла в том, что они начало слов увещания усматривали только после приведенной прямой речи Исаковича. На самом деле увещание начинается словами: „Яко нѣ воевати на Цесарьградъ“, а прямая речь Исаковича включена в это увещание в качестве подчиненного, придаточного предложения, в свою очередь зависимого от другого придаточного — условного.

При таком, единственно правильном понимании отпадает необходимость усматривать в тексте какую бы то ни было несохранность,

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Изд. АН СССР. М.—Л., 1938, стр. 211—212, прим. 1.

² См. ПСРА, т. III, 1841, стр. 27. Перепечатано в издании А. Н. Насонова (1950 г.) на стр. 46.

и надобность в предположении о наличии пропуска сама собою отпадает.

Хотя список С и древнее, чем все остальные списки почти на двести лет, однако его никоим образом нельзя считать ни первооригиналом „Повести“, ни даже непосредственной копией с первооригинала. Это доказывается искажениями текста „Повести“ в списке С, которые в ряде случаев могут быть исправлены путем сопоставления с другими списками, хотя и более поздними, но вернее сохранившими особенности своего первого списка.

Наиболее ярко бросаются в глаза искажения текста, нуждающиеся в исправлении по другим спискам, в следующих местах.

1. Рассказывается о бегстве сына Исаака, царевича Алексея (в тексте он обычно называется Исакович), из Константинополя. Он скрывается на одном из итальянских кораблей в бочке с тройным дном. С дает чтение: „И внидоша въ тѣ корабль, идеже бяшетъ, и вся мѣста обискаша, а изъ бѣчкѣ (родит. пад. множ. ч.) гвозды (винит. пад. множ. ч.) вынимаша“. Выше шла речь лишь об одной бочке, в которой прятался Исакович. Следовательно, лучшее чтение представляет собою „бѣчкы“ (род. пад. ед. ч.) и „гвоздь“ (винит. пад. ед. ч.). Так читаем в рукописях Еллинского летописца (Б, Ч, Кир).

2. Далее, перед рассказом об отречении от престола Исаака в С говорится: „Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемъ и о граблении монастырьскихъ еже даяста Фрягомъ злата и срѣбро, посуленное имъ“.

В этом чтении сомнительны два места: во-первых, сочетание „о граблении монастырьскихъ“. В таком случае следует считать последнее слово субстантивированным прилагательным в роли дополнения в родительном падеже множественного числа к отглагольному существительному. Подобную синтаксическую конструкцию нельзя считать типичной для древнерусского языка XIII в.

В К вместо этого читаем: „о граблении монастырьскомъ“, т. е. употребляется согласованное определение, выраженное относительным прилагательным, соответствующим родительному падежу объекта. Так и ниже в тексте (по всем спискам): „ограбление монастырьское“. Вероятно, наиболее правильным следует признать чтение, имеющееся в Еллинском летописце (списки Ч и Кир), где мы встречаем: „о граблениихъ монастырьскихъ“, т. е. употреблено такое же согласованное определение во множественном числе. В обоих случаях употребление определения, выражаемого относительным прилагательным, в соответствии с родительным объектом при отглагольных существительных, — явление очень обычное в древнерусских памятниках XI—XIII вв.

Второе замечание относительно приведенного выше контекста касается формы родит. падежа ед. ч. (или винит. падежа множ. ч.) „злата“. Это, несомненно, следует считать ошибкой, так как во всех списках, кроме С, имеем форму винительного падежа единственного числа „злато“, как и следующее за ним „срѣбро“.

3. Вызывает ряд замечаний и следующее место по списку С: „И събрачеся чернь и волочаху добрые можа“.

Издатели Новгородской летописи исправляют последнее слово по К и А на „мужи“. По смыслу с этим исправлением можно согласиться, однако точнее была бы форма „волочаху добрые (е из ъ) мужа“. Эта форма ближе к написанию С. Тогда ошибка состоит только в пропуске второго буквенного знака в обозначении — „оу“. Форма „мужа“ имеет славянизирующее окончание винительного падежа множественного числа

2-го склонения с мягкой основой, обычное для древнерусского литературного языка XI—XIII вв. (а из А). Наряду с указанным, во всех списках Еллинского летописца имеем в данном месте чтение: „добрые люди“, что может быть сопоставлено с употреблением подобного же словосочетания в нашем тексте ниже, где речь идет о сохранении от ограбления и надругательств со стороны фрягов иконы Одигитрии, которую „сблюде... богъ добрыми людьми“.

4. Далее, в рассказе об избрании императором Николая Канава список С дает чтение: „И ту быша с нимъ въ Святѣи Софии 6 днии 6 ноции“. Тот же текст содержится и во всех списках Еллинского летописца (Б, Ч, Кир). Однако список К, и только он, дает другое чтение, которое значительно более соответствует смыслу контекста и потому может быть принято за первоначальное: „И ту бысть снемъ“, т. е. происходило собрание (сейм). Ошибка переписчика С в этом случае состояла в том, что он принял незнакомое ему существительное „снемъ“ за диалектную разновидность формы местоимения „и“ в творительном падеже единственного числа мужского рода и исправил эту форму на общепринятую литературную.

5. Требование фрягов, предъявляемое ими к императору Мурзуфлу, в списке С передано следующим образом: „Дай намъ Исаковиця, от (буква ѣ) поидемъ къ нѣмечьскому цесарю, отнеле же есме послани“. В чтении С роль подчинительного союза цели выполняется предлогом „от“. Список К, взамен этого, содержит слово „даждь“. В А и Т читаем „и тако“; во всех списках Еллинского летописца имеем „и абие“; в М — союз „да“. Очевидно, в первосписке имелся старый русский подчинительный союз цели „ать“, „оть“¹, который в качестве устарелого и специфически русского, не был узан позднейшими переписчиками, и они, — каждый по-своему, — заменяли его по смыслу союзами, свойственными церковнославянскому письменному языку XV в.

6. При описании кораблей крестоносцев, участвовавших во взятии Константинополя, в С мы читаем следующее: „Приступиша же на 40 корабльвъ великихъ; бяху ж изременани межи ими, въ нихъ (рпк. нихъхъ) же людье на конихъ, одени въ бръне, и кони ихъ“.

В этом тексте следует, во-первых, исправить словораздел, принятый во всех изданиях I Новгородской летописи, включая издания 1950 г. В них мы читаем: „на 40 корабль въ великихъ“. Такое чтение представляется бессмысленным. „Въ“ не является предлогом, относящимся к прилагательному „великихъ“, а представляет собою часть флексии родительного падежа множественного числа 2-го склонения мягкой разновидности — „корабльвъ“, подобно тому, как мы имеем ниже в том же тексте форму „кораблевъ“ и „даревъ“. Это очень частая для древнерусского языка флексия. „Великихъ“ же следует понимать не как местный падеж, который был бы единственно возможен при предлоге „в“ на вопрос „где“, а родительный падеж множественного числа в согласовании с предшествующим существительным. Форма „корабльвъ“ имеется в этом месте и во всех остальных списках „Повести“.

Во-вторых, обращает на себя внимание слово „изременани“. Такое слово не встречается нигде, кроме данного памятника. Его легче всего понять как форму причастия страдательного залога прошедшего времени во множественном числе мужского рода. В этом случае начало слова, от которого образована данная форма, было бы глагол „изреме-

¹ Ср. в „Поучении“ Ильи Новгородского: „възборанивайте женам, отъ не ходять к вольхвем...“ История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 112.

нати“, „изременаю“. Именно такой глагол мы и находим в „Материалах“ И. И. Срезневского со ссылкой только на указанное нами место. Этот глагол, по всей видимости, следует понимать как образованный от существительного „ремень“ со значением „опутать ремнями“ или чем-либо подобным. Между тем такое значение никак не соответствует контексту. По смыслу в этом месте следовало бы искать название боевого корабля, приспособленного для перевозки конницы. Если мы привлечем для сравнения другие списки повести, то увидим, что все они содержат тот же текст, что и С¹. Вне всякого сомнения, текст в этом случае испорчен. Для правильного его понимания следует обратиться к греческому тексту „Истории“ Никиты Хониата. Последний, перечисляя вооружение крестоносцев, упоминает о подобных кораблях и называет их „дромонами“ (δρομων): „В течение трех лет было построено в Венеции сто десять дромонов для перевозки конницы“². По всей видимости, в первосписке „Повести“ и читалось это греческое слово „дромони“, оставленное без перевода. В этом случае наиболее верный контекст следует восстановить так: „бяху же и дромони межи ими“. Что же касается глагола „изременати“, то следует его признать никогда не существовавшим.

7. Вызывает сомнение текст рассказа о бегстве из Константинополя императора Алексея Мурзуфла. В С мы читаем: „Цесарь же Мюрчюфоль крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити съ Фрягы, и не послушаша его: побѣгоша от него вси. Цесарь же побеже от нихъ, и угони е на Коньнемъ тѣргу, и много жалова на бояры и на все люди“.

В этом месте непонятным представляется второе предложение: кто же кого нагоняет? Буквальный смысл: Цесарь убежал от них и догнал их на Конном торгу. Это, разумеется, — бессмыслица! В данном месте все списки Еллинского летописца согласны с С, списки же К и А предполагают чтение: „угониша е“, т. е. „они догнали их“; смысл и в этом чтении неясен. С наибольшим вероятием следует признать текст испорченным и исправить по смыслу: „и угониша и“; т. е. „они догнали его“.

8. Несомненно, вместо слова „тягло“, написанного в С, следует читать „тябло“, имеющееся во всех остальных списках. Такое чтение и принято во всех изданиях Новгородской летописи.

9. Наконец, следует, повидимому, читать вместо: „И тако бысть взятие Цесаряграда велико“ (так в С): „взятие Цесаряграда великого“, т. е. имеем форму родительного падежа единственного числа мужского рода прилагательного с древнерусской флексией. Вероятно, последнее слово в первосписке „Повести“ или в непосредственном оригинале С было написано в конце строки с выноской „г“, которой и не заметил переписчик, поняв „велико“ как краткое прилагательное и согласовав его в роде с существительным „взятие“. Все остальные списки согласуют прилагательное с существительным „града“ и дают членную форму родительного падежа единственного числа, свойственную книжному церковнославянскому языку: „великаго“.

¹ Следует отметить, что М. Н. Тихомиров, подготавливавший к печати текст „Московского летописного свода“, прочитал в соответствующем месте сочетание „и зременани“, однако он никак не комментирует его значения. См. ПСРА, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 102.

² Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. т. II. СПб., 1862, стр. 271—272 (по изд. „Византийские историки“, перев. с греч. СПб., дух. акад., т. V). Corpus scriptorum historiae Byzantinae, v. 34, p. 714: δρομωνων μεν ιππαγωγων ιχατον δεκα. Слово „дромони“ встречается в Еллинском летописце неоднократно, например по списку Б, л. 2916 и сл.: „Царь же Романъ посла на ня въ трирѣхъ, рекше оляди (т. е. хеландия?) и дромони“.

Все перечисленное дает основание восстановить первоначальное и правильное чтение текста „Повести“ и одновременно наводит на мысль о том, что Новгородскую летопись, в частности список С, нельзя признать источником, откуда заимствовалась повесть в Еллинский летописец, порою сохраняющий более правильное чтение. Очевидно, тексты Еллинского летописца опираются на какой-то другой, не дошедший до нас протограф.

III

Ценность повести как исторического источника несомненна. Она определяется прежде всего относительной беспристрастностью, „нейтральностью“ в изложении событий. В то время как Виллардуэн и другие западноевропейские авторы рисуют события с точки зрения „христово воинства“, крестоносных рыцарей, а Никита Хониат выражает отношение византийской аристократии к гибели Византии, — „Повесть“, по всей вероятности, написана очевидцем, непосредственно не пострадавшим от событий, не принимавшим в них активного участия, а лишь наблюдавшим их „со стороны“. Виллардуэн явно замалчивал или смягчал бесчинства крестоносцев в захваченной ими столице и превозносил военные доблести своих соратников¹. Никита Хониат горько и гневно изобличал насилия врагов над населением города, но, несомненно, склонен был их преувеличивать. Автор „Повести“ также говорит о преступлениях крестоносцев, но отнюдь не оправдывает и византийскую знать во главе с императорами. Поэтому к показаниям русского автора во многих случаях следует относиться с большим доверием, чем к остальным источникам.

Далее, обращает на себя внимание полное отсутствие в „Повести“ какого бы то ни было религиозного прагматизма, столь характерного для мировоззрения историков феодальной эпохи.

Автор „Повести“ не объясняет бедствий, постигших Византию, гневом божества или возмездием за грехи ее жителей. Наоборот, он отмечает социальные и политические причины поражения византийцев и столь быстрого захвата врагами их столицы. Прежде всего причиной гибели империи рассказчик называет „сваду цесаревъ“, т. е. междоусобную борьбу императоров. „Повесть“ показывает, как во время штурма Царьграда „бояре“ отказываются его защищать и во главе с императором и патриархом позорно бегут из захваченного врагами города. Автор подчеркивает, что лишь немногочисленные защищавшие городские стены отряды греческих воинов и наемных варяжских дружинников, верных своей присяге, доблестно погибли, будучи изрублены мечами вторгшихся на укрепления города крестоносцев.

В поле зрения автора „Повести“ отчетливо проступают три социальных прослойки населения византийской столицы и, в соответствии с этим, — три политических группировки.

Первая — „бояре“, т. е. придворно-военная аристократия, императорская гвардия. Вторая — „добрые мужи“ или „добрые люди“, просто „людие“. Это, несомненно, средние слои более или менее зажиточных горожан. Третья — „чернь“, — демократические низы населения (ремесленники) и многочисленный в византийской столице люмпенпролетариат.

Проследим, как взаимоотношения этих группировок представлены в „Повести“².

¹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 229—230.

² Цитаты приводятся по Синодальному списку.

После смерти императора Исаака Ангела „люди“ поднимают восстание против его продавшегося латинянам сына Алексея „про зажжение градное и за пограбление монастырьское“. В дело вмешивается чернь, которая, захватив инициативу восстания в свои руки, увлекает за собою и „добрых мужей“, возможно, против их воли: „И събрачеся чернь, и волочаху добрые мужа, думающе с ними, кого цесаря поставить“.

После отказа ряда кандидатов из знати, чернь выдвигает своего ставленника на престол, простого воина Николу (Канава). Его коронация осуществляется в храме Софии самовольно, без патриарха. 6 дней и 6 ночей продолжается здесь сейм („снемь“). Бояре вначале поддерживают отсиживающегося в Влахернском дворце Алексея IV Ангела. Последний стремится для упрочения своего шаткого трона ввести в город отряды крестоносцев. Вначале бояре отговаривают его от этого шага, когда же им не удается оказать на него влияния, они, „убоявьшеся вѣвѣдения Фрягъ“, свергают Алексея IV и выдвигают своего ставленника Алексея Мурзуфла (Мурчуфла), провозглашают его императором в надежде, что тот сможет организовать вооруженное сопротивление фрягам. Алексея IV бросают в замок. „Повесть“ подчеркивает коварство и неблагодарность Мурзуфла, которого незадолго перед этим Алексей IV освободил из заключения. Мурзуфл вначале пытается вступить в соглашение с демократической группировкой, заседавшей в Софии, объявив себя ее союзником. Сообщая о том, что он захватил „ворога вашего Исаковица“, требуя признания себя императором, он обещает Николе разделить с ним власть: „А Николѣ даю пьрвыи въ боярехъ“.

Демократическая группировка на первых порах проявляет неуступчивость и удерживает Николу, уже готового сложить с себя венец. „Кто отступить от Николы, да будетъ проклятъ“, — решительно заявляют собравшиеся в Софии. Однако, по всей видимости, блок между демократическими низами и зажиточными горожанами не мог быть прочным, и последние, с наступлением ночи, один за другим покидают храм. Тогда Мурзуфлу, опиравшемуся на вооруженную поддержку гвардии, уже ничего не стоило арестовать и заключить в темницу Николу и его жену.

Продолжая держать в замке и Алексея IV, Мурзуфл совершает свою коронацию в надежде на вооруженное сопротивление фрягам массы горожан и „боярства“. Он укрепляет „бояр“ и „всех людей“ в их стремлении вооруженной рукой отразить натиск крестоносцев. Однако „люди“ и даже „бояре“ в решительный момент не проявляют никакого желания отдавать свои жизни за новоявленного императора. Они разбегаются со своих постов, фряги почти без потерь овладевают Константинополем. Мурзуфл, патриарх и все „бояре“ спасаются бегством из завоеванной столицы, надеясь найти спасение в провинции. Горожане же вынуждены остаться в городе и пытаются сохранить, что возможно, от разграбления латинянами.

Автор „Повести“ достаточно прозрачно высказывает свою симпатию именно к этой группе населения — „людям“. Возможно, что он сам помогал им скрыть церковные и художественные ценности от грабительства захватчиков. Так именно можно понять слова: „Дигитрию же чюдьную, иже по граду хожаше, святую богородицю, съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на нюже надѣмься“. Очень возможно, что автор не называет имен „добрых людей“ из конспиративных соображений, так как пишет в захваченном латинянами городе¹.

¹ Вероятно, с приведенным упоминанием „Повести“ тесно связана особая статья, помещенная вслед за „Повестью“ в списках Еллинского летописца: „О иконе Одигитрии“, в которой излагается история упомянутой иконы.

Таким образом, в оценке социального смысла описываемых им событий автор проявляет довольно точное понимание действительных общественных условий того времени, поскольку это вообще было возможно для историка феодальной эпохи.

Рассказывая о взятии Константинополя крестоносцами, „Повесть“ большую долю вины в разгроме империи возлагает на венецианцев и, в частности, на их дожа, который „много брании замышляше на град“. Такая оценка деятельности Дандоло и его сребролюбивых сограждан, которые, как известно, „немилосердно надули“ рыцарей креста, оказавшихся „вместе со своими неотесанными князьями... всего лишь орудием в руках этих торгашей (Geldmacher)“¹, — вполне соответствует исторической действительности и лишний раз подтверждает политическую проницательность автора „Повести“.

Если сравнить описание боевых действий, изображенных в „Повести“, с тем, что о них сообщают другие источники, то и здесь нельзя не отметить большой точности русского повествователя. Так, автор „Повести“ с полной топографической достоверностью, как очевидец, рассказывает о расположении сухопутных сил крестоносцев под стенами столицы: „Приступиша къ граду, солнцю въсходящю, противу святому Спасу, зовемьи Верегетиси, противу Испигасу, стаща же и до Лахерны“. (Испигасъ — это, несомненно, название ворот в западной части стены Константинополя, откуда вела дорога в Пиги, пригород столицы, *ἐκ Πιγῆς*. По названию ворот обозначался и район города). С не меньшей топографической тщательностью, опять-таки с точки зрения очевидца, указываются границы кварталов, охваченных пожаром при первом штурме столицы: „и подрумье (ипподром) и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорь“. Это крайний юго-восточный угол столицы между Пропонтидой и Золотым рогом (Судом). Из этих данных можно сделать вывод о том, где находился сам автор „Повести“, когда он описывал события. Повидимому, он жил в части столицы, прилегающей к Золотому рогу, причем к северу от Цесарева затвора, цепи, преграждавшей доступ в Золотой рог неприятельским судам.

Чрезвычайно точным следует признать указание „Повести“ на такую подробность, как то, что корабль крестоносцев был прибит ветром к городской стене во время штурма Константинополя. Интересно указание на количество крестоносцев, убитых при отражении первого штурма, 9 апреля 1204 г.: „Нъ Фрягъ избиша близъ 100 мужъ“. Это позволяет критически отнестись к хвастливому заявлению Виллардуэна о том, что якобы город с 400 000 населением был взят крестоносцами с потерей лишь одного рыцаря.

Точным является свидетельство повести о том, что после удачного штурма 12 апреля, крестоносцы, уже фактически овладев городом, не решились продвигаться в нем до следующего утра: они провели ночь на месте, где ранее была ставка императора Мурзуфла, и лишь с восходом солнца вошли в святую Софию.

Заслуживает полного доверия подробный рассказ „Повести“ о приращении крестоносцами разнообразных боевых средств. Детальное и точное их описание обличает в авторе „Повести“ лицо, хорошо знакомое с техникой военного дела и морского боя.

Верно названы в „Повести“ дни первого и второго штурма столицы крестоносцами; точно указывается дата избрания ими нового импера-

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 197.

тора Латинской империи — 9 мая. Во всех приведенных случаях нас не может не поразить историческая точность и достоверность „Повести“.

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что в полную противоположность Никите Хониату, который не жалеет выражений, чтобы обрисовать жестокость латинян, их грубые кощунства и поругания над памятниками византийской культуры, автор „Повести“, упоминая лишь о разграблении крестоносцами церковных богатств, ничего не говорит об увозе или уничтожении ими художественных достопримечательностей, унаследованных Византией еще от языческого Рима. Очевидно, последние, в качестве предметов идолопоклонства, рассматривались автором „Повести“ как недостойные упоминания. Может быть, это объясняется и тем, что Хониат писал в безопасной от латинян Никее, а автор „Повести“ находился в Царьграде во время господства в нем крестоносцев и не мог не чувствовать некоторой зависимости от них.

В этой связи нельзя не отметить, что „Повесть“ вообще сравнительно терпимо относится к крестоносцам и в особенности старается отвести обвинения от римского папы и немецкого императора. Дважды подчеркивается их запрещение рыцарям творить бесчинства в Греческой земле.

В ряде случаев у автора „Повести“ проявляется некоторая склонность к сказочным приемам. Особенно явственно это прослеживается в начале „Повести“, когда изображается тайное бегство царевича Алексея из Константинополя на Запад от преследований своего дяди — узурпатора Алексея III. Рассказ „Повести“ обставлен легендарными подробностями и коренным образом расходится с тем, что мы узнаем об этих же событиях из сообщения Никиты Хониата. В „Истории“ последнего мы читаем: „Между тем Алексей, без сомнения по мысли своего отца, условился бежать с одним пизанцем, который командовал большим купеческим кораблем, и только ожидал удобного времени ускользнуть морем и закрыть свой след водою. Когда удобное к отплытию время наступило, корабль распустил паруса и с попутным ветром благополучно прибыл в Авлонию на Геллеспонте. Отсюда с корабля отправлена была для принятия Алексея шлюпка в Афиру, по прибытии в которую матросы, чтобы скрыть свое настоящее намерение, начали нагружать песок, как будто бы нужный кораблю, по выгрузке с него товаров, для балласта. Убежав сюда из Дамокрании, Алексей сел на шлюпку и переехал на корабль. Бегство его скоро было замечено, и император приказал немедленно обыскать корабль, но посланные не могли узнать Алексея; он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпою и таким образом укрылся от сыщиков“¹.

Если сравнить рассказ Хониата с тем, о чем передается в „Повести“, то мы можем сделать вывод, что последняя, вероятно, основывается на византийских устных народных сказаниях по поводу событий того времени.

Точкой соприкосновения между обеими версиями можно считать слова Хониата: ἐκκρυφύλακται θείοντι ἐν θάλασσῃ τὸ ὄρημα, καὶ τὸ ἕνος ἐν πολλοῖς ὄδασι — „закрыть след свой водою“. Не лишено вероятности, что эти слова, взятые и Хониатом из устной традиции, воспринимались народной легендой буквально, в связи с чем и появился в „Повести“ сказочный эпизод о бочке с тройным дном.

¹ Никита Хониат. История, т. II, стр. 258—269.

Следы народных легенд в передаче „Повести“ заметны и в особом пристрастии ее автора к „сказочному“ числу „сорок“: на сорока великих кораблях крестоносцы подплывают к Царьграду; после захвата ими столицы под престолом св. Софии они находят клад в 40 кадей золота, над алтарем Софии — 40 „великих кубков“.

При сравнении с другими источниками в „Повести“ обнаруживается порою и хронологическая неточность, например в сообщении о смерти императора Исаака Ангела. В то время, как Хониат и другие указывают, что этот император умер лишь после того, как его сын Алексей был уже свергнут и заточен Мурзуфлом, „Повесть“ рассказывает о его смерти прежде, чем сообщить о народном восстании в Константинополе против его сына как сообщника ненавистных иноземцев.

Но если такое построение „Повести“ противоречит хронологии, устанавливаемой на основании других свидетельств, то благодаря ему летописный рассказ намного выигрывает в идейной и композиционной стройности. Смерть Исаака представляется последствием его огорчения по поводу насилий и бесчинств, творимых фрягами, их вымогательств. Не будучи в силах вынести оскорблений, Исаак „разболѣвъся, и бысть мнихъ, и отъиде свѣта сего“. Здесь особенно выразительна трехчленная концовка, построенная на основе градации с постепенным усилением эмоциональной оценки подобранных автором слов и выражений.

Итак, хотя „Повесть“ и представляет значительную ценность в качестве исторического источника, не следует забывать о том, что она остается прежде всего художественным произведением, и притом произведением именно русской литературы своего времени.

IV

Можно согласиться с утверждением автора очерка о „Повести“ в I томе „Истории русской литературы“ о том, что „язык повести не носит каких-либо следов иноязычного оригинала“. Приведенные слова следует, без сомнения, понимать в том смысле, что перед нами произведение, безусловно, не переводное и не компилятивное из каких-либо многих иностранных источников, а самобытное творение русского автора. Оно представляется единым и по идее, и по композиционным особенностям. Не исключается, однако, возможность использования автором „Повести“ некоторых иноязычных источников, а может быть, и устных рассказов византийцев и крестоносцев, с которыми ему приходилось лично общаться. Прежде всего обращает на себя внимание значительная прослойка в тексте „Повести“ лексики греческого происхождения. Большая часть ее относится к сфере церковной терминологии и принадлежит к пластам общеславянских заимствований, вошедших через церковную старославянскую книжность. К этому типу относятся слова: „папа“, „София“, „монастырь“, „мних“, „патриарх“, „онбол“ (амвон)¹, „тябло“, „олтарь“, „олтарня“, „тряпеза“, „понекадило“, „евангелъе“, „иконы“, „философ“, „пискупы“. К этой же группе причислим слова: „цесарь“, „корабль“, „фряг“. Эти слова, разумеется, настолько крепко и широко внедрились в словарный состав древнерусского языка, что могли употребляться повсеместно, и потому могут встретиться в любом русском памятнике, независимо от места его создания.

¹ См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III, СПб., 1909, стр. 29, 76, 208 и др.

К другой группе заимствований из греческого следует отнести название зданий и местностей в Константинополе: „подрумье“ (ипподром), „Вергетис“ (название монастыря *Εβεργέτης*), „Испигас“ (название ворот, ведущих в пригород Пиги, *εἰς Πύγες*), „Лахерна“ (Влахернский дворец). Эти названия верно передают народно-разговорное произношение, обычное в той среде, где мог вращаться автор „Повести“, живя в Константинополе. Эти же названия употреблял и Добрыня—Антоний в своем описании Царьграда.

К третьей группе слов относятся названия военных судов и их частей: „галѣя“, „скала“, „дромон“ (см. выше). Сюда же примыкают слова: „рая“ (раина—рея) и „кадь“¹ (мера). Эти лексемы, частью заимствованные из итальянского языка в греческий, были тоже, несомненно, широко распространены в византийской народной речи и поэтому могут служить лишним доказательством живой связи автора „Повести“ с демократическими кругами жителей византийской столицы.

Обращает на себя внимание и выражение „първыи въ боярехъ“. Так, в „Повести“ передано название сана, который Мурзуфл обещает своему сопернику Николаю Канаву. Это выражение—очевидная калька с греческого *πρωτοστράτορ* или подобного².

С другой стороны, в „Повести“ можно усматривать и следы западноевропейского языкового воздействия в ряде мест, особенно при перечислении имен и титулов руководителей крестоносного ополчения. Так, Бонифаций, маркграф Монферратский, назван „маркус“, что может соответствовать итальянскому *marchiso*, *marchese*. Любопытно, что родиной маркграфа Монферратского назван город Верона, причем передано это название в немецкой форме Берн (*Bern*) с пояснением „иде же бе жиль поганыи злыи, Дедрикъ“, т. е. Теодорих Остготский. Это наводит на мысль о знакомстве автора „Повести“ с каким-то немецким литературным источником, возможно, с „Песнью о Нибелунгах“, в которой Теодорих, как известно, фигурирует под именем *Dietrich von Bern*. Форма же имени „Дедрик“, как думается, свидетельствует о нижненемецком его произношении. Балдуин, граф Фландрский, назван „Повестью“ Кондофъ оф Фланъдръ или „Кондофларендъ“. В первой части этого имени легко узнать итальянское *conte*—граф. Во второй же части обращает на себя внимание предлог *of* (в соотв. с верхненемецким *von*) в титуле *of Flandern*. Не попали ли эти названия в „Повесть“ в результате непосредственного изустного общения ее автора именно с фландрскими рыцарями-крестоносцами, с произношения которых и были записаны имена их вождей?

Титул дожа Венеции Дандоло передан в форме дужь, что соответствует итальянскому *doge*, при латинском и византийском *dux*, заимствованном очень рано также и древнерусским языком.

Все приведенные западноевропейские элементы лексики легко объяснимы как следствие прямого изустного общения автора „Повести“ не только с греческим населением Царьграда, но и с „фрягами“, жившими в нем и до захвата крестоносцами и особенно умножившимися после основания Латинской империи.

Однако если этот безымянный писатель жил и творил в Константинополе, довольно правильно разбираясь в международной политике своего времени, то одновременно он всегда продолжал оставаться

¹ См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III, стр. 46, 180, 71 и др.

² М. Р. Фасмер (Указ. соч., III, стр. 161) отмечал, что „целый ряд греческих *composita* с *πρωτο-* настолько распространялся на русской почве, что стал притягивать к себе путем народного осмысления и другие слова“.

прежде всего русским человеком и сыном своего народа, глазами которого он смотрел на изображаемые им события.

Он отмечает в происходящем прежде всего то, что резко отличается от тогдашней русской действительности. Его поражают одетые в броню кони крестоносцев. Его ужасает византийская казнь посредством ослепления стеклом, при которой глаза остаются неповрежденными, но человек перестает видеть.

Стиль „Повести“ полностью примыкает, как уже правильно замечено в „Истории русской литературы“, к стилю древнерусских летописей. Особенно заметно это в частом использовании прямой речи в качестве средства характеристики изображаемых лиц. Читатель словно слышит живые слова всех людей, действующих в „Повести“.

Витиевата, напыщенна и громоздка по синтаксическому построению увещательная речь римского папы (см. выше); отрывисто заносчивы речи Исаковича, Мурзуфла, бояр. Напоминает летописные речи своим энергичным выражением рыцарской доблести высказывание крестоносцев под стенами Царьграда: „Оже намъ нѣту Исаковиця, с нимъ же есme пришли, да лучше ны есть умрети у Цесаряграда, нежели со срамомъ отъйти“.

Функция приводимых речей также соответствует летописному стилю. В „Повести“ представлены не только военные речи, образец которых дан выше, но и речи посольские, например речь Мурзуфла „людem“, собравшимся в Софии: „Язъ яль ворога вашего Исаковиця. Язъ вашъ цесарь, а Николъ даю първыи въ боярехъ, сложи съ себе вѣнды!“ Далее читаем „крестоцеловальную“, по содержанию и по форме, речь заклявшихся сторонников Николая: „Кто отступитъ от Николы, да будетъ проклятъ“. Лаконичное, полное внутренней энергии построение речей, обилие в них исконно-русской лексики вполне соответствует построению аналогичных речей и во всех древнерусских летописях. Летописный стиль прослеживается и в описаниях боевых действий, когда мы встречаемся с точным и подробным использованием воинской терминологии, обычной в древней Руси, например: „Оттоль начаша строити брань къ граду. И замыслиша, якоже и прѣже, на кораблехъ раями на шыглахъ, на иныхъ же кораблехъ исьѣдиниша пороки и лѣствиця, а на инѣхъ замыслиша съвѣшивати бѣчкы чересъ град, накладены смолины, и лучины зажыгъше, пустиша на хоромы, якоже и прѣже пожыгоша град“. Подобно этому и далее: „И привледе корабль къ стенѣ граднѣи вѣтрѣ, и быша скалы ихъ великыя чрѣсъ град, а нижнее скалы равно забороломъ; и бяху съ высокыхъ скалъ на градъ Грькы и Варягы каменiemъ, и стрѣлами, и сулицами, а съ нижнихъ на град сълѣзоша; и тако възяша град“.

В этих описаниях все типично для летописи: и лексика („забороломъ“, „пороки“, „стрѣлы“, „сулица“), и динамичность в изображении боя.

Специфически русским следует признать не только стиль изложения „Повести“, но и основную идею, вложенную автором в свое произведение. Она, несомненно, являлась весьма важной и злободневной для тогдашней Руси.

Если Царьград пал вследствие „свады цесаревъ“, то в этом заключен урок и для русских князей. „Повесть“ могла бы включить в себя те же слова, что были сказаны современниками ее автора в возникшем несколько позже летописном сообщении о битве при Калке, также включенном в первую Новгородскую летопись под 1224 годом: „нѣ сде въписахомъ о нихъ памяти ради рускыхъ князь“.

Подобно „Слову о полку Игореве“, созданному несколько ранее нашей „Повести“, и ее автор обращается к господствующему классу

Русской земли, к своим современникам, незадолго до нашествия монголов с поучением и с призывом к объединению. В этой патриотической идее, непосредственно выводимой из „Повести“, и следует видеть причину столь широкого ее распространения на Руси как во время татаро-монгольского ига так и, в особенности в период напряженной борьбы за окончательное его уничтожение, за новое объединение всех сил Русской земли в период формирования централизованного государства вокруг Москвы.

V

Повесть, вне всякого сомнения, следует признать памятником древнерусского литературного языка старшей формации. Структура языка, отразившаяся в ней, типична для периода его развития до татаро-монгольского завоевания. Об этом свидетельствует прежде всего в изобилии представленная в ней восточнославянская лексика.

Стилистическая роль старославянских языковых элементов в большинстве случаев свободно уясняется. Чаще всего они употреблены, если речь идет о церковно-религиозных предметах. Особенно же часты эти элементы в качестве устойчивых фразеологических сочетаний: „солнцю вьсходящую“, „временомъ минувъшемъ“, „дарствующю Ольксе“ (дательный самостоятельный). В тех же местах „Повести“, где, наоборот, рассказывается о военных действиях, о различных происшествиях, там в языке ярко проступает восточнославянская лексика и исконно-русский строй речи.

Под пером позднейших переписчиков и редакторов язык „Повести“ видоизменялся в сторону „церковнославянизации“ с устранением типичной восточнославянской лексики, однако внимательное сравнение всех списков дает возможность восстановить не только текст, но и первоначальную структуру ее языка¹.

В заключение следует еще раз поставить вопрос о новгородском происхождении „Повести“. У большинства исследователей это разумеется само собою. Между тем вопрос далеко не столь ясен. Список С, как уже отмечалось, ни в коей мере нельзя считать протографом. Новгородская первая летопись, как было указано уже В. М. Ляпуновым и А. А. Шахматовым, включает в себя довольно много сказаний, несомненно не новгородских, а южнорусских по своему происхождению².

Не исключается возможность, что и наша „Повесть“ попала в С из какого-либо не новгородского памятника. Язык „Повести“, действительно, не содержит специфически новгородских особенностей, и, наоборот, ряд явлений скорее указывает на ее южнорусское происхождение.

Правда, фонетическое оформление некоторых слов в списке С носит явно новгородский характер, но нужно отметить, что цоканье и чоканье мы наблюдаем только в списках I Новгородской летописи, и то не вполне последовательно, списки же Еллинского летописца и зависимые от него (например, М) вовсе свободны от указанной особенности.

Что же касается редкой лексики, употребленной в нашей повести, то она не носит на себе отпечатка чего-либо диалектного, новгород-

¹ Подробное изучение языковой стороны „Повести“, по всем ее спискам, составляет предмет особого исследования.

² А. А. Шахматов. Обозрение летописных сводов, стр. 130—131.

ского. К этому же выводу приводят и некоторые наблюдения над грамматическими особенностями языка „Повести“¹.

Таким образом, и по языковым признакам памятник не следует считать специфически новгородским. Отпадает и необходимость предположения о заимствовании „Повести“ в Еллинский летописец из Новгородской летописи. Порою лучшая сохранность текста „Повести“ в списках последнего, чем в С, это подтверждает. Если мы учтем, что, по указаниям В. М. Истрина и А. А. Шахматова, Еллинский летописец существовал уже в 30-х годах XIII в. (в добавление к чему следует указать на связь с Еллинским летописцем ряда летописных известий, восходящих, вероятно, к Ростовскому своду, как, например, рассказ о Липицкой битве под 1216 годом в Софийской летописи и др.), то предположение о путешествии „Повести“ из Царьграда в Новгород, а оттуда уже на восток Руси, где, видимо, сложился Еллинский летописец, нужно признать вовсе невероятным.

Следует еще отметить, что как в рукописях Новгородской летописи (списки К, А, Т), так и во всех списках Еллинского летописца рассказ „Повести“ дублируется краткими сообщениями о тех же событиях, что может указывать на позднейшую вставку „Повести“ как в Новгородскую летопись, так и в Еллинский летописец из какого-либо общего, вероятно, южнорусского по происхождению и бытованию памятника.

Таким образом, повесть „О взятии Царьграда от фряг“, выдающееся произведение древнерусской литературы периода, предшествующего монгольскому нашествию, следует признать ценным источником для истории Византии и четвертого крестового похода. Сравнительное изучение списков повести позволяет уточнить ее первоначальный текст и показывает, что она, будучи написана в Константинополе современником и очевидцем событий, лишь впоследствии была включена как в Новгородскую летопись, так и в Еллинский летописец.

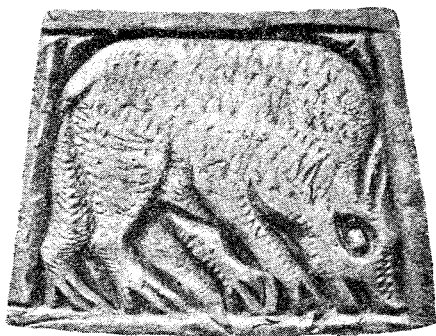
¹ Подробнее о языковой стороне „Повести“ см. в моей статье (ТОДРА, т. X, 1954).

А. В. БАНК

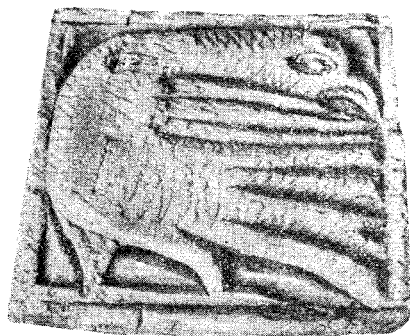
СТАРЫЕ НАХОДКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ДАННЫХ

І. КОСТЯНАЯ ПЛАСТИНКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦЫ

Более 50 лет назад, в 1901 г., в Херсонесе на территории Уваровской базилики были найдены две костяные пластинки трапецевидной формы с резными изображениями животных¹. В 1903 г. обе они поступили в Эрмитаж.

1. Костяная пластинка с изображением лани (?). Херсонес

2. Костяная пластинка с изображением орла. Херсонес

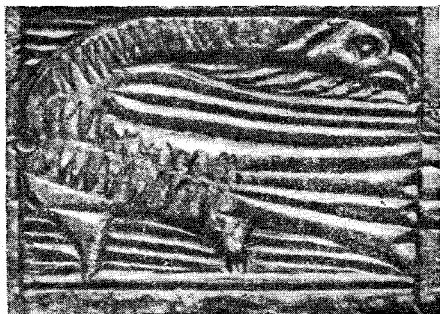
На одной из пластинок (№ X. 223) изображена лань (согласно отчету — свинья), обращенная вправо, с опущенной головой — повидимому, пасущаяся (рис. 1). На второй (№ X. 224) вырезана фигура птицы (согласно отчету — орла), обращенная влево, с повернутой в противоположную сторону головой (рис. 2). Размеры пластин почти одинаковые: с изображением птицы — $5,3 \times 4,2$ и животного — $5,6 \times 4,4$ при толщине в 0,5 см.

Сохранность, если не считать небольших щербин по краям и больших на шее птицы, хорошая. Кость принадлежит домашнему животному. Оба изображения имеют рельефную рамочку, так как представ-

¹ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1901 г., стр. 39, рис. 77—78. ИИАК, СПб., 1902, вып. 4, стр. 87—88, рис. 40—41.

лены на углубленном фоне. Удачно вписанные в трапецию, они отличаются несомненной выразительностью. Лишь своеобразный поворот головы птицы, отступающий от правдивой ее передачи, можно объяснить размерами и формой пластины. Хвост и крылья орла исполнены путем глубоких вырезов, разделяющих поверхность на ряд отрезков. Характерна трактовка шкуры лани и оперения птицы рядами зигзаговидных линий, образующих тесно расположенные острые уголки. Глаза исполнены на углубленном овальном поле с сохраненным в резерве зрачком. Пластины не имеют обычных сквозных отверстий для прикрепления. Они, повидимому, служили для украшения ларца или другого подобного предмета.

В 1928 г. во время раскопок на ипподроме в Константинополе (Стамбуле) была найдена на глубине 3,5 м, в помещении II, в слое, относящемся к XII в., костяная пластинка¹. Она имеет четырехугольную форму, размеры — 5,1×3,7 см, толщину около 0,5 см. На пластинке, окруженной рамкой, вырезана птица, обращенная влево, с головой, повернутой в противоположную сторону (рис. 3).

3. Костяная пластинка с изображением орла. Константинополь

Ее издатель Давид Тальбот Райс видит в изображении птицы образец „чисто декоративного стиля византийского искусства“², „скорее восточного характера“, и сравнивает его с костяными пластинками, хранящимися в музее Виктории и Альберта³. Он полагает, что стиль на всех трех экземплярах тот же, но исполнение — на музейных пластинках — более тонкое, рельеф выше и работа более тщательная⁴.

Однако нам представляется, что сходство между сопоставляемыми Райсом памятниками весьма отдаленно. В сущности общность между ними ограничивается тем, что во всех случаях изображены птицы (притом на одной из пластинок, хранящихся в Музее, — птица фантастическая, напоминающая грифа). Изделий, подобных № 108 (по каталогу Гольдшмидта и Вейцмана), приведено в том же издании множество⁵. Фигура птицы № 109, резанная по слоновой кости, также мало походит на пластинку из Константинополя как по техническим приемам исполнения, так и по стилистическим чертам: она сохраняет пластичность, совершенно иной является передача оперения и фигурки в целом, другой характер носит композиция и т. д.

Между тем находка на Константинопольском ипподроме имеет поразительно близкую аналогию в нашей пластинке из Херсонеса. Та же птица, — скорее всего орел, — только несколько более удлинённых про-

¹ Second Report upon the Excavations carried out in and near the Hippodrome of Constantinople in 1928. London, 1929. D. T. R. Minor Objects. Bone, p. 46, fig. 53.

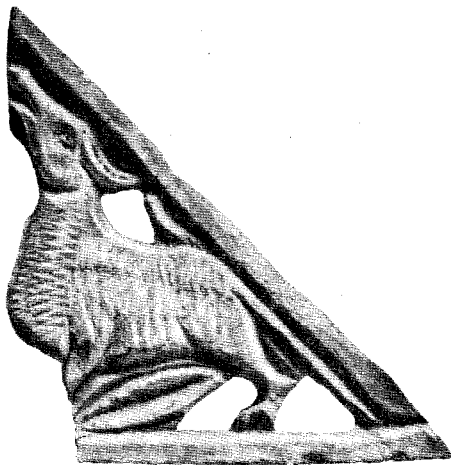
² Second Report, p. 46.

³ M. H. Longhurst. Catalogue of Carvings in Ivory. Victoria and Albert Museum. London, 1927, p. 39, pl. XVI; A. Goldschmidt u. K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII. Jahrhunderts, Bd. I. Kästen — Berlin, 1930, S. 58—59; №№ 108—109, Taf. LXIV.

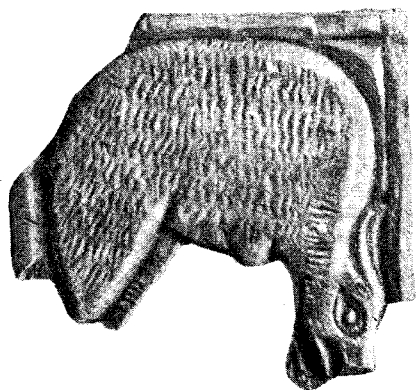
⁴ Second Report, p. 46.

⁵ Например, №№ 107, 112, 113 и др.

порций, с более длинной и тонкой шеей (вероятно, в связи с иной формой пластинки) и тот же оборот головы. Одинаковая форма и приемы в исполнении глаза и клюва, весьма близкая постановка и трактовка ног, почти тождественная разделка хвоста и аналогичная — крыльев. Наконец, на константинопольском экземпляре можно отчетливо рассмотреть отмеченный выше ряд зигзаговидных (образующих тесно расположенные уголки) линий, с помощью которых передается оперение. Среди незначительных отличий отметим две косые нарезки около головы птицы и заполнительные штрихи возле ее ног, а также между крылом и шеей и в верхнем углу пластинки. На ней имеется слева посередине круглое отверстие для прикрепления.

4. Костяная пластинка с изображением лежащей (?) лани. Херсонес

5. Костяная пластинка с изображением лежащей (?) лани. Херсонес

Близость между пластинками из Херсонеса и Константинополя настолько велика, что едва ли ее можно признать случайной.

Во время раскопок в Херсонесе было найдено довольно значительное число костяных пластинок с резными изображениями птиц и животных¹. Однако они далеко не тождественны по приемам и технике исполнения. Из числа известных нам образцов некоторое сходство с публикуемой пластинкой (в приемах передачи шкуры зигзаговидными линиями) можно усмотреть в трехугольной пластинке с прорезным изображением лани² (№ X. 149; рис. 4) и, более отдаленное, с фрагментированной пластинкой с изображением не то лежащего, не то пасущегося животного (лани?) (№ X. 189; рис. 5). Однако и эти экземпляры представляются более далекими аналогиями изображению орла на X. 224, чем резная пластинка из Константинополя. В свою очередь, в столице Византии это единственная известная в настоящее время костяная пластинка, обнаруженная при раскопках. Единичные предметы подобного рода, но другого исполнения, найдены во время археологических работ в Коринфе³.

¹ См., например, Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г., рис. 223; за 1896 г., рис. 239; за 1903 г., рис. 45 и 46.

² Отчет о раскопках в Херсонесе в 1903 г., стр. 35, рис. 47, ИИАК, СПб., 1904, стр. 79, рис. 35.

³ G. R. Davidson. The Minor Objects (Corinth. Results of Excavations, t. 12) Princeton. New-Jersey, 1952, p. 135; pl. 69, № 948.

6. Бронзовая чаша, найденная в Херсонесе

7. Бронзовая чаша, найденная в Киеве

Сходство между херсонесской и константинопольской костяными пластинками представляется настолько близким, что можно выдвинуть предположение об их изготовлении, если не одним мастером, то в той же мастерской. Подобная близость могла бы быть объяснена лишь точным копированием. К сожалению, сведения об условиях находки в Херсонесе в 1901 г. очень неопределенны. Отчеты тех лет, как правило, не фиксировали стратиграфию находок, не указывали и сопровождающий материал. Вследствие этого точная датировка находок дореволюционного времени большей частью невозможна. Поэтому нам приходится считаться с датой, устанавливаемой Д. Тальботом Райсом для экземпляра, найденного на ипподроме, — т. е. относить его к XII в. Условья, при которых были найдены костяные пластинки в Херсонесе за последние десятилетия¹, быть может, позволят снизить эту дату до XI в.

Таким образом, устанавливается новый факт, свидетельствующий о тесных взаимоотношениях Херсонеса и Константинополя в XI—XII вв. Трудно предполагать в данном случае импорт в столицу Византии из Крыма; вернее считать, что мы имеем здесь дело с привозом резных пластинок с изображением животного и орла из Константинополя в Херсонес.

Находка в Константинополе имеет, однако, значение и с другой точки зрения. Широко известно производство в столице Византийской империи изделий из слоновой кости². Эти ценные предметы (дошедшие до нас из частных собраний, хранящиеся в сокровищницах церквей, монастырей и т. п.) не могут быть точно локализованы по своему происхождению. Их бытование в среде высших кругов византийской знати не подлежит сомнению. Характерно, что на подавляющем большинстве подобных костяных изделий представлены либо сцены религиозного содержания, либо изображения, сделанные на них, воспроизводят далекие античные прототипы. В исполнении последних ощущается скованность традиций. Лишь археологические работы последних десятилетий начинают приоткрывать завесу над другой линией развития византийского прикладного искусства. В нескольких условных изображениях птиц и животных интересующей нас группы резных вещей много больше непосредственности, влияния жизненных наблюдений. Они отражают народное искусство византийского средневековья.

II. БРОНЗОВЫЕ ЧАШИ ИЗ ХЕРСОНЕСА И КИЕВА

В 1896 г. при раскопках Херсонесского городища, с северной стороны от склада древностей была найдена, как значится в отчете, „миска бронзовая, сильно разрушенная окисью; не достает дна и части сбоку. Сверху вокруг однострочная восточная надпись“³. В 1898 г. этот предмет поступил в Эрмитаж (№ X. 248; рис. 6).

Бронзовая чаша (имеющая ныне красноватый оттенок от патины) действительно сильно повреждена: у нее не хватает значительной части дна и кусков стенок; ряд мелких трещин имеется в нескольких местах по поверхности. Миска сильно помята; длина ее по окружности —

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 282, рис. 118; его же. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 241, рис. 9.

² Наиболее полный свод см. А. Goldschmidt u. K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen, Bd. I—II. Berlin, 1930.

³ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г., стр. 166.

60,5 см, высота приблизительно (измерение затруднено утратами) — 7 см. Она имеет довольно плоскую форму и несколько утолщенный, загнутый наружу бортик. Надпись арабского шрифта расположена, как обычно на восточных сосудах, вверх по краю; она разделена на четыре отрезка, между которыми помещены вписанные в кружки орнаментальные фигуры, напоминающие пальметки. Буквы исполнены гравировкой; все пространство между ними заполнено характерными углубленными точками, выбитыми косо поставленным пунсоном. Такие же точки помещены в промежуточных медальонах. Под надписью, ограниченной с обеих сторон парными concentрическими кругами (играющими роль своего рода линеек), вырезана схематичная орнаментальная гирлянда. Она состоит из двух пересекающихся волнистых линий, как бы с ниспадающими кистями, выполненными в виде вертикальных штришков, расположенных группами (вверху из четырех, иногда пяти, внизу из двух). В овалах, образуемых пересекающимися линиями, — извилистые черточки, напоминающие запятые. Гирлянда обрамлена вверх парой concentрических кругов. Такие же круги вырезаны в трех местах на внутренней стороне.

Надпись, не полностью читаемая, по своему содержанию не дает интересного материала, так как состоит из обычных „благопожелательных формул“ (согласно определению А. Т. Гюзальяна) и не упоминает никаких имен.

Фрагментарность сосуда и скромность его декоративного убранства явились, очевидно, причиной того, что он не привлек к себе внимания исследователей и даже не был воспроизведен в отчете. Между тем эта невзрачная чаша представляет некоторое значение не только для востоковедов, но специально заинтересовала и нас в связи с неожиданно встретившейся для нее аналогией, также хранящейся в Эрмитаже (№ VC 405; рис. 7).

В перечне частных приношений и случайных находок, опубликованном в Отчете Императорской Археологической комиссии за 1890 г.¹, значится: „медная чаша, украшенная снаружи грубым орнаментом, глиняный кувшин, грубая терракотовая раскрашенная статуэтка женщины в высоком головном уборе и часть глиняного горшка, найденные в Киеве при прокладке водопроводных труб на Михайловской площади“. Из состава всех указанных в списке предметов лишь один поступил в Эрмитаж, но едва ли другие перечисленные вещи, найденные при случайных обстоятельствах, помогли бы в определении даты чаши. Эта чаша, сделанная из бронзы желтоватого оттенка, отличается хорошей сохранностью: только небольшая пробойка около дна и крохотная трещинка нарушают ее. Форма сосуда и его загнутый наружу бортик весьма близки херсонесской чаше. Размеры ее (длина по окружности — 60,5 см, высота — 7 см) также совпадают с данными измерений вышеописанной чаши.

Снаружи по краю, вверх, между врезанными concentрическими кругами (вверху — один, внизу — три) расположен не просто „грубый орнамент“, как значится в Отчете, а явная стилизация арабской надписи. Она также разделена на четыре отрезка, между которыми расположены, несколько более свободно, круги-медальоны. Внутри этих медальонов, однако, не сохранилось ни следа от орнамента, а только знакомые нам по херсонесской чаше углубленные точки. Такие же точки имеются и между врезанными линиями, подражающими арабским

¹ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 г., 1893, стр. 119.

буквам, но если в херсонесской чаше они органически заполняют весь фон, то здесь расположены без всякой последовательности (быть может, вследствие неправильной передачи букв). Под поясом со стилизованной надписью вырезано также нечто вроде предельно упрощенной гирлянды: это волнистая линия со спускающимися кистями в виде группы штришков-запятых. Внутри чаши — в трех местах, по стенкам — концентрические круги (расположенные по два или по три), а на дне внутри — вписанные друг в друга на различном расстоянии три круга.

Среди множества описанных в литературе бронзовых восточных сосудов, как и в составе богатой коллекции Эрмитажа, можно встретить прототипы херсонесской чаши. Однако она имеет и специфические отличия — и по общему силуэту формы, и по характеру бортика. Одной из бросающихся в глаза особенностей является заполнение фона характерными углубленными точками, исполненными ударом пунсона; вверху они глубже, внизу, как бы в результате ослабления удара, более пологие.

Как говорилось, мы не располагаем точными данными об условиях находки сосуда в Херсонесе. Можно лишь с уверенностью сказать, что, поскольку жизнь самого города прекратилась в XIV в., чаша никак не может быть отнесена к более позднему времени. Следует указать при этом, что ряд особенностей формы миски и ее декоровки, в частности надписи, позволяют датировать ее концом XIII или началом XIV в.

А. Л. Якобсон, отмечая значение тюркского населения в городах Восточного Крыма в конце XIII — начале XIV в., высказывает предположение о том, что „мусульманские купцы, хотя бы в незначительной мере, проникли в это время и в Херсон, хотя для доказательства этого никаких данных (ни письменных, ни вещественных) пока не имеется“¹. Нам представляется, что А. Л. Якобсон здесь не вполне прав², и одним из подтверждений этого является рассматриваемая чаша.

Киевская чаша представляется своего рода копией херсонесской. Оба сосуда совпадают по размерам, они имеют одинаковую форму и тип бортика. Техника исполнения киевского сосуда более грубая, что сказывается, в частности, в неровности ширины бортика, в небрежном нанесении концентрических кругов и т. п. Бросается в глаза сходство отдельных технических приемов, в частности применение почти тождественного пунсона для нанесения точек. Что касается декоровки обоих сосудов, то, как уже указывалось выше, на киевской чаше она значительно упрощена как в заполнении медальонов, так и в трактовке гирлянды. Надпись, относительно осмысленная на херсонесском экземпляре, здесь окончательно приобрела орнаментальный характер. Согласно определению Л. Т. Гюзальяна, мастера копировали надписи различного типа, но, несомненно, форма арабских букв знакома первому мастеру и не воспринята вторым.

Все отмеченные черты сходства и различия указывают на общий источник, а быть может, и единый центр производства обоих предметов. Возможно, что киевская чаша изготовлена несколько позднее, но в пределах того же XIV в.

¹ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА № 17, М.—Л., 1950, стр. 36.

² А. Банк. Керамика из Дманиса и Херсонеса. „Памятники эпохи Руставели“. Л., 1938, стр. 179—184.

Судя по заключению специалистов, и херсонесская чаша едва ли исполнена в странах Ближнего или Среднего Востока. Возникает предположение, не является ли местом производства обоих сосудов Крым или близко к нему расположенные районы Причерноморья? Имеется ряд данных, подтверждающих наличие русских, в частности киевских, изделий в Херсонесе в XII—XIII вв.¹ Нельзя настаивать на привозе интересующей нас чаши в Киев из Херсонеса. Уточнить центр изготовления подобных вещей надлежит совместными усилиями ученых различных специальностей. Бесспорно лишь то, что эти два родственных предмета имеют общий источник производства и, следовательно, проливают скромный, но новый свет на взаимоотношения Руси и Херсонеса.

---

¹ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 35.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

ЭТЮДЫ О ФЕОФАНЕ ГРЕКЕ. III

ИКОНОСТАС БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА

В двух предыдущих „Этюдах о Феофане Греке“¹ мы изучили биографию этого мастера, его заверенную летописью роспись церкви Спаса Преображения в Новгороде и его деятельность в Москве. Ближайшим по времени возникновения произведением Феофана является деисусный чин Благовещенского собора в Москве. Согласно свидетельству летописца, стоявшая на дворе великого князя церковь Благовещения была начата росписью весной 1405 г.; „а мастера бяху Феофан иконник Гръчин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю...“². В своем письме к Кириллу Тверскому Епифаний сообщает, что Феофан написал в этой же церкви „Корень Иисеев“ и „Апокалипсис“. Так как воздвигнутый в 1397 г. старый Благовещенский собор был до основания разобран в 1484 г., когда псковские мастера построили на его месте новое здание, то, естественно, все его росписи погибли. Поэтому мы не можем составить себе представления о том, как выглядели упоминаемые Епифанием фрески („Корень Иисеев“ и „Апокалипсис“)³. Зато иконостас старого Благовещенского собора, в силу счастливой случайности, уцелел. По преемству он перешел из старого собора в новый, где и хранится до сегодняшнего дня (рис. 1—19)⁴.

Когда летописцы конца XIV—начала XV в. говорят о „подписи“ храма, они обычно подразумевают, как правильно отметил И. Э. Грабарь, не только роспись стен, но и написание икон для иконостаса⁵. Поэтому уже а priori можно предположить, что деятельность Феофана в Благовещенском соборе не ограничилась исполнением одних фресок. Без сомнения, он должен был принять участие и в работе над иконостасом, тем более, что последний стоял в центре внимания художников этого времени.

¹ См. ВВ, т. VII, 1953; т. VIII, 1955.

² Н. Карамзин. История Государства Российского, т. V, СПб., 1817, стр. 507.

³ Интересно отметить, что сцены из Апокалипсиса фигурируют и в недавно раскрытой росписи нового Благовещенского собора, исполненной в 1508 г. сыном Феодосия „с братнею“. Не исключена возможность, что между старой и новой росписью существовала какая-то преемственная связь.

⁴ Иконостас Благовещенского собора был расчищен в 1919 г. по инициативе И. Э. Грабаря. Во время знаменитого пожара 1547 г. огонь проник в Благовещенский собор с северной стороны и повредил ряд икон из праздничного яруса. Феофановский деисусный чин остался при этом невредимым. См. И. Грабарь. Феофан Грек. Казань, 1922, стр. 11.

⁵ И. Грабарь. Феофан Грек, стр. 8.

Не случайно летописец называет на первом месте имя Феофана Грека. Он хотел этим подчеркнуть, что Феофан был старшим по возрасту и наиболее квалифицированным по мастерству. На втором месте упоминается „старец Прохор с Городца“ и лишь на третьем — „чернец Андрей Рублев“. Отсюда можно сделать еще один непреложный вывод — Андрей Рублев был самым молодым, и имя его, повидимому, еще не пользовалось в эти годы громкой известностью.

Если бы Феофан не эмигрировал из Византии, он никогда не имел бы возможности решать столь крупные монументальные задачи, какие встали перед ним в Москве. В частности, это относится и к его работе над иконостасной композицией. Византийские алтарные преграды отличались относительно небольшими размерами и включали в себя, по сравнению с русскими иконостасами, относительно малое число икон¹. Они состояли из мраморных барьеров и колонн, которые несли архитрав². В первом ряду, по сторонам от царских дверей, помещались храмовые иконы (чаще всего Христа и богородицы, реже патронов храма); выше располагались так называемые поклонные иконы („праздники“)³; еще выше шел полуфигурный деисусный чин⁴; наконец, сверху иконостас увенчивался либо крестом, либо иконой с изображением „Распятия“⁵. При этом следует заметить, что такой подбор икон был для Византии макси-

¹ О греческих иконостасах см. Г. Филимонов. Церковь Николая на Липне близ Новгорода. Вопрос о первоначальной форме иконостасов в русских церквях. М., 1859; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I. М., 1904, стр. 195—215; Н. Окунев. Алтарная преграда XII века в Нерезе. „Seminarium Kondakovianum“, Prague, 1929 (III), стр. 5—23; J. Konstantynowicz. Ikonostasis. Studien und Forschungen, I, Lwow, 1939, S. 145—156; S. Xydis. The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sophia. „The Art Bulletin“, March, 1947 (XXIX), p. 1—24.

² Особенно типичные примеры — алтарные преграды Софии Константинопольской, базилики „В“ в Фивах, базилики Апенделлы на Лесбосе, церкви Гекатонтапилиани на Паросе, церкви Влахернитиссы в Арте и мн. др. См. S. Xydis. Op. cit., fig. 32, 33, 5, 11, 15, 16.

³ Поклонные иконы нередко включали в себя, помимо „праздников“, также и двенадцать „месячных“ икон (т. е. лицевых святцев). Поклонными их называли потому, что икона текущего месяца и очередного праздника снималась со своего места и ставилась на аналой для поклонения. Поклонные иконы писались как на отдельных досках, так и на одной длинной доске. Такой недавно расчищенный темплон с двенадцатью „Праздниками“, датируемый XII—XIII вв., хранится в музее при монастыре св. Екатерины на Синае. См. G. Sotiriou. Icones byzantines du monastère du Sinai. Byz., 1939 (XIV), p. 327, табл. V. В состав праздничного темплона, несомненно, входили и две переданные из Русского музея в Эрмитаж распиленные греческие иконы конца XII — начала XIII в. На одной изображено „Сшествие во ад“, на другой — „Сшествие св. Духа“. См. В. Лазарев. История византийской живописи, т. II, М., 1948, табл. 200. В греческих иконостасах поклонные иконы были обычно небольших размеров.

⁴ Исходной точкой этого ряда были, повидимому, те рельефные полуфигуры святых, которые высекались непосредственно на самом архитраве. Такие полуфигуры украшали архитрав алтарной преграды Софии Константинопольской (S. Xydis. Op. cit., p. 11). Чаще всего высеченные на архитраве полуфигуры составляли „Деисус“. Вполне естественно, что, когда иконы стали ставить на архитрав, они включили в себя привычную композицию. В Грузии, например, полуфигурные „Деисусы“ писались прямо на архитраве алтарной преграды (зальная церковь монастыря Цхра-кара близ селения Матани). Два превосходных полуфигурных „Деисуса“ уцелели от конца XIV в.: один из них происходит из церкви в Убиси в Грузии, другой был прислан Афанасием Высоцким из Константинополя в Высоцкий монастырь (ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее). Высоцкий „Деисус“ датируется 1387—1395 гг. Его несколько необычные для греческих иконостасов размеры (1,49 × 1,06) были, повидимому, продиктованы заказчиком. См. В. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. I. Высоцкий чин, ВВ, т. IV, 1951, стр. 122—131. Ср. миниатюру на л. 290 синайского кодекса Иоанна Климaksa (конца XII — начала XIII в.).

⁵ J. Konstantynowicz. Op. cit., S. 151.

мальным, и гораздо большее распространение имели алтарные преграды, в которых фигурировали только два либо три ряда икон (включая и храмовые).

Лишь на русской почве иконостас получил полное развитие, постепенно превратившись в глухую стенку, которая целиком закрыла алтарь от глаз молящихся. Исходной точкой этой длительной эволюции являлась стоявшая на архитраве икона, изображавшая оглавной „Деисус“ (две такие иконы конца XII — начала XIII в. хранятся в Гос. Третьяковской галерее)¹. К этой первичной иконе, очень скоро распавшейся на три самостоятельные части, стали присоединяться другие (на ранних этапах развития это были полуфигуры архангелов, апостолов и отцов церкви, дополнявшие центральный „Деисус“)². Несколько позднее, вероятно в XIII—XIV вв., над этим деисусным ярусом появился праздничный, состоявший из икон с изображением двенадцатых праздников. Все деисусные чины были в ранних иконостасах полуфигурными, так как сравнительно небольшие размеры храмов (особенно в Новгороде) обуславливали и небольшой размер иконостасов. В таком виде нашел композицию иконостаса Феофан, когда он приехал на Русь³.

Поскольку в великокняжеской Москве масштаб возводимых церквей увеличивался из года в год, постольку увеличивался и проем алтарных арок. А это неизбежно влекло за собой увеличение размера иконостаса, приобретающего все большую монументальность и мало-помалу перенявшего на себя функцию росписи, — в такой мере он оказался насыщенным самыми разнообразными иконографическими темами. Так сложилась классическая форма русского иконостаса, в выработке которой Феофан принял самое деятельное участие. Можно без преувеличения сказать, что только Москва могла предложить Феофану в начале XV в. решение столь монументальной задачи. Ни быстро шедший навстречу своей гибели Константинополь, ни попавшие в руки турок некогда цветущие сербские и болгарские города, ни даже экономически еще мощный Новгород не были в состоянии ставить и решать проблемы подобного размаха.

В чем выразился вклад Феофана в историю иконостаса? Повидимому, он первым заменил полуфигурные иконы деисусного чина полнофигурными, которых не знали ни Византия, ни Балканы, ни Русь⁴. Во всяком случае Благовещенский чин является самым ранним памятником этого рода. Стремясь увеличить иконостас и сделать его композицию более

¹ См. В. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. (к истории иконостаса). КСИИМК, 1946, вып. XIII, стр. 67—76.

² Такие полуфигурные деисусные чины сохранились от XIV в. (краснофонный чин с Петром и Павлом и архангелами в Русском музее, новгородской школы; чин с архангелом в Государственной Третьяковской галерее, псковской школы). Без сомнения, в состав такого полуфигурного деисусного чина входила знаменитая новгородская икона из собрания Рябушинского, на которой представлен архангел Михаил.

³ Фланкирующие царские двери иконы богородицы и Христа были обязательными для всех русских иконостасов, так что последние включали в себя, на этом историческом этапе, три яруса (местный, деисусный и праздничный).

⁴ Полнофигурные „Деисусы“ были известны и Византии (например, мраморная плита в Сан Марко; см. J. Konstantynowicz. Op. cit., Abb. 140), и Грузии (фрагмент алтарной преграды церкви в Дранда; см. J. Konstantynowicz. Ibidem, Abb. 120), и древней Руси (разрозненная композиция западной стены Георгиевского собора в Юрьеве-Польском; см. А. Бобринский, Резной камень в России, вып. 1, М., 1916, табл. 35—4, 27—2, 3, 38—3, 4; шитый воздух в Государственном историческом музее, исполненный в 1389 г. для великой княгини Марии Семеновны; см. Н. Щекотов. Древнерусское шитье. „София“, 1914, № 1, стр. 10—11), но они не находили себе применения на иконах, входивших в состав иконостаса. Здесь, как правило, изображались полуфигурные деисусные чины.

внушительной, Феофан написал фигуры чина на досках высотой более двух метров и шириной более метра¹. Благодаря введению в композицию иконостаса столь больших икон, иконостас приобрел невиданную ранее монументальность. Он namного вырос в высоту, а входящие в его состав фигуры оказались настолько укрупненными, что они приобрели совсем новую пластическую выразительность. Так как пророческий ярус благовещенского иконостаса датируется XVI в., то есть все основания полагать, что Феофан ограничился одним увеличением деисусного чина. Следующий шаг на пути разрастания иконостаса был сделан Андреем Рублевым. Три года спустя, т. е. в 1408 г., он ввел в исполненный им совместно с Даниилом Черным иконостас владимирского Успенского собора новый — пророческий ярус². Тем самым композиция иконостаса еще более увеличилась в своем размере, и алтарное пространство окончательно скрылось от глаз молящихся.

Феофан выполнил чиновые фигуры не один, а с помощью своего ученика (?) и одного из сотрудничавших с ним мастеров (вероятнее всего — Прохора). Кисти Феофана принадлежат иконы Спаса, богоматери, Иоанна Предтечи, архангела Гавриила, апостола Павла, Иоанна Златоуста и Василия Великого (рис. 1—13), отмеченные печатью одного стиля и обнаруживающие целый ряд точек соприкосновения с росписями Спаса Преображения³. В них без труда опознается рука неистового Феофана, мастера волевого и полного неукротимой творческой энергии. Иконы апостола Петра (рис. 14—15) и архангела Михаила (рис. 16—17) написаны в несколько иной манере. При всей их близости к феофановским работам им присущи свои индивидуальные черты. В этих двух иконах напрасно было бы искать феофановской темпераментности, смелости и решительности. Они мягче по своему настроению, их лики менее суровы, их рисунок не столь безупречен, их красочная гамма более интимна и носит какой-то более открытый характер. Здесь подвизался прямой ученик Феофана, который если и был византийцем, то перенял все же гораздо больше от русских художников, нежели его учитель⁴. Иконы Дмитрия (рис. 18) и Георгия (рис. 19) были выполнены третьим мастером — несомненно русским. Не исключена возможность, что мы имеем здесь работу старца Прохора с Городца, написавшего правую половину „Праздников“, начиная с „Тайной вечери“⁵. В пользу этого говорит сходство типов лиц Георгия и Дмитрия с лицами апостолов из „Успения“ и „Сшествия св. Духа“ и крайней фигурой слева из „Сшествия во ад“. К сожалению, иконы Георгия и Дмитрия находятся в очень плохом состоянии сохранности, что затрудняет суждение об их стиле. Но даже и в том плачевном виде, в котором они до нас дошли, обе иконы дают известный материал для выводов стилистического порядка. Прежде всего бросается в глаза обобщение силуэтных линий, которые приобрели изумительную конструктивность. Фигуры святых поставлены так, что они

¹ Высота икон равна 2,10 м, ширина колеблется от 0,94 до 1,425 м.

² Андрей Рублев довел высоту чиновых икон до 3,14 м.

³ И в росписях Спаса Преображения, и в иконах Благовещенского собора господствует один тип — строгого византийского святого. Тожественен свободный, смелый рисунок, тождественна энергичная, полная динамики система высветления, тождественны легкие, быстрые движки на руках, на лбу, на скулах и т. д. Совпадает и целый ряд морфологических признаков: ср., например, руки Макария Египетского и Василия Великого, форму лица Спиридона и Иоанна Златоуста, трактовку одеяния у второго левого столпника и у богоматери, обработку бороды у Мельхиседека и Павла.

⁴ И. Грабарь („Феофан Грек“, стр. 9, 12) приписывает иконы Петра и Гавриила старцу Прохору с Городца.

⁵ И. Грабарь (там же) приписывает иконы Георгия и Дмитрия Андрею Рублеву.

целиком подчиняются ритму плоскости (фигуры на феофановских иконах развернуты гораздо более свободно в пространстве). Лики лишены византийской суровости и отвлеченности, они мягче и человечнее по своему выражению. Колориту присуща не византийская яркость. Мастер смело сопоставляет киноварные, фисташково-зеленые, медвяно-желтые, серебристо-серые цвета; он высветляет карнадию и тени; взамен энергичных бликов и сочных красных описей он пользуется тонкими иконописными движениями. Интересно отметить, что на обеих иконах линия почвы идет выше, чем на иконах Феофана. Отсюда можно было бы сделать вывод, что иконы Георгия и Димитрия возникли несколько позднее и были добавлены к феофановскому чину. Вывод этот, однако, оказался бы преждевременным, так как стиль обеих икон указывает на начало XV в., как время их возникновения.

Несмотря на участие в исполнении деисусного чина трех мастеров, он воспринимается как нечто целое. Он отмечен печатью единого монументального стиля, единого творческого замысла. Центром фризовой композиции является восседающий на троне Христос, облаченный в белоснежное одеяние. С обеих сторон подходят к нему святые, предстательствующие за простых смертных: это богоматерь и Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел, отцы церкви Василий Великий и Иоанн Златоуст, юные Димитрий и Георгий. Все они изображены в молитвенных позах, с несколько выдвинутыми вперед руками, с слегка склоненными головами. Движение направляется с обеих сторон к центру и находит себе завершение в спокойной восседающей фигуре Христа, которая служит не только сюжетным, но и идейным центром всей композиции. Последняя приобретает под кистью Феофана удивительную „построенность“. Высокие, мощные фигуры четко выделяются своими темными силуэтами на золотом фоне, вертикальные и горизонтальные членения даются в тонко продуманных ритмических сочетаниях, все линии предельно лаконичны, все красочные сочетания доведены до максимальной степени обобщения. Одиннадцать фигур объединены в неразрывную по своей цельности композицию, имеющую четко выраженную центральную ось и рассчитанную на то, чтобы зритель мог охватить ее единым взглядом.

Будучи монументалистом по призванию, Феофан усилил все те монументальные тенденции, которые были заложены в полнофигурной деисусной композиции. Не говоря уже о том, что он выбрал совсем необычные по своему размеру доски, художник перенес в иконопись приемы монументальной живописи. Все фигуры написаны в необычайно смелой и свободной манере, со свойственным Феофану темпераментом. В широкой, живописной трактовке суровых ликов чувствуется рука опытного фрескиста, привыкшего работать на больших плоскостях. Неистовый Феофан остался верен себе и в этих иконах, написанных им уже на склоне его дней. Поверх плотных, темных санкирей он кладет сочные блики-отметки, гребень носа оттеняет описью яркокрасного тона, все наиболее выпуклые места сильно высветляет, не боясь резких переходов от света к тени. Такими живописными приемами он достигает той внутренней психологической напряженности, которая так характерна и для его новгородских фресок. Но в благовещенских иконах выступает и ряд новых черт — умение силуэтировать фигуры, более мягкий и плавный ритм линий, настроение спокойной сосредоточенности. Этими новыми для его творчества чертами Феофан был обязан русским мастерам, с которыми он должен был сблизиться за время своей долгой жизни на Руси.

Во всех фигурах чина поражает тонкий и точный рисунок. Феофан прекрасно чувствует пластику формы и умеет передать ее при помощи не только линейных сочетаний, но и тщательно продуманного распределения света и тени. В этом отношении непревзойденными шедеврами являются фигуры богоматери и Иоанна Предтечи (рис. 3—6). Безукоризненно верная лепка правой руки Марии, тончайшие пропорции фигуры Предтечи, нарядность убедительная трактовка его головы, рук и плаща — все это указывает на выдающегося мастера, который, при всей условности своего рисунка, всегда умеет ясно воссоздать конструкцию формы. Вот почему для Феофана не составляет никакого труда изобразить фигуру в любом, всякий раз вполне индивидуальном повороте. Его Павел стоит не так, как Петр; Златоуст держит книгу по-другому, чем Василий Великий; Предтеча склонился в совсем иной позе, чем богоматерь. Феофан замечательно передает индивидуальную жизнь каждого из святых. В Предтече он подчеркивает глубочайшее смирение, в богоматери — любовь и преданность, в Христе — суровую величавость, в Василии Великом — фанатизм, в Иоанне Златоусте — высокую принципиальность, в Павле — силу интеллекта, в архангеле Гаврииле — душевную ясность. Он достигает образности этих индивидуальных характеристик самыми различными приемами: и линиями, и цветом, и контрастами света и тени, и интенсивностью бликов. Ему достаточно порою почти незаметного прикосновения кисти к живописной поверхности, чтобы достичь искомого психологического оттенка.

Хотя в выполнении чина принимали участие три мастера, его колористическая гамма отличается изумительной цельностью. Несомненно, она восходит к замыслу самого Феофана, который был ведущим мастером. Эта гамма строится на густых, звучных красках, обладающих ни с чем не сравнимым драматизмом.

Красочный строй феофановского чина определяется сочетанием розовато-красных, густых синих, белых, зеленовато-желтых, изумрудно-зеленых и розовато-лиловых тонов. Уже на центральной иконе Спаса большинство этих красок встречается в невиданно смелых сопоставлениях (рис. 1). На Христе белоснежное одеяние, покрытое золотыми асистами, ныне едва различимыми. Его легкая, воздушная фигура выделяется на фоне сияния нежно-розового цвета; сияние обрамлено двумя овалами — изумрудно-зеленым и синим. Из-за ореола выступают яркокрасные углы. В обрезе книги повторяется синий тон — драгоценная лапис-лазурь. Эта же лапис-лазурь фигурирует на иконе богоматери (рис. 3). Ее мафорий окрашен в глубокий синий цвет, своей бархатистостью напоминающий цвет южного неба. Из-под мафория выглядывают беловато-голубой чепец, охряного тона рукавички и сафьяновые сапожки. Поверх мафория положены легкие голубовато-белые пробелы. Не менее замечательны цветовые сочетания и на других иконах. Зеленовато-желтое одеяние и плотного серебристо-зеленого цвета плащ Предтечи, синий хитон с золотисто-коричневой обшивкой и вишневым, с беловато-синими пробелами плащ архангела Гавриила, синий хитон с серебристо-сиреневой обшивкой и розовато-красный плащ архангела Михаила, синий хитон и зеленовато-желтый плащ Петра, синий хитон и розовато-лиловый с розовато-белыми и синими пробелами плащ Павла, белый омофор и синее с темносиними, кроваво-красными и золотыми узорами и розовато-красной подкладкой одеяние Иоанна Златоуста, белое с вишневого цвета крестами одеяние Василия Великого и зеленовато-белый омофор с черными крестами — все это незабываемые колористические решения, которые целиком отмечены печатью феофановского гения. И надо

видеть в подлиннике, как Феофан умеет оживить красочную гамму дополнительными цветовыми ударами (например, розовато-красный обрез книги, или серебристо-сиреневые сапожки, или голубой свиток), чтобы по достоинству оценить всю исключительную силу его колористического дарования.

Создавая свой деисусный чин, Феофан решал чисто русскую задачу. Но он решил ее еще во многом греческими средствами. Иконы Благовещенского собора по общему своему духу очень близки к росписям Спаса Преображения. Их невозможно принять за работу русского мастера. Они дышат суровым пафосом отречения от мира; их густой, драматический колорит лишен жизнерадостности. И в благовещенском чине святые Феофана выступают сильными и могучими, но и здесь все их помыслы сосредоточены не на земных делах. В своем „Деисусе“ Феофан подчеркивает не столько момент всепрощения, сколько мольбу святых за грешный человеческий род. Христос трактуется как страшный судия мира, а не как добрый Спас, готовый прийти на помощь ближнему. Именно здесь проявляется коренное отличие Феофана Грека от Андрея Рублева, который, как правило, всегда оттенял в Христе человеческое начало. У Феофана же весь замысел деисусного чина определяется драматической коллизией между суровым Христом, не склонным никого прощать, и молящими его о прощении святыми. Вот почему так патетичен образ богородицы, вот почему полон столь большого смирения Иоанн Предтеча, вот почему так трепетны оба ангела. И даже фанатичные отцы церкви — Василий Великий и Иоанн Златоуст — невольно робеют в присутствии грозного Пантескратора. Все это бесконечно далеко от русского истолкования „Деисуса“, в котором обычно подчеркивается оттенок особой мягкости.

Феофан Грек и Андрей Рублев заложили основу русскому сплошному иконостасу. После того, как были введены два регистра с полнофигурным „Деисусом“ и с пророками, дальнейшее развитие уже не могло дать ничего принципиально нового. Оно принесло с собой лишь обогащение иконографической системы рядом дополнительных ярусов („праотеческий“, „пядничный“, „херувимский“, „страстной“, „апостольский“)¹. Это усложнение иконостаса падает на XVI—XVII вв., причем следует заметить, что оно не пошло ему на пользу. Вследствие перегруженности множеством иконографических сюжетов иконостас постепенно утратил ту образность и монументальность, которыми он обладал в XV в., в эпоху наивысшего расцвета древнерусской живописи.

Созданный совместными усилиями Феофана Грека и Андрея Рублева, иконостас явился главной точкой приложения творческой энергии наших художников. Все сколько-нибудь значительные древнерусские живописцы принимали самое деятельное участие в выполнении иконостасов. Послед-

¹ О развитой форме иконостаса см. Н. Сперовский. Старинные русские иконостасы. „Христианское чтение“, 1891, № 11—12, стр. 337—353; 1892, № 1—2, стр. 3—23; 1892, № 5—6, стр. 322—334; 1892, № 11—12, стр. 522—537; 1893, № 9—10, стр. 321—342; Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1917, стр. 343—354; Д. Тренев. Иконостас Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря. М., 1902; П. Муратов. Русская живопись до середины XVII века, в книге под ред. И. Грабаря „История русского искусства“ т. VI, М., 1909—1913, стр. 210—224; В. Соколов. Деисусный чин. „Казанский музейный вестник“, 1922, № 2, стр. 56—65; N. Kondakov. The Russian Icon. Oxford, 1927, p. 26—27, 30—33, 103, 114, 129, 159; M. Alpatov—N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst, Augsburg, 1932, S. 312—318; J. Konstantynowicz. Op. cit., S. 193 сл.; История русского искусства. М., 1953—1954, т. I, стр. 462—472; т. II, стр. 162—166 (главы В. Лазарева о владимиро-суздальской и новгородской живописи).

ние не мало способствовали утверждению в живописи того лаконичного художественного языка, благодаря которому наше искусство сохранило на протяжении всего XV в. верность монументальным традициям. Иконостас требовал даже от „многоличных“ праздничных икон простоты и ясности композиций, обобщенности линий, силы цвета—иначе их трудно было бы разглядеть над „Деисусом“. И когда русские иконописцы выполняли иконы для деисусного чина, они всегда обращали особое внимание на силуэт, из которого они умели извлекать тончайшие художественные эффекты. Они знали, что иконы деисусного яруса прежде всего воспринимаются силуэтно, и поэтому они умели вложить в линию, очерчивающую фигуру, такую выразительность, равную которой напрасно было бы искать в византийской живописи.

Высокий иконостас является чисто русским изобретением. Наиболее раннее развитие он должен был получить в деревянных церквях, где не было стенных росписей и где он их заменил¹. Перенесенный в каменные храмы Москвы, он начал здесь быстро увеличиваться в своем размере и приобрел невиданную ранее монументальность. Теперь можно считать доказанным, что это разрастание иконостаса нашло себе место в начале XV в. и что оно было непосредственно связано с деятельностью Феофана и Андрея Рублева. Из Москвы высокие иконостасы были завезены на Афон и уже отсюда в турецкую эпоху распространились по территории Греции и Балкан, где они заменили почти отсутствовавшие в поздних храмах росписи. К сожалению, нам еще неизвестны те каналы, по которым форма высокого иконостаса просочилась из Москвы на Афон. Но уже сейчас ясно, что исходной точкой всего этого процесса была великокняжеская Москва, на почве которой иконостас впервые обрел свою классическую национально-русскую форму.

ФЕОФАН ГРЕК И МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ

Художественная жизнь Москвы конца XIV—начала XV в. была исключительно оживленной. В это время в Москве подвизались не только выдающиеся русские мастера, но и ряд греческих и сербских художников. Стоявший на краю гибели Константинополь и утратившие национальную независимость южнославянские государства были уже не в силах обеспечить своих мастеров работой. В этих условиях многие византийские, болгарские и сербские художники принуждены были эмигрировать. В поисках новой родины некоторые из них направились на Русь, где их более всего притягивала к себе великокняжеская Москва, быстро становившаяся одним из крупнейших русских городов. Несмотря на повторявшиеся татарские набеги, которые сопровождались, как правило, страшными разрушениями, Москва не падала духом и проводила широкие строительные работы. Ее возмужавший из года в год поли-

¹ Так как в деревянных храмах иконостасы были, как правило, небольшими, то они и не нуждались в полнофигурных чиновым иконам. Трех ярусов (местный, деисусный, праздничный) было вполне достаточно, чтобы целиком скрыть алтарное пространство от глаз молящихся. Но то, что казалось высоким в небольшой деревянной церкви, совсем по-иному воспринималось в условиях каменной архитектуры с ее несоизмеримо более крупными масштабами. Появление высоких иконостасов с полнофигурным деисусным чином как раз и было обусловлено высокими алтарными арками больших каменных храмов. Вот почему разрастание иконостаса могло найти себе место лишь в рамках каменного зодчества. Далеко не случаен тот факт, что от XII—XIV вв. не сохранилось ни одной полнофигурной чиновой иконы. Таковых икон в это время, по видимому, и не существовало.

тический авторитет способствовал тому, что в нее охотно съезжались опытные мастера, принимавшие деятельное участие в восстановлении Кремля и посада.

Было бы неверно думать, что Феофан являлся единственным византийским художником, подвизавшимся в Москве на рубеже XIV—XV вв. Здесь уместно вспомнить, что уже в 1344 г. в Москве работали греческие мастера, расписывавшие, по приказу митрополита Феоноста, придворный храм Богородицы¹. В дальнейшем хорошие византийские иконы систематически ввозились в Москву, причем не исключена возможность, что некоторые из них были выполнены на месте заезжими византийскими художниками. Оживленным культурным связям с Константинополем немало способствовали церковные дела 70—80-х годов, когда многочисленные русские посольства ездили в Царьград и устанавливали там тесные отношения с придворными и патриаршими кругами.

В записи одной симферопольской рукописи (№ 4523), копирующей надпись на утраченной иконе, упоминается имя греческого иеромонаха Игнатия, написавшего в 1383 г. для Юрия Дмитриевича, сына Димитрия Донского, икону Тихвинской Божией Матери². Между 1387 и 1396 гг. в Высоцкий Серпуховский монастырь игумен Афанасий присылает из Константинополя „Деисус поясной“³. Этот капитальный для истории византийской живописи памятник, ныне хранящийся в Государственной Третьяковской галерее (икона с изображением Иоанна Предтечи передана в Русский музей), мог служить для московских художников основательной школой мастерства. Его густые, сумрачные краски давали исчерпывающее представление о поздней византийской палитре, а его точный, несколько суховатый рисунок и тонко продуманная свето-теневая лепка наглядно говорили о замечательном умении греческих художников строить форму. Повидимому, в 80-х годах попала в Москву хорошая цареградская икона — так называемая „Пименовская богоматерь“⁴. Около этого же времени возникла интереснейшая икона Перивлепты, находящаяся в музее в Загорске⁵. Концом XIV — началом XV в. датируется монументальный греческий образ Петра и Павла из кремлевского Успенского собора, очень близкий по стилю к работам Феофана⁶. В 1397 г. византийский император и патриарх прислали в дар великому князю Димитрию Ивановичу „икону чудну, на ней же есть написан Спас в ризнице белой; стоит же та икона во церкви его Благовещения, на его дворе, и до сего дни, на левой стороне на поклонной“⁷. Год спустя великая княгиня Софья, приехавшая в Москву из Смоленска, привозит с собой иконы с изображением „Страстей“, „иже давно были принесены от Царьграда в Смоленск“⁸.

В конце XIV в. Москва проявляла особенно живой интерес к произведениям византийской живописи. Далеко не случайно в Успенском соборе водворяется прославленная икона Владимирской богоматери,

¹ Никоновская летопись под 6852 (1344) годом. См. ПСРА, т. X, стр. 216.

² D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau. Berlin—Leipzig, 1933, S. 92.

³ В. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. 1. Высоцкий чин. ВВ, т. IV, 1951, стр. 122—131.

⁴ В. Лазарев. История византийской живописи, II, табл. 322.

⁵ Искусство XIV и XV веков. Выставка при музее б. Троице-Сергиевой лавры. 1924 год. Сергиев, 1924, стр. 5.

⁶ Этот образ начат расчисткой в 1946 г.

⁷ Софийская вторая летопись под 6905 (1397) г. См. ПСРА, т. VI, стр. 130.

⁸ Софийская вторая летопись под 6906 (1398) г. См. ПСРА, т. VI, стр. 130.

рассматриваемая как своеобразный палладиум Русского государства¹. Ввоз греческих работ в Москву не прекращался и в XV в., как об этом свидетельствует икона Распятия в Успенском соборе, представляющая характерный образец поздневизантийской живописи².

По мере укрепления позиций великого князя и его приближенных, почувствовавших свою силу после Куликовской битвы, византийское искусство стало приобретать в Москве все большую привлекательность. Великокняжеская власть склонна была рассматривать его как своеобразную санкцию ее общерусской политики, быстро перераставшей слишком узкие удельные рамки. Стремление московского князя приобщиться к византийской культуре было продиктовано реальными соображениями: желанием закрепить свое преобладание над другими удельными князьями. На почве этих политических идей широкое приятие византийского искусства становится вполне понятным.

В начале XV в. московские художники интересовались не одним лишь византийским искусством. Их внимание привлекали также работы балканских мастеров. В свете новейших исследований можно определенно утверждать, что к концу XIV в. в Москву попали произведения южнославянского искусства. В частности, кисти сербских мастеров принадлежит ряд икон позднего XIV — раннего XV в., возможно, созданных в Москве. Это монументальный образ из Успенского собора, с изображением редко встречающейся в столь раннее время композиции „Предста Царица одесную тебе“, а также интереснейшая группа икон из Криведского погоста — трехчастный „Деисус“ с Иоанном Богословом и „Христос во гробе“ (теперь хранятся в Третьяковской галерее). Все эти вещи говорят об исключительном разнообразии художественных интересов Москвы. Когда Сербия и Болгария сделали добычей турок, Москва оказалась тем центром, где южнославянская культура нашла себе приют.

Мы сознательно остановились несколько подробнее на культурных связях Москвы. Они весьма показательны. Можно без преувеличения сказать, что в эти десятилетия Москва являлась и для Византии, и для всех славянских стран одним из крупнейших художественных центров. Она была в курсе всех самых передовых решений; ей были хорошо известны работы как цареградских, так и сербских мастеров; в ней подвизался выдающийся живописец — Феофан Грек. Наконец, — и это, конечно, самое главное, — она имела свою крепкую национальную традицию, свои кадры опытных мастеров. Все эти факторы, вместе взятые, способствовали быстрому расцвету московской школы живописи.

Этот расцвет неразрывно связан с именем Андрея Рублева. Ему первому посчастливилось выразить в искусстве те новые идеи, которые носились в воздухе. Хотя он многим был обязан византийцам, тем не менее он пошел своей дорогой. На этом пути Рублев отбросил и византийскую переутонченность формы, и местные архаические традиции. Ему удалось выработать столь совершенный художественный язык, что на протяжении XV в. его стиль сделался общерусским стилем, а его личность оказалась окруженной ореолом столь великой славы, что ее начали воспринимать как идеальный образ художника.

¹ Это произошло в 1395 г. См. М. Alpatoff u. V. Lasareff. Ein byzantinisches Tafelwerk aus der Komnenenepoche. „Jahrbuch der preussischen Kunstsammlungen“, 1925 (XLVI), S. 140.

² М. Alpatov. L'icone byzantine du Crucifiement dans la cathédrale de la Dormition à Moscou et les emprunts à Byzance dans les icones russes. „Recueil Uspenskiij“. Paris, 1932, p. 195—211.

Каково отношение Андрея Рублева к Феофану Греку? Был ли Рублев учеником и последователем Грека или он прошел равнодушно мимо искусства последнего? Чем Феофан мог привлекать Рублева и чем он должен был его от себя отталкивать? Вот те проблемы, которые, естественно, возникают перед всяким исследователем, интересующимся истоками стиля крупнейшего древнерусского живописца.

Ученые по-разному решали вопрос о взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева. И. Э. Грабарь решительно утверждал школьную преемственность Рублева от Феофана: „Почти наверное Рублев, до того как превратиться в его помощника, был его учеником...“¹. На этой же точке зрения стоял и Ш. Диль². А. И. Некрасов³ и Ф. Швейнфурт⁴ отрицают какую-либо связь Феофана с Рублевым. Более осторожно ставят вопрос П. П. Муратов⁵, Д. В. Айналов⁶, Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев⁷ и М. В. Алпатов⁸. Отвергая гипотезу о школьной зависимости Рублева от Феофана, они одновременно допускают сильное воздействие второго на первого. Особенно ясно сформулировал свой взгляд Д. В. Айналов: „Совместная работа Андрея Рублева и Феофана Грека при выполнении столь ответственного заказа в Москве говорит о том, что Андрей Рублев прошел свою выучку уже раньше в Москве, и притом не у Феофана Грека, и что от последнего он мог почерпнуть лишь более основательное знание той константинопольской художественной манеры, которой придерживался Феофан“.

Андрей Рублев родился, вероятнее всего, около 1370 г.⁹. Он должен был сложиться в самостоятельного мастера на протяжении 90-х годов, когда Феофан появился в Москве. В 1405 г. оба художника совместно работали в Благовещенском соборе. Более молодому Рублеву трудно было избежать воздействия могучей творческой личности Феофана, тем более что последний держал в Москве на протяжении 90-х годов свою мастерскую, которая была, как мы видели, главным центром по изготовлению великолепных лицевых рукописей. Само собой напрашивается предположение, не работал ли Рублев в мастерской Феофана и не могут ли ему быть приписаны миниатюры „Евангелия Хитрово“¹⁰. Несмотря на заманчивость этой гипотезы, от нее все же приходится отказаться, так как стиль этих миниатюр не только говорит о том, что они были исполнены мастером старшего поколения, но и обнаруживает другую, менее искусственную руку. Искусство, представленное миниатюрами „Евангелия Хитрово“, хочется характеризовать, хотя оно и современно молодому Рублеву, как искусство предрублевской

¹ И. Грабарь. Феофан Грек, стр. 19.

² Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, II. Paris, 1926, p. 838.

³ А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 230.

⁴ Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930, S. 188.

⁵ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII века, стр. 224 (в „Истории русского искусства“, т. VI, под ред. И. Грабаря).

⁶ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau. Berlin und Leipzig, 1933, S. 94.

⁷ Б. Михайловский — Б. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. М.—Л., 1941, стр. 16, 157.

⁸ M. Alpatov — N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, S. 308.

⁹ Рублев умер ок. 1427 или ок. 1430 г. Вторую дату отстаивает П. Д. Барановский, но она не является бесспорной.

¹⁰ И. Э. Грабарь [„Андрей Рублев“. Вопросы реставрации, 1926 (1), стр. 103—104, 110] и М. В. Алпатов („Андрей Рублев“. М.—Л., 1943, стр. 10) склонны приписывать миниатюры „Евангелия Хитрово“ Андрею Рублеву.

поры. Подводя нас вплотную к творчеству мастера, оно показывает, каким было его ближайшее художественное окружение.

При решении вопроса о том, кто был прямым учителем Андрея Рублева, всегда необходимо помнить, что Москва имела свою собственную живописную традицию и своих собственных мастеров. У Андрея Рублева была полная возможность пройти выучку у одного из московских иконописцев. Его наиболее вероятным учителем был тот старец Прохор с Городца, который работал с ним в Благовещенском соборе и которому И. Э. Грабарь убедительно приписал вторую группу „Праздников“, начиная с „Тайной вечери“ и кончая „Успением“¹. Во всяком случае манера этого мастера, еще тесно связанного с живописными традициями XIV в., обнаруживает наибольшую близость к несомненным работам Рублева. В его произведениях есть уже тот элемент сильно выраженной руссификации, который явился отправной точкой для Рублева, пролагающего новые пути в искусстве.

Ставя так вопрос, мы не хотим отрицать основательного знакомства и Прохора, и Андрея с византийскими образцами, пользовавшимися такой большой популярностью к концу XIV в. в Москве. Ряд московских икон этого времени, как, например, близкое по стилю к миниатюрам „Евангелия Хитрово“ очаровательное „Благовещение“ из Троице-Сергиевой лавры² или „Праздники“ в Третьяковской галерее³, ясно показывают, насколько органически усвоили современники юного Рублева неозаллинистические формы. У нас, однако, нет основания целиком возводить неозаллинистическое течение к творчеству Феофана. Не следует забывать о греках митрополита Феоноста, ознакомивших Москву с палеологовскими новшествами уже в 1344 г.⁴; нельзя забывать и о византийских иконах, бытовавших в Москве. Поэтому предполагаемый учитель Андрея старец Прохор мог сложиться как художник еще в дофеофановский период, т. е. на протяжении восьмого и девятого десятилетий, когда были живы неозаллинистические традиции 40-х годов.

Если, таким образом, мы не можем связывать неозаллинистическое направление с деятельностью одного Феофана Грека, то, с другой стороны, трудно было бы себе представить, что прославленный византийский мастер, с которым Рублев работал бок о бок, не оказал на последнего никакого воздействия. Конечно, Андрей и Феофан были во многих отношениях антиподами, но слишком велико было обаяние феофановского таланта, чтобы можно было ему не поддаться. И в жизни Андрея был, несомненно, такой момент, когда искусство Феофана захватило его своей силой и своеобразной красотой. Однако отношение Рублева к Феофану было далеко не столь простым, как это представлялось тем ученым, которые склонны были сделать из Андрея прямого „последователя“ Феофана.

И на протяжении 90-х годов, и в 1405 г. Андрей Рублев имел полную возможность изучать работы Феофана. Должно быть, часами

¹ И. Грабарь. Андрей Рублев, стр. 84. „Преполовление“ и „Фомино уверение“ были написаны в 1547—1548 гг. иконописцами.

² М. Alpatoff. Eine Verkündigungssikone aus der Paläologenepeche in Moskau. BZ, 1925 (XXV), S. 347—357. Архитектурные кулисы этой иконы очень близки к миниатюрам „Евангелия Хитрово“ (особенно к зданиям позади евангелистов Матфея и Луки).

³ М. Alpatoff. Eine russische Ikone mit sechs Festbildern der Sammlung S. P. Rjabuschinsky in Moskau. „Belvedere“, 1929 (VIII), S. 34—39.

⁴ Ср. Г. Жидков. Московская живопись середины XIV века. М., 1928, стр. 64—71.

простаивал он перед его московскими росписями и иконами, поражаясь их высокому художественному совершенству. Страстные патетические образы феофановских святых не могли не проникнуть в душу Рублева. Но его собственные художественные идеалы были иными. Как верно замечает М. В. Алпатов¹, Рублева „пугало, что величие образов Феофана было куплено ценой их сурового трагизма; смущало, что люди Феофана, эти прошедшие через жизненные испытания и убежденные седины старцы, живут в вечном разладе с самими собой, в страхе искушения, в готовности покаяния и, вместе с тем, во власти своей гордыни“. И все-таки яркая личность Феофана оставила глубокий след в творческом развитии Рублева. Последнему он должен был импонировать прежде всего своим высочайшим мастерством. Он приобщил Рублева к лучшим монументальным традициям византийской живописи, обострил его замечательный колористический дар, научил его самым разнообразным композиционным приемам, помог ему отшлифовать его искусство. И он обогатил его представления о человеке, сложный душевный мир которого как бы предстал ему в новом свете.

Так как от Феофана до нас дошли лишь случайные работы, то очень трудно доказать его прямое воздействие на Рублева. Есть, однако, одна область их творчества, в которой органическая связь между обоими художниками выступает с совершенной ясностью. Созданные Феофаном прориси для чиновых фигур благовещенского иконостаса были, несомненно, использованы Рублевым. Так, в иконостасе Успенского собора Рублев почти точно повторяет иконографический тип феофановского „Спаса“, а в иконостасе Троицкого собора к чиновым иконам Феофана восходят образы Василия Великого, апостола Петра, архангела Михаила, архангела Гавриила, апостола Павла и Христа. Конечно, мы не имеем здесь точных копий. Рублев и его помощники творчески перерабатывают феофановские образы. Они упрощают линию силуэта, усиливают плоскостное начало, придают несколько иной поворот фигурам, порою даже меняют положение рук и ног, совсем по-иному трактуют цвет. И все же сходство более поздних икон с более ранними не подлежит сомнению. При решении проблемы иконостаса Рублев непосредственно опирался на опыт Феофана. Только он развил феофановские идеи в направлении еще большей монументальности, благодаря чему его Успенский иконостас с чиновыми фигурами высотой более трех метров знаменует новое слово в истории древнерусской монументальной живописи.

Феофановское искусство произвело сильное впечатление не только на Рублева, но и на современных ему московских иконописцев, о чем свидетельствуют такие иконы, как „Божия Матерь, Мати Молебница“ из Ипатьевского монастыря в Костроме и „Богоматерь Донская“ в Третьяковской галерее (рис. 20), „Богоматерь Донская“ в Загорском музее, „Умиление“ в Успенском соборе в Кремле². Во всех этих вещах, исполненных на рубеже XIV и XV вв., чувствуются явные отголоски свободного живописного стиля Феофана. Они написаны в той же сочной манере, в которой работал и Прохор с Городца. Бросается в глаза определенная близость типов Марии и младенца к прославленной иконе Донской богородицы. К началу XV в. этот живописный стиль быстро сходит на нет, уступая место чисто иконо-

¹ М. Алпатов. Андрей Рублев. М.—Л., 1943, стр. 6.

² „Богоматерь Донская“ в Государственной Третьяковской галерее поступила из Загорского музея.

писному стилю, основой которого становится линия, приобретающая ведущее значение не только в очерке фигуры, но и в ее внутренней разделке.

Было бы очень важно получить представление о работах тех прямых учеников Феофана, которые помогали ему при выполнении крупных заказов и которых упоминает автор Троицкой летописи. К сожалению, гибель множества памятников ранней московской живописи препятствует этому. До нас дошло лишь две иконы, обнаруживающие не только сильнейшее влияние Феофана, но и большую близость к его стилю. Это монументальное „Преображение“ (рис. 21—26), происходящее из Переяславля-Залесского, бывшего личной вотчиной московских князей¹, и маленькая четырехчастная иконка в Государственной Третьяковской галерее (рис. 27)².

Композиция иконы Преображения, с ее бурным движением, восходит к византийским образцам палеологовской эпохи³. Как бы парящий в воздухе Христос дан в окружении трех лучей, которые четко выделяются на фоне круглого ореола. По сторонам от Христа стоят пророки Илья и Моисей. Их полуфигуры повторены в верхних углах иконы: ангелы низводят их с облаков⁴. Апостолы изображены поверженными наземь. Иоанн, ослепленный исходящим от Христа светом, закрывает себе лицо рукой, Иаков упал навзничь, стоящий на коленях Петр возносит горячую молитву Христу. На фоне пещер представлены группы апостолов, возглавляемые Христом. Слева апостолы и Христос поднимаются на Фаворскую гору, справа они спускаются с нее⁵. Композиция носит уравновешенный и строго симметрический характер. Все фигуры искусно объединены при помощи гор, лещадки которых сознательно измельчены художником, чтобы пейзажные элементы воспринимались лишь как аккомпанемент к запечатленной им сцене.

В искусстве XIV в. тема „Преображения“, в связи с горячими спорами о природе фаворского света, приобрела исключительную популярность. Она получила гораздо более живое и динамическое истолкование, нежели то, которое ей давалось в искусстве XI—XII вв. Среди множества икон, фресок и миниатюр на эту тему икона Третьяковской галереи особенно примечательна, так как ее идейный замысел, несомненно, восходит к учению Григория Паламы о фаворском свете. Худож-

¹ М. Alpatov — N. Brunov. *Geschichte der altrussischen Kunst*, S. 303, 305; А. Некрасов. *Древнерусское изобразительное искусство*, стр. 228.

² *Masterpieces of Russian Painting*. London, 1930, p. 101, pl. LII. Здесь икона воспроизведена до окончательной реставрации — с расчищенным одним лишь нижним правым клеймом. Икона совершенно бездоказательно датируется ранним XIV в.

³ Ср. миниатюру из Евангелия в Парижской Национальной библиотеке, gr. 54, л. 213 (H. Omont. *Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale*. Paris, 1929, pl. XCVI—25), миниатюру из „Теологических сочинений Иоанна Кантакузина“, там же, gr. 1242, л. 92 об. (H. Omont. *Op. cit.*, pl. CXXXVI), сербскую фреску в Пече (V. Petković. *La peinture serbe du moyen âge*. II, Beograd, 1934, pl. XCV), миниатюры из болгарской „Псалтири Томича“ в Московском историческом музее, муз. 2752, л. 159 об. и мн. др.

⁴ Эта деталь, довольно обычная для поздних памятников, всплывает едва ли не впервые на иконе из Третьяковской галереи. В искусстве XVII в. ангелы изображаются выводящими Илью с облаков, а Моисея из гроба. См. Н. Покровский. *Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских*. СПб., 1892, стр. 200—201.

⁵ Эти вводные эпизоды впервые появляются в живописи XIII в. и получают в дальнейшем широкое распространение. См. G. Millet. *Iconographie de l'Évangile*, Paris, 1916, p. 231. Ср. также фрески в Грачанице (V. Petković. *La peinture serbe du moyen âge*, pl. LXVIII), Перивлепте (G. Millet. *Monuments byzantins de Mistra*, pl. 119—9) и в Пантанассе (G. Millet. *Op. cit.*, pl. 140—2).

ника, повидимому, более всего интересовала передача излучаемого Христом холодного серебристого сияния, которое отражается на лещадках гор, на одеяниях, на лицах. Этот серебристо-голубой свет проходит как бы лейтмотивом через всю колористическую гамму иконы. Христос, чья фигура обладает наибольшей светосилой, облачен в белоснежное одеяние, от него исходят серебристо-белые лучи, его окружает серебристо-голубой ореол. Горы окрашены в серебристо-зеленые и розовато-коричневые цвета. Вишневые и серебристо-зеленые одеяния пророков и апостолов оживлены яркими голубыми пробелами. Зеленовато-желтый плащ Петра, несмотря на интенсивность своего тона, играет явно второстепенную роль по сравнению с его водянисто-синим хитоном и такого же цвета одеяниями пророков. Столь удивительная передача света невольно заставляет вспомнить о том, как Палама описывает явление Христа на Фаворской горе. „Христос, солнце истины и справедливости, прежде всего захотел показаться, и как можно ближе, апостолам. Затем, воссияв с большим блеском по причине своей высочайшей светозарности, он сделался невидимым для их глаз, подобно солнцу, на которое смотришь, и погрузился в световое облако“¹. Учение Паламы объясняет нам и весьма своеобразную форму ореола, состоящую из двух сфер и сияния, которое, в свою очередь, состоит из трех лучей². „Бог-отец и св. Дух присутствовали невидимыми: один — свидетельствуя словом, что это есть его сын любимый; другой — сияя вместе с ним световым облаком и показывая, что сын обладает вместе с ним и отцом общим светом, который един, так как то, что составляет их богатство, это общность и единство сияния, которое они излучают“. Таким образом, фаворский свет был, в толковании Паламы, символом троичности божества. Соответственно этому учению, автор иконы скомпоновал ореол из трех элементов, а сияние — из трех лучей. Тем самым он хотел подчеркнуть, что фаворский свет был присущ трем лицам Троицы.

Отвлеченность замысла, несколько необычный для русских икон сумрачный колорит, суровый тип Христа, близкий к Феофановскому Спасу, — все это, казалось бы, говорит о том, что мы имеем здесь работу греческого мастера. Но лица пророков и апостолов уже чисто русские. В них нет византийского аскетизма и византийской психологической напряженности, они носят более открытый характер. Много русского и в позах пророков, умирленно склонившихся перед Христом; на византийских иконах пророки даются обычно прямо стоящими, что подчеркивает торжественность сцены. Наконец, все надписи русские. Это своеобразное сочетание греческих и русских элементов дает основание приписать икону либо обрусевшему греку, либо русскому выученику греческого мастера. Последнее предположение более вероятно. Повидимому, икона была исполнена одним из ближайших учеников Феофана, который, как и его учитель, был прирожденным фрескистом, привыкшим писать в широкой, энергичной манере. Так как Переяславский собор подвергся капитальному ремонту около 1403 г., то этим временем и хочется датировать икону Преображения, против чего отнюдь не говорит ее стиль.

Вторая икона, законченная расчисткой в 1952 г., ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее³. На этой четырехчастной

¹ PG, t. 151, col. 444B. Cp. G. Millet. *Iconographie de l'Évangile*, p. 230.

² PG, t. 151, col. 425 C. Cp. G. Millet. *Op. cit.*, p. 231.

³ В надписи XVII—XVIII в., удаленной при реставрации и в свое время находившейся на верхнем поле иконы, последняя называлась „Четырехдесятница“. Икона

иконе, очень небольшой по размеру ($0,32 \times 0,25$), изображены Иоанн Предтеча в пустыне, лик апостолов, пророков и святителей и лик мучеников, мучениц и преподобных (верхнее правое клеймо утрачено). Иоанн Предтеча представлен стоящим. Он слегка склонился. Правой рукой он благословляет, в левой держит свиток со славянской надписью: „Покаетесь приближбюся Вам дрѣво неб^еное уже бо секира. и. и.“ У ног Предтечи стоит чаша, в которой покоится его глава, а на втором плане виднеется кулиса, разделанная мелкими лещадками. Наклонная линия кулисы вторит наклону корпуса Предтечи, чья фигура, вместе со скалой, превосходно вписана в прямоугольник клейма. Несмотря на крохотные размеры фигуры, художнику хорошо удалось выразить в ней оттенок душевной мягкости. Два нижних клейма, сохранившие остатки надписей [„ст ап, ст пр“ (святые апостолы, святые пророки), „Пр м“ (пророки, мученики)], заполнены множеством фигур святых. Среди них опознаются Петр и Павел, святители, митрополиты, архидиакон, отшельники, святые монахи, мученики, мученицы. В нижнем правом углу представлены две гробницы с шестью облаченными в белые саваны фигурами восстающих из мертвых. Миниатюрные размеры голов не помешали художнику дать большое разнообразие характеристик. Типы лиц (особенно бородатые святые в нижнем правом клейме) очень близки к образам феофановских столпников из росписи Спаса Преображения в Новгороде. Автор иконы, работающий в смелой живописной манере, полностью усвоил художественные заветы Феофана Грека, чьим прямым учеником он несомненно являлся. В пользу этого говорит и несвойственный чисто русским иконам колорит, основанный на густых, несколько сумрачных красках, среди которых преобладают темносиние и темнозеленые тона; в качестве дополнительных цветов даются охряные, вишневые и красные. Карнация, выполненная по темному коричневому санкирю, имеет белесый оттенок и обработана с помощью резких контрастов света и тени, усиливающих выражение той внутренней напряженности, которое присуще большинству лиц. Именно это выражение сближает икону с работами Феофана Грека.

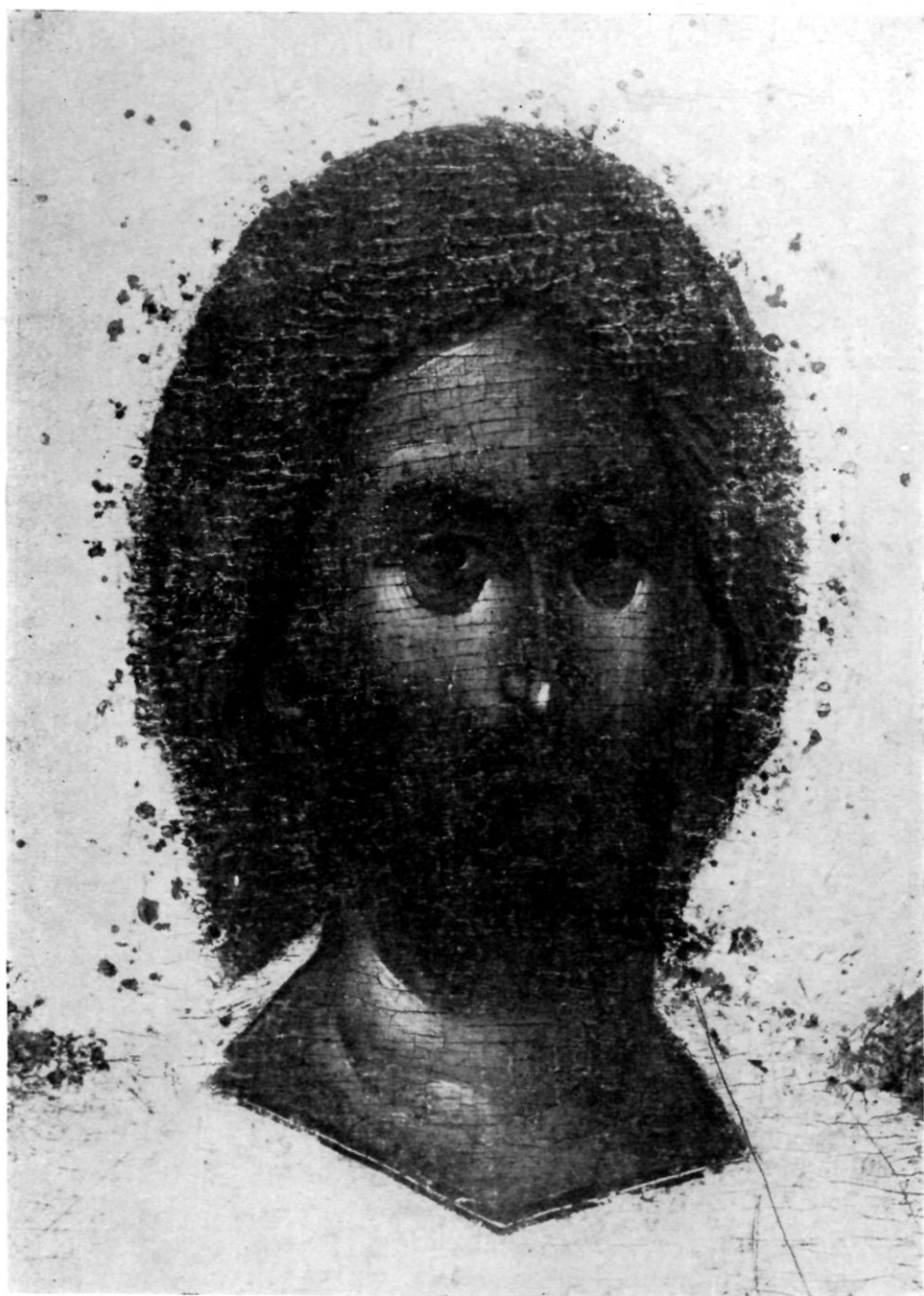
То сильно византизирующее течение, которое так характерно для московской живописи конца XIV—начала XV в. и которое в немалой степени связано с деятельностью Феофана Грека, не имело на русской почве будущего. Оно очень скоро сошло на нет, целиком растворившись в широком потоке русского искусства. Феофан был последним византийским мастером, оставившим глубокий след в русской живописи. В дальнейшем, если отдельные греческие мастера и попадали к нам на Русь, то они уже не играли сколько-нибудь существенной роли. После Рублева национальный язык русской живописи настолько четко определился, что никакие влияния, шедшие извне, не способны были его видоизменить. Рублев заложил крепкое основание для всего позднейшего искусства. И хотя сам он использовал великий опыт Византии и уроки одного из ее наиболее выдающихся мастеров, это ни в какой мере не помешало ему стать на путь вполне самостоятельного развития. Здесь лишний раз сказалась удивительная способность русского народа перерабатывать на свой лад и подчинять своим собственным целям всё, взятое со стороны.

происходит из колокольной Ивана Великого в Московском Кремле, где в первые годы революции был размещен склад церковной утвари. Таким образом, точное место происхождения иконы остается неизвестным.

1. Феофан Грек. Спас. Икона из деисусного чина Благовещенского собора
в Московском Кремле. 1405 г.

2. Феофан Грек. Голова Спаса. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

3. Феофан Грек. Богоматерь. Икона из деисусного чина
Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

4. Феофан Грек. Голова богородицы. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

5. Феофан Грек. Иоанн Предтеча. Икона из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

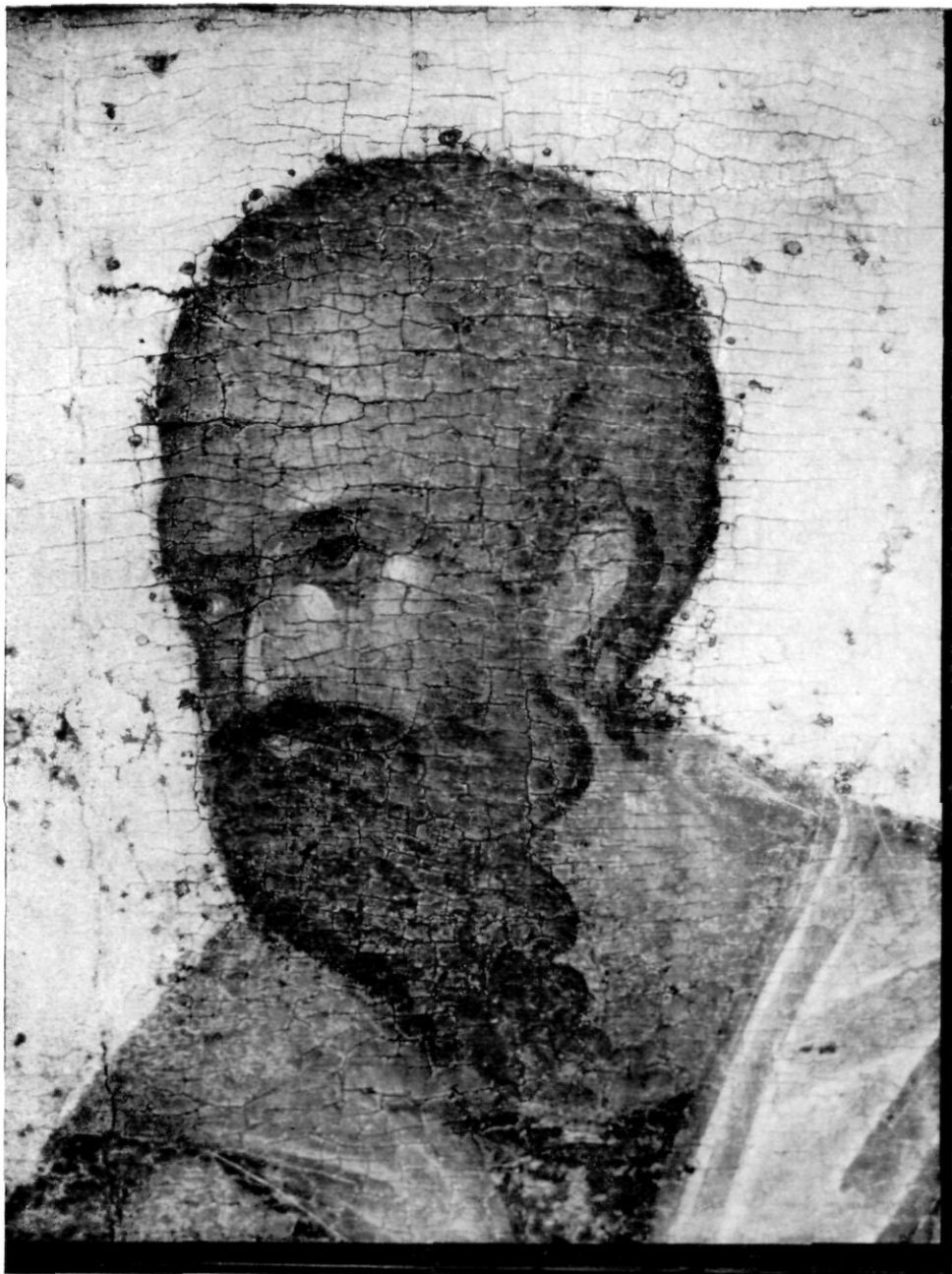
6. Феофан Грек. Верхняя часть фигуры Иоанна Предтечи. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

7. Феофан Грек. Архангел Гавриил. Икона из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

8. Феофан Грек. Апостол Павел. Икона из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

9. Феофан Грек. Голова апостола Павла. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

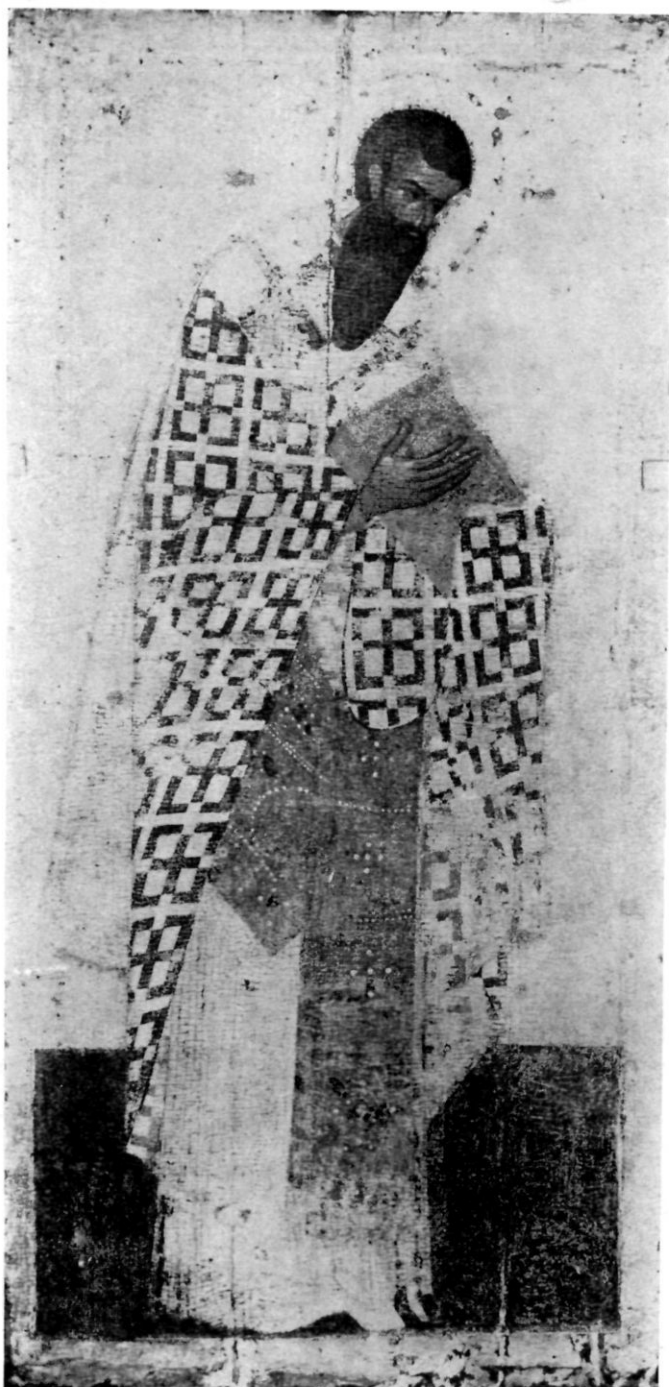

10. Феофан Грек. Иоанн Златоуст. Икона из деисусного чина
Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

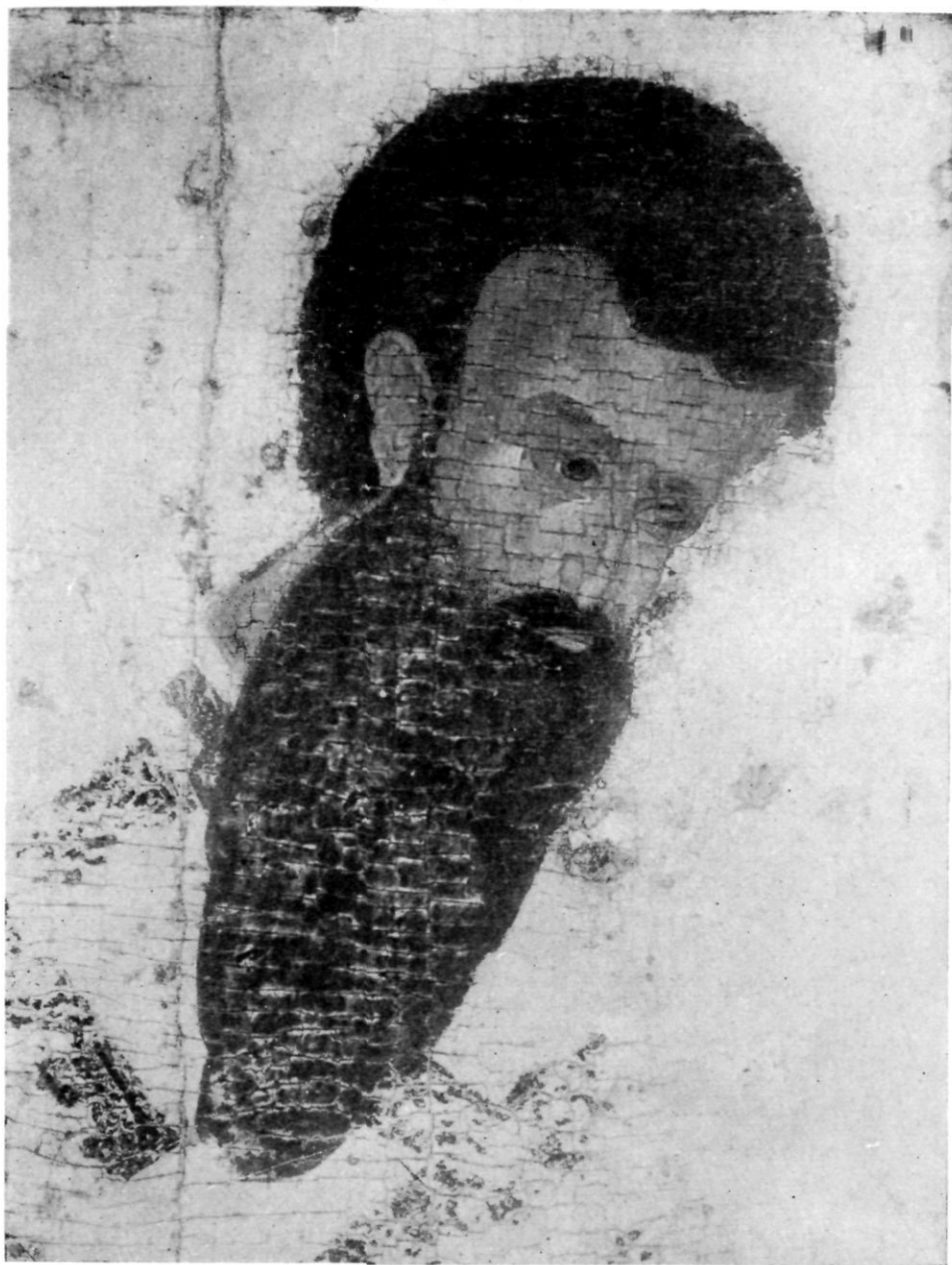

11. Феофан Грек. Голова Иоанна Златоуста. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле, 1405 г.

12. Феофан Грек. Василий Великий. Икона из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

13. Феофан Грек. Голова Василия Великого. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

14. Школа Феофана Грека. Апостол Петр. Икона из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

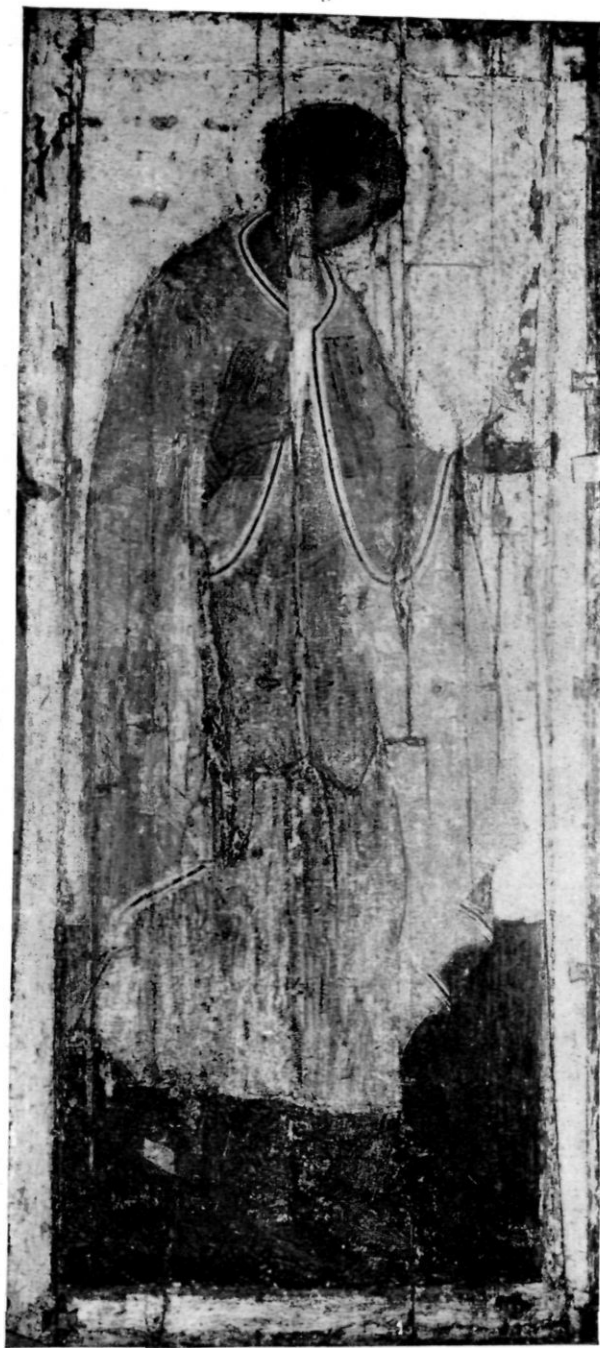
15. Школа Феофана Грека. Голова апостола Петра. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

16. Школа Феофана Грека. Архангел Михаил. Икона из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

17. Школа Феофана Грека. Голова Архангела Михаила. Деталь иконы из деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. 1405 г.

18. Прохор с Городца (?). Великомученик Димитрий.
Икона из деисусного чина Благовещенского собора
в Московском Кремле. 1405 г.

19. Прохор с Городца (?). Великомученик Георгий.
Икона из деисусного чина Благовещенского собора
в Московском Кремле. 1405 г.

20. Последователь Феофана Грека. Богоматерь Донская. Икона в Гос. Третьяковской галерее. Конец XIV в.

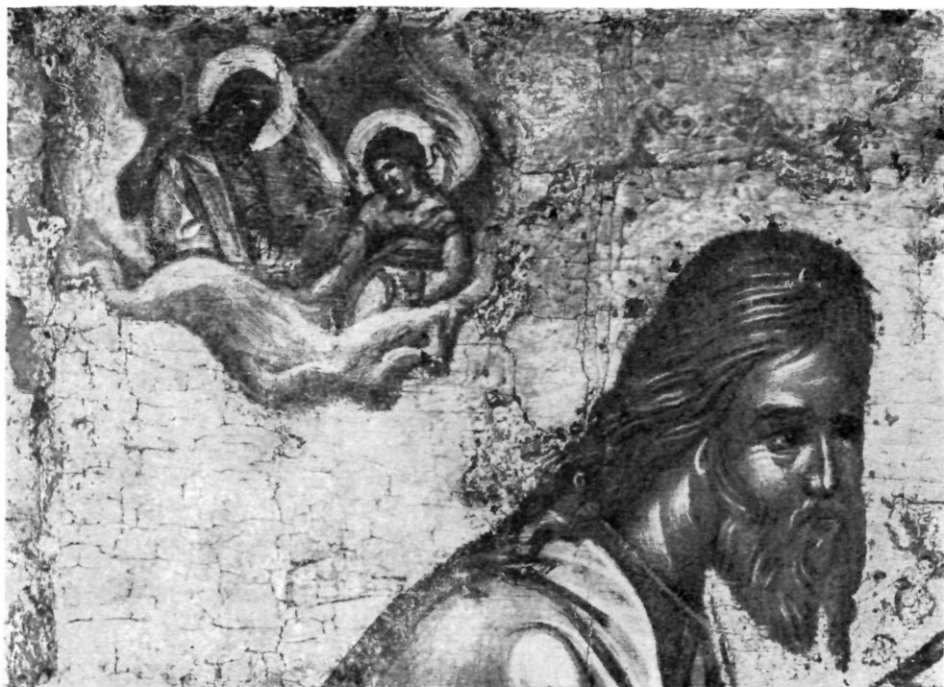

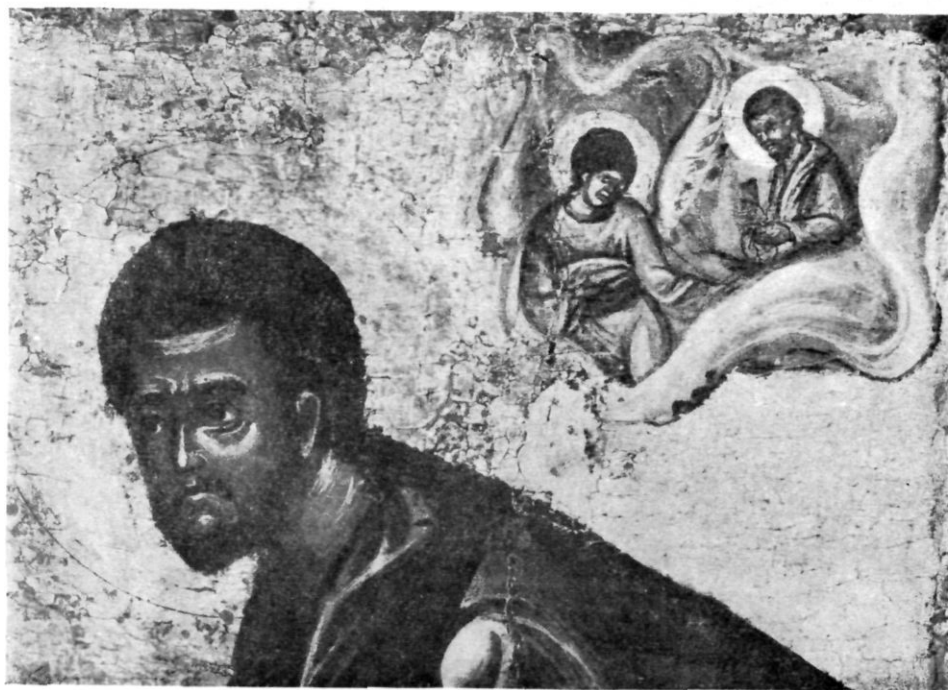
21. Школа Феофана Грека. Преображение. Икона в Гос. Третьяковской галлерее.
Начало XV в.

22. Школа Феофана Грека. Христос из «Преображения». Деталь иконы
в Гос. Третьяковской галлерее. Начало XV в.

23. Школа Феофана Грека. Пророк Илья из «Преображения». Деталь иконы в Гос. Третьяковской галлерее. Начало XV в.

24. Школа Феофана Грека. Пророк Моисей из «Преображения». Деталь иконы в Гос. Третьяковской галлерее. Начало XV в.

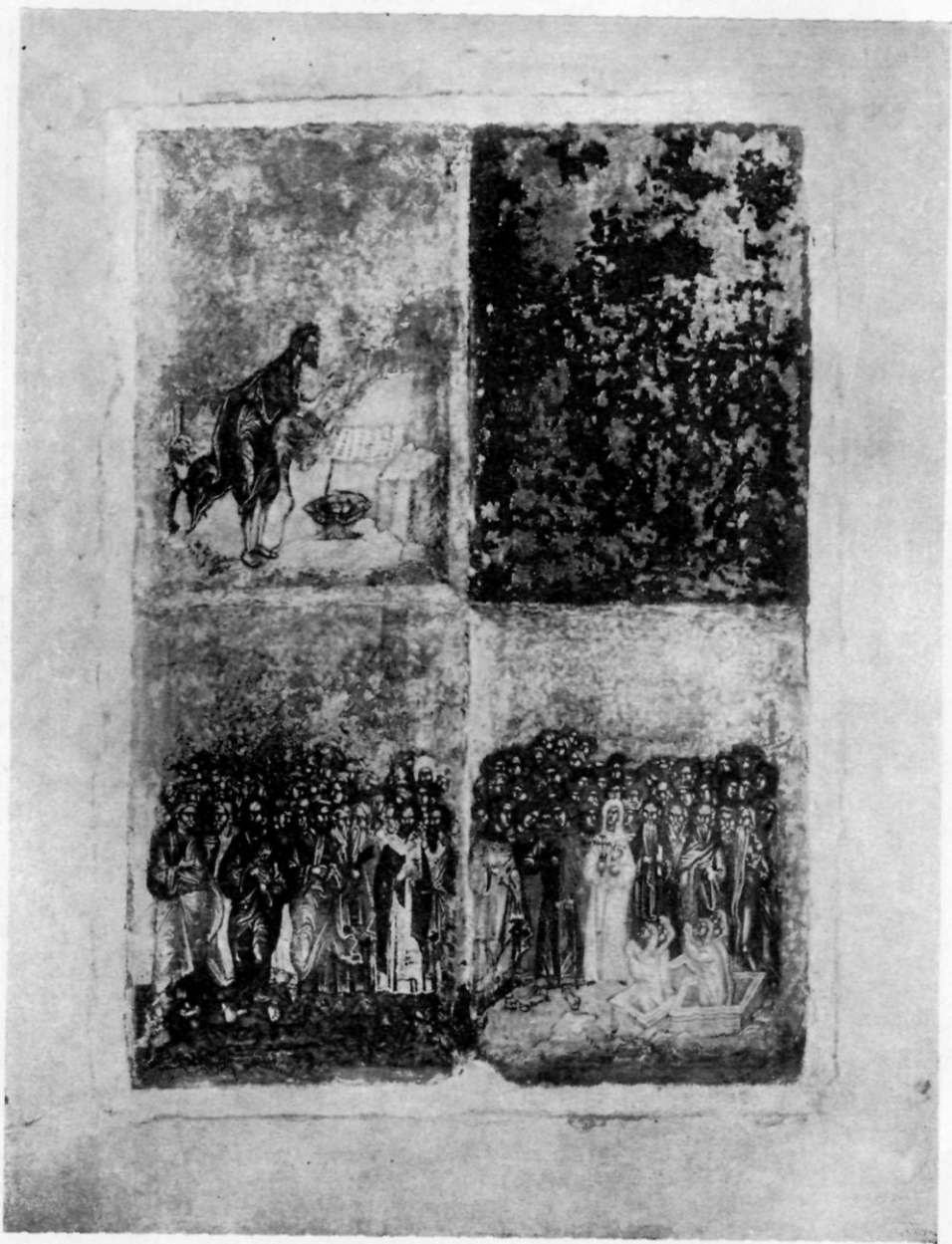

25. Школа Феодана Грека. Христос с апостолами из «Преображения». Деталь иконы в Гос. Третьяковской галлерее. Начало XV в.

26. Школа Феофана Грека. Апостол Петр из «Преображения». Деталь иконы
в Гос. Третьяковской галлерее. Начало XV в.

27. Школа Феофана Грека. Четырехчастная икона в Гос. Третьяковской галлерее.
Конец XIV в.

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ФЕОФАНА ГРЕКА

Если бы от Феофана Грека сохранились все упоминаемые Епифанием и летописями произведения, он, несомненно, предстал бы перед нами во весь свой исполинский рост как одна из центральных фигур искусства XIV в. Но даже и при теперешнем положении вещей, когда нам приходится изучать лишь случайно сохранившиеся и притом весьма немногочисленные работы мастера, творчество Феофана поражает своим размахом и силой своего эмоционального воздействия. Феофан был выдающимся талантом, человеком исключительной разносторонности, художником огромного живописного темперамента. Он чутко откликался на идейные веяния своей эпохи: и на раннепалеологовский гуманизм, и на психологические теории исихастов, и на бунтарство новгородских еретических сект. На этой сложной основе он дал новое по сравнению со своими предшественниками понимание человека — гораздо более индивидуальное и более психологическое. В патетических, страстных образах феофановских святых ярко отразились противоречия его века, отмеченного печатью кризиса средневекового мировоззрения. С замечательной проникновенностью передал мастер тот трагический разлад, который был следствием глубокой коллизии между традиционным устремлением к богу и познанием соблазнов мира. Для Феофана уже не существует типического, безликого образа святого. Каждый святой является для него носителем индивидуальных переживаний, чей сложный душевный мир с безупречной точностью запечатлевает его кисть. И как ни отвлеченны переживания его святых, продолжающих жить в узком кругу старых церковных идей и представлений, он всегда находит такие средства для характеристики этих переживаний, которые сообщают последним изумительную наглядность и конкретность. Вот почему под кистью Феофана даже экстаз столпника воспринимается как точно и ясно очерченное психологическое состояние.

Хотя искусство Феофана не ломает традиционных церковных рамок, хотя мастер всю свою жизнь оставался склонным к умозрительному мудрствованию, любое его произведение все же содержит в себе здоровое и крепкое реалистическое ядро. Именно этим своим свойством искусство Феофана особенно привлекало русских, в первую очередь новгородцев, которые сделали самые последовательные и наиболее далеко идущие выводы из художественной практики прославленного мастера.

Неизвестно, с какими намерениями ехал Феофан на Русь. Вполне возможно, что он собирался побыть здесь недолгое время, подобно тем мастерам, которые посещали чужие страны в поисках более высоких заработков. Такие заезжие иностранцы обычно сохраняли презрительное отношение к культуре народа, оказавшего им гостеприимство, и при первом удобном случае уезжали к себе обратно на родину. Совсем иной была судьба Феофана. Приехав на Русь, он прожил здесь около тридцати лет, до конца своих дней. И Феофан сразу же активно включился в ее художественную жизнь, вступившую в полосу блестящего расцвета в связи с общим подъемом русской национальной культуры. Он органически усвоил наиболее передовые идеи Новгорода и Москвы, немало обогатившие его творчество и во многом помогшие ему отойти от догматизма византийского мышления. На Руси Феофан тесно сжился с русскими людьми и крепко вошел в русское искусство, судьба которого была в его глазах уже неотделима от его собственной судьбы. И поскольку он занес к нам не сухие, упадочные формы позднепалеоло-

говского искусства, а те свободные живописные традиции, которые сложились в начале XIV в. на константинопольской почве, когда неоманинистическое течение находилось в полном расцвете, постольку искусство Феофана породило на Руси широчайший отклик.

Феофан имел у нас одинаковый успех и как фрескист, и как иконописец, и как миниатюрист. В нем поражали сложность духовной культуры, независимость от цеховой рутины, неисчерпаемая фантазия, зоркость глаза на самые тонкие душевные движения, наконец, огромный живописный темперамент. В зависимости от индивидуальных склонностей различные мастера брали от него то, что было им ближе по духу. Новгородцам Феофан нравился главным образом бунтарскими и реалистическими сторонами своего творчества, москвичам — глубиной своих психологических решений и совершенством своих художественных приемов. Но и для тех, и для других его искусство было всегда притягательным и живым, будило их мысль и шлифовало их мастерство. Столь большая действенность феофановского искусства была возможна лишь потому, что великий мастер чутко откликался на запросы русских людей и сумел проникнуться их чувствами и мыслями. Вот почему имя Феофана Грека фигурирует на страницах истории русского искусства не как имя заезжего иностранца, а как имя одного из активных строителей нашей художественной культуры.

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БАСНЯ „РАССКАЗ О ЧЕТВЕРОНОГИХ“ (XIV в.)

Ценными источниками для изучения истории византийской культуры служат памятники народной византийской литературы. В них нашли свое выражение прогрессивные взгляды широких масс, их стремление к борьбе за улучшение своего положения; эти памятники содержат также весьма существенные данные по материальной культуре Византии. Произведения народного литературного творчества дошли до нас в незначительном количестве, — тем более важно подвергнуть возможно более полному и всестороннему исследованию каждый из них.

Наше внимание привлекли к себе памятники басенного эпоса, принадлежащие к числу произведений сатирической литературы Византии.

Важное значение в качестве источника по социально-политической и экономической истории, а также источника по истории византийской культуры эпохи Палеологов, до настоящего времени крайне мало изученной, имеет „Рассказ о четвероногих“. Он представляет анонимное стихотворное произведение, написанное на среднегреческом языке и состоящее из 1082 нерифмованных стихов.

Анализ содержания басни — ему будет посвящена особая статья — позволяет считать этот памятник самобытным произведением, возникшим в Византии во второй половине XIV в. Такую датировку подтверждает и сопоставление „Рассказа о четвероногих“ с другими произведениями подобного жанра: рассказами о фруктах, рыбах и птицах. Тема „Рассказа“ и разрешение ее было продиктовано условиями исторической действительности византийского государства XIV в.

Прежде всего следует остановиться на рукописном предании интересующего нас памятника.

Ленинградская рукопись и ее особенности. В богатейших фондах Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде среди греческих рукописей мы находим два интересных рукописных сборника, числящихся под номерами 202 и 488. С листов этих рукописей, написанных на среднегреческом языке, предстают перед нами замечательные византийские басни: „Рассказ о фруктах“ (рукописи 488 и 202), „Рассказ о птицах“ (рукопись 202) и „Рассказ о четвероногих“.

„Рассказ о четвероногих“ сохранился в следующих списках: Венском (Cod. Vindob. theol. 244), Парижском (Cod. Paris, 2911), Лесбосском (Cod. Lesb. 92) и Ленинградском. Имеются сведения (Фр. Бласс,

Ф. И. Успенский, Д. Дейсман) еще об одном списке, хранящемся в Серальской библиотеке в Константинополе — Cod. 35.

Венская и Парижская рукописи сохранились в копиях, по которым В. Вагнер, основываясь преимущественно на Парижской рукописи, издал в 1874 г. „Рассказ“ в сборнике „*Carmina graeca medii aevi*“¹.

Лесбосская рукопись, содержащая тот же „Рассказ“, была описана А. Пападопуло-Керамевсом², который, кроме того, оставил на страницах одного из экземпляров Вагнеровского сборника³ все разночтения этой рукописи⁴.

Что касается Серальского кодекса № 35, то краткость приводимых сообщений о нем и отсутствие его научного описания лишают нас возможности составить о кодексе определенное представление⁵.

Ленинградский список сохранился в сборнике, внесенном в каталог греческих рукописей Государственной публичной библиотеки в Ленинграде под номером 202. Бумажный рукописный сборник состоит из 97 листов (последний лист дефектный), размер которых 0,16×0,105 см. Количество строк на странице в среднем — 14.

Сборник был принесен в дар библиотеке в 1875 г.⁶ Лидо, передавшее его, не указано; неизвестно также, откуда сборник доставлен в Петербург.

Все произведения, включенные в сборник, написаны позднейшим минускулом. Но не только характер письма позволяет относить рукопись к XVI в.⁷ К этому же выводу приводит изучение материала памятника: бумаги и водяных знаков, которые хорошо просматриваются на многих ее листах (8, 17, 18, 19, 20 и др.).

В рукописи встречается пять филигранных: 1. Якорь, вписанный в круг, над которым расположена шестиконечная звезда. Особенность этой филигранны: якорь сделан двойной линией и имеет широкие лапы. 2. Лестница. 3. Голова быка с глазами в виде двух кружков внутри (может быть, вне) рисунка; между рогами две черты образуют стержень, на конце которого изображен цветок из пяти лепестков. 4. Шляпа с лентами. 5. Монограмма В. В.

Филигранны рукописи в сопоставлении с датированными филигранями греческих⁸ и итальянских⁹ рукописей и изучение расположения вержер

¹ *Carmina graeca medii aevi*. Lipsiae, 1874, p. 141—178. Все дальнейшие ссылки даются по указанному изданию.

² Греческая рукопись № 608 Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

³ Этот экземпляр сборника Вагнера находится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

⁴ В настоящее время, как это удалось установить недавно главному библиотекарю Государственной публичной библиотеки Е. Э. Гранстрем, Лесбосская рукопись хранится в Отделе рукописей ГПБ в Ленинграде и числится под номером „греч. 721“. Возможность непосредственного ознакомления с еще одним, к тому же полным текстом рукописи, по мнению автора работы, могут быть значительно расширены рамки дальнейшего изучения рукописной традиции памятника. — В. Ш.

⁵ Fr. Blass. *Die griechische und lateinische Handschriften im alt. Serail zu Konstantinopel*. „Hermes“, XXIII, 1888, S. 219—233, D. A. Deissman. *Forschungen und Funde im Serail*. Berlin—Leipzig. 1933, S. 71 ff.

⁶ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1875 г., стр. 94. Сообщение помощника директора библиотеки А. Ф. Бычкова.

⁷ Д. Хесселлинг считает датировку сборника XVI веком сомнительной, но ничем не обосновывает своей точки зрения. См. D. Hesseling. *Notes critiques sur deux poèmes grecs du moyen âge*. Byz., vol. 1, 1924, p. 306.

⁸ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

⁹ C. M. Briquet. *Les filigranes*. Genève, 1923.

и понтюзо позволили заключить, что рукописный сборник составлен в XVI в.; его тексты написаны на итальянской бумаге двух сортов. Последнее, нам кажется, объясняет наличие большого числа водяных знаков (5), так как обычно на бумаге одного сорта они встречаются в рукописи в количестве 2—3.

Оформление сборника скромное. Украшений мало: они встречаются на листах 29^v, 33^v, 39^v, 46^v, 47^r. Орнамент простой, выполнен черными чернилами и темнокрасной краской. Два произведения: „Рассказ о четвероногих“ и „Рассказ о птицах“ иллюстрированы. В первом из них рисунки пером (лл. 14^r, 15^v, 21^v) выполнены черными чернилами, во втором — черными чернилами и киноварью (лл. 63^r, 64^v, 66^r, 67^v, 70^v, 73^r, 75^v, 79^v, 80^r, 82^r, 83^v, 84^v), за исключением двух рисунков на лл. 69^r и 87^v, которые сделаны только чернилами. Ниже воспроизведены рисунки на л. 14^r (рис. 1), 15^v (рис. 2), 21^v (рис. 3) и титульный лист „Рассказа о птицах“ (рис. 4).

1. Рисунок пером № 1 к басне „О четвероногих“ из рукописи № 202

Весь текст сборника написан черными чернилами. Заголовки, инициалы, начала стихов исполнены киноварью. Ввиду того, что сначала выполнялся черными чернилами текст страницы, а затем киноварью писались инициалы и начальные буквы стихов, последние часто пропущены (лл. 28^{r-v}, 29^r и др.). Киноварь использована для украшения рукописи, с этим же связано определенное расположение начала стихов. Переплет сборника новый.

В состав сборника входят восемь стихотворных и одно прозаическое произведение, в их числе „Рассказ о четвероногих“. „Рассказ о фруктах“ и „Рассказ о птицах“. „Рассказ о четвероногих“ занимает листы 1 (рис. 5)—29^r (рис. 6).

2. Рисунок пером № 2 к басне „Ο четвероногих“ из рукописи № 202

3. Рисунок пером № 3 к басне „Ο четвероногих“ из рукописи № 202

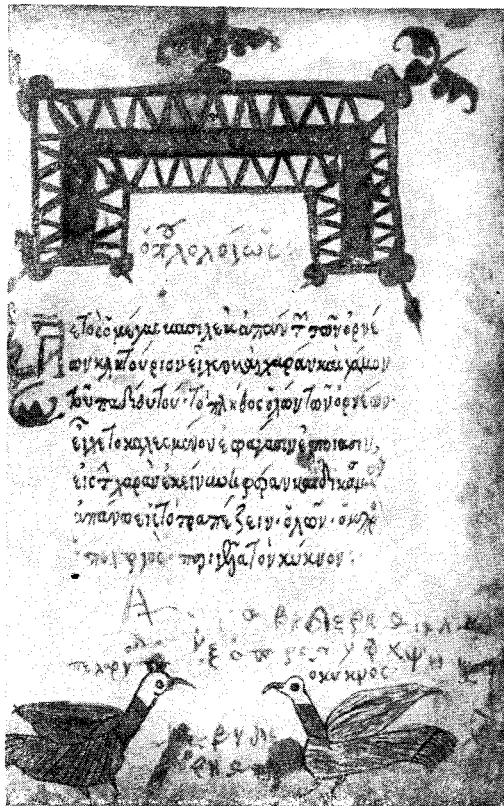
Памятник носит фрагментарный характер. Он начинается с конца 64 стиха¹ словом *μεγαλην* и доходит до ст. 168, затем идет лакуна, оканчивающаяся ст. 197, а далее текст продолжается до ст. 573. После этого снова следует лакуна до ст. 606, затем идет связный текст, который, однако, пресекается на ст. 881. На основании других рукописей нам известно, что „Рассказ“ охватывает 1082 стиха, таким образом, до конца не достаёт по Ленинградской рукописи ещё 201 стиха.

Лакуны объясняются неполнотой рукописи: из нее выпало два листа, число строк которых соответствует количеству пропущенных стихов.

Лакуны нарушают ход рассказа в целом и последовательность выступлений отдельных персонажей басни, а именно: пропуск ст. 168—197 обуславливает незаконченность обвинительной речи Мыши, направленной против Кота, отсутствие выступления Собаки и вводных слов речи следующего „оратора“ — Лисы. Лакуна ст. 574—605 не дает возможности узнать конец выступления Быка и начало монолога Буйвола, касающихся их положения среди животных и пользы, приносимой ими людям. Кроме того, в тексте рукописи недостает ст. 795 и ст. 817—818 текста Вагнера. Отсутствие первого затрудняет понимание контекста, ибо смена выступающих „ораторов“ никак не оговорена. Пропуск, вероятно, произошел по небрежности переписчика. Отсутствием ст. 817—818 сокращен перечень тех животных, которые становятся жертвами кровожадного Волка. Вопрос об этих стихах остается открытым.

В Ленинградской рукописи встречаются три случая соединения стихов.

При соединении ст. 791—792 выпала та часть стиха, без которой невозможно понять смысл сказанного о судьбе обессиленной от работы Лошади: *εκβαλουν καὶ ὑπαγουν σε οἱ χοράκοι*² („тебя выбрасывают и уводят... вороны“). Пропущены слова: „на луг, там ты, несчастная, околеваешь, и тебя едят“. Этот пропуск можно объяснить небрежностью писца.

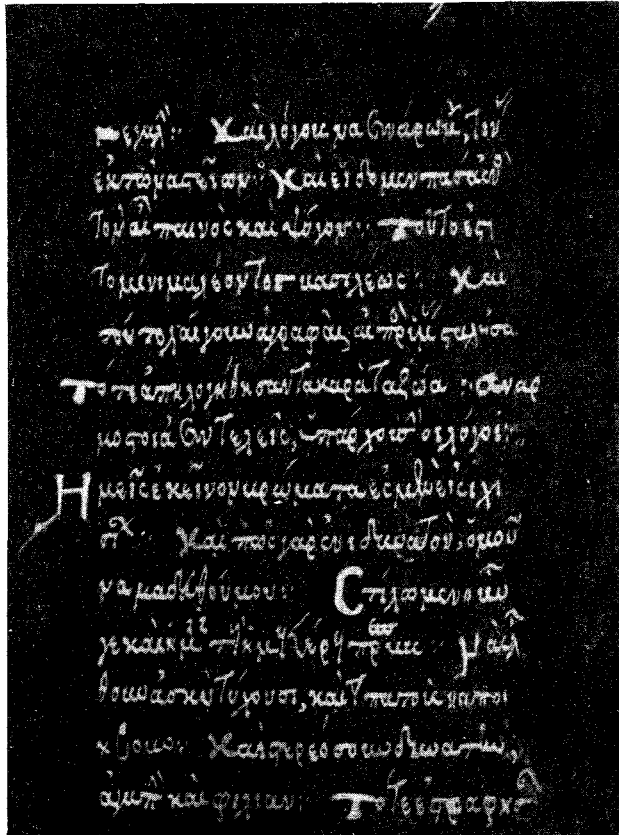

4. Титульный лист „Рассказа о птицах“ из рукописи № 202

¹ Нумерация стихов принята для удобства пользования по тексту, изданному Вагнером.

² Греческий текст дается в транскрипции рукописи.

Соединение ст. 868 $\kappa\alpha\theta\omega\varsigma \delta\eta\lambda\omega\iota \tau\omicron \nu \omicron\nu\omicron\mu\alpha\chi\eta \tau\omicron \nu \tau\omicron\upsilon \lambda\epsilon\omicron\nu\tau\omicron\pi\acute{\alpha}\rho\delta\omicron\upsilon$ («как это становится очевидным из имени „Леопард“») и ст. 869: $\acute{\epsilon}\gamma\omega \delta\acute{\epsilon} \pi\rho\omicron\varsigma \tau\omicron \nu \omicron\nu\omicron\mu\alpha \acute{\epsilon}\chi\omega \kappa\alpha\iota \tau\eta\nu \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\epsilon}\iota\alpha\nu$ („я же в соответствии с именем наделена и мужеством“) в один стих — $[\kappa]\alpha\theta\omega\varsigma \delta\omicron\upsilon\lambda\iota \tau\omicron \nu \omicron\nu\omicron\mu\alpha \acute{\epsilon}\chi\omega \kappa\alpha\iota \tau\omicron\nu \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\epsilon}\iota\alpha\nu$ объясняется либо невнимательностью писца, соединившего начало ст. 868 с концом ст. 869, либо тем, что писец свел воедино два стиха, не поняв, что ст. 869 по смыслу довершает ст. 867, где говорится

5. Фотоснимок первой страницы басни „О четвероногих“ из рукописи № 202

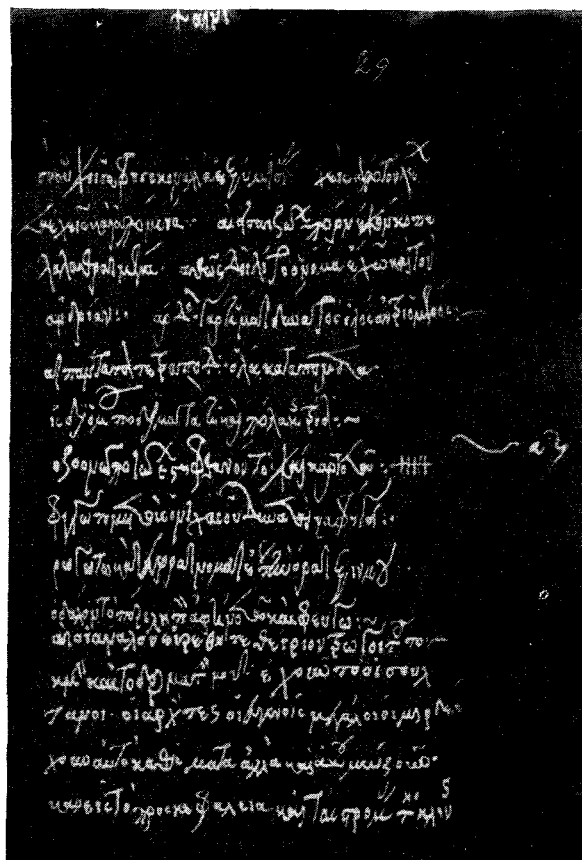
о Леопарде, а ст. 869 относится к последующим стихам (ст. 870—871), где речь идет о Пантере.

В один слились стихи 486—487: $\kappa\omicron\kappa\iota\nu\alpha \mu\alpha\upsilon\alpha \kappa\iota\tau\rho\iota\nu\alpha \chi\rho\omicron\delta\omicron\iota \pi\rho\omicron\varsigma \tau\eta\nu \tau\epsilon\chi\nu\eta\nu$. Хотя смысл последних не меняется, однако, по сравнению с Парижской рукописью, здесь названо меньшее количество красок, употреблявшихся при окраске шерсти, — „красный, черный, желтый цвета, необходимые для мастерства“. В таком же виде данный стих фигурирует в Венской и Лесбосской рукописях. Парижская рукопись добавляет к этим цветам фиолетовый, голубой и „другие цвета“ — $\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\nu \pi\lambda\acute{\epsilon}\iota\omicron\nu\alpha$.

Ленинградская рукопись дает в ряде стихов свое, отличное от других рукописей, чтение (ст. 86, 151, 506, 566, 642 и др.). Например:

ст. 504 τζουχοφασμένα в Ленинградской, τζοχοφандομένα — „сукна“ в изданном тексте, τζοφασμένα в Лесбосской рукописи.

Кроме того, Ленинградская рукопись отличается от других и по составу стихов; она содержит стихи, отсутствующие либо только в Венской рукописи (ст. 134, 135, 221, 226, 274, 439—444), либо в Лесбосской (ст. 526) или и в той и в другой (ст. 254, 543—556, 558—569, 571—574).

6. Фотоснимок 29 страницы басни
„О четвероногих“ из рукописи № 202

Стихи 269^a и 344^a, вовсе отсутствующие в издании Вагнера, представлены только нашим списком: καὶ με μανίαν καὶ θυμὸν λέγει πρὸς τὴν αὐτήν — „и говорит ей с бешенством и гневом“ (Заяц — Лисе) — ст. 269^a; δεσμενοῦσι τὰ ζῷα πούσι καὶ ζωνάρια („связывают животных, делают и пояса“) — ст. 344^a, где речь идет об использовании шкуры оленя. Стих 673^a: τὰ ὑπερὰ καὶ βρόμιατ' ἀπάνω σου τὰ θετοῦν („... и пищу укладывают на тебя сверху“ — говорит Лошадь, обращаясь к Ослу) имеется в Ленинградской и Венской рукописях. Ст. 612^a: πολὰ μοι ἐτζαμπουνίσεσ φλυᾶροχαρδόλογε („многое ты мне наболтал, болтун“ — обращение Быка к Буйволу) существует только в Ленинградской и Лесбосской рукописях.

Что касается текста рукописи, то он поражает безграмотностью написания. Кроме характерного для средневековых текстов явления итацизма, постоянно можно наблюдать пропуск слов, слогов (καρά вм. καθαρά в ст. 69, καβάλλην вм. καταβάλλην в ст. 257 и т. д.), букв (μακρόθεν вм. μακρόθεν в ст. 779, προς вм. προς в ст. 555 и др.), замена одной буквы другой (ст. 336—μυ вм. συ, χρόρον вм. χλόρον в ст. 374) и т. д.

В тексте встречаются метрически неисправные стихи, как, например, ст. 152: μεγάλος ὑπεραίρεσε μέγας καυχᾶσε κατὰ („слишком ты, Кот, зазнаешься, слишком много хвалишься“). Вместо обычных для текста 15 слогов мы имеем здесь 16 слогов. К числу таких же стихов относятся ст. 96, 116, 138, 164, 167, 210, 213 и др.

Примером неразборчивых мест рукописи является ст. 663: μεγαλον εχρινάτισεν εστάθη εις το μεσον („сильно... встала в центре“ — речь идет о Лошади)¹, а также ст. 74, 86, 252, 256 и др.

Среди большого количества сокращений преобладающее место занимает отрыв конца слова (суспенсия). В таком случае после последнего согласного ставится определенный значок. Наряду с некоторыми общепринятыми сокращениями встречается целый ряд неупотребительных сокращений, которые могли принадлежать переписчику рукописи. Последнее в значительной степени затрудняет раскрытие аббревиатур.

В обозначении места ударения царит полный произвол, знаки препинания редки.

Безграмотность в написании слов, произвол в расстановке ударений производят такое впечатление, что Ленинградский список выполнялся либо под диктовку и притом человеком исключительно невнимательным и малограмотным, либо лицом, родным языком которого не был греческий язык².

Однако значение Ленинградской рукописи состоит в том, что она дает для выяснения первоначального текста изучаемого литературного памятника. Путем привлечения к работе над текстом „Рассказа“ разночтений других рукописей удалось сделать ряд наблюдений, которые убеждают нас в существовании двух определенных рукописных групп: Ленинградской, Венской, Лесбосской — с одной стороны (I группа), и Парижской рукописи — с другой (II группа).

Основанием для подобного вывода могут служить: общие чтения целого ряда стихов в рукописях I группы в отличие от II группы. В тридцати случаях общность чтения касается стиха полностью (ст. 79, 124, 201 и др.), в сорока семи (ст. 70, 96, 106, 109 и др.) — какой-либо части стиха. Кроме того, можно привести примеры, когда одинаковое чтение имеют не все рукописи I группы, а две из них, причем противопоставление чтению Парижской рукописи сохраняется. Так, Ленинградская рукопись имеет общее чтение с Лесбосской в ст. 71, 134 и др., с Венской в ст. 73, 79 и др.

В рукописях I группы отсутствует ряд стихов, которые встречаются только в Парижской рукописи: ст. 76—78, 309, 557, 570, 661, 685—689 и 837.

В то же время имеется ряд стихов, представленных рукописями I группы и отсутствующих в Парижской: ст. 124, 151, 344, 372, 838—842.

В рукописях I группы представлен также ряд стихов, которые являются как бы „дополнительными“ сравнительно с изданным Вагнером текстом: ст. 241^a ἀλλὰ τὴν ὄλγην τοῦ ζῶντος ἐχέεις τιν εἰς τιν τρίπαν („но всю

¹ В чтении Вагнера употреблен глагол ἐχλινύτρισεν — „заржала“.

² Этим указанием мы обязаны проф. П. В. Ершгедту.

свою жизнь ты проводишь в норе — из речи Собаки, обращенной к Лисе); ст. 255^a ἀγρία ἀγρία καὶ σα τὰ τοιαῦτα („диких коз и других подобных им“ — Собака перечисляет животных, на которых она охотится. Этот стих является добавлением к предыдущему стиху); ст. 610^a πούλλυλογία γὰρ ἐστὶ τεκμήριον ζαβίας („ибо болтливость — доказательство глупости“ — этими словами заканчивает свою речь Буйвол).

Выявлению наличия двух рукописных групп в значительной степени способствовала также наша работа по сопоставлению текста Ленинградской рукописи с текстом „Рассказа“ в издании Вагнера. Текст Вагнера привлек наше внимание потому, что в основу его положена Парижская рукопись, в то время как Ленинградский список связан с другой группой рукописей. Сравнение текстов дает большое число разночтений, одни из которых затрагивают смысл текста, другие не влияют на него.

Особый интерес представляют те стихи Ленинградской рукописи, которые дают лучшее чтение.

¶ Ст. 79. В Ленинградской рукописи подчеркивается не то, что Мышь и Кот возвратились домой вместе, а то, что Мышь и Кот (посланцы царя к мирным животным) возвращаются обратно без царских грамот, которые были переданы ими по назначению: τότε ἐστραφίσαν καὶ οἱ πομπικός ὁ κάττης („тогда возвратились Мышь [и] Кот с пустыми руками“).

— В ст. 151, поскольку речь обращена к Коту — ὁ κάττης, единственно правильной грамматической формой следует считать мужской род родительного падежа местоимения, а не женский род, как это дано в тексте Вагнера: καὶ λόγους ἐπεχίρειε τοιοῦτους νῦν τοῦ λέγει („и начала говорить ему такие слова“).

Ст. 237. Из речи Лисы можно было услышать немало оскорблений по адресу Собаки, и Ленинградская рукопись передает это следующими словами: οἱ κύνες δὲ ἐντραπῆς μῆτρον τῆς αλουπούς ὕβρις („Собака, несколько удивившись оскорблений Лисы“). В изданном тексте вместо „оскорблений“ дано „слов“, что менее соответствует контексту.

Ст. 251. Из предыдущих стихов мы узнаем о том, где воспитывается и живет Собака, поэтому нам кажется, что стих, представленный Ленинградской рукописью, составляет естественное продолжение той же мысли. Собака живет не только в царских домах, при королевских дворах, но καὶ εἰς ἀρχόντων κῖνυχόν μεγάλων καβαλαρον („и в [домах] знатных рыцарей, больших охотников“).

Ст. 315. Высказывание Лисы закончено, она покидает свое место и удаляется, поэтому следует предпочесть чтение Ленинградской рукописи: ἔξω — „вне“ вместо читаемого у Вагнера μέσον — „внутри“, „посреди“: ἐξέβη καὶ ἐσταθῆκεν ἔξω τοῦ συνέδριου („вышла и встала в стороне от собравшихся“).

Слово σπειδαλευράτον, предложенное в ст. 366 Вагнером, вопреки свидетельству Ленинградской, Венской и Парижской рукописей, которые дают „σπειδαλαφράτον“, совершенно непонятно. В Ленинградской рукописи имеем: οὐ οὐδε το καλον ψῶμην το σπειδαλαφράτον („как хороший хлеб из крупчатки“).

Ст. 493. Вместо употребляемого у Вагнера слова неизвестного происхождения σάκτια читаем в Ленинградской рукописи слово πέυχια — „ковры“: ποιοῦσι πέυχια ψῖλα καὶ μεγαλοπλουματᾶ („выделывают тонкие весьма украшенные ковры“).

Ст. 566—67. В чтении Вагнера: καὶ ἐνὲ χρεῖα νᾶ ἐλθοῦν μέχρι τῶν μεγιστάνων, ἕως τῶν μεγιστάνων μου καὶ ἐμοῦ τοῦ βασιλέως („и необходимо, дойти до магнатов, до моих магнатов и меня, царя“). Повторение слов „до моих магнатов“ совершенно излишне, а лучшее чтение дает Ленин-

градская рукопись, включающая в ст. 566 вместо слов „до магнатов“ выражение *οἱ ἐριδες καὶ λόγοι*: — „споры и слова“: „и необходимо, чтобы дошли споры и слова до моих магнатов и меня, царя“.

Ст. 616 *ποιοῦν τὰ καλαμάρια, ποιοῦν κονδυλογράφοι* („делают чернильницы, делают [их] пишущие пером“). Вторая часть стиха в чтении Вагнера вызывает недоумение, ибо вряд ли тот, кто владеет пером, занимается изготовлением различных поделок из рога. Поэтому мы отдаем предпочтение чтению Ленинградской рукописи, где речь идет о самих поделках: *ποιοῦν τὰ καλαμάρια, ποιοῦν κονδυλονθήκας* („делают чернильницы, изготавливают футляры для перьев“).

Ст. 622. Бык, рассказывавший прежде об использовании своих рогов, переходит теперь к рассказу о применении жил. Так как в ст. 615, где начинается речь Быка, употреблено слово „πρῶτον“ („прежде всего“), то, по нашему мнению, Ленинградская рукопись дает лучшее чтение, употребляя слово *δεύτερον* („затем“) вместо *καὶ δεύτερον* („снова“) у Вагнера: *δεύτερον πάλιν ναὶ ὑπὸ καὶ περὶ το νεύρον μου* („затем снова скажу о своих жилах“).

Ст. 698 *ὁ βασιλεὺς δὲ ἤκουσεν τὴν δεῖσιν τοῦ ὄνου* („Царь выслушал просьбу Осла“). В Ленинградской рукописи речь идет о том, что царь не просто выслушал, а принял во внимание просьбу Осла и отдал затем соответствующее распоряжение (ст. 699): *ὁ βασιλεὺς δὲ ἐπικούσεν τὴν δεῖσιν τοῦ ὄνου* („царь внял просьбе Осла“).

В ст. 867 смысл речи Пантеры, обращенной к Леопарду, заключается не в подчеркивании ею дурных качеств Леопарда, как это представлено в тексте Вагнера: *καὶ εἶσαι ζῷον πονηρὸν . . .* („и ты — дурное животное . . .“), а в том, что по своему происхождению Леопард — незаконнорожденное животное: *καὶ εἶσαι πορνύλιον . . .* („и ты — животное незаконнорожденное“).

Таким образом, сопоставление Ленинградской рукописи с другими рукописями и анализ разночтений ее текста с текстом, изданным Вагнером, позволяют сделать следующие выводы:

Ценность Ленинградской рукописи состоит в том, что она прежде всего подтверждает чтение одной из ранее известных рукописей, а именно Венской. Связанная с Венской и Лесбосской рукописями, она составляет вместе с ними одну группу, в которой представлена одна из редакций текста. Парижский список, вероятно, относится к другой рукописной редакции.

Вопрос о том, какая из редакций может быть более ранней и более близкой к несохранившемуся оригиналу, сложен и требует дальнейшего тщательного изучения. Работа, проделанная над рукописями, является известным этапом в этом направлении.

Введением в обращение Ленинградской рукописи и привлечением Лесбосской рукописи выяснен текст по всем доступным нам в настоящее время рукописям „Рассказа“.

Изучение Ленинградской рукописи следует рассматривать как необходимый и важный этап для установления рукописной традиции „Рассказа о четвероногих“ в видах критического издания этого ценного в культурно-историческом отношении памятника сатирической литературы Византии.

„Рассказ о четвероногих“ не был переведен на другие языки, и нами сделана первая попытка его прозаического перевода со среднегреческого языка на русский язык. При этой работе в первую очередь встал вопрос о составлении сводного греческого текста. Необходимость этого вызвана прежде всего расширением рукописного мате-

риала, в частности привлечением как Ленинградской, так и Лесбосской рукописей, неизвестных первому издателю.

Кроме того, издание Вагнера является далеко не совершенным. Следует заметить, что, беря за основу текст Парижской рукописи, издатель не всегда последовательно придерживается ее чтений: в ст. 695, например, он предпочел слово ἀπχωγούριζ („сверхпоклажа“, „сверхноша“) из Венской рукописи, в то время как и слово ἀπχωμίγοιζ в Парижской рукописи имеет то же значение.

Если думать, что Вагнер отдает предпочтение лучшему чтению, то как объяснить его следование чтению Парижской рукописи в ст. 493, где стоит неизвестное слово σάκτιζ, или в ст. 971 — φαχχρίν.

Очень часто в аппарате мы не находим ссылки на рукопись (V или P), чтению которой в данных стихах следует издатель, например ст. 366, 391, 565, 620 и др.

Порой Вагнер отступает от свидетельства рукописей и вводит ничем не обоснованное чтение, как, например, в ст. 501, где вместо τσολούριζ (Венской, Парижской рукописей) он предлагает непонятное слово ψαλόριζ. В ст. 133 Вагнер, вслед за Сафой, принимает чтение τ'αύγζ, в то время как рукописи дают αὐνζ.

Примером отклонения чтения Вагнера от чтения рукописей может служить ст. 679: γαβόνου — P, χχόνου — V и λαβόνου — Вагнер; ст. 686 (отсутствующий в Венской рукописи): в P читаем σου εἰς τὸ νερόν βρέχεσε, между тем Вагнер дает σου καὶ βρέχεσαι καὶ στέχεις¹.

В издании Вагнера встречается также неверное деление слов, как, например, в ст. 747 ἀπ' ὀμπρὸτά μου вместо ἀπὸ μπρὸτά μου. Последовательно проводится Вагнером совершенно недопустимое написание и, очевидно, произношение, без альфы: νῖδωσι (ст. 46), что никак не основано на фактах языка. Ср. также ν'ἀπηλογῆται (ст. 116), ν'ἀκούσεται (ст. 411), δ' ἄλλε (ст. 49, 243 и др.), τ'ώτιζ (ст. 648) и др.

Не преследуя цель дать общую оценку всем поправкам, внесенным в текст Вагнером, необходимо все же отметить, что в отдельных случаях предположения Вагнера, обусловившие предпочтение того или иного чтения, оказались правильными, ибо нашли подтверждение в Лесбосской рукописи, например в ст. 9, 588.

Однако сводный греческий текст требует еще уточнения и непосредственной проверки по Парижской и Венской рукописям, которыми мы в данное время не располагаем. Поэтому, оставляя на ближайшее будущее публикацию греческого текста, приводим перевод „Рассказа о четвероногих“. В основе этого сводного греческого текста и соответственно перевода его на русский язык лежит чтение первой группы рукописей: Ленинградской, Венской и Лесбосской.

ПЕРЕВОД БАСНИ „О ЧЕТВЕРОНОГИХ“ — Διήγησις τῶν τετραπόδων ζώων²

Шуточный (παιδιόφραστος) рассказ о четвероногих,
чтобы читали его и пользовались им дети,
ученики и юноши для интереса,
ибо он написан ради объединения, поучения и занимательности.

¹ См. также ст. 9, 94, 184, 273, 285, 374, 477, 586, 663, 688, 690, 927, 942, 1019.

² Неточно переведенные и неясные места помечены ниже вопросительным знаком или многоточием, дополнения к тексту приводятся в прямых скобках, круглые же скобки сохранены по тексту, изданному Вагнером.

- 5 Такого рода [произведения] имеют значение и вес;
уразумей только точно тот смысл, который они скрывают:
когда народы, чрезмерно уверенные в том, что [своей] силой
они нас совершенно погубят,
заключают с нами лживый мир,
нас спасает справедливость и правдивость клятвы,
10 ибо бог как общий судия дает благословение (εὐχὴν).
- 10a Отсюда, друг мой, я поведу этот рассказ.
В 6873 году, 15 сентября,
собрались вместе все четвероногие:
- 15 в одном месте — чистые и полезные (τὰ καθαρά καὶ εὐχρηστὰ),
в другом — кровожадные и мерзкие (αἱμοβόρα καὶ βδελυκτά).
Воссел царь всех четвероногих,
Лев, страшноглазый, с извилистым хвостом,
вместе с ним сидел громадный Слон,
- 20 не имеющий ни суставов, ни колен, ни лодыжек.
Вблизи Льва два первых советника (πρωτοσομβούλους)
славословцы, Пантера и Леопард.
Были тут и другие питающиеся сырым мясом звери:
Волк — ночной бродяга и кровопийца,
- 25 Собака, находящаяся в подчинении у людей и любезная им,
пожирающая любую пищу и не гнушающаяся ничем,
Лиса с пушистым хвостом, пренегоднейшая, душительница кур.
Когда все собрались вместе и расселись,
то-есть Лев и все остальные, они открыли совет (βουλῇ):
- 30 посылают посланцев к другим животным,
чистым и полезным четвероногим.
Прежде всего они отряжают Кота,
потому что он видит ночью,
и вместе с ним, в товарищество Коту, Мышь с огромными усами,
- 35 длинноносую, длиннохвостую.
Они имели с собой, чтобы прислуживала им,
Обезьяну, любящую передразнивать, забаву всего света.
Они ушли и прибыли к другим животным,
послали за чистыми животными, созвали [их].
- 40 Когда те увидели это страшное зрелище — внезапно появившихся
посланцев,
было дано оповещение и объявлен приказ,
чтобы собрались все, малые и большие,
в одном месте, на равнине.
Назначили глашатаем большеухого Зайца,
- 45 как быстроногого и проворного, чтобы он собрал всех.
И они увидели господ посланцев,
встретили их, радушно приняли,
взглянули на хартии и выслушали их речи.
- 50 Они приходили и стекались в течение всего дня.
Когда Бык вместе с Буйволом заняли места,
а также чудесная Лошадь, многократно битый Осел,
Олень, поглотитель змей, вместе с Серной,
Коза и Овца, прожорливая Свинья,
послали за посланцами,
- 55 Котом и Мышью, и сели вместе,
увидели хартии и сказали:
„Что вы хотите? Что желаете? Что скажете?“

Мышь, старец усатый, отвечает:

„Лев, царь четвероногих,

60 по совету своих разумных [советников] и судей
повелевает, чтобы собрались вместе четвероногие,
чистые и полезные в одном месте,
а все нечистые и плотоядные

на прекрасном поле, на большой равнине,

65 чтобы мы высказали слова наши приветливые,
узнали от каждого похвалу и хулу.

Таков приказ царя Льва.

И об этом говорит документ, посланный вам“.

И ответили на то чистые животные:

70 „Бывают нескладные, бесполезные слова.

Мы служим пищей им [кровожадным] в [обстановке] спокойствия,
как же можно нам собраться вместе с ними?

И мы со своей стороны отправим своих послов,

пусть они пойдут, чтобы встретиться с ними и заключить согла-
шения,

75 установить крепкую любовь и дружбу.

И тогда мы, все четвероногие, соберемся
на обширном гладком поле, на одной равнине,
как говорит царь Лев и его совет“.

Тогда возвратились Мышь [и] Кот с пустыми руками [без грамот].

Эти чистые животные направляют других послов:

страшную Лошадь, которую седлают люди,
и Осла . . . *

с ними был горбатый Верблюд с длинными позвонками,

85 чтобы прислуживать им, чтоб играть и плясать перед ними,
потешая и развлекаая их неуклюжими прыжками.

[Итак], посланцы отправились и прибыли

к царю Льву и его первым советникам,

вручили грамоты, доложили [обо всем].

90 Заключили договор и крепкую дружбу,

и обе стороны примирились друг с другом,

клятвой укрепив всеобщую любовь.

Сказали, назначили и торжественно заповедали,

чтоб сойтись, собраться сообща в одном месте

95 всем четвероногим, малым и большим,

чистым и полезным, но и кровожадным,

и не иметь ни вражды, ни ссоры, ни злости,

но крепкую любовь и большую дружбу,

и сказать друг другу приветливые слова,

100 и балагурством [повеселить],

и каждому хвалу [воздать] и порицание

за доброе и злое.

И [вот тут-то] увидел бы ты возвышенности

и равнины, и чащи, и ложбины,

105 волнение, суету, сбор [всех] зверей;

как собрались все вместе в один и тот же месяц
на обширном гладком поле, на одной равнине.

Царь Лев воссел на трон,

вблизи — созаседатели (οἱ συγκαθέδροι) и совет (ἡ βουλή),

* Μεγάλωφλον καὶ μεγάλορχιδάτον.

110 вместе и все впереди и позади за ним идущие,
и все заседатели (το συνέδριον), и весь совет старейшин (καὶ πᾶσα
γερονσία).

Тотчас Лев-царь возгласил
и во всеуслышание произнес слова отменные,
прекрасные, полные пронзительности.

115 И приказал, чтобы [выступающие] были умеренны [в своих речах],
чтобы говорил только один, другой — держал ответную речь,
и снова один [выступал бы] за другим, ради порядка,
чтобы не получилось смятения и беспорядка.

Но и возвестил [царь Лев] о том,
120 что лишится своей головы и рода всего своего
тот, кто совершит смуту на заседании.

Первой тотчас вышла на середину Мышь
и так сказала перед советом:

„Кто хороший и смелый, пусть выйдет на середину“.

125 Порывисто, быстро, выпрыгнул Кот [на середину]
и выбрал Мышь, говоря такие слова:
„длинноносая, длиннохвостая, большеусая,
что ты потрясаясь передо мной своими усами,
что смотришь туда-сюда, не дыру ли ты ищешь, чтобы спрятаться?

130 Лизоблюд, пожиратель сыра и хлеба,
грязная мышь, которая оскверняет все:
смокву и виноград, простоквашу и молоко,
мясо и рыбу, чистые вещи (τῶν ἁγίων) и тому подобное, а также
(зерно и овощ [всякую] и все в этом роде,
135 и многое хорошее, что людям служит пищей).

Одно ты поедаясь, отвратная, на другое мочишься и гадишь,
а третье ты разбрасываешь ногами [в стороны] и проливаешь.

Если ты найдешь кувшин с маслом не покрытым,
ты тащишь масло, опуская вниз [в кувшин] свой хвост

140 и, облизывая его, насыщаешь свое брюхо.

И если б не царь, и если б не клятва,

и если б не содружества обет,

я бы подпрыгнул немножко, сделал бы маленький прыжок,
узнала б [ты тогда], грязнуха, изворотливость Кота,

145 как бы я схватил тебя и как бы съел тебя,

как бы грызли тебя мои зубы,

сгрызли и размололи;

я твою голову, глаза твои и все нутро твоё сжал бы так,

чтобы [только] зад твой снаружи остался“.

150 Тотчас Мышь ответила

и начала говорить ему такие слова:

„Ты слишком зазнаешься, слишком много хвалишься, Кот.

Ты говоришь обо мне и укоряешь меня, что я оскверняю все:
пищу, и питье, и вещи людей.

155 И если я ем, дрянной, вывалившийся в золе Кот, то на то
я имею право, отвратный, и естественно, что я ем,
ибо я животное дикое, а отнюдь не ручное.

Я даже недоступна для лести всякого человека.

А ты, гнусный, мерзкий, оскверняющий муку,

160 там, где тебя кормят, там, где тебя поят,

и любят, и держат тебя, и гладят,

почему ты, несчастный, одно крадешь и тайком уничтожаешь,

- другое, грязный, ешь, а третье пачкаешь?
И то, что ты делаешь, ты приписываешь мне?
- 165 Горе тебе! Горе тебе, и если найдут тебя, и если схватят, когда ты роешь пшеничную муку (τῇ ἄλευρῃ), и пачкаешь, и гадишь, и на просо (τὸ κερῖν), и на бобы (τῇ κρουκίῃ), и на все остальное, и гадишь в угол, и зарываешь [следы преступления] в золу.
- И когда люди застанут тебя за этим,
- 170 ты узнаешь палочные удары и дубинку на своих боках; и бьют тебя, и тебя слабит.
- Порой случается, что тебя ударят по голове, и ты издохнешь, противный, и выбросят тебя в навозную кучу, несчастный, и съедят тебя свиньи.
- 175 Если ты живешь, ходишь и существуешь в мире, существует и охотничья собака, чтобы поймать тебя; тотчас она встряхивает твою шкуру, чтобы пресечь твою гордость, и хвастовство, и спесивость“.
- Закончив свою речь, Мышь
- 180 ушла и встала на свое место.
- Собака же, как услышала, что Мышь назвала ее имя, высказала ей похвалу и так ее прославила, быстро и порывисто вскочила, встала на середину и обратила к Коту немногие слова:
- 185 „Теперь удерживают меня стыд и покорность — если бы не это, я бы подпрыгнула слегка, закусила бы твой хвост и сильно встряхнула тебя посреди собрания, заодно с длиннохвостой Лисицей, душительницей кур, маленьких цыплят,
- 190 козлят и маленьких ягнят.
- Она, негоднейшая, одних ест, из других пьет кровь и причиняет большое зло и еще больший убыток, и бесконечную несправедливость бедным людям“.
- Кот испугался, бежит с середины,
- 195 вышел и занял место со всеми [остальными собравшимися].
- Услышав оскорбления Собаки, Лиса со смиренным видом вышла на середину и произнесла такие злобные и хитроумные слова:
- „Что это такое ты говоришь, Собака, что болтаешь?
- 200 Тебя называют Собакой, поистине ты и есть собака — твое поведение соответствует твоему имени“.
- И когда Собака услышала, что Лиса так говорит, улыбнувшись ее словам, сказала:
- „Ты вышла, госпожа Лиса, чтобы философствовать перед нами?
- 205 Где ты познала науки, где узнала грамматику, риторику, чтобы так говорить?
- Много ты разговариваешь у меня о силе царя и страхе перед ним, о стыде остальных.
- Я говорю, чтобы оставить прочее, пренебречь всем,
- 210 стащить с тебя шкуру, вытянуть хвост и отдать это на сукновальню (γυμναστήριον), меховщику (δερματοποιονάρχη): пусть тебя обработают негашеной известью (ἄσβεστος) и обожгут квасцами (στίψις), — забудешь свою высокую философию!“
- Лиса, повернувшись к Собаке, говорит так:
- 215 „Очень ты превозносишь себя, поганая собака,

много хвастаешься, болтливая, слюнявая и сопливая,
хвастаешься, что ты охотишься за зайцами и другими зверями,
за куропатками, гусятами и другими птицами,
и что тебя обычно любят и гладят.

220 Но когда найдут тебя за небольшим грехом в доме,
и ты что-нибудь стащишь, чтобы поестъ, или к чему-нибудь при-
близишься,

тебя награждают сильными ударами...

Если иногда случится, что ты, противная, заболеешь паршой,
больше ты не ходишь в дом и не вступаешь во двор,
225 не слышишь ни доброго слова, ни своей клички,
(но куда бы ты ни шла, где бы ни остановилась,
ничего другого ты не услышишь),

как: „ударяйте ее все, бейте ее камнями,
потому что паршивая Собака оскверняет нас“.

И бьют тебя: одни — в одно место, другие — в другое,
230 и колотят тебя здорово, пока ты не издохнешь.

И вяжут тебя веревкой, как осужденного,
и тащат тебя за горло, и ведут к навозной куче.

Одни бьют тебя камнями, другие — палками,
убивают тебя, оставляют, и поедают тебя птицы.

235 Вот то, прекрасное и хорошее, что ты имеешь,
а чванишься ты сильно и хвастаешься много“.
Собака, несколько устыдившись оскорблений Лисы,
встала в стороне рассерженная
и изрекла такие слова и речи:

240 „Лиса, любящая норы, возвращенная горами,
никогда ты не видишь ни солнца, ни дня, —

241^a но всю свою жизнь ты проводишь в норе,
ты смотришь в бездну очень темную, в горную пропасть,
ты желаешь воды в течение всего дня
и затем выходишь ночью, сжигаемая жаждой,

245 чтобы найти где-нибудь воды и [напиться],
чтобы распухнуть и надуться,...

и сколько бы ты ни ела, и сколько бы ты ни пила, и сколько бы
тебе ни удалось поспать,
никогда не оставляют тебя страх и дрожь.

Я же воспитываюсь среди людей,

250 в царских домах, при королевских дворах (εις αὐτῶν ἐρηγᾶδων)
и в [домах] знатных рыцарей, больших охотников;

поят меня и кормят свежим, тушеным и жареным мясом,
держат [при себе], и гладят, и нежат,

надевают на меня ошейник с бубенцами-колокольчиками (χαυτράτοκου-
δουνάτων),

255 и я охочусь на оленей, зайчиков, свинок,

255^b диких коз и других подобных им,
а также и на сильных, больших зверей;
тех, которых я не могу ни удержать, ни повалить,
я пугаю своим лаем, и они бегут и спасаются.

Кроме того [люди со мной охотятся на] куропаток и других птиц“.

260 Когда Лиса услышала, что Собака снова говорит
такие слова и надувается от важности,
она опять сказала Собаке:

„Достаточно с тебя, Собака, вздорный, поганый лжец,

- постыдись, имей совесть, пусть скажет и другой“.
- 265 Тогда, наконец, Собака ушла с середины,
и Лиса встала посреди собрания.
Заяц, как услышал там свое имя,
вскочил и встал близ Лисы,
и прокричал ей приветственные слова,
269^a и говорит ей с бешенством и гневом:
270 „Привет госпоже Лисе,
здравие моей госпоже и софистке,
самой образованной и самой мудрой,
которая осудила поганую Собаку,
ниспровергла ее, поставив предел ее высокомерию.
275 Но придется [сделать] кое-какое порицание и тебе,
и я выскажу тебе его здесь посреди всей толпы.
Часто ты ласкаешь меня и играешь со мной,
я не боюсь тебя, будучи простодушным, не знающим низости.
В любви нашей мы доверяем тебе,
280 и отношусь я к тебе без хитрости и спокойно,
а ты схватываешь меня, и сжимаешь мне горло,
и душишь меня, и грызешь меня, согласно своему намерению.
И ни любовь твоя не является крепкой,
ни дружба не остается верной.
285 Ты — лжица, воровка и цыганка,
мерзкая фокусница, пожирательница внутренностей.
Когда ты находишься в затруднительном положении, ты ешь
саранчу
и воруеть гроздья винограда и обедаешь виноградник.
Когда ставят ловушку, чтобы тебя поймать,
290 пока ты жива, пока дышишь, тебя избивают;
ты гадишь на гроздья винограда, обгаживаешь гранаты,
твой зад снует туда и сюда, ты гадишь на виноградник.
С тебя сдирают шкуру и посыпают золой,
а тело сбрасывают вниз, на скалы,
295 слетаются птицы и съедают тебя.
А что касается меня, несчастная, когда меня убьют на охоте,
меня едят цари (οἱ βασιλεῖς) и короли (οἱ ἡγεῖς),
благородные богачи и все человечество;
меня кладут на золотые и серебряные блюда (σκευέλια),
300 в золотые чаши с пиперадас.
И шкура моя тоже ценна:
ее носит на голове всякий важный человек:
и врач (ο ἰατρός), и богатый торговец (ὁ μέγας μαρκατάντος),
и богатые дамы (ἀρχόντισσας) с большими пелеринами (μεγαλο-
μανδούσας),
305 имеющие длинные шлейфы (τὰς μακρὰς οὐράς) и тащащие их сзади,
носят [меховую подкладку] для [пышности],
(и часто мою шкуру носят вследствие сильного холода)
так же, как знатные носят одежды из сукна (ἐνδύματα εἰς ῥούχα)
соответственно времени года из-за сильного холода.
310 Даже лапка моя, ничтожная часть тела, —
и она необходима, и она ценна,
ибо пользуется ею золотых дел мастер (ὁ χρυσοχός), собирая
золото
и отдельные крупинки серебра, [оставшиеся] от опиливания“.

- Когда Заяц сказал это, Лиса устыдилась,
 315 вышла и встала в стороне от собравшихся.
 Олень, выслушав хвастовство Зайца,
 сделал небольшой прыжок красивее, чем [сделали] все,
 вышел на середину и встал непринужденно,
 бесстрашный, не терпящий возражений, не зная трусости.
 320 Вместе с ним была горбатая Свинья.
 Начал Олень, сказал такие слова:
 „Болтливый Заяц, что ты мелешь?
 Мясом своим хвастаешь и шкурой своей?
 Скажу я тебе столько, сколько помню,
 325 а остальное про тебя скажет Свинья.
 Двузубый, сквернозубый, сумасшедший, с челюстью в пядь
 величиной
 и длинноухий... [обгладывающий ветки],
 твои уши и зад всегда наполнены вшами,
 солнце жжет тебя в течение всего дня.
 330 Ты ходишь только ночью, уподобляясь духам.
 Если ты услышишь хотя бы небольшой шум впереди себя,
 заколеблется ветка или трава или пролетит муха, —
 ты бежишь, как чорт от ладана.
 Так переводится твое имя:
 335 заяц —иносказательно „трус“, так же как „трушу“ то же, что
 „боюсь“.
- Ты хвалишь свое мясо и чрезмерно возвышаешь себя;
 твои слова вовсе не отличаются правдивостью,
 ибо мясо твое неудобоваримо,
 и, более того, портит желудок, медленно поддается перевариванию.
 340 Мое же, оленьё мясо, несравненно,
 предпочтительно мясу других четвероногих.
 То, что едят люди, это — мое мясо.
 Но и шкуру мою используют для всякого дела —
 на шнуры (χορδῆς), на пояса (ζωνάρια) и другое подобное этому;
 345 и делают небольшие мешочки, содержащие внутри трут (ἵσυχον),
 которые носят люди, чтобы разжечь огонь.
 Если случайно в жилище есть змеи,
 и люди с помощью огня зажгут изнутри мой рог,
 то от его запаха змеи тотчас убегают
 350 и более не могут там гнездиться“.
- Свинья, стоявшая пока говорил Олень,
 рассердившись, сказала Оленю:
 „Бесстыдный, куцехвостый, уходи с середины,
 ты не имеешь стыда и благоразумия;
 355 ты почти всегда задираешь коротышку-хвост,
 и становится виден твой зад, и все смеются над тобой.
 Довольно тебе много разглагольствовать, дай и я скажу
 сжато и коротко,
 и соответственно своему разумению так:
 360 Вы, Олень и Заяц, зазнаетесь и хвастаетесь
 своим мясом, презрев всякие приличия,
 и лжете, обманываете всех слушающих,
 ибо все, малые и большие, знают,
 какой приятный вкус имеет наше мясо.
 365 Как солнце никогда несравнимо со звездами,

- как хороший хлеб из крупчатки
несравним с черным хлебом (κίβαρτον) или с ячменным (κριθίνον),
так мое мясо не сравнится с вашим.
Как соль служит приправой к обычным кушаньям, —
- 370 так мое мясо годится для всякой стряпни:
и с хорошей зеленью, и с тыквой,
и вареное, и отдельно, без всякого другого;
еще и прекрасное благоухающее жаркое —
то свежее, то соленое, как изготовят.
- 375 Солят же и хранят меня в течение всего года,
и кладут в кувшины и бочки,
и приготавливают студень и другие подобные вещи:
челюсть, язык, окорока,
колбасу, спинные части, бока с толстым салом,
380 и жирную [мучную еду] и фаршированные изделия (παράγεισιν ἐνάς).
И когда жарят ваше мясо,
прибавляют от моего, чтобы сдобрить:
без меня [кушанья] не имеют никакого [вкуса].
Еще и щетина моя приносит
- 385 большую, значительную пользу франкской церкви,
ибо франкские священнослужители при водосвятии
моими волосами окропляют всех святой водой
и нисколько не помнят, что я валялась в грязи.
И сапожник (ὁ τζαυχάρης), седельщик (ὁ σέλλας) и сшиватель кож
(ὁ ζαπτοδερματάρης)
- 390 никоим образом не могут сделать хотя бы один стежок
без того, чтобы не воспользоваться моими волосами...
И живописец (ὁ ζωγράφος) не может никоим образом писать кар-
тину,
если не возьмет от меня волос для кисточки
и не сделает тонкие, средние и толстые [кисточки].
- 395 Что он желает — все делает, благодаря искусству:
и расписывает чудесно воздвигнутые храмы,
и священные иконы, которым поклоняется
христианский род во всем мире;
и расцвечивают, и красочно украшают
- 400 дома и дворцы великих царей,
и другие чудесные дома могущественных вельмож.
Еще и клык мой приносит пользу:
им пользуются грамматики (οἱ γραμματικοί) и все шляпочники
(οἱ σκουφάδες):
выглаживают им и шапочки, выглаживают и бумагу (τὰ χαρτῖα).
- 405 Порой и я пользуюсь им [клыком] — для собственной нужды,
как сильным оружием во время битвы;
когда враг сражается со мной несправедливо, чтобы съесть меня,
клыком я ударяю его, и тотчас разрываю,
и потрошу его чрево со всеми внутренностями.
- 410 Олень и Заяц, какая вам цена?
Стоит вам только как-нибудь невзначай услышать
крик или разговор —
солнце не видит вас, ни луна;
получается так же, как с вашей соседкой,
сопливой вонючкой Овцой, которая своим животом валяется
в навозе,

415 а одна, самая негодная гончая собака гонит [вас] тысячами“.

Олень и Заяц были пристыжены
порицанием, оскорблениями и бранью Свиньи
и совершенно униженные отступили.
Когда Овца услышала оскорбления злобной Свиньи,

420 вышла и она, и встала на середине,
и заговорила кротко и смиренно так:
„Много ты нахвасталась, болтливая Свинья.

Народная поговорка говорит:
„еврей пахнет и весь его ящик воняет“.

425 Так и ты, сквернозубая, возвращенная на навозной куче;
и сколько бы ты ни ела, и сколько бы ты ни пила, и какую бы
ты невоздержанную жизнь ни вела —

если ты не поешь навоза, ничто не будет тебе приятным“.

Тогда Свинья, насмехаясь и сердясь, сказала:

„Явился и другой философ, еще больший, чем Лиса,

430 и открыл свою пасть, и все обделались.

Где ты училась грамоте, сопливая Овца?

Не Волк ли, твой старый друг, тебя научил?

Или сквернейшая Собака, твой собрат,

или Коза с бородой, или бодливый Козел?“

435 Овца тотчас ответила так:

„О противная, нечистая Свинья, валяющаяся в грязи,
которая ест все, что ни на есть плохого и негодного:
червей и навоз, падаля,

змей и пресмыкающихся и [все] уже гнилое.

440 Еще ты делаешь дурное и пагубное:

никто никогда не слышал ни о каком

животном или о птице, змее или звере,

чтобы он поедал свое собственное мясо,

а ты, если найдешь какую-нибудь павшую свинью,

хотя она вонючая и тухлая,

445 ты стоишь там и ешь ее, как чистую пшеничную муку.

И нос твой постоянно принюхивается к навозной куче

и вскапывает до конца гадость и грязь,

и ты подаешь голос и высказываешь мнение

вместе с самыми чистыми, совершенно незапятнанными живот-
ными“.

450 Свинья, как услышала оскорбления Овцы,
осрамленная и пристыженная убежала прочь,
осталась Овца стоящей на середине.

Когда Коза и Козел слышали,

как Свинья говорила эти слова Овце,

455 они вышли и встали посреди собрания,

чтобы вдвоем единодушно высказаться.

Однако Коза [первой] поспешно произнесла:

„Не следовало бы тебе, Овца, ругаться с нами:

со мной и глупым Козлом, сотоварищем моим,

460 особенно же ради того, чтобы в нас иметь друзей.

Мы скажем немного о Свинье, поедающей навоз,

о ней, плосконосой и пораженной гнидами“.

Овца тотчас заспорила с Козой:

„Тогда, когда я победила и обманула

465 несчастную и грязную Свинью,

- я, к моему стыду, захотела прославить тебя,
а ты поднимаешь хвост, показывая свой срам,
криворогая, с большими сосками и истершаяся о скалы,
стоишь прямо, как дура, и сердишься,
470 и потрясаешь бородой вверх и вниз?
О больших прекрасных благах, которыми обладаю,
я еще не все сказала и не всем похвалилась;
все-таки я скажу о природных качествах, которые имею.
О мясе своем я не хочу говорить,
475 ибо знают те, кто ест меня, [что оно]
тучно, и приятно, и полезно для желудка,
вкусны и хороши для желудка все части.
Если это не так, я скажу остальное из того, что я помню:
прежде всего, о роге барана из нашего рода
480 и брата по плоти; рогом пользуются ремесленники (οἱ τεχνίταις),
изготовители мечей, кинжалов (σπαθρομαχιράδες) и ручек для шил
(σουβλομανικάδες),
используют его для ручек и других надобностей.
И о волосе своем я могу сказать много:
[люди] чистят его щеткой (βουρτζίζουσί), чешут (κτενίζουσιν) и прядут
из него нити (νῆδουσι τὸ νῆμα);
485 затем красят их всяким родом и способом
в красный, черный, желтый, фиолетовый, небесноголубой
и другие цвета, необходимые для работы.
Изготавливают прекрасные, замечательно вышитые занавеси —
(κουρτίνας)
и украшают [их], изображая виды и фигуры
490 людей, зверей, птиц и всего на свете;
этими вещами обладают королевы (αἱ βασίλισσαι), а также и короли,
графы (κόντες), рыцари (καβαλλάριοι) и другие [вельможи]. Также
выделявают тонкие, весьма украшенные ковры,
на которых сидят султан (ὁ σουλτάνος) и все эмиры (οἱ ἀμειράδες).
495 И всякий род, ромеи и франки,
просто использует их на постели и на другие ложа.
А самое важное, что делают из моей шерсти, —
одежды, которые носит все человечество —
во всех краях земли, малые и большие.
500 Цари, знатные люди и все вельможи
носят желтого и красного цвета одежды,
другие, нижестоящие — всякой окраски и цвета.
Еще делают [из] грубой шерсти и части одежды,
делают высокие клобуки (ράσιν ὑψηλά) из сукна и
505 одежды, подбитые мехом (γουνόμεσοφορία), для великих патриархов,
мантии (μάνδου), парамантии (παρχμάνδου) для митрополитов и епископов,
и верхние одежды на подкладке (ἑσφορία διπλῇ) для великих
игуменов,
и белые рубашки (ἄσπρα ὑποκάμισα) для молодых монахинь.
Все другое из необработанной шерсти делают обыкновенные
люди,
510 делают тяжелые ковры, и войлочные изделия (παρχπιλωμένα),
и потники, войлок под седла,
шапки, капюшоны и другое.
Также и кожа моя приносит большую пользу:

сапожнику она служит для всякой его работы —
 515 для башмаков (παπούτσια), сандалий (υποδήματα), туфель (φελάρια) и ...
 также и грамматики одевают книги (τὰ βιβλία)
 в черную, красную или другого цвета [кожу],
 часто и седельщик пользуется ею
 для седел (σέλλας), для шитья нагрудных и задних ремней,
 520 для узды с недоуздом (χαλινόχαπιστέλλα) и тому подобного".
 Как услышали все то, что сказала Овца,
 Коза и Козел весьма удивились
 и ответили оба разом в один голос:
 „Ты, малодушная Овца, что ты все смотришь вниз,
 525 пустомеля, злословная, откуда ты выискала такие слова,
 похвалу и похвальбу, и многословие?
 Хвалишься мясом своим и своей шкурой,
 и волосом твоим [пригодным] для окрашивания в различные
 цвета?"

Да знаешь ли ты, несчастная и глупая Овца, что
 530 моя кожа лучше твоей,
 больше и пригоднее для всяких поделок;
 но и волосы мои идут на другие нужды:
 [из них] плетут крепкие веревки (χοινίς), [которыми] связывают
 животных,
 всяких четвероногих, малых и больших;
 535 еще и кишки наши выделывают и жилы,
 которыми связывают шерсть (τὸ μᾶλλιν), а тем более хлопок
 [вату] (τὸ βαμβάκι).

Относительно молока мне не приходится и говорить:
 я такая же, как и ты, или [вернее] лучше и больше.
 О многих других преимуществах мне не пристало говорить.
 540 И я не хвастаюсь вообще, как глупая Овца.
 Какой вздор ты наболтала,
 сказала сверх того, что полагается, и чрезмерно расхвасталась
 [тем, о чем бы] не стал говорить ни Бык, ни сильный Буйвол
 или другое мощное животное, из числа больших".

545 И тогда Овца отступила.
 Бык и Буйвол, когда услышали слова
 и доводы Козы и Овцы,
 вышли, и встали вдвоем на середине,
 и начали говорить, [обращаясь] ко всем:
 550 „Ты слышишь, царь Лев, слышите, магнаты, как
 животные маленькие, ничего не значащие,
 много и долго говорили
 и хвастались чрезмерно!"

Затем Лев-царь и весь совет его
 555 так сказали Быку и Буйволу:
 „На собрании и совете, происходящем здесь,
 [присутствует] как малый, так и большой,
 как презираемый, так и почитаемый,
 как трус, так и мужественный;
 560 все встретились и все выскажутся;
 один выскажет другому и похвалу и хулу,
 так как мы собрали клятвой и любовью
 обе группы, домашних и хищных.

С низкопоставленных — Мыши и Кота —

- 565 начался диспут и дошел до сего места;
необходимо, чтобы дошли споры и слова
до моих магнатов и меня, царя.
Итак говорите, если имеете что сказать".
Тогда Бык и Буйвол зачали говорить следующее:
- 570 ... дерзко Бык так говорит:
„Бегите, грешники“, проваливайте,
уходите из нашей среды, вы загрязнили нас;
пусть первым сияет солнце, затем луна,
а маленькие звезды пусть вовсе померкнут.
- 575 Ибо я — солнце, Буйвол — луна.
Вы, бедные, — как крошечные звезды,
несчастливы и презренны...".
Тогда устыдились Коза и Козел
и другие малые животные, и глупая Овца;
- 580 они ушли и встали на свои места,
остались двое: Бык и Буйвол.
Буйвол сказал Быку так:
„Как это ты открыл свой вонючий рот,
как ты открыл свои толстомытые губы,
585 и твой злоречивый язык сказал вздор, болтовню и ложь?
Ты — солнце, а я — луна?
Ты не постеснялся, несчастный, изречь это своими устами?
Я не знаю, что ты имеешь хорошего по сравнению со мной?
590 Я так же работаю на всякой работе,
как и ты, несчастный, Бычок-пустомеля.
Если же ты желаешь, чтобы я сказал и немного похвалился
и произнес речь и правдивые слова,
то [замечу]: я лучше по сравнению с тобой на всякой работе,
595 и сильнее, и важнее, где бы во мне ни нуждались:
при телеге (ἄρμαξ), на току (ἄλων) и за плугом (ἀροτρίχ).
Вдобавок и молоко мое лучше твоего,
в отличие от козьего и овечьего.
[Из него] делают отличный, очень жирный сыр,
600 который едят игумены с μοναχίδιον,
едят его с капустой, которую называют „ὀφρύγια“,
и с толстыми стеблями, и со свеклой;
едят его и знатные люди после обеда,
немного [съедают], небольшой кусочек для [лучшего] пищеварения.
- 605 Так же и рог мой приносит большую пользу:
[из него] делают рожки (κεράτια), которые носят воины,
берут с собой и на охоту, и в поход
и играют на них и подают знак, чтобы звать друг друга.
Я мог бы рассказать и о других, больших благах,
610 но я уж оставляю это: не следует [больше] говорить,
610а ибо болтливость — доказательство глупости".
Тогда Бык тотчас отвечает Буйволу:
„Вывалявшийся в грязи, болтливый,
сколько ты наговорил в своей речи и чрезмерно нахвастался,
такие-то достоинства имею и я, и большие, чем эти.
- 615 Прежде всего, моим рогом пользуются шелкоперы (οἱ καλχυράδες),
[из него] делают чернильницы (καλχυρία), изготавливают футляры
для перьев (κονδυλοθήκας),
а также и токари (οἱ τορνυρίδες) [пользуются им] для всего:

- для тронов (θρόνους), для седельных принадлежностей (σελλίσματα),
 для шахмат (σκάκους), для тавли (ταβλίχ)
 и для выточенных прялок (ήλεκκας) [и их частей],
 620 на острия копий и на острия пик,
 и на многие другие необходимые предметы.
 Затем снова скажу о моих жилах:
 ими пользуются мастера-лучники (οἱ δοξάρχες),
 снабжая тетивой луки (δοξάρια),
 625 а также и изготовитель стрел (ὁ σαγγιτᾶς) снабжает жилами
 стрелы,
 и седельщик, и выючник (ὁ σακκάρης) — и они пользуются [ими]
 и там, где в них нуждаются, хранят их в связках.
 Еще и [таким] незначительным [предметом], как конец моего
 хвоста,
 пользуются рыбаки при ловле рыбы,
 630 очень мелкой, которую называют „ἀδερῖνα“.
 Еще я скажу и произнесу другое,
 ибо если когда-нибудь найдутся там женщины
 и услышат мою речь и слово,
 они много раз посмеются и приятно проведут время.
 635 Имею я толстый, сильный и большой член,
 которым пользуются судьи; они бьют ремнями
 воров и обидчиков и всяких преступников.
 О шкуре моей мне нечего сказать,
 ибо как твоя, так и моя существует и в качестве
 640 сыромятной (εἰς ὤμιον) и обработанной (εἰς γυαπτόν) для всякого
 другого дела;
 изготавливаются [из нее] прекрасные ремни (λουρίχ), обработанные
 квасцами,
 уздечки с недоуздкой, передние и задние ремни
 и все другое, чем пользуются седельщики“.
 Когда Осел услышал хвастовство Быка,
 645 о том, что [у него] длинный и „обжигающий“ член,
 он чуть брыкнулся, негромко заржал,
 издавая вонь, вбежал, встал на середине,
 выставил вперед свои уши и стал говорить Быку:
 „Ты лжешь, болтливый, и чрезмерно хвалишься.“
 650 У меня крепкий член, подобный большой дубинке,
 длинный, крепкий, плотный...*
 не только больше, чем твой,
 но и превосходящий все у четвероногих животных.
 И когда я движим страстью и несколько воспламенен
 655 . . . . . **
 Однако, уходите, наконец, Бык и Буйвол,
 я и Лошадь будем выступать на суде“.
 Тогда Бык и Буйвол вышли оттуда,
 ушли и заняли место вместе с собранием.
 Страшная Лошадь, как услышала слова,
 660 сделала небольшой прыжок, напугала всех,
 пробежалась взад и вперед, встала, повернулась,
 выгнула дугой шею, потрясла гривой,

* ῥουθουνοκεφαλᾶτον

** ομοιάζει τὸ κεφάλιν του φράγκικον σαρσαρέλιν

- громко заржала, встала на середине
и обратилась с такой речью к Ослу:
- 665 „Расскажи мне, несчастный упрямец, расскажи, чесоточное живот-
ное,
как тебя нагружают, несчастный, как тебя бьют палками?
Тебя нагружают пшеничной мукой, пшеницей и ячменем,
стручковыми овощами (ὄσπρια), бобами (φάβατα) и тому подобным,
а также вином (κρασίον), уксусом (ὀξύδιον) и маслом (λάδιον),
670 ты носишь воду, солому (ἄχερρον) и дрова (ξύλα),
траву (χορτά) и хворост (φρύγανη), стволы (κέρμους) и всякое другое,
камни (πίτρες), булыжники (χαλίμα), кирпичи (βίσαλα), землю (χθῆμα)
- и [то], чем пользуются люди при всякой работе.
Тебя же бьют палками до смерти и ударяют дубиной,
675 истыкивают твой зад железом и палками.
Если порой находят тебя, когда ты совершаешь провинность
в винограднике или на полях,
тебе режут уши, подрезают хвост,
валят и бьют зеленой веткой,
680 и ты не пьешь, и не ешь, и не машешь хвостом.
Ты — ничтожество, позор и посмешище животных,
а если случится, что тебя оседлают плохим седлом,
[оно] сдирает кожу с твоей спины, ранит бока,
и тебя едят заживо вороны и воробьи.
- 685 А если ты находишь воду, [когда] ты нагружен,
поворачиваешь свой зад, подставляешь себя под струю воды и
стоишь,
и делаешь так, что господин твой лопается от злости
и наносит тебе удары палкой, и колет тебя.
Еще, нечестивый Осел, скажу тебе и другое,
690 что я услышала от стариков и моих предков.
Вы, ослы, приняли решение
и избрали одного благоразумного [из своей среды],
дабы послать его к царю
просить, сказать и упросить [царя],
695 чтобы он постановил определенным приказанием сократить
сверхпоклажу, которую кладут на середину [вашей спины]
и тяжело нагружают вас до тех пор, пока вы дышите.
Царь внял просьбе Осла,
тотчас постановил и составил приказ,
700 и написал, чтобы [никто из] погонщиков,
всех во всем мире; имеющих дело с ослими,
ни малый, ни большой, не осмеливался бы
взвалить на осла сверхпоклажу.
Осел возвратился с большой радостью,
705 неся во рту и в зубах
предписание и приказ того царя.
Когда Осел пришел, благополучно прибыл издали,
весьма утомленный, и на расстоянии одной мили
увидел всех ослов вместе,
710 заржал от чрезмерной радости, владевшей им,
крича и бегая, двигаясь то в одну, то в другую сторону:
„Радуйся, род ослов,
ибо я принес приказ от царя,

- чтобы легко нас нагружали для отдохновения
715 и совершенно отступились от сверхпоклажи".
Вследствие ослиного крика и таких слов,
по причине [его] беготни то в одну, то в другую сторону и такой радости
- и втягивания [воздуха] при крике,
он проглотил царский указ
720 и пришел с пустыми руками к другим ослам.
Его спросили: „Что за хорошие новости [ты принес]?“
Он сказал: „Знай, род ослов,
что я принес приказ от царя;
он написал и постановил во всем мире,
725 чтобы совершенно отменена [была] сверхпоклажа.
Я от большой радости, которой был охвачен,
когда увидел ваше сборище,
закричал, заорал, забегал туда и сюда,
побежал немного, чтобы вас поздравить,
730 и при втягивании [воздуха] при крике,
приказ вошел внутрь меня.
Итак, потерпите немного, пока я помочусь:
бумага выйдет, и я отдам ее вам“.
С этого времени и с того дня
735 по нынешний вы, ослы, постоянно ищете что-то
и, когда вы мочитесь, наклоняетесь и нюхаете,
но не находите ничего и ничего не найдете,
а сверхпоклажу всегда кладут на вас,
и вас нагружают тяжело, и бьют палками“.
- 740 Тогда Осел кратко отвечает:
„Во многом ты бранила меня, во многом упрекнула,
хвастливая и высокомерная Лошадь,
так же содержат и меня, как и тебя,
кормят и поят меня, ставят в конюшню“.
- 745 Лошадь, как услышала [это], сильно разгневалась
и сказала Ослу оскорбительные слова:
„Поскорее беги от меня, грязный Осел,
чтобы я не протянула ногу и не дала тебе пинка,
не расколола твою голову, не поломала тебе бока,
750 чтобы, пока ты жив, пока ты дышишь, не избивала тебя копытами,
потому что и ты подаешь свой голос, Осел,
вместе с дивной, прекрасной и большой Лошадью.
Меня кормят всегда, [в течение] всего времени,
кормят и поят меня, и ласкают,
755 и предпочтительно, по сравнению со всеми животными, любят.
Итак, все:
цари, знатные люди, короли и султаны,
и всякий добрый человек, и всякий воин
ездят верхом на мне, [седлая] седлами, украшенными золотом
и серебром,
760 уздой с недоуздкой, (серебряными и золочеными передними и
задними ремнями), [украшенными] золотыми листьями,
окрашенными в темнокрасный цвет, шелком
и многими звонкими колокольчиками и другими красивыми вещами.
И я — вся покрыта попонами и на войне,
765 и на торжестве, и на охоте.

[Люди] чешут, чистят и гладят меня,
и любят меня, как своих жен.
Меня ведут с длиннопозвоночным Верблюдом,
которого нагружают, как тебя, Осла,
невыносимым грузом, огромной ношей,
770 [с Верблюдом], который призывал нашего бога,
чтобы сделал ему рога, как у большого животного,
а тот [бог] решил, чтобы он был короткоухим,
и срезал его уши, сделал ему горб,
775 и [Верблюд теперь] позорище, посмешище, и ничтожество среди
животных“.

Когда Верблюд услышал, как говорила Лошадь
и [те] оскорбления и насмешки, которые к нему она обратила,
он вошел и встал на середину.
Осел, устыдившись, остановился вдалеке.
780 Тогда Верблюд говорит Лошади так:
„Что за пользу приносит самомнение, хвастовство,
большая похвальба, которая присуща тебе, Лошаденка?
Выслушай, и я тебе скажу о многих бедах, которые выпадают на
твою долю:

когда ты стареешь, тебя отправляют на мельницу,
785 тебя, несчастная, ослепляют, стегают прутом,
ты ходишь вокруг, и помрачены для тебя день и ночь;
кожа с твоих ушей и со всего позвоночника сдирается,
и от большой усталости и огорчения
ты не можешь ни есть, ни пить.
790 И когда ты обессилишь вконец и не в состоянии [работать],
тебя выбрасывают и уводят на луг,
там ты, несчастная, околеваешь, [и] тебя едят вороны.
С тебя сдирают шкуру и [пускают в ход специальные приспособления],
отрезают твой хвост и делают из него веревки [или сита]“.

Тогда Лошадь тотчас говорит Верблюду:
795 „Глупый Верблюд, гадкий и вонючий,
горбатый, широконогий и короткохвостый,
если бы ты подумал, несчастный, что на тебя укладывают,
вьючат и нагружают большие тяжести,
800 а сверху садится [еще] сам погонщик,
а ты неповоротлив, ленив, как черепаха!
Беги из середины нашего [круга], нескладный зверь,
подобно Ослу — добыча Волка,
ибо когда бы Волк ни нашел Осла,
805 он радостно принимает [его] и очень доволен:
„Вот, мы нашли, — говорит, — вареное мясо!“
Верблюд устыдился, бежит со середины,
Лошадь осталась в одиночестве.
Волк, как услышал там свое имя,
810 вышел и встал на середине,
и говорит Лошади такие слова:
„Много ты наболтала вздорного
и оскорбила Верблюда, и Осла оскорбила,
выругала и меня, что я ем ослов.
815 Итак, довольно с тебя, беги со середины.
Я питаюсь сырым мясом, ибо я ем животных:

- не только Осла, как ты болтаешь,
но и тебя, Лошадь, и весь твой род,
и маленьких жеребят, которых производят на свет кобылы;
- 820 я ем овец, я ем и коз,
маленьких козлят и маленьких барашков,
маленьких теляток, часто и свиней,
и других животных в большом числе — и малых и больших.
Однако я буду выступать на суде с равным мне животным.
- 825 Ты беги отсюда, чесоточная Лошадь,
как бы к нам не пристала твоя вонь и парша от твоих ран.
Наступило время, чтобы ты убежала отсюда, со середины".
Лошадь вышла, встала в стороне,
Волк остался посреди собрания.
- 830 Медведь же, как услышал и увидел Волка,
оставшегося одного, стал на средину
и так сказал Волку:
„Волк-душегубец, пожиратель гнилого, ночной вор,
[скрывающийся в норах], гнусный ночной бродяга,
835 скажи, и ты смеешь хвастаться, как другие животные?
Имеешь ли ты какую-либо часть тела, которая принесла бы пользу?
Наоборот, все твое тело совершенно бесполезно.
Ты бранишь Лошадь, что она иногда паршивеет,
а ты, несчастный, ты в парше ежегодно;
- 840 и летом ты нигде не видишь солнца,
но скрываешься в чаще и кустарниках,
и тебя едят комары, и жалят осы".
Тогда Волк сказал Медведю:
„Едок меда, гадкий и коротконогий,
845 косоглазый и кривой, смотрящий в землю,
вместилище грязи, забава глупых цыган,
поедающий груши и жолуди, мирт и землянику,
и ты тоже не имеешь ни одной порядочной части тела,
как ты говоришь обо мне [и за что] меня бранишь".
- 850 Снова Медведь ответил Волку:
„Я полезен опытным врачам, —
нашим салом (*ἄλοιον*) пользуются постоянно
при ревматизме (*ρευματι*), для мазей (*ἄλοιφα*), смешанных с раз-
ными лекарствами,
делают весьма полезные снадобья [для лечения] повреждений
и случайных увечий.
- 855 Однако отбежим немного от середины,
чтобы пришли питающиеся сырым [мясом], смелые,
сильные, хищные, большие животные,
[чтобы] Пантера и Леопард шли защищаться перед судом".
И вот Волк и Медведь отбежали немного,
- 860 Пантера и Леопард пришли на средину,
и один сказал другому: „Я — лучше".
Они [заязгали и заскрежетали] зубами,
Пантера быстро крикнула
и говорит Леопарду такие слова:
- 865 „Ты не обладаешь единой сущностью, но половину
[качеств] имеешь ото льва, половину от меня.
И ты — животное незаконнорожденное, возвращенное девкой,
как это становится очевидным из имени „Леопард".

- Я же в соответствии с именем наделена и мужеством,
 870 ибо я — могучая Пантера, безусловно храбрая,
 и я побеждаю четвероногих.
 В два или порой три прыжка
 я настигаю любое животное, схватываю [его],
 сжимаю его когтями, и оно не может бежать.
 875 Я ем его и радуюсь, пока у меня есть аппетит.
 Другую, оставшуюся часть я бросаю и ухожу прочь;
 и когда [ее] другое животное находит, поедает ее.
 Шкурой же моей пользуются султаны,
 благородные богачи, великие эмиры.
 880 Она идет на кресла (καθίσματα), спинки кресел (ὑποκλιντήρια),
 на подушки (προσκεφάλαια) и на подстилки для ложа (στρωμνὴς τῆς κλίνης).
- Ибо там, где она лежит, никогда не бывает блох“.
 Тогда Леопард закричал так:
 „Не хвастай, короткохвостая Пантера,
 885 своей силой, прыжками и когтями,
 ибо теми преимуществами, которыми обладаешь ты,
 обладаю в равной мере и я, Пантера,
 еще и [дикая кошка] и царь-Лев“.
 Царь, выслушав [это], разгневался
 890 и сказал Леопарду такие слова:
 „Меня удерживают царственность и величие,
 а также и то смятение и волнение, которые возникли бы.
 Если [бы] не они, я бы слегка вытянул свою длань,
 и подтащил бы тебя немного к своей нижней челюсти,
 895 и выбил бы тебе зубы до самого виска.
 И я бы научил тебя, как со мной разговаривать,
 чтобы ты никогда бы не указывал на своего царя.
 Однако теперь уходите со середины:
 пусть придет Слон, мой созаседатель,
 900 пусть и он, наконец, скажет о благах, которыми обладает.
 Когда кончат и выскажутся все,
 тогда скажу и я и вынесу решение,
 как имеющий свою волю, подобно царю и льву“.
 Тогда Слон, придя, встал на середине
 905 и обратился [с такой речью] ко всем животным:
 „Подобно тому, как стена очень прочна и укреплена,
 как крепость недоступна врагам и весьма сильна,
 так и я очень силен —
 сверху на мне сооружают укрепления (κάστρη) из досок
 910 и мощные, сильно укрепленные деревянные башни (ξύλοπύργους),
 внутри которых стоят вооруженные люди
 и рьяно нападают на всех своих противников;
 и всех их повергают, всех их уничтожают.
 Клыки мои также приносят большую пользу:
 915 [из них делают] царские ложа (κλινάρια), патриаршьи кресла (σελλία),
 высеченные [из кости] жезлы (δοκλίμια) с глубокой резьбой,
 царские кресла и троны властителей.
 Слоновой костью владеют епископы и митрополиты,
 великие игумены с длинными бородами;
 920 а вдобавок знатные люди и купцы
 имеют как предметы для игры: выточенные [из слоновой кости]

тавли, шахматы (χτρίκι) и тому подобные вещи.

[Из слоновой кости] делают ручки (μυχιρομάνικα) для больших
ножей,

а равно и для маленьких, весьма украшенных,
925 весьма красивые гребни (χτένις), которые скрепляются золотом
и еще серебром, украшенные смарагдами —
их имеют знатные дамы, старые и пожилые;
делают также и зеркала (ζῆτοπτρα), которые называются χῆδρέπτι,
и молодые девушки, [пользуясь ими], смотрят на свое отражение“.
930 Когда Обезьяна услышала слова Слона, —
ведь все высказались и все отговорили,
никого [больше] не оставалось, [кто бы не успел выступить],
только одна она

пряталась, как трус, среди четвероногих, —
она выскочила и встала на середину.

935 И с такими словами обратилась к Слону:

„И ты, длинноносый, с хоботом, пришел
хвастаться и говорить, нескладный зверь?
Ты не нашей породы,
а похож на рака с клешнями.

940 У тебя в одном месте рот, а в другом — хобот,
в одном месте ты собираешь пищу, в другом ее пожираешь,
кривоногий, нелепый урод среди зверей,
ты родился без колен и сочленений,
и стоишь мощно ночью и днем,

945 и не ложишься, как другие животные, чтобы отдыхать,
и не имеешь [хотя бы] краткого покоя, как люди.
Но когда ты хочешь спать, ты стоишь прямо
и опираешься на какое-нибудь дерево или большой камень,
испуганный, ты стоишь с дрожью и засыпаешь.

950 А если ты задремлешь или заснешь,
горе тебе, несчастному, когда ты хочешь повернуться:
ты наклоняешься, несчастный, падаешь кувырком,
так что ноги твои торчат, как бревна,
и ты никак не в силах выпрямиться.

955 Тогда приходят люди, которые охотятся за тобой,
находят тебя, убивают и разделяют,
как немого труса, не знающего, что делать.

А ты говоришь глупости, всяческую ложь,
что ты животное большое и очень мужественное.

960 Порой люди поступают иначе
и идут на другие хитрости, чтобы погубить тебя, несчастный,
и ты не знаешь сна, ни ночью, ни днем.

Они подрубают деревья топором или подрезают пилой,
затем подсекают до конца, чтобы подломить,

965 а ты идешь туда, чтобы поспать и опереться там на деревья;
дерево падает, ударяет тебя, валит на землю,
тебя убивают, как мы сказали, и берут твою кость [твои клыки],
ибо [только] они и составляют [то] прекрасное, что ты имеешь“.
Тогда огромный Слон, разгневавшись до крайности,

970 с великой угрозой говорит Обезьяне:

„Беги... с нашей середины, во всем оскверненная нечисть.
с грязной дурной мордой, поедающая вшей и гнид,
насекомых, клещей, блох

- и других, самых маленьких из числа нечистых.
- 975 Беги же из передних рядов, не опоганивай всех".
Обезьяна бегом удаляется с середины
вследствие великого страха перед Слоном
и прячется среди остальных четвероногих.
Царь Лев остался один и
- 980 обратил такие слова к толпе:
„Достаточно того, что высказали все:
оскорблений, упреков, похвал, порицаний,
похвальбы и прений.
Отныне я повелеваю, говорю и объявляю,
985 чтобы чистая и бесхитростная любовь и дружба,
которую мы скрепили клятвой и любовью,
была бы отныне упразднена,
чтобы царствовала жестокая вражда, как и прежде,
и чтобы все четвероногие, питающиеся сырым мясом звери
990 пожирали чистых, как и было прежде,
какое-либо обстоятельство [с одной стороны] — приносит вред,
[с другой стороны] — является обычным".
Тогда ты мог бы увидеть плач и горькие слезы;
смутнение и волнение, произведенное животными,
мог бы увидеть и прыжки и бегство.
- 995 Тот, который побеждал, преследовал другого;
они настигали, кусали, толкали [жертвы],
одни [хватали] за позвонок, другие за спину,
третьи за бедра и за чрево,
остальные [хватали], как [и где] настигали и откуда нападали.
- 1000 Ты слышал бы рыдания и узнал о большом горе,
и смутении войны, и великом насилии,
которое испытывали четвероногие, когда один стал поедать другого.
Конечно, я расскажу о той войне
и каждом ее эпизоде, скажу, какой имело конец
- 1005 насилие и смутение, произошедшее тогда.
Первым тотчас вскочил царь Лев
и ударил Буйвола, одолел его и сел.
Увидев [это], Бык стал говорить против Льва
и сильно замычал, громко крикнув:
- 1010 „Вы видите неверного во всем, нарушителя клятвы,
вероломного, виновника битвы;
он не царь и не самодержец,
он возбуждает сражение и нарушает любовь.
И если бы он был царем, как он болтает,
1015 он приказал бы, и всегда царица бы любовь.
А так как он злодей и нарушитель клятвы;
мы все, малые и большие, ударим его
и убьем как нарушителя клятвы".
Первым решился Бык и бросился в битву;
- 1020 он потрясает головой, наносит Льву удар рогом
и тотчас весь свой рог вонзает
в брюхо Льва и извлекает его внутренности.
Пантера, увидев смерть Льва, тотчас
сильно опечалилась и сказала Быку:
- 1025 „Как бы стал жить царь и его вельможи,
если бы он не пожирал тебя и других?"

- Она протянула свою лапу к Быку,
и, увидя это, Бык вошел в середину
и ногами стал наносить Пантере один удар за другим,
1030 а также рогом вспорол брюхо.
Вынуждаемая насилием и необходимостью
Пантера, лежа на земле, позвала слабым голосом:
„Где вы, друзья-товарищи, питающиеся сырым мясом звери,
[почему] вы стоите, смотрите и не оказываете мне помощи?“
1035 Тотчас Леопард, Медведь,
Волк, Лиса, Собака и Кошка
побежали на помощь Пантере.
Другие четвероногие звери, пожирающие сырое [мясо]
в один час были собраны все на сражение
1040 и на битву с чистыми животными.
Когда все это увидели чистые животные, —
они приказали Ослу, чтобы он подал сигнал,
чтобы Верблюд держал литавры (*ανακράδης*),
и чтобы Мышь играла на них, дабы собрались все:
1045 Свинья, Олень, Коза, Серна,
Овца и другие ручные животные,
[а с ними и] Лошадь, быстрое животное, [которая] носилась взад
и вперед,
чтоб наделить мужеством всех их.
Они набросились на [своих врагов]
1050 и начинают бой удивительный и великий.
Подошел Леопард, чтобы ударить Оленя;
лапой он ударяет его, рассекает пополам;
а с другой стороны Свинья стремительно бросается, нападает
и ударяет Леопарда, и распарывает его брюхо.
1055 Тотчас Медведь подбежал к Свинье;
она поспешно поворачивается и ударяет Медведя, —
был убит и он заодно с Леопардом.
Собака, как стояла, глядя на происшедшее,
тявкнула издали, испугала Свинью,
1060 забегала взад и вперед: „Посмотрите мол, и понаблюдайте
за виновником зла, великим мастером,
неверной Лисицей, как она водит за нос [всех]
и выказывает притворную приверженность к той и другой стороне.
Что вы стоите? Что смотрите? Ничего не страшитесь,
1065 несколько не дрожите, будьте мужественны!“
Тотчас Свинья убежала, прыгнули Коза,
Овца, Заяц, Баран, Козел,
затрубил Осел, Верблюд стал танцевать,
ударяет в *τὴν λαμπάδα* Мышь сверху,
1070 Лошадь ржет, носится туда и сюда,
происходит большое беспокойство и беспорядок.
Волк бросается на гору, Лиса в чащу,
Кот взбирается на дерево,
осталась Обезьяна, вошла в нору.
1075 Когда зашло солнце, битва прекратилась,
и мрак ночи спас всех.
И исполнилось изречение гимнографа:
„Царь не спасается великой силой,
и великан не будет спасен полнотой телесной мощи“.

1030 С того времени до настоящего вспыхнувшее среди всех четвероногих, малых и больших, сражение не прекращается и продолжает существовать во все века.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

Ст. 1. По всей вероятности, название рассказа „детским“ или „шуточным“ — παιδίστροφας — Парижская ркп. (если это не позднейшая вставка) является своеобразной маскировкой автора басни, сатирические тенденции которой столь очевидны. В Венской и Лесбосской ркп.: πεζότροφας — „прозаический“, что мало понятно, ибо „Рассказ“ написан в стихах и назвать его прозаическим нельзя.

Ст. 4—5. Из этих двух стихов в Венской ркп. сделан один стих: πλὴν κειρημένην ἔχουσιν ἔννοιαν οὐκ ὀλίγην („помимо того, они имеют немало скрытого значения <смысла>“).

Ст. 8. В чтении Венской и Лесбосской ркп.: βούλονται μὲν ὡς ἄθεοι ἡμᾶς κακῶσαι τίως („желающие, как безбожники, нас погубить“).

Ст. 10. В Лесбосской ркп. вместо εὐχὴν читаем ἰσχὴν („могущество, влияние“).

Ст. 10^a. Этот стих имеется в Венской и Лесбосской ркп.

Ст. 15—16. В этих стихах дается противопоставление групп: τὰ κατὰρὰ καὶ εὐχρηστα — ἀσώβητα καὶ βέλυντα.

Ст. 40—55 отсутствуют в Венской и Лесбосской ркп.

Ст. 74. В Лесбосской ркп. читается ἀγάπης να ποιήσουν „и соглашения“ — καὶ πάτους. Хесселинг неверно предлагает читать πάτους. (D. Hesselting. Notes critiques sur deux poèmes grecs du Moyen âge, Byz., vol. I, 1924, p. 308). Ленингр. ркп. и изданный текст дают πάτους, что следует считать правильным. Слово произошло из итальянского patto — „соглашение“, „договор“, поэтому историческое написание слова πάτους. В Лесб. ркп. читается ἀγάπης.

Ст. 76—78 отсутствуют в Ленинградской, Венской, Лесбосской ркп.

Ст. 100. Дословно: καὶ ὀλιγοῦσιν τινα τῶν μετεωρισμάτων („и кое-что из балагурств“).

Ст. 102. Дословно: καὶ ὅσα ἔχουσιν καλὰ, ἀλλὰ καὶ τὰ κακὰ τοὺς („и какое имеют хорошее, но и плохое“).

Ст. 110. Дословно: οἱ προάγοντες καὶ οἱ ἀκολουθοῦντες („идущие впереди и следующие за кем-либо“).

Ст. 124. В Парижской ркп. стих отсутствует.

Ст. 129. Дословно: νᾶμπης („чтобы войти“).

Ст. 133. Чтение, принятое Вагнером: τ' αὐγά — „яйца“ ни одним из кодексов не подтверждается. Все рукописи дают αἴγνα. Придыхание, которым различается написание Ленинградской и Венской ркп. от Парижской и Лесбосской ркп, не имеет особого значения, так как оно не произносилось. Нами принято чтение, предложенное Хесселингом: τ' ἀγνά Парижской и Лесбосской ркп. (Op. cit., p. 309).

Ст. 134—135. В Венской ркп. стихи отсутствуют.

Ст. 141. Дословно: ἐδὰ κρατεῖ με („теперь удерживает меня“).

Ст. 143. Дословно: ἀμμή („в противном случае, но“).

Ст. 144. Дословно: ὡς ἴδης („увидела бы“).

Ст. 151 отсутствует в Парижской ркп.

Ст. 176—177 соединены вместе в Лесбосской ркп.

Ст. 178 отсутствует в Венской ркп.

Ст. 191 отсутствует в Венской и Лесбосской ркп.

Ст. 195. Дословно: μετὰ τοῦ συνεδρίου („вместе с собранием“).

Ст. 221. В Венской ркп. стих отсутствует.

Ст. 222. Происхождение и значение последнего слова этого стиха: ἀποπατήσας — выяснить не удалось.

Ст. 226 отсутствует в Венской ркп.

Ст. 245. В конце стиха стоит глагол ἀποφύσσει, не зафиксированный словарями. Ф. Кукулес (Ф. Κουκούλης. Παράτηρήσεις εἰς τὰ Carmina graeca medii aevi, Διογραφία Γ', Ἀθήναι, 1911, σ. 371) предлагает чтение ἀπορροφήσας от ἀπορροῶ — „всасывать“, „впитывать“, „поглощать“, С. Ксантуидис (Σ. Ξανθοῦ διδῆς. Διορθώσεις καὶ ἐρμηνεῖαι εἰς Διήγησιν παιδιόφραστον τ. τ. ζ., Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. V, Athen, 1926, Heft 3—4), S. 356 говорит о глаголе ἀποφύσσω — „истощать“, „исчерпывать“ (о воде). На основании приведенных значений общий смысл глагола — „напиться (воды)“.

Ст. 246. Стих оканчивается глаголом συχνοπινοκλάνης (Ленинградская, Лесбосская ркп.), συχνοπίνης κλάνης (Венская), συχνοπινοκλάνης (Парижская). Абсолютно понятна лишь первая часть слова: συχνός — „частый“. В чтении Венской ркп. понятна и вторая часть: 2 л. ед. ч. конъюнктива глагола πίνω — „пить“. К κλάνη, ἥ в словаре Кинда — „ветер“. Что все это означает в целом — неясно.

Ст. 254 отсутствует в Венской и Лесбосской ркп.

Ст. 258. В чтении Венской и Лесбосской ркп. вместо „пугаю“ — ἐξισπῶ (Парижская ркп.) или ἐξήπῶ (Ленинградская ркп.) стоит ἐξυπνῶ ἐξυπνῶ — Лесбосская ркп.) — „будить“. Контекст подсказывает выбор чтения „пугаю“ (правильная орфография слова ἐκυσσῶ): собака своим лаем не „будит“, а распугивает дичь.

Ст. 300. κοῦπας με πιπεράδας — „чаши...“. Повидимому, здесь идет речь о посуде, предназначенной для кушаний, в которые при их приготовлении кладется перец — πιπέρι, πέπερι, τό.

Ст. 309 отсутствует в Ленинградской, Венской и Лесбосской ркп.

Ст. 327. κλάδοτριπολόγος. В состав слова входят: κλάδος, ὁ „ветвь“, τρύπα, ἡ „дыра“, „отверстие“ и λόγος как показатель действующего лица. В целом значение слова: „делающий отверстия (дыры) в ветвях“. Но заяц, в действительности, не буравит дырки в ветвях, а обгладывает кору, отсюда наш перевод: „обгладывающий ветви“.

Ст. 333. Дословно: ὥσπερ διάβολος ἐκ τοῦ θυμικλήτου („как дьявол от кажения“).

Ст. 344 отсутствует в Парижской ркп., если, как отмечает издатель, копия верна.

Ст. 347—49. Эти стихи отражают народное суеверие.

Ст. 372 отсутствует в Парижской ркп.

Ст. 377. Вместо чтения Парижской рукописи με πικτήν Кукулес (Указ. соч., стр. 378) предлагает читать με πηκτήν, где πηκτή или πηχτή означает „студень“, „желе“. Это слово засвидетельствовано и в словаре новогреческого языка А. Иоаннидис: πηχτή, ἡ (димотика) в том же значении. Чтение Ленинградской, Венской, Лесбосской ркп.: με τήν γῆν

совершенно непонятно, поэтому нами принято чтение, предложенное Кукулесом.

Ст. 380. Словами „мучная еда“ нами передано содержание слова *πασπλάδες*, ибо само слово *πασπλάς* (*πλά* — романский суффикс) неизвестно. В его основе лежит либо *πασπάλη*, ἡ — „мука“, „крупчатка“ (словарь Иоаннидис), либо ὁ *πάσπαλος* = *χέγχρος* — „просо“ (словарь Лиддла-Скотта). Ксантудидис, объясняя критские реалии (Указ. соч., стр. 357—58), говорит, что здесь имеется в виду очень жирная и вкусная еда: толстые свиные кишки, нарезанные на куски, начинают крупой и салом.

Ст. 391. Конец стиха по тексту Вагнера: *ἐκ τὴν οὐρίαν*. Слово *οὐρία* взято им без указания рукописи, — либо это чтение Венской ркп., либо самого Вагнера, так как чтение других рукописей нам известно: *ἐκ τὴν ὀρύον* — Ленинградская ркп., *ἐκ τὴν οὐρύειαν* — Лесбосская, *ἐκ τὴν οὐρίαν* — Парижская.

Предлог *ἐκ* Вагнер заимствует у Викела, и фраза приобретает такой смысл: „волос, взятый из хвоста“. Хесселинг (Указ. соч., стр. 310—311) дает следующее объяснение сочетания предлога *ἐκ* со словом *οὐρία*: всякий, имеющий дело с шитьем кожи, использует при этом дратву, связывая ее со свиным волосом, облегчающим прохождение дратвы через проколотую шилом дыру. Волос в целях смягчения опускают в урину — *ἐκ τὴν οὐρίαν*. Наиболее удачное толкование текста дает Ксантудидис, беря чтение Лесбосской, Парижской и Ленинградской ркп. *ὀρύα*: для шитья кожи берется льняная нить, обычно в сажень длиной (*ὀρύια*), и соответствующий по размеру свиной волос. *Ὀρύια*, ἡ — „сажень“ (слов. А. Иоаннидис). Таким образом, в данном стихе, по мнению Ксантудидиса, речь идет о свином волосе соответствующей длины.

Ст. 424. В этом стихе записана поговорка, либо пословица, внесенная Политисом, как сообщает Ксантудидис, в „*Παροιμίον*“ т. Δ', стр. 635—636.

Ст. 434 „бодливый“ — *μὲ τὴν κοῦτλαν*. Нами принято толкование Хесселинга (Указ. соч., стр. 311), который считает слово *κοῦτλα* (чтение Парижской, Ленинградской, Лесбосской ркп.) отглагольным существительным от *κοῦτ(ε)λίζω* или *κοῦτ(ε)λῶ* — „бодать“.

Ст. 439—444. В Венской рукописи пропуск стихов.

Ст. 439. *σάπημένα ἤδη* — „уже гнилое“ (Ленинградская, Лесбосская ркп.). Это понятие гораздо шире, чем дано в Парижской ркп., где речь идет лишь о мясе (*κρέη*), и представляется, как нам кажется, более удачным для контекста.

Ст. 493. Вместо непонятного чтения Парижской ркп. *σάχτια*, которому издатель отдал предпочтение, мы приняли чтение Ленинградской, Венской ркп. *πεύχια* (*πέυχια* — Лесбосская ркп.), имеющее значение „ковры“. См. Г. Хаджидакис. ΜΚΝΕ, т. 1, Athènes, 1907, стр. 403 (*πέυχι* — ὀπέυχιον). Что касается этимологии слова *σάχτια*, то в персидском языке есть „сахтиан, сихтиан“ в значении „сафьян, козья кожа“. Вряд ли это значение подходит к контексту.

Ст. 494. Интересный вариант чтения этого стиха дает Лесбосская ркп., где сказано: „на которых сидят царь (*βασιλεύς*) и все вельможи (*μεγιστάνες*)“.

Ст. 501. „Желтый“. Написание Вагнером *τὰ ψάλονια* противоречит свидетельству рукописей, где дано: *τσαλούνια* — Венская (Парижская), *τζαλουνιά* — Ленинградская, *τζαλο* — Лесбосская. Слово *τσαλούνια* объяснено Хесселингом (Указ. соч., стр. 311). Это — производное слово от ве-

недианского *zalo*, итальянского *giallo* = *κίτρινον* — „желтый“. (См. *Dictionnaire de Boerio*). Таким образом, в этом стихе идет речь о цветных одеждах, которые носят царь и знатные люди.

Ст. 503. Вместо τὰ γρίζα Парижская ркп. дает τὰ ῥάσι.

Ст. 511. „потники“. В тексте Ленинградской ркп. и у Вагнера стоит слово *δρομάχι*. Однако это слово неизвестное, словарями не зафиксированное. Ксантудидис видит в нем составное слово *δρομάχι* = *δρόσ* + *μάχομαι* „потник“, т. е. то, что кладется на круп лошади.

Ст. 515. Последние слова стиха: *φελάριχ καὶ κλώστρα*. В основе *φελάριχ*, вероятно, лежит слово *φelloῦ* — „пробка“, стало быть речь идет об обуви на пробковой подошве. Что касается *κλώστρα*, то происхождение и значение слова не удалось выяснить. Исходя из контекста, речь идет об одном из видов обуви.

Ст. 519. „нагрудных и задних ремней“. В чтении Вагнера *ἐντελημπροστελίνα*. Толкование слова дано рядом авторов: Кораи, Кукулесом, Хесселингом, Триандафилидисом, Ксантудидисом. Нами принято объяснение Хесселинга (Указ. соч., стр. 311—312), который, разлагая сложное слово на его компоненты: *ἐντελίνα* и *ἐμπροστελίνα*, говорит о плеоназме (употреблении лишних слов). Остановившись далее на толковании слова *οπισωμπροστελίνα* в ст. 642, читаемого во всех рукописях, он показывает, что это слово состоит из *οπίσω* и *ἐμπροστελίνα* и, имея то же значение, что *ἐντελημπροστελίνα*, эквивалентно *οπιστελίνα* и *ἐμπροστελίνα*. В общем здесь идет речь о соединении воедино понятия: нагрудные и задние ремни. Следуя аналогии сочетания в ст. 520 *χαλινάρι* — „узда“ и *saristellum* — „недоуздок“. Хесселинг предлагает читать в ст. 519 *εἰς ῥαψίματα ἐντελημπροστελίνων*.

Ст. 534—544 отсутствуют в Лесбосской ркп.

Ст. 544. Дословно: *ἐκ τῶν μεγάλων ζώων* („из больших животных“).

Ст. 545—582. Стихи отсутствуют в Венской ркп. В Лесбосской ркп. отсутствуют ст. 546—582.

Ст. 570. В Ленинградской и Лесбосской ркп. стих пропущен, что, однако, не нарушает логического перехода от ст. 569 к ст. 571. В представленном в издании Вагнера стихе, вероятно, имеется какая-то порча текста, во всяком случае начало стиха оставляем без перевода: *το ἔλαβεν δ' ὡς προπετῶς*.

Ст. 577. Стих передан у Вагнера в неполном виде, поэтому в переводе стоит многоточие.

Ст. 600. *μονόκωδρον*. В словаре Дюканжа означает „аппетитное блюдо настоятелей монастыря“. Это слово встречается в памфлете, приписываемом Ф. Продрому: „Сатира против игуменов“ (издан Леграном в *Bibliothèque grecque vulgaire*, vol. I; перевод в Буз., 1924, pp. 317—339). „Это кушание, составленное из капусты, соленой рыбы *fumes de Transoxiane*, 14 яиц, нескольких сортов сыра, масла, перца, 12 головок чеснока, 15 мажеграух. Все это смачивается чашкой сладкого вина“ (L. Brehier, *La civilisation byzantine*, Paris, 1950, p. 57). Объяснение слова есть у Кораи (*Ἀττικα*, т. 1, стр. 123) и у Хесселинга (Hesseling—Pernot, *Roèmes Prodromiques*, Index. Amsterdam, 1910, p. 204).

Ст. 601 *ὄφρυγ* или *φρηγ* (Венская ркп.), *φρυγείν* (Лесбосская ркп.). По сообщению Ксантудидиса, *ὄφρυγ* имеет значение „капуста“. Хаджидакис (МКНЕ, т. II, стр. 222) дает ссылку на этот стих и на строку 45 „Рассказа о фруктах“.

Ст. 619. Заключенные в скобки слова „и ее частей“ только приблизительно передают содержание слова *σπονδυλοτορνημένας*. Повидимому,

здесь говорится о каких-то частях прялки, которые подвергаются обточке. Может быть, это пряслица?

Ст. 627. Дословно: εὐρίσκουν — „находят“.

Ст. 630. ἄθρινα, ἡ. В словарях Дюканжа и Пассова означает „мелкая рыбешка“. Сорта рыбы мы не знаем. Слово ἄθρινα встречается также в „Рассказе о рыбах“, строка 20.

Ст. 658. Нами принято чтение Венской ркп., в которой этот стих разделен на два стиха: τότε ὁ βοῦς καὶ ὁ βοῦβαλος ἐξέβησαν ἐκείθεν, ἐπηγάιν καὶ ἐστάθησαν μετὰ τοῦ συνεδρίου.

Ст. 661 отсутствует в Ленинградской, Венской, Лесбосской ркп.

Ст. 685—689 отсутствуют в Ленинградской и Венской ркп.

Ст. 690. В этом и следующем стихах приведен народный анекдот об осле.

Ст. 695 пропущен в Лесбосской ркп.

Ст. 771. τὸν θεὸν μας („нашего бога“). В Ленинградской, Венской, Лесбосской ркп. θεὸν τὸν Δία („бога Зевса“).

Ст. 783. Дословно: πολλὰ κακὰ τὰ ἔχεις — („многом зле, которое ты имеешь“).

Ст. 793. πολεμοῦν τὰς τσάπας. Ксантудидис, находя странным и непонятным сочетание глагола πολεμῶ в значении „делать“, „изготавливать“ и τὰς τσάπας (τσάπα, ἡ — „кирка“, „мотыга“, „заступ“ от итальянского слова зарра), считал, что здесь идет речь об изготовлении обуви из шкуры лошади. Путем разложения в слове τσάπα буквы π на две гаммы, он получил слово τσάγγα — „обувь“. Считая вполне приемлемым толкование Ксантудидиса, мы однако, думаем, что автор в этом стихе дает представление о каких-то специальных инструментах, с помощью которых разделяется шкура павшего животного; в таком случае τσάπα может быть производственным термином.

Ст. 795 отсутствует в Ленинградской и Венской ркп.

Ст. 799. Дословно: βάνουν или βάλουν (Ленинградская ркп.) — „кладут“, „ставят“.

Ст. 817 отсутствует в Ленинградской и Лесбосской ркп.

Ст. 834. „Скрывающийся в норах“. Так переведено нами слово ἐντροπόλοος в чтении Венской и Лесбосской ркп.

Ст. 837 отсутствует в Ленинградской, Венской, Лесбосской ркп.

Ст. 838—842 отсутствуют в Парижской ркп.

Ст. 846. Первое слово стиха κορμοφικήρα (Парижская, Ленинградская ркп.), κορμοφικήρα — Венская ркп. Вторая часть этих слов φικήρα, φικήρα, имеет неясную этимологию. В том случае, если принять во внимание возможность перехода φ в θ (G. Hatzidakis. MKNE, Athenes, t. II, 1907, p. 420) и читать θικήρα, то можно подойти к осмыслению непонятого слова: θικήρα, θήκη — „чехол“, „футляр“, „ларец“, „кобура“, т. е. „вместилище“. Что касается первой части слова, то в чтении Парижской, Ленинградской ркп. это κορμί — „улей“. Г. Мейер сообщает, что новогреческие диалекты имеют ряд обозначений для слова „улей“. Так, на Понте говорят κορμί, κορμερό, т. е. не что другое, как „ствол дерева“. Выдолбленный ствол дерева — старейшая форма жилища пчел (G. Meyer, Etymologisches, BZ, Bd. III (1894), S. 157). В чтении Венской ркп. первая часть слова βρώμα, ἡ — „грязь“, „зловоние“. В этом случае сочетание βρώμα с φικήρα = θήκη дает такой смысл: медведь высмеивается за свою грязь и назван „вместилищем грязи (или вони)“, что больше соответствует контексту.

Ст. 851 сл. Речь в этих стихах идет о народном медицинском средстве.

Ст. 858—59 отсутствует в Ленинградской, Венской, Лесбосской ркп.

Ст. 862. ἐφαγγρίζαν καὶ ἐνεγγριμασοῦσαν. Последнее слово в чтении Вагнера. В Ленинградской ркп. ἐνεκριματοῦσαν, в Парижской ἐγκρεομανοῦσαν, в Лесбосской ἀνεγγριματοῦσαν. Дословный перевод φαγγρίζω — „прилегать неплотно“, „просвечивать“. Что касается второго глагола, то при разнообразном чтении его в рукописях не удалось остановиться на чем-либо достоверном. Судя по контексту, можно догадаться о его смысле. Во всяком случае в чтении Вагнера (возможно, что это чтение Венской ркп.) вторая составная часть глагола μασοῦσαν напоминает μασῶ, μασάομαι „жевать“.

Ст. 882. В этом стихе идет речь о народном суеверии.

Ст. 888. κατόπαρδος. Слово состоит из двух компонентов: ὁ κάττης + παρδος, чему это равно, однако, неясно. Может быть — „дикая кошка“.

Ст. 894, 897 отсутствуют в Венской ркп.

Ст. 916 отсутствует в Лесбосской ркп.

Ст. 924 отсутствует в Венской ркп.

Ст. 939 отсутствует в Лесбосской ркп.

Ст. 960. Дословно: ποιοῦν καὶ ἄλλας πράξεις („делают и другие дела“).

Ст. 962. Дословно: θεωρεῖς („видишь“).

Ст. 967 отсутствует в Венской ркп., если верить К. Сафе.

Ст. 971 — φαγκρίν. Этимология этого слова неясна. У Дюканжа φαγκρί — „род рыбы“. Контекст предполагает, повидимому, какое-то бранное слово. Возможно, что здесь представлено арабское слово „факр“ — „нужда, бедность, потребность“, и φαγκρίν тогда может означать „бедняк“, „несчастный“.

Ст. 973 — „клещей“. Так переведено нами слово τὰς μίγλας. Μίγλα, ἡ — слово неизвестного происхождения. Для определения его значения нами принято толкование слова П. В. Ернштедтом: подобно тому, как соответствуют формы μικρός и σμικρός, μάραγδος и σμάραγδος, где сигма вторична, вполне вероятно бытование слов μίγλα и σμίγλα. Последнее слово в словаре Кинда (см. σμίλη) означает „клещ“. Возможно, что в нашем тексте мы имеем дело с синонимом. Отсутствие полной уверенности в равенстве μίγλα и σμίγλα вызвано соединением в тексте слова μίγλα с формой артикля, оканчивающегося на „ς“, вследствие чего трудно сказать, действительно ли „ς“ было начальным звуком существительного. Только обнаружение в языке того же времени (XIV в.) соответствующего материала по данному слову может дать желаемый результат. В Венской и Лесбосской ркп. представлено другое чтение: ἐσθίεις ψύλλους ψεῖρας τε καὶ πάντοτε δακόνεις — „ты ешь блох, вшей и постоянно кусаешь“.

Ст. 985 — „бесхитростная“. В переводе этого слова мы следовали написанию Венской и Лесбосской ркп.: ἄδολος, дающий лучший смысл по сравнению с Парижской ркп., где стоит ἀδηλος — „неясный“, „неопределенный“, взятое Вагнером.

Ст. 988. Дословно: νὰ ἐνε („чтобы была“).

Ст. 991 в Венской ркп., отсутствует. Дословно: ὅποιον καὶ κατὰπονεῖ („какое и ослабляет“).

Ст. 1001 отсутствует в Парижской ркп.

Ст. 1008 — ἐλάλησεν ἐπ' αὐτῷ εἰς τὸν... Чтение Вагнера. По мнению Ксантудидиса, глагол ἐλάλησεν („стал говорить“) не соответствует смыслу стиха и должен быть заменен глаголом со значением „устремляться“, „набрасываться“. Таким глаголом может быть критское ἐγλάκησεν. Нам кажется, что Ксантудидис опережает этим ход событий, так как Бык

именно сначала выступает с речами против Льва (ст. 1008), а затем уже бросается в бой (ст. 1119). Возможно, что лучше всего взять чтение Лесбосской ркп. ἐλάλειε — „стал порицать“, „упрекать“.

Ст. 1015. Дословно: ὑστέρηεν — „стояла бы“.

Ст. 1019 — „решился“. Мы принимаем поправку слова Вагнером — ἀποφάσιεν, так как ни одно из чтений рукописей нас не удовлетворяет: ἀπέψηεν — Венская, ἀποφύσιεν — Парижская, ἀποφάσιεν — Лесбосская.

Ст. 1043. Мы взяли чтение Венской и Лесбосской ркп., где вместо λέγω (Парижская ркп.) — „я говорю“, „называю“ читаем ζυγὴν (Венская ркп.) или ζευγὴν (Лесбосская ркп.), означающие „пара“.

Ст. 1049. Дословно: ἀπὸ πάντων εἰς ἐκαίνοους („эти на тех“).

Ст. 1069 — τετραμπίσια — слово неизвестного происхождения. Судя по контексту, речь идет о музыкальном инструменте: возможно, это литавры, ибо в ст. 1043—44 ими пользуются те же персонажи, о которых говорится здесь.

Ст. 1073 — „дерево“ — τὸ δένδρον в Парижской ркп. В Венской и Лесбосской — βουνὸν — „гора“.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АГАФИЙ. О ЦАРСТВОВАНИИ ЮСТИНИАНА

Перевод, статья и примечания доктора исторических наук М. В. Левченко.
Издательство АН СССР, М.—Л., 1953.

Давно ощущалась необходимость в переводе исторического труда Агафия. В этом труде имеются самые ценные сведения по истории Грузии VI в., много данных по истории Персии IV—VI вв., Италии во время войн VI в., в нем дана яркая характеристика господствующего класса великодержавной юстиниановской Византии. Агафий останавливался главным образом на внешней политике Юстиниана, оправдывая его завоевательные войны.

В своей статье „Агафий и его мировоззрение“ М. В. Левченко рисует Агафия как выразителя настроений византийской аристократии, убежденного сторонника идей мирового господства Римской империи. М. В. Левченко отмечает, что Агафий сознавал слабость и неустойчивость Византии, но что он был далек от требований социальных преобразований. Агафий чувствовал силу народных волнений, растерянность „верхов“, но тем не менее стоял за сильную центральную власть императора. Такая позиция господствующего класса Византии заставляет нас усомниться, можно ли, как это делает в начале статьи М. В. Левченко, механически использовать применительно к Византии высказывания И. В. Сталина о монархии Карла Великого. Господствующий класс в монархии Карла Великого не был заинтересован в сохранении единства империи, являлся носителем децентрализаторских тенденций, тогда как в Византии (как это утверждает и сам М. В. Левченко, стр. 171) господствующий класс был заинтересован в единстве империи и экономически („крупные землевладельцы были втянуты в торговый оборот“, стр. 170) и политически (страх перед народными восстаниями). В результате монархия Карла Великого распалась без какого бы то ни было существенного давления извне, а Византия, хотя и в сокращенных границах, сохранилась, несмотря на исключительное по силе внешнее давление со всех сторон.

М. В. Левченко систематизировал имеющиеся данные о жизни Агафия. Убедителен вывод о времени его смерти (582 г.). Можно было бы отметить, что Агафий по своему происхождению принадлежал к той же прослойке городской рабовладельческой знати, к которой относились и Либаний и Синезий, чьи воззрения так хорошо показал М. В. Левченко в своем исследовании о Синезии¹. Отец Агафия, видимо, был декурioniоном города Мирины и, как нужно полагать, разорился при выполнении им дорогостоящей литургии. Обедневший Агафий вынужден был стать юристом, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

¹ М. В. Левченко. Синезий в Константинополе и его речь „О царстве“. „УЗ АГУ“, № 130, вып. 18, Л., 1951.

М. В. Левченко считает Агафия „кабинетным работником“, не имевшим таких знаний о действительности, как Прокопий. Это неверно. Агафий принимал жалобы обиженных, он знал о страданиях и лишениях, являвшихся результатом насилий со стороны чиновников, сборщиков податей и т. д. Это получило отражение и в его труде. Как остро он описывает махинации Иоанна Африканца, главнокомандующего византийскими войсками в Грузии, спекулировавшего под покровительством Юстина (IV, § 22). Агафий считал, что последующие несчастья Юстина были наказанием за допущенные насилия и ограбления „меньших“ людей. Очевидно, в своей юридической практике Агафий встречал много таких дел. Обвинения, выдвигаемые Агафием, перекликаются с резкими, обличительными высказываниями на страницах сочинений Либания и Прокопия. Вряд ли можно согласиться с мнением М. В. Левченко о том, что Агафий „умалчивал о неудобных фактах“ (стр. 191). Если Агафий не обвиняет Нарзеса в грабежах, то, нужно думать, потому, что умудренный горьким опытом Велизария Нарзес вел более гибкую политику по отношению к итальянскому населению. Именно такую гибкую политику Нарзеса прославлял Агафий, — поэтому Нарзес и является героем его повествования. Говоря о недостатках Византийского государства, Агафий даже склонен был идеализировать порядки у франков. М. В. Левченко считает, что сведения Агафия о франкском обществе очень ценны. „Агафий является одним из немногих византийских авторов, близких к пониманию того, в чем заключались сила и преимущества молодых варварских государств перед Византией...“ (стр. 198). Сомнительно, однако, чтобы Агафий сколько-нибудь приближался к пониманию действительных преимуществ молодых „варварских“ государств. Те преимущества, о которых говорит Агафий, совершенно фантастичны. Агафий поражался „справедливому отношению друг к другу у франков“, их согласию, благожелательности и доступности их вождей (I, § 2). Разумеется, эти сведения ничего общего с действительностью не имеют. Легко вообразить, как удивился бы Григорий Турский, прочитав у Агафия об отсутствии у франков междоусобных войн. Еще удивительнее идеализация франкских вождей. Все „подвиги“ византийских чиновников, описанные Прокопием, бледнеют перед бесхитростными рассказами Григория Турского о звериной жестокости и алчности франкских графов и епископов. Можно сказать, что Агафий так же идеализировал франкские порядки, как наивные афинские философы идеализировали персидские, о чем с такой иронией пишет Агафий (II, § 30).

Переходя к мировоззрению Агафия, М. В. Левченко правильно отмечает его критическое отношение к христианству — факт, тем более любопытный, что сам Агафий несомненно был христианином. Несмотря на это, он иронически относится к богословским спорам, считает ненужными преследования еретиков. М. В. Левченко правильно указывает на расплывчатость представления Агафия о божестве (вместо слова „бог“ Агафий постоянно употребляет в среднем роде: „лучшее“, „благое“). Представления о необходимости и о возмездии сочетаются у Агафия с утверждениями о свободе выбора у людей и с преувеличением роли личности. Обо всем этом убедительно говорится в статье М. В. Левченко.

В заключение М. В. Левченко подробно характеризует Агафия как историка. Вряд ли, однако, следует придавать особенное значение тому, что история, по Агафию, „есть тоже дело красноречия“. В античном мире требовалось, чтобы история была написана блестящим слогом, и это требование может быть предъявлено любому историку любого времени. Изящный слог, эмоциональность изложения, целевая уста-

новка — дать читателям возможность извлекать уроки истории — все это ни в коем случае не снижает научной ценности исторического труда. М. В. Левченко, по нашему мнению, не вполне достаточно отметил, насколько высоко оценивал Агафий значение истории. Он называл историю не наставницей жизни (*magistra vitae*), а сильнее — „повелительницей жизни“ (*ὡς τις δέσποινα*) (стр. 5, 13).

Можно полагать, что Агафий имел некоторое представление об исторической необходимости, но совершенно не понимал экономических законов. Агафий идеалистически мыслил себе историческую закономерность как необходимое торжество справедливости (особенно в результате несправедливых войн), как воздаяние за проступки.

М. В. Левченко правильно отмечает презрительное отношение Агафия к народным массам. Интересно было бы также отметить, что Агафий нигде не говорит о присоединении народных масс в Византии к наступающим варварам. Наоборот, он описывает, как подгородные крестьяне, разоренные варварами, помогли Велизарии отбить тех от столицы. Это вполне понятно: Агафий мог знать настроения только тех крестьян, которые жили поблизости к большим городам. Поскольку хозяйство таких крестьян было в известной мере связано с товарным, естественно, сами они стояли за сохранение сильной империи. О провинциальном, закрепощенном крестьянстве и о рабах у Агафия почти нигде не упоминается. Это несколько снижает значение исторического труда Агафия, который видел причину упадка византийского могущества в уменьшении численности армии, в придворных интригах и алчности некоторых чиновников, а главное, в том, что Юстиниан в старости уже потерял способность управлять империей.

Статья М. В. Левченко, характеризующая Агафия как историка и дающая анализ его труда, представляет собой важный вклад в советскую историческую науку. Труд Агафия переведен М. В. Левченко с исключительной тщательностью. Это — первый перевод Агафия на русский язык. Слог Агафия, изобилующий стилистическими украшениями речи, подчас труден для перевода. Однако М. В. Левченко хорошо справился со своей задачей.

Можно указать лишь на отдельные погрешности в переводе. На стр. 7 неточно переведено — „история не может быть расценена ниже философии“; в переводе не передано выражение *φιλοσοφία τῆς πολιτικῆς*, что оттеняет положение о гражданской философии — в противовес прославляемой богословской философии. Неточен перевод: „история... как некий непоколебимый и неподкупный учитель...“ В тексте читаем „*ἀσάλευτος δέσποινα καὶ ἀδόπτειτος*“, т. е. не учитель, а повелительница, что придает мысли иной оттенок — признания существования некоторой исторической неизбежности. Мысль Агафия: история, как совокупность примеров из прошлого, незаметно для человека влияет на его душу и тем определяет свободный выбор в его действиях. На стр. 10 перевод слова *κατολιγυροῦσιν* „презирают“ неточно передает оттенок мысли Агафия; лучше — „считают их дела настолько малозначащими, что совсем не упоминают о них“.

На стр. 11 неточно переведено — „мятеж... поразил общество...“. У Агафия оттенок иной: „мятеж сильно повредил обществу“; слово „поразил“ можно понимать как удивление, но у Агафия этого оттенка нет. Там же: „Рим и Италия... снова украсились отечественными законами и обычаями“. Слова „законами“ в греческом тексте нет. Слова *πατρίους ἥδε* лучше перевести дословно, т. е. „обычаи отцов“ и это лучше выражает реакционный смысл завоевания Италии. На стр. 12: „противный разуму

рок" — такой мысли у Агафия нет. Слова *τινας παραλόγους ἀνάγκας* говорят о том, что многие выдумывали нелепые закономерности, „необходимости“, т. е. объясняли исторические события, в частности происхождение войн, нелепыми причинами, против которых восставал Агафий. На стр. 13: „вполне христианская вера“ — неудачное выражение мысли Агафия. Τῇ ὀρθότητι χρώμενοι δοῦναι лучше перевести просто: исповедуют православную веру. На стр. 17: Теодорих завоевал Италию с согласия Зенона. У Агафия оттенок иной: ἐπιτρέψαντος, т. е. по поручению Зенона. На стр. 19: во время прядения шерсти ἄδοντων μυθολογημάτων не рассказывались, а пелись. На стр. 19 выражение τῶν δὲ οὐχὶ τοιῶνδε...¹ не переведено вовсе, поэтому не передана градация Агафия, который различал три вида деяний: полезные, бесполезные и вредные — и потому употребляет глаголы: „ἐν ἐπαίνῳ ποιεῖσθαι, κατηγορεῖν, διελέγχειν“. На стр. 26: слово: μετρίως переведено неудачно, в результате чего смысл предложения неясен. Μετρίως не в смысле „умеренно“, а в смысле „в должной мере“, т. е. после победы враги в должной мере еще не использовали свою неожиданную победу². На стр. 64: неточно переведено слово ἀταραξία „положение“. На стр. 65: „является ли все существующее вечным“ не передает мысли спора; ἀτελευτήτων лучше перевести по точному смыслу — „не имеющий конца“, тогда как слово „вечный“ можно понимать как не имеющий начала, что в споре не утверждалось. Неточна фраза на стр. 80: „не заботясь, во что обойдется это предприятие“. Смысл перевода: сколько средств придется затратить на это предприятие, тогда как ἐκβήσεται означает здесь: „какой исход будет иметь это предприятие“. В переводе везде употребляется слово „бог“ (так и в латинском переводе). На самом деле Агафий нигде не употребляет этого слова: он говорит о начале управляющем, благом, лучшем и т. д. — τὸ δὲ ζυνέχον ἡμᾶς, τὸ διατάκτον, τὸ κρείττον ἡμῖν. На стр. 130: выражение „Иовиан продал и передал“. В тексте слова продал нет, лучше перевести „предательски передал персам“.

В переводе недостаточно соблюдается точность терминологии, что может вызвать некоторые ошибочные толкования при цитировании перевода. Слово μεταπύργια на стр. 20 переводится „между башнями“ (правильно, так по Витрувию), на стр. 29 — „брустверами“, а на стр. 21 „брустверами“ переводится другое слово — προμαχέωνες — и это правильный перевод. По-разному переводится слово θητικόν. На стр. 41 оно переводится словами „домашние рабы“, на стр. 87 — „домашняя прислуга“, на стр. 125 — „слуги“³. Βασιλείου στοᾶς на стр. 64 переводится — „у портика дворца“, а на стр. 69 — „у императорского портика“. Слово ἀστοί переводится на стр. 157 — „лица гражданского сословия“, на стр. 45 — „граждане“, на стр. 162 — „житель города“. На стр. 139: „плебеи оказались в равном положении с архонтами“. Так сказано в латинском переводе, а в греческом тексте мы читаем: οἱ ἐλάττωνας, т. е. „простые люди становились в равное положение с людьми, имеющими власть“ (τοὺς ἐν τέλει)⁴. Там же, где в тексте действительно имеется слово „архонт“, в переводе значится „начальник“. На стр. 30: „те, которые входили в состав его оффиция“. По существу это правильно, но в тексте термина „оффиций“ нет, а есть просто ὑπηρεταί, т. е. „служащие“. Ἐπιχώριοι неловко названо „домашние копы“, лучше сказать — туземные копы. На стр. 81: „свойственно толпе стремиться к новизне“ — слово νεωτερισμός безусловно означает „стремление к новому“, но у историков это слово

¹ Agathii Historia. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae, 1828, p. 29. 13.

² Ibid, p. 46. 10.

³ Ibid, p. 80. 5; 175. 1; 252. 14.

⁴ Ibid., p. 288. 18.

употребляется в значении мятежа, восстания. По Агафию, народным массам (τοῖς πλῃθεσι) свойственна склонность к восстаниям и переворотам. Это важное замечание о настроениях народных масс того времени. На стр. 20 слово φρουρίφ переведено — „стены“, а слово ἐπάρχεσι — „укрепления“, — нужно наоборот. Неловко употребляется слово Венеция. Читатель может подумать, что речь идет о городе Венеции, тогда как везде говорится о стране Венеции (между Вероной и Тарентом): лучше было бы сказать „страна венециев“.

В переводе встречаются некоторые неясности. На стр. 18 трудно понять, что означает: „они полагали, что нужно отовсюду стягивать силы и освобождать подданных, которые казались излишними и не доставляли больших выгод...“. Следует понимать: они старались освободить от своей власти тех подданных, которые не могли быть использованы в войне и власть над которыми не соответствовала существовавшим в то время обстоятельствам. На той же стр. 18: γῆνιων φάσματων не следует переводить „из земных привидений все кровожадное“. Слово φάσμα, так же как и φαντασία, у Агафия употребляется в смысле „фантазия“, „верование“ (так и в эпиграмме 86). Неясно на стр. 142 определена специальность Анфимия. Очевидно, здесь говорится об изготовлении чертежей и моделей механизмов, построек.

В переводе так строго соблюдается греческий синтаксис, что иногда неясно, о чем собственно идет речь. На стр. 134: „благодаря поддержке его Вероной был лишен власти Зенон“. Грамматически нужно понимать, что Верина поддерживала Зенона, между тем как Верина поддерживала заговорщиков. То же на стр. 124, — неясно: „Назначил на его место Юстина, сына Германа, который начальствовал“. Можно подумать, что начальствовал Герман. Слово „с абсолютной властью“ не следует употреблять для обозначения прав главнокомандующего армией.

В переводе слишком много причастных оборотов, что делает перевод Агафия несколько тяжеловесным. Причастные обороты, столь свойственные греческому языку, несвойственны русскому; поэтому их следовало бы по возможности избегать.

Кое-где есть пропуски в переводе. На стр. 18 не переведены вовсе слова καὶ πλείους μεταλαγχάνει..., на стр. 20 — πέλεγκας, на стр. 90 — ἕως δὲ σκότος ἦν. На стр. 130 опечатка, которая может быть обнаружена только при сличении с греческим текстом: написано — на втором году царствования, в греческом тексте — на двадцать четвертом году¹.

К переводу приложены комментарии, кое-где параллельные тексты, но в недостаточном количестве. Комментарии следовало бы в значительной степени расширить. Приложена карта Италии и Грузии. Имеется указатель имен, книга хорошо оформлена и с внешней стороны.

Можно сказать, что покойный М. В. Левченко проделал большой труд, очень полезный для историков как Византии, так и стран Кавказа, издав перевод Агафия, в основном точный и вполне пригодный для использования специалистами. Не подлежит сомнению, что и для студентов труд Агафия представит ценное пособие как при изучении истории внешней политики Византии и стран Ближнего Востока, так и — истории византийской культуры.

М. Я. Сюзюмов

¹ Ibid, p. 262. 21.

Л. А. ДУРНОВО. ДРЕВНЕАРМЯНСКАЯ МИНИАТЮРА

Гос. издат. Арм. ССР. 1952. Редакция и предисловие Б. Н. Аракеляна и Р. Г. Дрампяна. Худож. редактор М. С. Сарьян. Оформление художника К. Т. Тиратурыана.

Появление книги заслуженного деятеля искусств Л. А. Дурново „Древнеармянская миниатюра“ — значительное событие не только в деле изучения замечательного художественного наследия Армении, но и в нашей искусствоведческой литературе в целом.

Книга состоит из альбома и текста. В альбоме 60 цветных таблиц, воспроизводящих миниатюры армянских рукописей X—XVII вв.; текст — на армянском и русском языке — состоит из двух частей, озаглавленных: „Книжная живопись древней Армении“ (6 стр.) и „Объяснение к таблицам“ (6 стр.).

До наших дней дошли огромные богатства армянской миниатюры, выдающиеся образцы которой должны занять достойное место во всемирной истории искусств. Самым крупным хранилищем художественных рукописей Армении (5—6 тысяч) является Государственное хранилище рукописей Армянской ССР в Ереване (Матенадаран). Однако до настоящего времени эти сокровища искусства остаются мало изученными и почти не изданными. Лишь немногие художественные армянские рукописи или отдельные миниатюры введены в научный обиход. Труд Л. А. Дурново по армянской миниатюре является самым значительным из всего, что было сделано в этой области. Это относится как к количеству изданных миниатюр, так и к качеству их воспроизведения.

Настоящее издание впервые открывает перед искусствоведами и широкими кругами любителей искусства возможность познакомиться с первоклассными произведениями армянской миниатюрной живописи X—XVII вв. Переданные в цвете, чрезвычайно близкие, в ряде случаев, по своему красочному звучанию к оригиналам, факсимильные воспроизведения миниатюр позволяют составить верное представление об их колорите, который является одной из сильных сторон этого вида искусства.

Высокому качеству красочного воспроизведения миниатюр в издании способствовала возможность использовать копии с подлинников, в работе над которыми участвовали Л. А. Дурново и возглавляемый ею коллектив сотрудников, состоящий в значительной степени из ее учеников. Документально точные копии с миниатюр армянских художественных рукописей выполняются этим коллективом с 1936 г. Следует подчеркнуть, что копии эти предельно близко воспроизводят оригинал не только со стороны рисунка, цвета и всего, так сказать, „почерка“ средневекового мастера, но и материалов, в которых он работал.

Все рукописи в настоящее время хранятся в Матенадаране, тогда как экспозиция армянской миниатюры в Картинной галерее в Ереване строится на копиях, выполненных Л. А. Дурново и работающим с ней коллективом.

Подбор миниатюр сделан с большим знанием материала и вкусом. Воспроизведенные памятники, составляющие количественно весьма незначительную часть всех известных миниатюр Государственного хранилища рукописей Армянской ССР, дают возможность познакомиться с первоклассными их образцами, получить представление о различных художественных направлениях и общем развитии этой своеобразной области армянского искусства на протяжении нескольких веков.

Тем не менее следует согласиться с А. Аветисяном¹ в том, что более широкий показ миниатюр из рукописей Центральной Армении, в частности написанных художниками, чьи имена известны, мог бы дать еще более полную картину художественной жизни средневековой Армении, даже если бы это было сделано за счет некоторого сокращения миниатюр киликийской школы.

Альбом открывается впервые воспроизводимыми в цвете первоклассными по своим художественным достоинствам миниатюрами Эчмиадзинского евангелия, одной из немногих армянских рукописей, известной в научном мире. Далее следуют замечательные по своей выразительности миниатюры рукописи 1038 г., написанной в Тароне, и миниатюры Могнинского евангелия XI в., продолжающего традиции так называемой парадной рукописи Армении.

Своеобразны и высокохудожественны помещенные в альбоме хоран и лицевая миниатюра одной из немногочисленных рукописей XII в. Поражают богатством воображения маргиналы Мушской рукописи 1205 г., самой большой по своим размерам из хранящихся в Государственном хранилище Армении. Разнообразно представлены рукописи XIII в. — Ахпатским евангелием, евангелием 1224 г. и Таргманчад. Они позволяют проследить различные художественные направления Центральной Армении в период ее высокого культурного подъема. Далее ряд миниатюр, относящихся к XII—XIII вв., демонстрируют блестящий расцвет киликийской школы, достигшей своей вершины в творчестве замечательного мастера Тороса Рослина, который представлен в альбоме миниатюрами из трех приписываемых ему рукописей.

Чрезвычайно интересные сборные листы, позволяющие многосторонне познакомиться с художественным оформлением киликийских рукописей — миниатюрами на полях и заглавными буквами, в которых ярко проявилась фантазия средневекового художника. Следует, к сожалению, отметить, что передача весьма индивидуального красочного строя киликийских рукописей, поражающего нас в оригиналах необычайной насыщенностью и предельной чистотой цвета, не под силу даже весьма высокой полиграфической технике, характерной для альбома в целом.

Яркие локальные краски, некоторая примитивность рисунка, сочетающаяся с живой передачей человеческих фигур и зверей, присущи украшениям на полях Нахичеванской рукописи 1304 г. Этот памятник резко отличается от произведений мастеров киликийской школы, лишний раз свидетельствуя о богатстве художественной жизни средневековой Армении. Гладзорская школа представлена заставкой, в которой пышно трактованный орнамент сочетается с изображениями человеческих фигур и зверей. Киликийские влияния подвергаются здесь существенной переработке; черты реализма, характерные для Гладзорских рукописей, выступают особенно явственно в украшениях на полях.

Татевская рукопись XIV в. вводит в круг новых исканий армянских миниатюристов, где свежий реализм сочетается с традиционностью и вместе с тем со столь излюбленной в народном искусстве орнаментальностью. Реалистическую струю в искусстве армянской миниатюры XV в. автору удается показать на примере портрета Григора Татеваци в рукописи 1449 г.

Прекрасно воспроизведены миниатюры крымской рукописи 1332 г. из города Сурхата, хранящие традиции фресковой росписи со свойственной ей монументальностью и живописностью.

¹ Рецензия на книгу Л. А. Дурново. Հայկական հին մանրանկարչութիւն. См. Սովետական գրականություն եւ արվեստ. 1954, № 1.

Очень убедительно, по красочной гамме, переданы миниатюры написанных на бумаге рукописей из района Вана. Локальные, несколько приглушенные краски точно воспроизводят общий колорит этих миниатюр.

Из рукописей XV в. удачно отобраны светские сюжеты и портреты заказчиков. Весьма интересна по своему содержанию и художественным достоинствам миниатюра маленькой рукописи XV в. с изображением битвы армянских войск с персами в 451 г. Последние таблицы дают представление о развитии традиционной армянской живописи в XVII в. и позволяют познакомиться со светскими миниатюрами в иллюстрациях к истории Александра Македонского.

Текст, сопровождающий таблицы, содержит резюме многолетней работы Л. А. Дурново по изучению армянской миниатюры.

В первой главе дается краткий обзор развития армянской миниатюрной живописи на фоне политической и социально-экономической истории страны с ориентацией в основном на изданные в альбоме миниатюры. Автор характеризует различные художественные направления в пределах одного исторического периода (X—XI, XII—XIII вв.) и, что особенно ценно, выявляет народную основу искусства в миниатюрах определенной группы армянских рукописей.

Вторая глава содержит характеристику собраний и перечисление крупных хранилищ армянских рукописей. Автор подчеркивает любовь к книге в Армении на всем протяжении ее исторического существования, указывает места, где писались рукописи, упоминает о далеко не всегда благоприятных условиях, в которых протекала работа над ними. Приводятся интересные выдержки из ишатакаранов (памятных записей), позволяющие составить представление о социальном положении мастеров (чаще всего монахов) и заказчиков. Указывается, что среди последних встречаются не только цари и князья, но, особенно после XIII в., также представители торгового сословия, а в качестве коллективного заказчика — ремесленники и крестьяне.

В связи с вынужденной краткостью текста, в котором Л. А. Дурново прослеживает общность черт армянской миниатюры в различные периоды и в различных художественных направлениях, характеристика стиля армянской миниатюры хотя и не встречает возражений, но звучит несколько общо. Вместе с тем свойственное Л. А. Дурново умение видеть и тонко анализировать памятники искусства позволило ей наметить в художественной жизни средневековой Армении два сосуществовавшие течения, различные по своей социальной направленности.

Одно из них было связано с народной средой. Его отличает особая выразительность образов, меньшая каноничность, допускающая дополнительные сюжеты, порою выходящие из рамок традиционной иконографии. Это приводит к более яркому проявлению индивидуальности мастера, вводящего апокрифические и восходящие к древним культам темы, в которых окружающая художника жизнь отражена сравнительно свободно. Выявление народных и реалистических основ в искусстве средневековой Армении — несомненная заслуга автора.

Народному направлению автор противопоставляет придворно-клерикальное, с характерной для него развитой художественной формой при одновременном господстве канонической тематики. На первый план здесь выступают индивидуальные признаки мастерской, в которой работает художник, получивший специальное образование. Это направление связано в основном с киликийской школой миниатюрной живописи.

Вопрос об истоках этой школы ставится автором по-новому. Л. А. Дурново ищет эти истоки в художественных традициях Центральной

Армении, а не Византии. В книге Л. А. Дурново закономерно и последовательно проводится мысль о самобытном пути развития армянской культуры, каким бы влияниям она ни подвергалась.

Последняя, IV глава, посвященная описанию и характеристике материалов рукописей — обработке пергамента, бумаги, применению золота, способам употребления красок, содержит ряд интересных наблюдений по технике исполнения армянской миниатюры.

В объяснении к рукописям можно найти краткую, но содержательную характеристику миниатюр, их художественных особенностей и достоинств. Не будучи исчерпывающими, они представляют интерес благодаря новизне высказываний и тонкости отдельных наблюдений. Однако иногда автор подходит к оценке миниатюр несколько субъективно. Если характеристика Ахпатской рукописи звучит как эмоциональный, но убеждающий рассказ, то оценка художественных достоинств рукописи Таргманчац встречает возражения. „Контраст красок, — говорит автор, — и пересекающиеся линии композиции живописи Таргманчаца звучат как протест, как призыв к борьбе. В них нет горечи отчаяния и растерянности пораженного народа, наоборот, в них чувствуется сила, убежденность, стремление к жизни и борьбе против его внешних и внутренних врагов“. Эта оценка явно несет на себе известный налет субъективизма.

Тем не менее трудно согласиться с критикой работы Л. А. Дурново, которую дал в своей рецензии В. Шлеев¹. Без достаточных оснований рецензент оспаривает правильное указание Л. А. Дурново на сосуществование двух художественных направлений в миниатюрной живописи армянского средневековья. Мотивировка, которой Шлеев подтверждает свое мнение, весьма не убедительна. „Отнесение миниатюр к тому или иному направлению, — пишет В. Шлеев, — Л. А. Дурново производит не на основе анализа их идейного содержания, раскрывающегося в специфической для средневековья художественной форме, а по таким, по существу, формальным признакам, как тематика, иконография, язык форм, социальное положение заказчика“. Между тем Л. А. Дурново убедительно показывает, что идейное содержание миниатюр, которые она относит к народному направлению, находит свое выражение в дополнительных сюжетах, апокрифах, в воспроизведении элементов древних культов, — странно, что В. Шлеев этого не заметил. Неясно также, почему такие понятия, как тематика, иконография, язык форм, рецензент считает возможным исключить из идейного содержания?

Другое дело, что в предлагаемой публикации армянских миниатюр читатель не найдет решения всех связанных с историей армянской миниатюры проблем в свете марксистско-ленинской эстетики. Но вряд ли такое решение можно требовать от автора, который был ограничен узкими рамками небольшой по объему вступительной статьи. Нет сомнения, что эти проблемы могут и должны послужить предметом ряда специальных исследований, в которых примет участие, вероятно, не одно поколение советских искусствоведов.

Позволим себе не согласиться и с положительной оценкой, которую В. Шлеев дает в своей рецензии оформлению книги. Напротив, вызывает удивление, что М. С. Сарьян, являющийся художественным редактором книги, мог согласиться с оформлением художника К. Т. Тиратуряна и что сам художник К. Т. Тиратурян не сумел творчески использовать бесчисленные образцы армянских хоранов, маргиналов и заставок.

¹ Об альбоме „Древнеармянская миниатюра“. „Искусство“, 1953, № 4.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить, что наша искусствоведческая литература обогатилась прекрасно выполненным и содержательным трудом. Значение его заключается прежде всего в том, что он впервые открывает широкие возможности ознакомления с замечательным художественным наследием армянского народа в области миниатюры.

Т. А. Измайлова

ПО ПОВОДУ ГЛАВЫ VIII КНИГИ А. В. ВИННЕРА „МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНИКА МОЗАИЧНОЙ ЖИВОПИСИ“

Недавно вышла в свет книга А. В. Виннера „Материалы и техника мозаичной живописи“ (М., 1953). В настоящей заметке нам хотелось бы затронуть ряд вопросов, касающихся главным образом VIII главы этой книги — „Древнерусская мозаичная живопись, ее материал и техника“ (стр. 90).

Во введении к своей работе (стр. 10—12) автор разбивает текст на восемь глав, а в самом тексте сделана разбивка на одиннадцать глав, и глава, о которой говорилось выше, во введении обозначена V главой. Эта авторская небрежность сразустораживает читателя книги.

Глава VIII посвящена, как указывает автор на стр. 10, описанию всех видов материалов, применявшихся в мозаичной живописи X—XII вв., способов приготовления смальт и способов их применения, а также описанию данных об основных видах мозаичной техники. В разрешении поставленных вопросов автор опирается на трактат о разных искусствах Феофила Пресвитера, которого он широко цитирует. Понимая, что ряд положений, приведенных Феофилом в его трактате, нуждается в проверке и подтверждении подлинниками древнерусских мозаик, автор утверждает, что в своей работе он исходил из данных изучения именно этих подлинников (стр. 10). Однако этого не видно по отношению к мозаикам Софии Киевской и мозаикам собора Михайловского монастыря. Автор весьма скупо и неясно говорит об этих памятниках в своей книге и не опирается на конкретные примеры и доказательства.

Так, например, общему стилю мозаик в книге уделяется лишь несколько строк. „Превосходно найденное композиционное построение как отдельных частей, так и всей мозаики наряду с высоким живописным и техническим мастерством и отлично выполненным рисунком, — пишет автор на стр. 123, — помогли создать киевским художникам превосходный ансамбль монументальной живописи“, и далее на той же странице: „Монументально-декоративная манера художников мозаичистов... отличалась строгостью форм, в особенности сказывающейся в рисунке“. Вот собственно и все, что сказано автором о стиле мозаик Софии Киевской.

Автор работы объединяет мозаики Софии Киевской и Михайловского монастыря в одну категорию — как в отношении палитры, материала, так и в отношении техники. Однако общую палитру для мозаичного ансамбля Софии Киевской и мозаик собора Михайловского монастыря давать нельзя. Так, в ансамбле мозаик Софии Киевской руководящее место занимает синий цвет в композиции мозаик, в то время как в мозаиках Михайловского монастыря этот цвет почти отсутствует. Сохранившаяся до настоящего времени площадь мозаики Софийского собора равна 260,1 кв. м, из которых почти половина площади (128,6 кв. м) является фоном, а другая половина (131,5 кв. м) приходится на изображение

фигур и орнаментов. Синий цвет мозаик Софии Киевской заполняет свыше 20 кв. м, т. е. около $\frac{1}{6}$ площади сохранившегося мозаичного набора фигур и орнаментов. Синий цвет, в частности, использован для изображения главных персонажей мозаичного ансамбля: в центре композиционного построения алтарной части собора, состоящей из фигуры богоматери в конхе (на высоте 10 м) и ниже ее дважды изображенных фигур Христа (на высоте 6,25 м). В наборе этих фигур синий цвет заполняет 6,73 кв. м. В центре купольной композиции, в изображении „Пантократора“, синий цвет заполняет 1,70 кв. м, в наборе „Богоматери“ в композиции „Благовещение“ — 1,42 кв. м. Синий цвет использован также в орнаментах (7,75 кв. м) и других фигурных изображениях. Таким образом, применение синего цвета в Софии Киевской не случайно, а закономерно вытекает из общего идейно-художественного замысла.

В сохранившихся композициях Михайловского монастыря („Евхаристия“, „Фаддей“, „Стефан“, „Дмитрий Солунский“) и фрагментах орнамента синий цвет почти полностью отсутствует, встречаясь лишь в очень незначительном количестве в некоторых орнаментальных построениях. В большой композиции „Евхаристии“ (36 кв. м) фигура Христа, представленного дважды, набрана не синими, а преимущественно золотыми смальтами. При этом золотые кубики в некоторых местах располагались оригинальным способом — повернутыми золотой поверхностью к соседнему кубiku. Есть основания предполагать, что в утраченных композициях Михайловского монастыря изображение „Оранты“ и „Пантократора“ было набрано, по аналогии с софийскими композициями, в однотонной с изображением Христа (из композиции „Евхаристии“) смальте, т. е. — золотом. В пользу этого предположения говорит следующее место в книге Павла Алеппского „Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в.“: „На передней (восточной) его стороне есть изображение владычицы, стоящей, воздев свои руки с открытыми дланями, — из позолоченной смальты“¹. Там же по поводу „Оранты“ Софии Киевской сообщается: „Она сделана из разноцветной блестящей мозаики с позолотой“².

Таким образом, есть основание предполагать, что синяя смальта по каким-то причинам была исключена из употребления мозаик собора Михайловского монастыря, где ее заменяет золотая.

Следует также отметить, что в мозаиках собора Михайловского монастыря, наряду с золотой смальтой, широко употребляются зеленые и розовато-красные тона смальт; они занимают ведущее место; в Софии Киевской зеленые и розовато-красные тона смальт употребляются преимущественно в орнаментах.

Если сопоставить „Евхаристию“ Михайловского монастыря и „Евхаристию“ Софии Киевской, то мы увидим, что в мозаиках Михайловского монастыря в наборе одежд одиннадцати из двенадцати апостолов употребляется зеленая смальта, в наборе одежд четырех апостолов — розовато-красная смальта. В „Евхаристии“ Софии Киевской преимущественными цветами, как об этом упоминалось ранее, является голубовато-синий (в семи фигурах апостолов). Зеленые и розовато-красные цвета, хотя и есть в наборе остальных фигур (пяти, из которых две сохранились фрагментарно), но они в сравнении с михайловскими отличны по тону и по интенсивности окраски. В Михайловской „Евхаристии“ они более насыщенные и яркие, в Софийской — более блеклые.

¹ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., кн. IV. М., 1896, стр. 73.

² Там же, стр. 69.

Сопоставляя таким образом и другие мозаики собора Михайловского монастыря с мозаиками Софийского собора, мы увидим, что они весьма существенно отличаются по колориту. Общий колорит мозаик Михайловского монастыря в основном строится на розовато-красных и коричневых тонах, которые усиливаются дополнительными зелеными цветами различных оттенков. Яркость цвета, подчеркнута декоративный характер композиций сообщили интерьеру радостный и уютный характер. Общий колорит мозаик Софийского собора в основном строится на синих, фиолетовых и светлосерых тонах. В сочетании со строгими формами композиции это сообщает интерьеру величественный официальный характер.

Различие в колорите обоих памятников, естественно, обуславливает и различие в палитре смальт. Поэтому палитры этих мозаик необходимо рассматривать порознь.

В составленной Виннером единой палитре для обоих памятников имеется ряд неточностей. Так, например, для коричневого цвета он дает только два оттенка. В действительности коричневых оттенков много. Они составляют различные по светлоте группы цветов сиены, умбры, охры. Коричневые цвета использованы в обоих памятниках.

Обедняя группу коричневых цветов, автор неправомерно сосредоточивает свое внимание на серебряной смальте. Серебряная смальта встречается в наборе софийских мозаик случайно. Намек на осмысленное размещение смальты мы можем видеть только в одном случае — в части нимба „Оранты“ Софии Киевской, находящейся ближе к лицу, где имеется серебряная смальта в виде отдельных вставок (30—40 штук). Возможно, что в этом месте они были применены для достижения большей искристости. В соборе Михайловского монастыря серебряная смальта встречается еще реже.

Автором пропущена в палитре группа серых тонов. Эти тона имеются в обоих памятниках, а в мозаиках Софии Киевской встречаются чаще других. Серые тона Софии Киевской в гармоничном сочетании с голубовато-синим покрывают значительные площади набора.

В палитре, составленной Виннером, цвет мало дифференцирован по светлоте. В мозаиках Софии Киевской полутонов в наборе очень много. Они имеются и в мозаиках Михайловского монастыря. Это позволило древним мозаичистам тщательно передавать детали лица, рук, волос. Техника набора таких мест и построения складок одежды фигур в Софии Киевской граничит с техникой станковой живописи. Например, волосы евангелиста Марка в юго-западном парусе центрального купола и апостола Марка в апсиде выполнены из пяти различных по светлоте образцов серых смальт. Особенно тонко использованы полутона в наборе волос и лица „Пантократора“.

По количеству цветных камней палитру обоих памятников автор определил 80-ю смальтами: 21 смальту составляют золотые и серебряные кубики, 59 якобы приходится на остальные цвета (стр. 104—106). В действительности же палитра рассматриваемых памятников значительно богаче. Одна палитра Софийских мозаик состоит из 143 различных цветов, не включая разнообразных расцветок золотой и серебряной смальт.

Следует отметить, что в этих памятниках также различны материалы набора. Ассортимент естественных камней значительно богаче, чем указывает автор. Для мозаик Михайловского монастыря характерно более широкое употребление натуральных камней, чем это наблюдается в Софийских мозаиках. Частично материалы набора были исследованы Институтом геологии Академии наук Украинской ССР и в минералопетрографическом кабинете Украинского геологического управления;

при этом оказалось, что большую группу из них составляют различных цветов криптокристаллические и мраморовидные известняки. Оригинальным является употребление в мозаиках Михайловского собора большого количества кусков розовато-красного кирпича.

По словам автора, в основу исследования материалов положены физико-химические анализы. Приложенный к палитре микрохимический анализ смальт (общий для обоих ранее упомянутых памятников) вызывает сомнение в возможности его практического применения, потому что, во-первых, запись цветов смальт передает субъективную характеристику цвета, не отвечая общепринятым условиям научной характеристики цвета, т. е. определению цветового тона, насыщенности и относительной яркости. Для красителей дан только качественный анализ, без какого-либо количественного.

В разделе „Приготовления цветных смальт“ (стр. 113) чрезвычайно интересным может показаться на первый взгляд сообщение о применении киевскими мозаичистами стеклянno-каменной смальты, названной так автором потому, что, по его мнению, в состав стекломассы якобы вводились цветные натуральные камни в тонко измельченном и порошкообразном виде, которые будто бы и являлись красителями; имея высокую температуру плавления, они не подвергались действию расплавленной массы стекла (стр. 117). Такими камнями автор считает лазурит, овручский красный или розовый сердолик, розовый или фиолетовый пирофиллит Волини, таусинный волинский лабрадор, фиолетово-красный волинский шифер, зеленоватый карпатский мрамор и зеленую волинскую яшму (стр. 115—116).

Из физической химии известно, что минералы, обладающие в чистом виде высокой температурой плавления, расплавляются при более низкой температуре в том случае, если к ним добавить компоненты иного химического состава. Несомненным является и то, что указанные автором минералы, погруженные в стекломассу, будут оплавляться и расплавляться. Но, даже допуская правильность предположения автора о том, что частички остались в стекломассе неизменными, перемешивание расплавленной стекломассы, отличающейся значительной вязкостью, с порошком какого-либо материала, и достижение его равномерного распределения в техническом отношении является само по себе мало вероятным, особенно если учесть уровень производства того времени.

Окрашивание стекла за счет введения тонкоизмельченных частичек минералов можно проверить петрографическим путем. Найденные при раскопках в Софийском соборе мозаичные фрагменты позволяют внимательно ознакомиться с материалом. Проведенные нами микроисследования шлифов различных видов софийской мозаики ни в какой мере не подтверждают правильности мнения автора, что следовало ожидать, исходя из вышесказанного. Большую составную часть всех смальт, как показали микроисследования (см. рис.), представляет изотропная стекловидная масса, в которой довольно часто располагаются зерна кварца размером до 0,05 мм. Отдельные смальты отличаются наличием большего или меньшего количества этих частичек кварца, значительная оплавленность которых свидетельствует об их шихтном характере. Зерна кварца в большинстве случаев подвергались растрескиванию. Встречаются также мелкие и агрегатные игольчатые новообразования, которые, по всей вероятности, являются тридимитом. Известно, что кварц в виде тридимитов может образоваться либо в процессе варки стекла, либо в результате начавшегося расстекловывания. Наличие и характер зерен кварца свидетельствуют о том, что варка стекла произ-

водилась не до полного расплавления всей массы, о чем можно судить при макроскопическом исследовании софийской смальты и сравнении ее с обычным стеклом и смальтами, производимыми в настоящее время. Софийская смальта отличается в большинстве случаев некоторой матовостью, отсутствием стеклянного блеска; имеются в ней также и поры. Шлифы, изготовленные из окрашенных смальт, при микроисследовании в большинстве случаев не обнаруживают окраски, что также может служить доказательством полного растворения красителя в стеклянной массе.

Из текста, посвященного стеклянно-каменным смальтам, видно, что цвета этой группы смальт учтены в общей палитре. Однако неясно, почему из перечисленных в тексте естественных камней, которые якобы служили красителем для стеклянно-каменной смальты, в приложенной автором таблице микрохимического анализа указан один только лазурит. По недоразумению, очевидно, для красителя белого цвета автор вводит мрамор и для розовато-белого — кварц. Мы были бы признательны автору, если бы он указал те конкретные места в подлинниках, где действительно имеется набор стеклянно-каменной смальты. Работники Софийского заповедника такого рода смальт в наборе киевских древних мозаик не обнаружили.

В том же подразделе приведено большое количество размеров смальт. Практический смысл этих отвлеченных столбцов цифр, оторванных от масштабов, совершенно непонятен. Вероятно, было бы более целесообразно характеризовать размеры смальт их количеством, приходящимся на единицу какой-то площади, скажем, — 1 кв. дм. Такое определение размеров кубиков нам кажется более наглядным. Например, в Софии Киевской на 1 кв. дм в наборе лица архидиакона Лаврентия (нижний пояс алтарной композиции) уложено 400 кубиков, в наборе 1 кв. дм одежды „Оранты“ уложено 123 кубика, фона конхи — 150 кубиков и т. д. При сопоставлении набора Софийских мозаик для лица, рук, ног и шеи с набором тех же мест в мозаиках Михайловского монастыря видно, что кубики мозаик Михайловского монастыря значительно больше, чем кубики мозаик Софийского собора. В 1 кв. дм набора лица апостола Иоанна композиции „Евхаристии“ собора Михайловского монастыря насчитывается 246 кубиков; при одинаковом масштабе голов — 36×19 см — в наборе того же апостола „Евхаристии“ Софийского собора на 1 кв. дм насчитывается 440 кубиков.

В подразделе, названном „Технические примеры выполнения мозаичного набора“ (стр. 121), автор ограничивается описанием состава грунта

Микрофотографический снимок одного из шлифов к петрографическому исследованию смальт Софии Киевской

с приложением к нему химического анализа грунтов (отдельно для мозаик Софии Киевской и мозаик собора Михайловского монастыря) и краткой характеристикой прямого набора. Описание состава массы мозаичных грунтов, приведенное на стр. 288, вызывает большие сомнения. Утверждение же автора о двухслойности грунтов неверно. Согласно отчету В. А. Фролова „О снятии мозаик Михайловского монастыря“, в Михайловских мозаиках была трехслойная подготовка грунта. Об этом же свидетельствуют некоторые зондажи, сделанные сотрудниками музея и художниками-реставраторами в процессе реставрационных работ в 1952—1953 гг. в Софии Киевской.

Таким образом, подводя итоги всему вышеизложенному, мы должны признать, что VIII глава книги А. В. Виннера „Древнерусская мозаичная живопись, ее материал и техника“ изобилует неточностями и дает неверное представление о трактуемых в ней памятниках. Это тем более досадно, что в ней разбирается такое важное и значительное явление в истории монументальной живописи, как киевские мозаики.

В. И. Левицкая

ОБЗОР СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ за 1945—1954 гг.

Настоящий обзор имеет целью информировать читателей о работах советских византинистов, появившихся в печати в течение последнего десятилетия. Обзор дополняет и продолжает уже имеющиеся работы подобного же рода: М. В. Левченко „Византиноведение в СССР“¹ и Е. А. Косминского „Итоги и задачи советского византиноведения“².

Как известно, важным моментом в развитии советского византиноведения было образование в конце 1943 г. в Институте истории АН СССР группы по изучению истории Византии (византийской группы), объединившей под руководством Е. А. Косминского московских и ленинградских византинистов. К работе были привлечены также ученые других городов и республик СССР, притом не только историки, но и археологи, и филологи, и искусствоведы. На заседаниях группы были прочитаны и обсуждены многочисленные доклады, преимущественно по истории социально-экономического развития Византийской империи. Кроме того, группой был составлен „Византийский сборник“: он был подготовлен еще в 1940 г., но вышел в свет в 1945 г.

Развернувшаяся работа позволила поставить вопрос об ознакомлении с ее результатами более широких кругов советской научной общности путем организации византиноведческих сессий Отделения истории и философии АН СССР. С 1944 по 1950 г. состоялось пять таких сессий, на которых было представлено более (30) докладов как по социально-экономической и политической истории Византии, так и по истории ее культуры и искусства, по истории ее отношений к Руси и другим соседним странам и народам³.

¹ УЗ ЛГУ, 1949, № 112, серия исторических наук, вып. 14, стр. 216—236.

² Вестник АН СССР, 1951, № 5, стр. 62—75.

³ О работе византийской группы и пяти византиноведческих сессий Отделения истории и философии АН СССР см. ВВ, т. I, II, IV и V, отдел хроники, а также информацию в академических изданиях: ВДИ, 1947, № 2; ВИ, 1947, № 1; Вестник АН СССР, 1945, № 4; 1947, № 2 и 1948, № 3; Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1945, № 4; 1946, № 6.

На второй сессии в мае 1945 г., посвященной столетию со дня рождения одного из основателей русского византиноведения — Ф. И. Успенского, были приняты решения об издании постоянного органа советской византистики „Византийского Временника“, выпуске основного труда Ф. И. Успенского — „История Византийской империи“ (т. 1—3), составлявшейся тогда византийской группой „Хрестоматии по истории социально-экономических отношений в Византии“, переводов сочинений византийских историков, завершения издания „Трудов“ В. Г. Васильевского (доведенного в 1931 г. до 4-го тома).

Исполняя решение второй византиноведческой сессии, Институт истории начал с 1947 г. выпускать „Византийский Временник“ — сборник статей под редакцией академика Е. А. Косминского, как постоянный орган советского византиноведения. До 1955 г. вышло 7 томов этого сборника.

Первый том „Византийского Временника“ вызвал справедливые нарекания советской научной общественности за идеализацию русского дореволюционного византиноведения и за недостаточно решительную борьбу с реакционными теориями буржуазной исторической науки. Последующие тома „Временника“ в значительной степени освободились от этих недостатков благодаря мерам, принятым его редакцией¹.

Переходим к обзору работ по византиноведению, носящих обобщающий характер.

В 1951 г. Институтом истории АН СССР был выпущен в свет под редакцией Ф. М. Россейкина и Б. Т. Горянова „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“ (отв. ред. Е. А. Косминский)². Составители разбили материал сборника на четыре отдела, соответственно четырем периодам в истории Византии, определяемым изменениями в ее социально-экономическом строе: 1. Византия в IV—VI вв. 2. Славянская колонизация и развитие византийского феодализма (VII—IX вв.). 3. Византийский феодализм X—XII вв. 4. Поздневизантийский феодализм. Социальные движения в поздней Византии (XIII—XV вв.). К сборнику приложены: библиография по социально-экономической истории Византии и толковый словарь греческих терминов.

Значительное количество документов и исторических материалов впервые дается в сборнике в русском переводе. Включение в него прочих материалов, представляющих собою ранее опубликованные переводы византийских источников, оправдывается тем, что эти материалы извлечены большей частью из труднодоступных в настоящее время старых изданий. Выход в свет настоящего сборника имеет важное значение для преподавания в высших учебных заведениях истории Византии, так как в советской литературе до сего времени вовсе не имелось пособия, аналогичного существующим хрестоматиям по истории западного средневековья.

В 1948 г. появился в свет третий том „Истории Византийской империи“ Ф. И. Успенского (вступительная статья Б. Т. Горянова).

¹ Рецензии на отдельные тома ВВ см.: на т. I: А. В. Банк — Вестник АН СССР, 1948, № 1, стр. 121—125; А. П. Каждан — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1948, № 1, стр. 115—117; Ф. М. Россейкин — ВИ, 1948, № 3, стр. 127—134. На т. II: М. А. Заборов — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1949, № 4, стр. 375—377; на т. II—III: М. А. Заборов — ВИ, 1951, № 4, стр. 114—121. На т. IV: Б. Т. Горянов — Вестник АН СССР, 1952, № 2, стр. 117—122.

² Рецензии: З. В. Удалцова — ВИ, 1951, № 10, стр. 141—146; Н. П. Соколов — ВВ, т. VI, 1953, стр. 269—279; М. А. Заборов — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1951, № 5, стр. 473—476.

К книге приложена небольшая работа Ф. И. Успенского „История византийских учреждений“.

Хотя отдельные части этой книги, написанной более 40 лет назад, имеют теперь неодинаковую ценность, однако в целом это — выдающееся по широте композиции и обилию фактического материала произведение русского автора по истории Византии XI—XV вв.

Таким образом, из трех томов „Истории Византийской империи“ остается неизданною только 2-я часть II тома, находящаяся в Архиве Академии наук в готовом для печати виде. (Как известно, т. I был издан в 1913 г., а первая часть II тома — в 1927 г.).

В первом томе „Византийского временника“ (1947 г.), посвященном столетию со дня рождения Ф. И. Успенского, помещено несколько статей его памяти, в их числе — обобщающая статья Б. Т. Горянова „Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении“¹. Это — самый полный обзор печатных работ Ф. И. Успенского, охватывающих весь, более чем 1000-летний период существования Византийской империи и трактующих такие темы, как Византия и славяне, социально-экономические отношения в империи, вопросы политической истории, истории культуры и идеологии и др. В статье Б. Т. Горянова дан также краткий очерк ученой биографии Ф. И. Успенского в качестве профессора Одесского университета, директора Русского археологического института в Константинополе и руководителя Русско-византийской комиссии в Академии наук. В заключение сделана попытка характеристики методологических основ его научного творчества².

Из других работ обобщающего характера по истории империи нужно упомянуть изданную на грузинском языке книгу С. Каухчишвили „Лекции по истории Византии“³.

В течение десятилетия (1945—1955 гг.) советские византилисты всесторонне исследуют историю Византии на всем ее протяжении. Ранний период (IV—VII вв.) отражен в работах Н. В. Пигулевской, М. Я. Сюзюмова, М. В. Левченко, З. В. Удальцовой и др.⁴ Этот период исследуется историками в свете изучения общей проблемы перехода византийского общества от рабовладельческого строя к феодальному.

Работы Н. В. Пигулевской охватывают широкий круг вопросов, касающихся прежде всего отношений Византии со странами Востока.

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 29—108. На стр. 270—314 напечатана „Bibliographia Uspenskiana“ — хронологический список трудов Ф. И. Успенского и литературы о нем. В том же первом томе „Византийского Временника“ помещены статьи: Н. С. Лебедева „Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского“ (стр. 109—113) и А. Г. Готалова-Готлиба „Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель“ (стр. 114—126). Опубликованы также две статьи самого Ф. И. Успенского из подготовленной им в последние годы жизни серии небольших работ о взаимоотношениях Европы и Византии с Востоком: „Движение народов из Центральной Азии в Европу. 1. Турки. 2. Монголы“ (стр. 10—28). Вторая статья — „Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII—XIV вв.“ — помещена во 2-м томе „Византийского Временника“ (стр. 267—275).

² Подробный критический разбор статьи Б. Т. Горянова и его же предисловия к книге Ф. И. Успенского см. в статье З. В. Удальцовой „К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского“. ВИ, 1949, № 6, стр. 116—127.

³ Т. I, Тбилиси, 1948, 215 стр.

⁴ Со сведениями византийских авторов IV—VI вв. о Кавказе и Северном Причерноморье можно познакомиться из переиздания публикации В. В. Латышева „Известия древних писателей о Скифии и Кавказе“. ВДИ, 1948, № 3, стр. 217—330; № 4, стр. 227—298; 1949, № 3, стр. 205—308; № 4, стр. 227—305; 1952, № 2, стр. 265—323.

В монографии „Византия и Иран на рубеже VI и VII веков“¹ автор рассматривает взаимоотношения этих стран, а также выявляет основные черты их экономики, общественного и политического строя. Книга дает насыщенную фактами историю двух крупных держав, полную острых внутренних конфликтов и внешних столкновений. В Византии в этот период рушились последние устои рабовладельческих отношений и создавались своеобразные формы нового, феодального общества. Иран, истощенный многолетней экспансией, ослабленный внутренними противоречиями, развивавшимися в процессе зарождения феодальных отношений и отмирания рабовладельческих, не смог устоять под напором арабов и был завоеван халифатом. Более прочная государственная система Византии помогла ей оказать сопротивление славянам, наступавшим с севера, и арабам — с востока.

К своему исследованию автор прилагает сделанный ею перевод Анонимной сирийской хроники 1234 г., которой она пользуется в числе прочих многочисленных источников.

Тематика статей Н. В. Пигулевской: „Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.“², „Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей“³, „Первоисточники истории кушитско-химьяритских войн (к истории торговли и дипломатии Византии на Востоке)“⁴, „Законы химьяритов“⁵ — составляет также и содержание второй монографии автора „Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв.“⁶. В книге исследуется проблема торговых связей Византии с Индией и Китаем через Иран, Среднюю Азию, Аравию и Эфиопию и рассматривается внутреннее положение тех стран, по которым проходили торговые пути. Важнейшую роль в коммерческих оборотах Византии играла торговля шелком, являвшаяся одним из существенных факторов ее внешней политики. Стремление Византии контролировать пути на Средний и Дальний Восток, с одной стороны, вовлекало ее в сношения с Эфиопией и Химьяром, с другой — приводило к острым конфликтам с Ираном, экономические интересы которого сталкивались с интересами Византии. Одним из мероприятий Византии по укреплению своего влияния среди народов, через территории которых шли пути ее торговли, было распространение христианства. Дипломатическим приемом Византии в отношении Южной Аравии, служившей важным опорным пунктом в развитии торговли с Востоком, явилось составление для Химьяра законодательного сборника на основе византийских правовых норм. Таким путем византийские правящие круги стремились поддержать свой авторитет в Химьяре.

Торговых отношений касаются также статьи Н. В. Пигулевской: „К вопросу об организации и формах кредита в ранней Византии“⁷ и „Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв.“⁸. Некото-

¹ Изд. Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1946, 289 стр. Рецензии: В. В. Струве — Советская книга, М., 1947, № 4, стр. 50—51; М. В. Левченко. — Вестник ЛГУ, 1948, № 12, стр. 128—136.

² ВВ, 1947, т. I, стр. 184—214.

³ ВДИ, 1948, № 1, стр. 87—97.

⁴ ВВ, 1949, т. II, стр. 74—93.

⁵ ВВ, 1950, т. III, стр. 51—61.

⁶ Изд. Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 412. Рецензии: З. В. Удальцова — ВДИ, 1952, № 1, стр. 135—141. А. К. Бергер — ВВ, 1953, т. VII, стр. 283—295.

⁷ ВВ, 1951, т. IV, стр. 84—90.

⁸ КСИБ АН СССР, 1955, вып. 14, стр. 46—57.

ые вопросы истории сирийского города рассматриваются в статье „История основания города Карка дебет Селох“¹, где используется материал исторической хроники VI в., и „Сирийский законник. История памятника“².

К области хозяйственно-правовых отношений византийского Египта VI—VII вв. относится публикация П. В. Ернштедта „Два греческих папируса византийского периода из советских собраний“³.

Н. В. Пигулевская выступила далее с рядом статей, посвященных проблеме перехода стран Ближнего Востока от рабовладельческой формации к феодальной: „К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием“⁴, „К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке“⁵ и „Проблема распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке“⁶.

Автор исследует процесс перехода от одной формации к другой в Иране, Южной Аравии, Византии и ее провинциях — Сирии, Египте и Северной Африке. К важнейшим факторам, разлагавшим старые общественные отношения, автор относит вторжения „варваров“, главным образом славян, двинувшихся в V—VI вв. на Балканский полуостров и в Малую Азию, затем — гражданскую войну в Византии на грани VI и VII вв., в которую были вовлечены все эксплуатируемые слои — колонны, рабы, свободные крестьяне, население старых городов, сохранивших эллинистические традиции. Автор останавливается на еретических движениях эпохи, вскрывая их социальные корни, а также на борьбе цирковых партий и выступлениях демонов — квартальных организаций широких городских масс, игравших важную роль в борьбе против эксплуататорских классов.

Демам, кроме того, Н. В. Пигулевская посвятила специальный критический обзор: „К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии“⁷, в котором рассматриваются работы на данную тему как советских, так и зарубежных историков.

Отношения Византии с Востоком рассматриваются Н. В. Пигулевской также в области культуры. В статье „Мар Аба I (К истории культуры VI в. н. э.)“⁸ она дает жизнеописание (по арабскому источнику) одного из выдающихся деятелей первой половины VI в., сочетавшего византийскую образованность с культурными достижениями Сирии и Ирана. В статье „Сергий Решайнский (К истории сирийской научной литературы)“⁹ охарактеризован передовой мыслитель эпохи, сирийский врач, строивший свои научные теории на базе античных знаний.

Автором ряда работ, освещающих ранний период истории Византии, является М. Я. Сюзюмов. В статье „Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века“¹⁰ автор, пользуясь главным образом „Речами и письмами“ Либания, высказывает мнение, что в IV в. политическая борьба в городах была во многом тесно связана с

¹ УЗ АГУ, № 179, 1954, серия востоковедческих наук, вып. 4, стр. 215—229.

² УЗ АГУ, № 128, 1952, серия востоковедческих наук, вып. 3, стр. 52—63.

³ ВДИ, 1952, № 2, стр. 201—215.

⁴ Вестник АГУ, 1948, № 4, стр. 66—77.

⁵ ВИ, 1950, № 4, стр. 44—54.

⁶ ВИ, 1953, № 3, стр. 50—62.

⁷ ВВ, 1952, т. V, стр. 216—222.

⁸ СВ, 1948, № V, стр. 73—84.

⁹ УЗ АГУ, 1949, серия востоковедческих наук, вып. I, стр. 43—64.

¹⁰ УЗ Уральского гос. ун-та. Свердловск, 1952, № 11, стр. 84—134. Рец.: Г. Курбатов — ВВ, 1953, т. VII, стр. 306—314.

цирком, однако еще не носила формы борьбы „синих“ и „зеленых“. Эту форму она приобрела лишь в V в. Соперничающими группировками в городах были, с одной стороны, старая местная знать, цеплявшаяся за остатки самоуправлений, с другой — разбогатевшие чиновники и представители развивающегося военного сословия, извлекавшие выгоды из централизации и бюрократизации церкви и государства. Борьба этих двух группировок отражала ломку основного устоя рабовладельческого общества — античного полиса. Однако она была связана лишь с местными интересами и не носила революционного характера. Автор считает неправильным утверждение некоторых историков, что движение демов органически связано с движениями рабов: по его мнению, борьба цирковых партий была непонятной колонам и рабам и движения горожан не сливались с восстаниями рабов. Поэтому горожане всегда давали отпор нашествиям различных племен, в то время как деревня объединялась с наступающими „варварами“ в борьбе против рабовладельческого государства. Особенно сложной была борьба цирковых партий в Константинополе. Как в IV, так в V и VI вв. ипподром оставался центром, организующим борьбу различных групп городского населения и в то же время центром сплочения всех элементов, защищавших существование вековых форм эллинистического города.

В этой связи упомянем здесь статью М. В. Левченко „Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.“¹ и исследование А. Я. Гуревича о ранневизантийском городе, как центре ремесла и торговли: „Из экономической истории одного восточно-римского города (Некрополь киликийского города Корики)“².

В дискуссии по проблеме падения рабовладельческого строя, проводившейся за последнее время на страницах „Вестника древней истории“, М. Я. Сюзюмов излагает свою точку зрения в статье „К вопросу о процессах феодализации в Римской империи“³. Он возражает против концепции Е. М. Штаерман⁴, А. П. Каждана⁵, А. Р. Корсунского⁶, С. И. Ковалева⁷ и утверждает, что революционные выступления рабов и колонов и нашествия „варваров“ имели огромное созидательное значение: в результате того и другого осуществилась необходимая для развития феодального строя связь непосредственных производителей со средствами производства, поскольку большая часть земли перешла в руки свободных общинников: как на Западе, так и на Балканском полуострове укрепились общинная собственность за счет рабовладельческой. На вопрос о причинах того, почему в Западной Римской империи крах рабовладельческого общества привел к гибели государства, в то время как Восточная Римская империя устояла среди революционных бурь и варварских нашествий, автор отвечает, что причиной устойчивости Византийской империи явилось сохранение в ней центров товарного производства. Поскольку без определенной степени развития товарного производства не может развиваться феодальное общество, постольку сохранение здесь крупных торговых центров в то время, когда на Западе наблюдалось глубокое падение товарного производства, было прогрессивным явлением с точки зрения всемирно-исторического

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 164—183.

² ВДИ, 1955, № 1, стр. 127—135.

³ Там же, стр. 51—67.

⁴ ВДИ, 1953, № 2.

⁵ ВДИ, 1953, № 3.

⁶ ВДИ, 1954, № 2.

⁷ ВДИ, 1954, № 3.

процесса. Задачу сохранения торговых центров, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, выполнила городская землевладельческая чиновная знать Византии, несмотря на всю свою реакционность. Она же сумела сохранить в своих руках государственный аппарат. Что касается сельскохозяйственной провинции, то она попала в положение, аналогичное положению, сложившемуся на Западе. Рабовладельческий уклад был разрушен и в Восточной империи, но там сохранились центры товарного производства и вместе с ними — элементы античной культуры.

Проблема генезиса феодального способа производства в империи IV—V вв. рассматривается также в исследованиях Г. Г. Дилигенского «К вопросу об аграрных патрониях в поздней Римской империи»¹ и А. Г. Гемпа «Трибутарии и инквилины поздней Римской империи»².

В числе исследований, посвященных ранней Византии, следует отметить статью М. В. Левченко «Синезий в Константинополе и его речь «О царстве»»³, знакомящую с настроениями рабовладельческих кругов в Северной Африке. Синезий, уроженец Киренаики, видный ученый и политический деятель, живший в начале V в., предвидит возможность глубоких социальных потрясений в случае осуществления уже наметившегося объединения рабов с «варварами» против господствующих классов. В своей речи «О царстве»⁴, произнесенной перед императором Аркадием, Синезий пытается указать средства для спасения империи от надвигающейся катастрофы.

Семилетний период (552—558 гг.) в жизни Византии служит предметом труда Агафия Миринейского «О царствовании Юстиниана», изданного в переводе М. В. Левченко⁵ и с его же вступительной статьей «Византийский историк Агафий и его мировоззрение». М. В. Левченко излагает в этой статье биографию Агафия, принадлежавшего к образованной части византийской консервативной аристократии, и разбирает особенности его сочинения. Отмечая симпатии Агафия к античности, консерватизм в вопросах политики и философии, большую эрудицию и осведомленность в описываемых им событиях, М. В. Левченко подчеркивает, что Агафий одобрял политику Юстиниана и высказывался за восстановление могущества империи. В то же время он относился пренебрежительно к народным массам, не будучи в состоянии понять их действительной роли в жизни современного ему общества⁶.

История народных движений в Северной Африке подвергается рассмотрению в двух статьях З. В. Удальцовой: «Народные движения в Северной Африке при Юстиниане»⁷ и «Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане»⁸. Автор исследует политику византийского правительства в отвоеванной у вандалов Северной Африке, сводящуюся к восстановлению прежних общественных и аграрных отношений римского времени: были приняты крутые меры к возвращению занятых народными массами земель их прежним владельцам, что вызвало ряд народных восстаний. Описывается наиболее

¹ ВДИ, 1955, № 1, стр. 135—141.

² ВДИ, 1954, № 4, стр. 75—83.

³ УЗ АГУ, 1951, № 130, вып. 18, стр. 222—249. Рец.: М. Я. Сюзюмов — ВВ, 1953, т. VI, стр. 279—281.

⁴ ВВ, 1953, т. VI, стр. 327—357. Перевод М. В. Левченко.

⁵ Изд. Института истории АН СССР. М.—Л., 1953, стр. 219.

⁶ Рец. М. Я. Сюзюмова на издание Агафия см. в настоящем томе ВВ.

⁷ ВВ, 1952, т. V, стр. 15—48.

⁸ ВВ, 1953, т. VI, стр. 88—112.

крупное из таких восстаний 30—40-х годов VI в., происходившее под руководством солдата византийской армии Стотзы.

Характеристику завоевательной политики Юстиниана дает сочинение Прокопия Кесарийского „Войны с готами“¹, изданное в переводе С. П. Кондратьева и со вступительной статьей З. В. Удальцовой. Это — ценнейший источник для ознакомления с политической и социально-экономической историей Восточной Римской империи и соседних с нею народов Запада. Особенно ценны сообщения Прокопия о древних славянах, их быте, военном деле и об их вторжениях в пределы империи, которые привели, как известно, к глубоким преобразованиям в социальном строе Византии.

Вопрос о славянах, вторгавшихся в пределы Византийской империи, составляет предмет пристального внимания ряда советских историков и этнографов.

А. Дьяконов в статье „Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков“² приводит рассказ из 2-й и 3-й части „Истории“ Иоанна о нашествии на Константинополь в 541—543 гг. славян вместе с гуннами и в 581—584 гг. — одних славян, сравнивая этот рассказ с данными других источников и пополняя его новыми сведениями. Автор приходит к выводу, что первое нашествие имело целью грабеж, второе, повидимому, было движением племенных групп, оседавших на занятых ими землях в качестве земледельцев и скотоводов.

Среди работ, посвященных славянам, нужно отметить далее исследование М. Ю. Брайчевского „Об антах псевдо-Маврикия“³, где делается попытка дать новое освещение (по византийским и другим источникам) истории переселения части восточных славян за Дунай. По поводу этой статьи написана работа В. В. Мавродина „К вопросу об антах псевдо-Маврикия“⁴, в которой автор уточняет и дополняет некоторые положения М. Ю. Брайчевского, делая попутно обзор работ прочих участников обсуждения разбираемой темы.

Укажем здесь еще статью А. П. Каждана „Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии“⁵ и обзор В. И. Пичеты „Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947)“⁶.

Вопрос о значении проникновения славян в пределы Византийской империи исследуется в работе Е. Э. Липшиц „Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма“⁷, основанной на источниках, связанных с хозяйственным бытом византийской деревни VII—VIII вв. Давая характеристику отдельных групп византийского крестьянства и существовавших у них форм землепользования, автор обращает особое внимание на значение общинного строя византийской деревни, укрепившегося вследствие массовых переселений славян в пределы империи. В заключение автор сравнивает византийскую сельскую общину с западноевропейской маркой, а „Земледельческий закон“ с варварскими Пrawdami. На близкую тему имеется другое небольшое исследование Е. Э. Липшиц „Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. (некоторые наблюдения по аграрной истории Визан-

¹ Изд. Института истории АН СССР. М., 1950, стр. 516.

² ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34.

³ СЭ, 1953, № 2, стр. 21—36.

⁴ СЭ, 1954, № 2, стр. 32—41.

⁵ „Преподавание истории в школе“, 1953, № 2, стр. 47—58.

⁶ ВДИ, 1947, № 3, стр. 95—99.

⁷ ВВ, 1947, т. I, стр. 144—163 (автореферат статьи „Византийское крестьянство и славянская колонизация“. ВС, М.—Л., 1945, стр. 96—143).

тии)¹. В этой работе дается анализ грамоты 897 г. о продаже земли и угодий частным лицом игумену монастыря близ Фессалоники. Название селения, в котором была продана эта земля, указывает на связь его со славянской общиной другувитов. Документ свидетельствует о разложении общины, связанном с процессом феодализации, и о росте монастырского землевладения за счет общины.

Немало внимания уделяют историки-византилисты общественным движениям VIII—IX вв., в частности — павликианству и иконоборчеству. Е. Э. Липшиц в статье „Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в.“² излагает историю движения с конца VI в. Павликианство, получившее особенно широкое распространение в VIII—IX вв. на Балканах и в Малой Азии, представляло собою самое значительное антифеодальное движение, развивавшееся в форме ереси. Подчеркнув демократический характер павликианства и преобладание среди его последователей крестьян и рабов, автор отмечает ненависть павликиан к господствующей церкви, к монастырям и монахам. Антицерковные настроения до некоторой степени сближали павликиан с иконоборцами, однако последние не разделяли стремления павликиан к глубоким социальным реформам.

В 1950 г. Е. Э. Липшиц опубликовала сделанный ею перевод „Краткой истории“ Никифора, патриарха Константинопольского, сопроводив его своей статьей „Никифор и его исторический труд“³. Автор статьи показывает, что труд Никифора является важным источником для истории иконоборческого периода (602—769 гг.).

В 1950—1951 гг. появилась в печати считавшаяся утерянной источниковедческая работа видного русского византиста К. Н. Успенского, умершего в 1917 г., „Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX веках. Феофан и его Хронография“⁴. В своем исследовании К. Н. Успенский, собравший много свежего документального материала, по-новому оценивает данные Феофана, Анастасия Библиотекаря и патриарха Никифора об исторических событиях VIII—IX вв. Однако многие положения К. Н. Успенского уже устарели и нуждаются в пересмотре.

Иконоборческому движению посвящена статья М. Я. Сюзюмова „Проблемы иконоборчества в Византии“⁵. Автор считает, что иконоборчество представляло собою широкое движение, возникшее из незначительной ереси. По мнению автора, иконоборцев поддерживали самые разнообразные слои населения, внешне объединенные отрицательным отношением к иконам и вовсе не ставившие себе главной целью ограничение монастырского землевладения. Как полагает М. Я. Сюзюмов, монастырское землевладение в VIII в. уже не имело значительных размеров вследствие массовых земельных захватов со стороны вторгавшихся в империю славян и арабов, а также со стороны участников крестьянских восстаний. Поэтому иконоборцы, стремясь подорвать экономическую силу монастырей, отбирали у них движимое имущество, представлявшее огромную ценность и состоявшее главным образом из золотых и серебряных предметов культа и церковной утвари.

* 1 В кн.: „Академику Б. Д. Грекову...“. М., 1952, стр. 49—54.

2 ВВ, 1952, т. V, стр. 49—72.

3 ВВ, 1950, т. III, стр. 349—387 и 85—105.

4 Там же, стр. 393—438 и т. IV, 1951, стр. 211—262.

5 УЗ Свердловского гос. пед. ин-та, 1948, № 4, стр. 48—110. Рец.: М. А. Заборов — ВВ, 1951, т. IV, стр. 190—201.

Вопросы культуры периода VIII—IX вв. рассматривают статьи Е. Э. Липшиц: „Византийский ученый Лев Математик (из истории византийской культуры в IX в.)“¹ и „К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX в. (Касия)“².

В первой статье Е. Э. Липшиц восстанавливает по разноречивым показаниям источников биографию близкого к иконоборческим кругам Льва Математика, представителя светского течения в византийской науке, характеризующегося интересом главным образом к изучению природы и техники. Как глава школы, Лев был учителем ряда выдающихся деятелей IX в., в том числе патриарха Фотия и Константина Философа, и пользовался широкой известностью даже за пределами Византии.

Содержанием второй статьи Е. Э. Липшиц опровергаются неверные представления некоторых буржуазных историков о наличии проникнутого всецело церковными интересами периода в истории византийской культуры VIII—IX вв. Рассматривая творчество византийской поэтессы Касии, автор находит в нем, наряду с произведениями церковной тематики, новые светские мотивы и знакомит читателя с образцами ее поэзии, проникнутой бодрым и жизнерадостным настроением.

В своей докторской диссертации „Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.“³ Е. Э. Липшиц ставит себе задачу нарисовать целостную картину развития византийской культуры изучаемой эпохи в тесной связи с историей классовой борьбы народных масс, сыгравшей определяющую роль в формировании различных сторон византийской культуры. В работе дается анализ общественно-экономического строя Византии, классовой структуры общества, административного устройства империи, рассматриваются общественные движения: павликианство, иконоборчество и восстание Фомы Славянина, изучается законодательство VIII—IX вв., дается анализ литературы, науки, просвещения и характеризуются выдающиеся деятели в области культуры. В заключение работы делается попытка определить основные художественные направления эпохи.

Отметим здесь публикацию Н. В. Пигулевской палеографо-лингвистического памятника „Греко-сиро-арабская рукопись IX века“⁴.

Жизни византийского города посвящена статья Е. Э. Липшиц „К вопросу о городе в Византии VIII—IX вв.“⁵. Суммируя сведения, почерпнутые из письменных и археологических источников, автор рисует картину состояния городского ремесла, морской и сухопутной торговли, главным образом в Константинополе, выясняет степень отделения ремесла от сельского хозяйства и роль византийского города в международной торговле.

Этой же темой интенсивно занимается М. Я. Сюзюмов. Помимо упомянутых выше работ, он выступил с рядом исследований, касающихся роли и значения города в истории Византии.

В 1949 г. М. Я. Сюзюмов в качестве учебного пособия для высших учебных заведений опубликовал свой комментированный перевод на русский язык „Книги епарха“⁶. В предисловии переводчик объясняет

¹ ВВ, 1949, т. II, стр. 106—149.

² ВВ, 1951, т. IV, стр. 132—148.

³ Автореферат. Л., 1951, 21 стр.

⁴ Палестинский сборник. Л., 1954, № 1, стр. 59—90.

⁵ ВВ, 1953, т. VI, стр. 113—131.

⁶ „Книга Епарха. Устав византийских цехов X века“. Свердловск, 1949, 115 стр. УЗ Свердловского гос. пед. ин-та, вып. 6. (Рец.: А. П. Каждан и М. А. Заборов — ВВ, 1952, т. V, стр. 273—276).

+ структуру византийских цехов, их социальный состав и производственные функции. К особенностям византийского ремесла М. Я. Сюзюмов относит значительную роль в нем труда рабов и наемных рабочих, указывает на наличие государственных ремесленных мастерских, отмечает существование свободы конкуренции и отделение ремесла от торговли. В предисловии характеризуется также состояние византийской торговли, подчеркивается пассивный характер внешних торговых сношений Византии и указывается на потерю Константинополем с конца XI в. своего прежнего экономического значения ввиду захвата левантйской торговли венецианцами и генуэзцами. Сущность одного из многочисленных ограничительных постановлений „Книги епарха“ М. Я. Сюзюмов разъясняет в заметке „О запрете накопления наличными деньгами в Византии“¹:

+ постановление касается только мелких разменных денег.
Докторская диссертация М. Я. Сюзюмова „Производственные отношения в византийском городе — эмпории периода генезиса феодализма“ является ценным вкладом в советскую византиноведческую литературу².

В своей работе М. Я. Сюзюмов дает развернутую картину жизни и деятельности ремесленного по преимуществу населения в таких центрах товарного производства империи, как Константинополь и Фессалоника; эти города без перерыва в их экономических функциях перешли из античности в эпоху зарождавшегося феодализма, сохранившись на протяжении всей последующей истории Византии в качестве узловых пунктов ее экономики и культуры. Автор рассматривает вопрос о доходах византийской городской знати, исследует виды и формы эксплуатации ею трудового населения. В заключение автор подчеркивает прогрессивную роль византийского города также и в процессе формирования феодальных отношений в Европе.

Упомянем здесь одну из последних работ М. Я. Сюзюмова „О социальной сущности законодательства „Василик“³, в которой „Василики“ рассматриваются не только как переработка старых законов времени Юстиниана, но как памятник живого, действующего законодательства, содержащий данные о правовых отношениях, сложившихся в городах и сельских местностях Византии в X в.

Вопросы истории византийского города и византийского ремесла исследуются также в работах А. П. Каждана. В статье „Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв.“⁴ А. П. Каждан пересматривает некоторые выводы М. Я. Сюзюмова. Автор характеризует византийскую столицу как центр средневековой организации производства, сосредоточенного в цехах, близких по своей структуре к западноевропейским цехам, зависевших от контроля государственной власти и сравнительно мало применявших рабский труд.

В связи с вопросом о месте рабов и наемных работников в византийском ремесле А. П. Каждан опубликовал специальное исследование „Рабы и мистии в Византии IX—XI веков“⁵, основанное на изучении значительного документального материала. Автор приходит к выводу, что землевладельцами в сельском хозяйстве эксплуатировался преимущественно труд рабов, но не наемных работников-мистиев; труд мистиев, составлявших многочисленную группу эксплуатируемых, применялся, повидимому, в других отраслях государственного и частного хозяйства.

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 267—269.

² Свердловск, 1953, 28 стр. (Институт истории АН СССР).

³ ВВ, 1953, т. VI, стр. 72—87.

⁴ Там же, стр. 132—155.

⁵ УЗ Тульского гос. ин-та, 1951, вып. 2, стр. 63—84. Рец. М. Я. Сюзюмов — ВВ, 1953, т. VI, стр. 281—284.

В другой своей работе „Византийские города в VII—XI веках“¹ А. П. Каждан, привлекая обширный нумизматический материал, возражает против широко распространенной в исторической литературе точки зрения, что Византийская империя всегда была страной городов. В действительности, с падением рабовладельческого строя полисы на Балканах и в Малой Азии исчезают. Причина падения античного города коренилась, по мнению автора, во внутренней закономерности развития рабовладельческого способа производства, а вторжения „варваров“ ускорили этот процесс. Лишь немногие города — Константинополь, Фессалоника, Эфес, Никея — пережили падение рабовладельческой формации, но и они потеряли прежнее экономическое значение.

В ряде работ советских византинистов освещаются проблемы социально-политической истории Византии X—XI вв.

А. П. Каждан посвятил несколько статей политической борьбе и народным движениям X в. В статье „К истории политической борьбы в Византии в начале X в.“² автор, говоря о боровшихся за власть при императоре Льве VI трех группировках (константинопольской чиновной знати, провинциальной феодальной аристократии и константинопольской торговой и цеховой верхушки), разбивает положения, уже высказывавшиеся советскими византинистами, — о сложности политической борьбы IX—X вв. в Византии, где процесс перехода к феодализму протекал чрезвычайно медленно и где к началу X в. еще не был окончательно вытеснен рабовладельческий уклад.

В статье „Крестьянское движение в Византии в X веке и аграрная политика императоров Македонской династии“³ А. П. Каждан характеризует ряд крестьянских восстаний как антифеодальных и путем анализа аграрного законодательства эпохи выявляет сущность политики Византийского государства. Автор приходит к заключению, что рост крестьянских движений вынуждал правительство несколько облегчать положение крестьян, но что правительство в то же время постоянно считалось с требованиями феодальной знати. Исследование А. П. Каждана „Великое восстание Василия Медной руки“⁴ посвящено восстанию, имевшему место в Малой Азии около 935 г. и носившему, по мнению автора, антифеодальный характер.

О положении сельской общины и возникновении класса зависимого крестьянства на далекой окраине империи — в византийских владениях в Италии и о неугасавшей там борьбе против феодальных порядков говорится в работе М. А. Абрамсон „Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.)“⁵.

М. А. Шангин опубликовал в греческом оригинале и русском переводе с комментариями два произведения кесарийского епископа Арефы: „Письма Арефы. Новый источник о политических событиях в Византии 931—945 гг.“⁶. В этих письмах к эфесскому митрополиту Григорию содержится сообщение об избрании на патриаршество Феофилакта — 16-летнего сына императора Романа Лекапена и оправдания самого Арефы в связи с обвинением его в заговоре против императора Романа.

Статья А. П. Каждана „Византийская армия в IX—X веках“⁷ приводит сведения о составе и численности византийской армии и о ее

¹ СА, 1954, XXI, стр. 164—188.

² УЗ Тульского гос. пед. ин-та, 1952, вып. 3, стр. 191—206.

³ ВВ, 1952, т. V, стр. 73—98.

⁴ ВВ, 1951, т. IV, стр. 73—83.

⁵ ВВ, 1953, т. VII, стр. 161—193.

⁶ ВВ, 1947, т. I, стр. 235—260.

⁷ УЗ Великолукского гос. пед. ин-та, 1954, стр. 18—31.

превращении в X в. из фемного ополчения в войско феодального типа. Упомянем еще работу А. П. Каждана „Быт и культура Византии“¹.

Период Византийской истории XII—XIV вв. широко представлен в работах советских историков. Так, написан ряд исследований о взаимоотношениях Византии и Запада. Отношения с Венецией отражены в работах Н. П. Соколова, который, изучая проблему колониального господства Венеции и процесс создания Венецианской державы, по необходимости исследует и различные вопросы истории Византии. Н. П. Соколову принадлежат следующие статьи: „К вопросу об установлении венецианской супрематии над Дубровником“², „Метрополия венецианской колониальной державы во 2-й половине XIII в.“³, „К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185)“⁴, „Венецианская доля в византийском наследстве“⁵ и „Восточная политика венецианской плутократии в XII в.“⁶. В третьей статье автор касается отношений империи и Венеции после преследований венецианцев при императоре Мануиле в 1171 г. и доказывает, что нормальные отношения были восстановлены не сразу. Излагая историю погрома латинян в Константинополе в 1182 г. (при Андронике Комнине), автор отмечает, что погром не затронул венецианцев. Предпоследняя статья разбирает вопрос о разделе территории Византии в соответствии с соглашением 1204 г. между руководителями четвертого крестового похода и о предоставлении венецианцам „четверти и полчетверти империи Романии“, которое, однако, как показывает автор, не было осуществлено в намеченном объеме. Докторская диссертация Н. П. Соколова „Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы (XI—XIII вв.)“⁷ также освещает различные вопросы взаимоотношений Византии и Венеции.

Отношений Византии и Венеции касается и статья М. М. Фрейденберга „К истории классовой борьбы в Византии в XII веке“⁸, где характеризуется позиция византийской знати, провинциальных магнатов и представителей торговых и ремесленных кругов в связи с политикой Андроника Комнина, который покровительствовал венецианцам, вернувшимся в Константинополь после конфискации 1171 г.

Темой четвертого крестового похода занят М. А. Заборов, опубликовавший статьи: „Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века. К вопросу о роли Иннокентия III в перемене направления четвертого крестового похода“⁹, „К вопросу о предистории четвертого крестового похода“¹⁰, а также обстоятельный обзор „Крестовые походы в русской буржуазной историографии“¹¹.

Отношения Византии с генуэзцами исследуются Е. Ч. Скржинской. В статье „Генуэзцы в Константинополе в XIV в.“¹² автор, нарисовав картину господства в византийской экономике венецианцев, утвердившихся в империи со времени договора с ними Алексея Комнина в 1082 г.,

¹ Преподавание истории в школе, 1955, № 1, стр. 55—66.

² Научн. труды Ист. фак-та Горьковского пед. ин-та, 1950, вып. 13, стр. 139—155.

³ УЗ Горьковского гос. ун-та, 1954, вып. 25, стр. 47—74.

⁴ ВВ, 1952, т. V, стр. 139—151.

⁵ ВВ, 1953, т. VI, стр. 156—185.

⁶ УЗ Горьковского гос. ун-та, 1950, вып. 18, стр. 103—156.

⁷ Автореферат. Л., 1953, 31 стр.

⁸ УЗ Великолукского гос. пед. ин-та, 1954, стр. 32—49.

⁹ ВВ, 1952, т. V, стр. 152—177.

¹⁰ ВВ, 1953, т. VI, стр. 223—235.

¹¹ ВВ, 1951, т. IV, стр. 171—190.

¹² ВВ, 1947, т. I, стр. 215—234.

излагает историю постепенного захвата экономических позиций Византии генуэзцами. Е. Ч. Скржинская показывает, что это привело к экономическому и политическому ослаблению империи, подорвало ее силы в деле обороны против турецкого нашествия. Статья того же автора „Петрарка о генуэзцах на Леванте“¹ рисует борьбу генуэзцев и венецианцев за преобладание в Византии по письмам Петрарки, занимавшего нейтральную позицию общетальянского патриота.

Трудов, характеризующих византийскую культуру этого периода, почти не имеется. Упомянем здесь только работу „Византийская сатира „Тимарион““ (перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Предисловие Е. Э. Липшиц)². Это один из редких в византийской литературе образов светской сатирической прозы, принадлежащий неизвестному автору XII в., в котором рассказывается в форме диалога о путешествии Тимариона по загробному миру и о его встречах с рядом деятелей — современников автора.

Ряд работ посвящен аграрным отношениям, положению крестьянства и антифеодальным движениям эпохи. В монографии А. П. Каждана „Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“³ доказывается, что крестьянская община, а не поместье, составляла основу аграрного строя изучаемой эпохи. Познакомив читателя с разными категориями византийского крестьянства, автор прослеживает процесс разложения общины и изменения характера поместья, что было связано с ростом крупного землевладения. В заключение подчеркивается, что народные волнения XIV в. являлись выражением противоречий феодального строя.

Тематика двух первых глав этой книги послужила содержанием статьи А. П. Каждана „Византийское сельское поселение“⁴, где автор представил материал о хозяйственном и правовом положении поздневизантийской деревни, а также о применявшихся в изучаемую эпоху приемах сельскохозяйственной техники.

Здесь же можно упомянуть публикацию А. П. Каждана: „Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Савостьянова“⁵, содержащую греческий текст и комментированный перевод греческих дарственных одному из афонских монастырей. В другой небольшой работе „Локальные формуляры поздневизантийских грамот“⁶ А. П. Каждан показывает разные варианты этих формуляров.

Б. Т. Горянову принадлежит ряд работ по истории поздней Византии. Первая из них — „Византийское крестьянство при Палеологах“⁷, в которой автор, пользуясь „Актами“ Миклошича-Мюллера и полемизируя с Б. А. Панченко, Г. А. Острогорским и др., исследует изменения, происходившие в XIV—половине XV в. в характере феодальной собственности, в судьбах сельской общины и в формах крестьянской зависимости. Кандидатская диссертация Б. Т. Горянова была посвящена теме: „Восстание зилотов в Византии (1342—1349)“⁸. Это движение народных масс в районе Фессалоники, продолжавшееся в течение семи лет и подавленное пра-

¹ ВВ, 1949, т. II, стр. 245—266.

² ВВ, 1953, т. VI, стр. 357—386.

³ М., 1952, 244 стр. (Ин-т истории АН СССР). Рец.: М. В. Левченко — ВВ, 1953, т. VII, стр. 276—282.

⁴ ВВ, 1949, т. II, стр. 215—244.

⁵ Там же, стр. 312—321.

⁶ ВВ, 1950, т. III, стр. 387—393.

⁷ Там же, стр. 19—50.

⁸ Автореферат диссертации. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1946, № 3, стр. 92—96.

вительством лишь с помощью войск турецкого султана, носило, по мнению автора, антифеодальный характер. В дополнение к этой работе Б. Т. Горянов опубликовал также источниковедческую статью „Первая гомилия Григория Паламы, как источник к истории восстания зило-тов“¹ — греческий текст и перевод выдержек из одной беседы Григория Паламы, датируемой автором третьей четвертью XIV в. Политические события поздней Византии служат содержанием опубликованного Б. Т. Горяновым „Неизданного анонимного византийского хронографа XIV века“², охватывающего период с 1218 до 1352 г.

Переходя к последнему периоду истории Византии, укажем прежде всего работы Э. В. Удальцовой, посвященные судьбам империи накануне ее падения.

В статьях „Борьба партий в Византии XV века и деятельность Виссариона Никейского“³ и „Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии“⁴ автор рисует широкую картину ожесточенной борьбы различных общественных групп погибающей империи вокруг вопроса о союзе с латинянами. Борьба происходила между партией латинофилов, готовых ценой церковного подчинения Западу купить его помощь против турок, и националистической греко-православной партией, выступавшей против сближения с латинянами. Как показывает автор, ядро партии латинофилов состояло из придворной знати, части высшего духовенства, руководимого Никейским архиепископом Виссарионом, и из большей части византийской интеллигенции. Более многочисленная православная партия, опиравшаяся на народные массы, включала в свой состав представителей высшего и среднего духовенства и монашества. Во второй статье прослеживается развитие ожесточенных споров на Флорентийском соборе вокруг „греческого вопроса“ и рост разногласий внутри самой византийской делегации, приведших к торжеству латинофилов и подписанию унии. В заключение автором дается характеристика Виссариона, как церковно-политического деятеля и как ученого-гуманиста.

К тому же историческому периоду относятся „Речи о реформах Гемиста Плифона“⁵, переведенные Б. Т. Горяновым и опубликованные с его предисловием. В предисловии выясняются условия политической и общественной жизни Византии XV в., дается жизнеописание Плифона и характеристика его мировоззрения. Плифон составил в 1415 г. две докладные записки императору Мануилу II Палеологу и его сыну деспоту Федору о положении в Пелопоннесе и приложил к записке план широких социально-политических и военных реформ, имевших целью спасение империи от внутреннего распада и угрозы турецкого завоевания.

В связи с 500-летием взятия Константинополя (исполнившегося в 1953 г.) советские византиноведы посвятили ряд исследований падению Византийской империи, перевели и опубликовали многие источники, относящиеся к этому периоду.

В статье М. В. Левченко „Завоевание турками Константинополя в 1453 году и исторические последствия этого события“⁶ указывается, что

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 261—266.

² ВВ, 1949, т. II, стр. 276—293.

³ Автореферат диссертации. ВВ, 1949, т. II, стр. 294—307.

⁴ ВВ, 1950, т. III, стр. 106—132. То же в сокр. ред.: „Вестник МГУ“, 1947, № 1, стр. 79—95.

⁵ ВВ, 1953, т. VI, стр. 386—414.

⁶ Там же, т. VII, стр. 3—8.

Византия пала не в результате преобладания военных сил Турции, а вследствие собственной слабости, порожденной внутренними политическими и социально-экономическими противоречиями. С падением Византии Константинополь потерял свое прежнее значение международного центра торговли Запада с Востоком, старые культурные связи греков с соседними странами нарушились, а сами византийцы были вынуждены подчиниться общественному и экономическому строю завоевателей, представлявшему собою наиболее отсталую форму феодального режима, основанного на натуральном хозяйстве и крепостнических отношениях, режима, который не давал покоренному народу никаких перспектив дальнейшего культурного и экономического развития.

З. В. Удальцовой принадлежат статьи: „О внутренних причинах падения Византии в XV в.“¹ и „Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания“². Ею же в 1951 г. была опубликована работа: „Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания“³. В первой из указанных статей вскрываются сложные внутренние причины ослабления и гибели Византийской империи, из которых главной был экономический упадок, явившийся следствием назревавшего несоответствия между производительными силами и феодальными производственными отношениями, и связанное с ним обнищание крестьянства и плебейских масс города. Экономическому развитию империи мешало также засилие иностранцев в торговле; все это приводило к обострению классовых противоречий. Положение осложнялось ожесточенными усобицами внутри господствующего класса, а также изменнической политикой некоторой части феодальной знати. К этому следует добавить тяжелое внешнее положение, предательское поведение папства и западноевропейских феодалов. Турецкое завоевание оказало глубоко отрицательное влияние на дальнейшие судьбы народов Балканского полуострова и задержало на столетия их экономическое развитие. Статья вторая и третья касаются туркофильской политики, проводившейся частью феодалов Пелопоннеса во время и после завоевания. Исследование базируется главным образом на критическом анализе труда греческого писателя того времени Критовула „История Мехмета II“.

Н. А. Смирнов в статье „Историческое значение русской „Повести“ Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 году“⁴ анализирует сочинение, основная часть которого написана русским автором, очевидцем и участником событий на стороне турок. Н. А. Мещерский исследует „Рыдание“ Иоанна Евгеника и его древне-русский перевод⁵. Это — лирическое произведение, написанное в 1461 году в Трапезунте: автор его оплакивает падение Константинополя. „Рыдание“ вскоре после его написания было переведено на русский язык и широко распространилось среди московских книжников XV—XVII вв., что свидетельствовало о сочувствии московского общества грекам и славянам, подпавшим под турецкое иго.

Ныне покойный А. С. Степанов в работе „Византийские писатели Дука и Франдзи о падении Константинополя“⁶ опубликовал в своем

¹ ВИ, 1953, № 7, стр. 102—120.

² ВВ, 1953, т. VII, стр. 93—121.

³ Сб. „Средние века“, 1951, вып. III, стр. 161—179.

⁴ ВВ, 1953, т. VII, стр. 50—71.

⁵ Там же, стр. 72—86.

⁶ Там же, стр. 385—430.

переводе и со своим предисловием отрывки о завоевании Константинополя из „Византийской истории“ Дуки и из „Большой хроники“ Георгия Франдзи. В переводе и с предисловием Е. Б. Веселаго издано описание осады и взятия столицы Византийской империи из „Истории“ Лаоника Халкокондила. Под заглавием „Армянские хронисты о падении Константинополя (предисловие и подготовка текста А. С. Анасяна. Перевод С. С. Аревшатяна)“¹ опубликованы стихотворные хроники: Абраама Анкирского „Плач на взятие Константинополя“ и Аракела Багешского „Плач о столице Стимболе“.

Укажем, далее, статью И. Н. Бороздина „Н. Г. Чернышевский об осаде и взятии Константинополя турками. (Историографическая заметка)“², посвященную двум критическим статьям Н. Г. Чернышевского в „Отечественных записках“ (1855, № 3) и в „Современнике“ (1855, № 2) по поводу книги М. М. Стасюлевича „Осада и взятие Византии“ (1854). А. С. Тверитинова в своей работе „Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии“³ опровергает концепцию турецкой реакционной историографии, изображающей Турцию как страну, стоявшую будто бы на более высоком уровне социально-экономического и политического развития, чем покоренные ею народы Византии и Балканского полуострова.

Периода турецкого завоевания касается также работа З. В. Удальцовой: „Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV в.“⁴, где автор указывает на важные сведения, содержащиеся в „Истории Мехмета II“, об экономическом и политическом положении Сербии, Боснии, Валахии, Албании и о ходе турецкого завоевания. В исследовании И. С. Достян „Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв.“⁵ на обширном материале источников показывается разбойнический характер турецкого завоевания Юго-Восточной Европы и тяжелое положение южнославянских народов под игом османского государства. Сюда же можно отнести статью А. С. Степанова „Труд Дуки как источник по истории восстания Берклиджи Мустафы начала XV века“⁶, освещающую историю восстания турецких и греческих крестьян в Малой Азии (в Ионии и Лидии), и статью Г. И. Ибрагимова „Крестьянские восстания в Турции XV—XVI вв.“⁷.

Ввиду особого значения для советских историков вопроса о сношениях Византийской империи с Русью полагаем необходимым выделить эту тему из ряда других.

Мы начнем наш обзор с небольшой заметки Н. В. Пигулевской „Имя „Рус“ в сирийском источнике VI века н. э.“⁸, в которой автор говорит о приписке 555 г. к главе 7-й книги 12-й „Сирийской хроники“ псевдо-Захарии Митиленского, упоминающей о народе, живущем по соседству с амазонками южно-русских степей. Н. В. Пигулевская считает, что в приписке речь идет о славянах и что можно с уверенностью говорить о том, что имя „Рус“ было известно византийским писателям — грекам и сирийцам еще в первой половине VI в.: оно

¹ ВВ, 1953, т. VII, стр. 444—466.

² Там же, стр. 87—92.

³ Там же, стр. 9—31.

⁴ ВВ, 1951, т. IV, стр. 91—121.

⁵ ВВ, 1953, т. VII, стр. 32—49.

⁶ ВВ, 1952, т. V, стр. 99—104.

⁷ ВВ, 1953, т. VII, стр. 122—145.

⁸ В кн.: „Академику Б. Д. Грекову...“, стр. 42—48.

обозначало народ, заселявший области за Азовским морем по Нижнему Дону.

Вопрос о времени походов Руси на Византию явился предметом полемики советских византинистов с зарубежными историками, видным бельгийским ученым А. Грегуаром и его учениками. А. Грегуар и его сторонники поддерживают концепцию норманистов и возражают против взглядов В. Г. Васильевского, который, опираясь на данные источников (жизнеописания епископов Георгия Амастридского и Стефана Сурожского), относит первые походы Руси на Византию к первым десятилетиям IX в. или даже к концу VIII в. Ответом на выступления А. Грегуара послужила статья Е. Э. Липшиц „О походе Руси на Византию ранее 842 года“¹, где автор поддерживает аргументацию В. Г. Васильевского ссылаясь на ряд новых письменных и художественных памятников, впервые привлеченных для данной цели.

Этот же вопрос явился главной темой двух статей М. В. Левченко: „А. Грегуар и его работы по византиноведению“ и „Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева“². В этих статьях, кроме работ А. Грегуара и его учеников, подвергается критике книга бывшего русского византиниста А. А. Васильева („The Russian Attack on Constantinople in 860“. Cambridge, Mass., 1946), который, затрагивая данную проблему, относил известия амастридского жителя на столетие позже В. Г. Васильевского, именно — к походу на Византию князя Игоря в 941 г.

Укажем далее четыре статьи М. В. Левченко, посвященные сношениям Византии и Руси в X в. и представляющие собою части книги М. В. Левченко „Очерки по истории русско-византийских отношений“ (в настоящее время находится в печати). Статьи эти следующие: „Русско-византийские договоры 907 и 911 гг.“³, „Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X века“⁴, „Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире“⁵, „Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке“ („Записка греческого топарха“)“⁶.

В первой статье автор высказывает мысль, что во время похода князя Олега в 907 г. между Русью и греками было заключено лишь устное соглашение, главным образом по торговым делам, и что в 911 г. это соглашение было оформлено в виде письменного договора с добавлением ряда пунктов правового содержания. При этом подчеркиваются некоторые особенности содержания и языка обоих договоров (правильный славянский язык), позволяющие отнести договоры к числу памятников чисто славянского происхождения. Что касается приводимых в них германских имен части послов и купцов, то это, по мнению автора, свидетельствует только о разнообразии состава древнеславянской дружины, куда входили и варяги, не игравшие, однако, руководящей роли в жизни древнерусского государства.

Во второй статье М. В. Левченко содержится критическая оценка незаконченного трактата императора Константина, известного под названием „De administrando imperio“, где сообщается много сведений, часто, впрочем, неверных, о странах и народах, являвшихся объектами визан-

¹ „Исторические записки“, 1948, т. XXVI, стр. 312—331.

² ВВ, 1951, т. IV, стр. 149—159.

³ ВВ, 1952, т. V, стр. 105—126.

⁴ ВВ, 1953, т. VI, стр. 11—35.

⁵ ВВ, 1953, т. VII, стр. 194—223.

⁶ ВВ, 1951, т. IV, стр. 42—72.

тийской захватнической политики. Особенное внимание М. В. Левченко обращает на большое число преувеличений, неточностей и прямых ошибок в кратких упоминаниях о далекой Руси, которая вовсе не привлекала к себе дружелюбного внимания византийского императора и, очевидно, была ему самому недостаточно хорошо известна. М. В. Левченко весьма критически пересматривает свидетельства трактата о торговом пути по Днепру, названиях его порогов, о Руси и варягах и т. д., полностью отвергая толкования этих мест сторонниками антинаучных взглядов норманистов. Путем тонкого сопоставления источников автор доказывает достоверность известий о проникновении христианства на Русь еще в IX в. (одновременно с занесением в нее славянской письменности от болгар) и настаивает на том факте, что крещение княгини Ольги происходило в Константинополе, а не в Киеве.

Пересматривая в своей третьей статье источники и литературу, главным образом труды В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского о военной поддержке князем Владимиром императора Василия II против поднявшихся на него феодалов, М. В. Левченко подвергает тщательному разбору вопрос о дальнейшем ходе событий — о женитьбе Владимира на византийской княжне Анне и об усиленном насаждении им в Поднепровье христианства в качестве единой государственной религии. Автор расценивает это культурно-политическое мероприятие русского князя как акт большой государственной мудрости, чрезвычайно способствовавший укреплению единства молодого русского государства и росту его международного значения. В заключение М. В. Левченко предлагает несколько новых решений некоторых спорных вопросов, касающихся начальной организации русской церкви и ее первых руководителей.

Продолжая переоценку исследований старых русских византинистов, М. В. Левченко стремится по-новому разрешить также давнишний и сильно запутанный вопрос о „Записке греческого топарха“. Отказываясь следовать за большинством прежних исследователей этого памятника, относивших описываемые в нем события к Крыму, М. В. Левченко привлекает новые источники, с помощью которых обосновывает свою точку зрения: он полагает, что топарх действовал в Поднепровье в самом конце X в. во время войны Василия II с болгарским князем Самуилом, и что Киевская Русь при Владимире имела сношения с придунайскими странами, где существовало русское население.

Вопросу о взаимоотношениях Руси, Византии и Болгарии в X веке посвящены 6 статей одесского византиниста П. О. Карышковского, вошедшие в его кандидатскую диссертацию и посвященные одной теме — балканским войнам Киевского князя Святослава Игоревича 968—971 гг. Эти статьи следующие: „Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава“¹, „О хронологии русско-византийской войны при Святославе“², „Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе“³, „К истории балканских войн Святослава“⁴, „К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава“⁵ и „К истории балканских походов Руси при Святославе“⁶.

¹ ВИ, 1951, № 8, стр. 101—105.

² ВВ, 1952, т. V, стр. 127—138.

³ ВВ, 1953, т. VI, стр. 36—71.

⁴ ВВ, 1953, т. VII, стр. 224—243.

⁵ КСИС, 1952, 9, стр. 53—61.

⁶ КСИС, 1955, 14, стр. 26—30.

В перечисленных работах автор пытается установить хронологическую последовательность изучаемых событий путем тщательного сопоставления противоречивых показаний источников (русской начальной летописи, сочинений Льва Дьякона, Скилицы, Зонары, Иоанна Геометра, Яхьи Антиохийского и др.), стремясь примирить несогласные между собою мнения исследователей по этому вопросу.

К тому же периоду относится небольшая заметка К. В. Голенко „Подражания византийским монетам X—XI вв., найденные на Таманском полуострове“¹, на городище Фанагории, т. е. в центре русского Тмутараканского княжества.

Заканчиваем свой обзор литературы по русско-византийским отношениям статьей М. Н. Тихомирова „Византия и Московская Русь“², уже выходящей за пределы собственно византийской истории. В названной статье говорится о том, как существовавшие в XIV в. оживленные культурно-политические сношения Москвы с Константинополем постепенно ослабевали по мере угасания империи, как она сама надеялась на помощь русских против турок, и как после падения империи место греков в Москве в качестве учителей культуры и науки занимают южные славяне.

Выяснению отношений Византии с Таврикой, главным образом с Херсонесом Таврическим, в значительной степени помогают работы А. А. Якобсона, которым опубликованы следующие исследования: „О ранне-средневековых крепостных стенах Мангупа“³, „Херсонес и Киевская Русь в XI в.“⁴, „Средневековый Херсонес XII—XIV вв.“⁵, „Византия в истории ранне-средневековой Таврики“⁶. В этих работах автор ставит своей задачей всесторонне изучить на археологическом материале, дополненном письменными источниками, историю средневекового Херсонеса, связи с ним Византийской империи, характер господства империи в Таврике в различные исторические периоды, степень ее влияния на экономику и культуру Херсонеса и других ее владений и, наконец, выяснить политические взаимоотношения между византийскими императорами и русскими князьями в Северном Причерноморье во второй половине XI в. Той же тематике посвящена кандидатская диссертация Г. Д. Белова „Херсонес Таврический (тезисы)“⁷.

Отношения Византии с государствами южных славян, помимо указанной выше статьи З. В. Удальцовой, статей П. О. Карышковского и работ некоторых диссертантов, рассматриваются в статье Б. Т. Горянова „Византия и южные славяне“⁸; эти вопросы освещены также в большей или меньшей степени в работе Н. С. Державина „История Болгарии“ (т. I—II)⁹, в коллективном труде „История Болгарии“ (т. I, М., 1954; главы II—VI), в статьях: С. А. Никитина „Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства“¹⁰, Н. П. Градиан-

¹ ВВ, 1953, т. VII, стр. 269—275.

² ИЖ, 1945, № 1—2, стр. 9—13.

³ КСИИМК АН СССР, 1949, вып. 29, стр. 55—63.

⁴ Вестник ЛГУ, 1949, № 4, стр. 104—117.

⁵ М.—Л., 1950, 255 стр., 40 табл. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 17). Рец.: Е. Ч. Скржинская. — ВВ., 1953, т. VI, стр. 252—269. См. также: Археологические памятники Юго-Западного Крыма, М.—Л., 1953, 436 стр. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 34).

⁶ СА, 1954, XXI, стр. 148—163.

⁷ КСИИМК АН СССР, 1946, вып. 13, стр. 142—143.

⁸ Преподавание истории в школе, 1950, № 4, стр. 36—46.

⁹ М.—Л., 1945—1947.

¹⁰ Вестник МГУ, 1952, серия общественных наук, № 1, стр. 131—153.

стран. Такова теоретическая статья К. Н. Афанасьева „Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе“¹; статья историко-архитектурного содержания „Архитектура Константинополя IX—XII вв.“², написанная Н. И. Бруновым, обследовавшим девять важнейших построек этого периода; статья А. Н. Николаева „Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле“³, где особенностями политического режима Турции объясняется тот факт, что эти памятники до сего времени были очень мало изучены и даже не все учтены.

В статье Н. И. Брунова „Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры“⁴ доказывается, что строителями храма были не византийские, а русские мастера, которые пользовались в своей работе местными традициями зодчества, существовавшими еще в докиевский период.

Следя за зарубежной византиноведческой литературой, советские византилисты выступали с рядом критических статей против некоторых спорных взглядов буржуазных ученых, главным образом в области социально-экономических отношений в Византии. Одни из этих статей представляют собою тематические обзоры литературы, другие — разбор трудов отдельных авторов, третьи — критику серий журналов и сборников. Дан также ряд рецензий на отдельные исследования зарубежных ученых. Однако в задачу данного обзора рассмотрение этих работ не входит.

Е. Н. Елеонская и С. Н. Каптерев

E. DEMOUGEOT. DE L'UNITÉ À LA DIVISION DE L'EMPIRE ROMAIN. 395—410. ESSAI SUR LE GOUVERNEMENT IMPÉRIAL.

Paris, 1951, XVI + 618 p.

Начиная со времен Ш. Монтескье и Э. Гиббона, причины падения Римской империи привлекают к себе внимание историков. Нет почти ни одного крупного исследователя римской истории, который не останавливался бы в своих работах на этом действительно важном вопросе. Несмотря на ряд отдельных удач и достижений (главным образом в области накопления и уточнения фактического материала и разрешения ряда частных вопросов), проблема в целом не была разрешена удовлетворительно зарубежной историографией. Это относится и к новейшим исследованиям.

Нельзя вскрыть причины падения Римской империи, не выяснив предварительно тех коренных внутренних сдвигов в общественно-экономической жизни, которые привели к разделению империи. Разделение империи — это не просто формальный акт, хронологически предшествовавший гибели Римской империи, а результат длительного и сложного процесса, в котором отразились глубокие и непримиримые противоречия, раздиравшие империю и по-разному проявлявшиеся в ее восточной и западной частях. Следовательно, разрешение этого вопроса в значительной степени приближает нас к пониманию дальнейшего развития событий. Этим и объясняется то исключительное место, которое занимает указанная проблема в исторической литературе. В последнее время появился ряд новых работ на эту тему (С. Маццарино, Э. Фишер-Фал-

¹ ВВ, 1952, т. V, стр. 207—215.

² ВВ, 1949, т. II, стр. 150—214.

³ ВВ, 1953, т. VII, стр. 146—160.

⁴ ВВ, 1950, т. III, стр. 154—200.

кенгоф, Ж. Р. Паланк и др.). К их числу принадлежит и труд Э. Демужо, которому посвящена настоящая рецензия.

Работа Демужо является докторской диссертацией, защищенной автором в 1949 г. в Парижском университете, преподавателем которого она состоит.

В предисловии к своей книге автор выражает неудовлетворенность всеобщими историями С. Ленэн де Тиллемона, Э. Гиббона, О. Зеека, Э. Штейна, поскольку, по его мнению, они носят слишком ярко выраженный оценочный характер. Демужо считает также, что и сочинения, посвященные истории отдельных частей и провинций империи (Бьюри, Ло, Коллингвуд, Майрс, Альфельди), равно как и специальные исследования по экономической, административной, военной, культурной и церковной истории, страдают фрагментарностью и односторонностью.

Тем не менее сам автор отказывается от попыток разрешить какие-либо принципиальные вопросы и ограничивает свое исследование исключительно рассмотрением фактического материала в пределах строго установленных хронологических рамок, а именно — пятнадцатилетнего периода с 395 по 410 г.¹ „Две даты, которые следует считать важными по тому, что произошло до и после них, определяют границы этого отрезка времени. Они помогают систематическому исследованию определенных фактов, позволяя выдвигать объяснительные гипотезы также ограниченного характера, т. е. действительные только для времени, непосредственно близкого к рассмотренному кризису“ (стр. XI, разрядка наша. — И. Ф.).

Демужо не только остерегается делать далеко идущие выводы (а подобных выводов нельзя не делать, изучая переломную эпоху), но, ссылаясь на исключительную сложность и противоречивость событий, на обилие „необъяснимых“ и в то же время „определяющих“ случайностей, на недостаточность документальных данных, полагает нужным предупредить читателя об опасности „упрощений“ в объяснении этого критического периода, особенности которого не были осознаны современниками и, частично, не поддаются исследованию и в настоящее время (стр. XIV). Таким образом, автор ставит перед собой весьма узкие задачи чисто фактологического характера — „выяснения современного состояния наших знаний в этой области“ (стр. XII).

Правда, в отличие от своих предшественников (Рихтер, Фарг, Келлер, Маццарини, Фишер-Фалькенгоф), концентрировавших внимание на личности Стилихона, Демужо признает, что внутреннее единство, свойственное исследованиям, группирующим факты вокруг какой-нибудь исторической личности, часто „искусственно“; она обещает поэтому поставить в центре исследования вопрос о том, «как Восток отделился от Запада, и как Запад был „внезапно“ наводнен варварами» (стр. XI). Но отказ от попыток вскрыть подлинные причины закономерного разделения империи на деле привел к тому, что автор сосредоточил все свое внимание на собирании действительно огромной массы фактического материала, причем и Демужо рассматривает этот материал, исходя из поступков основных исторических деятелей изучаемого периода, в первую очередь — Стилихона.

Объемистая монография Демужо состоит из трех разделов (1. „Единство империи в 395 г.“, стр. 3—89; 2. „События и люди между 395 и 410 гг.“, стр. 91—489; 3. „Основные аспекты разделения империи

¹ На стр. 93 автор предпочитает 378-й год 395-му, как *tournant décisif*, но почему-то останавливается все же на последней дате.

ное уточнение, совершенно не вытекающее из проведенного им изложения событий, а именно: нашествие варваров было не причиной, а фактором, ускорившим раздвоение империи „в критический момент внутренней эволюции Римского мира“ (стр. 586). Но это правильное утверждение не устраняет недостатков книги, к разбору которых мы и переходим.

Как мы уже указывали выше, автор уделяет недостаточно внимания анализу состояния производительных сил, экономического положения пришедшей в упадок Римской империи. Отмеченные Ф. Энгельсом всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, городов, уменьшение населения, возврат земледелия к более низкому уровню, являвшиеся естественным следствием кризиса рабовладельческого хозяйства, усугубленного превращением государства в „гигантскую машину исключительно для высасывания соков из подданных“, не проявлялись во всех провинциях в одинаковой мере и форме. Уже Ф. Энгельс обратил внимание на уцелевшие остатки торговли в восточной части империи. Само собой разумеется, что различие в историческом развитии двух частей империи коренится в особенностях их экономического и социального положения. Демужо, считая своим долгом использовать археологический материал для уточнения плана какого-нибудь оборонительного сооружения в Бельгии или Британии, недостаточно привлекает многочисленные и ценные археологические данные, свидетельствующие об упадке городов¹, исчезновении крупных мастерских, рассеянии ремесла, распространении местных влияний в ремесленной технике, а также новые данные, относящиеся к многочисленным открытиям, сделанным в последнее время на Востоке (в Дуре-Европосе, Антиохии и др.).

Автор неоднократно повторяет, что Восток богаче Запада (стр. 41, 47, 50, 54, 88, 354, 381, 505, 507, 530 и др.), приводит ряд данных об экономическом превосходстве Востока и его тенденции к экономической автономии. В книге говорится о сельскохозяйственных богатствах Ионии, Вифинии, Сирии, Египта, о золотых рудниках Фракии, мраморных карьерах Малой Азии, о стеклодувах и гончарах Финикии и Александрии, о ткачах Ионии, Карики, Сирии и Александрии, перерабатывавших шерсть, коноплю и лен (в особенности в Киликии и Тарсе), о производстве шелка, о лучшем положении восточных ремесленников в сравнении с западными², о торговле и торговых путях; автор останавливается на появлении новых³ и росте старых городов, связанных с Константинополем (в Каппадокии, Ликаонии), пишет о лучшем состоянии монетного дела на Востоке, указывает на роскошь, которую можно было наблюдать, например, в Египте, где ткали портреты на одеждах, где было распространено ношение льняного белья, употребление зеркал и т. д.

Но все эти сведения даны несколько схематично. К тому же автор переоценивает благосостояние и западных провинций к началу изучаемого периода (стр. 50—51, 57), чем и объясняется то, что он не считает безрассудным проект Стилихона (стр. 416), стремившегося к объединению двух частей империи. Между тем — Демужо сама утверждает это (стр. 363) — такое объединение должно было принять форму condominiuma, в котором Запад занимал бы первое место. Ясно, что господствующий класс более сильного в экономическом отношении Востока никогда бы не согласился добровольно на принятие подобного проекта.

¹ На стр. 42 автор дает сведения о сокращении периметра некоторых городов.

² Стр. 543—544: на Востоке *collegiati* не были поработены, как на Западе, между 395 и 409 гг. не было ни одного репрессивного закона против них (прим. 166).

³ Многочисленные Аркадиополи и Евдоксии — стр. 531—532, прим. 69—72.

Суммарно трактует автор вопросы, относящиеся к социальной характеристике империи, всегда интересовавшие и продолжающие привлекать внимание советских историков.

Демужо рассматривает государство как надклассовое, преследующее собственные цели и задачи учреждение, от силы и степени организации которого зависит во многом развитие исторического процесса¹. Неоднократно подчеркивая превосходство государственного аппарата восточной части империи, Демужо не только не устанавливает социально-экономические причины этого отличия, но вообще не определяет социальную опору правительств², считая, что государство заставляло все сословия стать *patriae servientes*. Трудно согласиться с утверждением автора (стр. 36), что сенаторы *clarissimi* были простыми служителями государства, воплощенного в лице императора, что государство их поработило (стр. 46). Не говоря уже о целом ряде указанных автором привилегий и реальных материальных благ, предоставлявшихся *clarissimis*, само законодательство выделяло их и ставило в особое положение: *nam ipsi pars corporis nostri sunt* (Cod. Just., IX, 8,5).

В книге нет попытки анализа процесса разложения рабовладельческого строя и вызревания новых производственных отношений, нет и прямого упоминания о роли рабства и рабов в социально-экономической жизни римского общества этого периода, если не считать сделанного мимоходом замечания, со ссылкой на Валлона, о сокращении рабочей рабочей силы (стр. 46).

Между тем разбросанные по книге упоминания о продолжавшемся обращении свободных в рабство, о мобилизации рабов в армию, о продолжавшейся торговле рабами, приведенное автором известное сообщение Синезия о широком распространении в восточных домах рабов-готов должны были обратить на себя особое внимание исследовательницы.

Известно, что большее распространение рабовладения на Западе по сравнению с Востоком, где в течение всего античного периода значительную роль в производстве играл труд свободных производителей (общинников, арендаторов-издольщиков, ремесленников), объясняет, почему на Востоке кризис рабовладельческого строя не достиг такой остроты, как на Западе³.

Значительно больше внимания уделил автор другим категориям непосредственных производителей, в частности крестьянству. Но и здесь он обошел молчанием положение свободных крестьян и совершенно не коснулся общины, существование и значение которой в восточной части империи показаны в работах советских историков.

В сложном и до сих пор не разрешенном вопросе о колонате Демужо придерживается теории Ш. Соманя⁴, хотя его схема не встретила единодушного одобрения даже в буржуазной исторической литературе⁵. Прикрепление колоннов к земле императорским законодательством объясняется ею фискальными соображениями и учением об *origo*. Демужо счи-

¹ На стр. 425 автор, говоря о Гонории, утверждает даже, что все зависело от приговора императора, даже если он сам не совсем ясно понимал, чего он хочет.

² Отдельные замечания о выгоды того или иного мероприятия крупным землевладельцам носят случайный характер (стр. 34, 36, 193 и др.).

³ См. Е. М. Штаерман. Проблемы падения рабовладельческого строя. ВДИ, 1953, № 2, стр. 74—76.

⁴ Ch. Saumagne. Du rôle de l'origo et du census dans la formation du colonat romain. Byz., XII, 1937.

⁵ См. F. L. Ganshof. Le statut personnel du colon au Bas-Empire. Observations en marge d'une théorie nouvelle. L'Antiquité classique, XIV, 2 (1945).

тает, что колонат развился в первую очередь на императорских землях (стр. 46), причем, по ее мнению, даже известная конституция Константина (Cod. Theod., V, 17, 1), в которой речь идет вообще о беглых колонах, относится только к императорским доменам. Утверждение, что в 395 г. положение колона еще недостаточно ясно, несостоятельно. Вообще, автор склонен поздно датировать возникновение колоната, отказываясь от возможности проследить его глубокие экономические корни.

Coloni liberi сохранились не только до времени Анастасия (стр. 547, прим. 190 со ссылкой на Cod. Just., XI, 48, 19), но существовали и во время Юстиниана, который и дал в CLXII новелле наиболее полное определение отличия между coloni liberi и adscripticii, вернее ἐλευθεροί и ἐντοκοῦραφοι¹.

Влияние, которое оказывали на развитие колоната сохранившие определенную силу рабовладельческие порядки, отличие и прогрессивность колоната по сравнению с рабством, его значение как переходной ступени к более прогрессивной форме эксплуатации непосредственного производителя — все эти вопросы не интересуют автора, а особенности колоната в отдельных частях империи² трактуются чрезвычайно сжато, без привлечения имеющегося в распоряжении исследователей обильного материала (в частности, для Египта). Проблема соотношения рабского труда и труда колонов не поставлена; автор не дает характеристики крупного хозяйства, не указывает общеизвестного факта экономической замкнутости имения на Западе и его тесных связей с рынком на Востоке.

При рассмотрении вопроса о колонате Демужо коснулась патроциния. При этом, рисуя развитие патроциния на Западе на основе довольно широкого использования красочных данных Сальвиана, Демужо противопоставляет западным восточные провинции, где, по ее мнению, правительство успешно боролось с этим явлением, а сам патроциний отличался тем, что представлял собой контракт, имеющий отношение не к земле, а к лицам (стр. 49): лица, отдавшиеся на Востоке под патроциний, получали фактическую защиту от своего покровителя за определенную плату, не теряя своей земли и свободы.

Нужно, однако, сказать, что борьба константинопольского правительства не была столь прямолинейной и победоносной, как это представляет себе автор. Стремясь сохранить мелкое землевладение и защищая свои фискальные интересы, правительство, выражавшее интересы крупных землевладельцев, было вынуждено идти на фактические уступки им. Cod. Theod., XIV, 24, 6 от 415 г. — по существу настоящая конституция правительства, поскольку признаются все патроцинии до 397 г. и косвенно последующие. О том, что борьба не закончилась победой правительства, говорит тот факт, что законы, направленные против патроциния, издавались позднее вплоть до Юстиниана и Тиверия (Cod. Just., X, 19, 8; Cod. Just., XI, 54, 1; Cod. Just., XI, 56, 1; Nov. Just., XVII, 13 и 15).

Фактически и на Востоке, как и на Западе, патроциний сопровождался переходом земли в собственность покровителя. Об этом говорит и законодательство (Cod. Theod., XI, 24, 2 и Cod. Theod., XI, 24, 6), и

¹ См. перевод и комментарий у М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. ВС, М.—Л., 1945, стр. 23.

² Этот вопрос обстоятельно разбирается в рецензии Е. М. Штаерман на книгу М. Palasse. Orient et Occident. A propos du colonat romain au Bas-Empire. ВВ. т. VII, М. 1953.

рост крупного землевладения в Египте в V—VI вв.¹, так что здесь мы имеем дело скорее с разницей в масштабах и темпах процесса, вызванного специфическими условиями Востока.

Почти исключительно по данным законодательных источников, правда, обильно привлеченных, характеризуется положение куриалов. Справедливо отмечая их все более ухудшавшееся положение (стр. 41, прим. 50), в особенности на Западе (стр. 163, 184, 192, 540), Демужо не пытается объяснить это явление, не видит тесной и глубокой связи между упадком экономического и политического значения куриалов и кризисом рабовладельческой системы. Автор считает, что ухудшение положения куриалов является лишь одним из своеобразных аспектов клонящегося к упадку единства империи (стр. 40), поскольку, по его мнению, сенаторская знать и „средний класс“ являлись наиболее подлинными (*authentiques*) римскими социальными силами (стр. 219). Демужо не замечает, что куриалы представляли собой далеко не однородную массу — и не только в различных частях империи², но и в пределах одной и той же местности, поскольку к концу империи в курии происходит значительное расслоение. Состоятельная верхушка (*honorati*), переложившая всю тяжесть повинностей на рядовых куриалов, примыкает по своему имущественному положению и социальному весу к привилегированной категории сенаторов³. Это особенно заметно на Востоке, где товарное хозяйство и городской строй оказались устойчивее.

Куриалы упоминаются среди могущественных лиц, к патронату которых прибегали желающие (*Cod. Theod.*, XI, 24,4 — *ex ordine curiali*). Положение Синезия⁴, экономическое благосостояние и политическое значение верхушки куриалов в Антиохии являются яркой иллюстрацией этого. Куриалы Антиохии пользовались особым расположением правительства.

В книге Демужо нет анализа той острой классовой борьбы, которая раздирала разлагавшееся римское рабовладельческое общество. В крушении рабовладельческого способа производства трудящиеся массы выступали не пассивным зрителем, а являлись активной революционной силой, борьба которой имела решающее значение. Отсутствие в рецензируемом исследовании анализа этой борьбы настолько бросается в глаза, что даже отдельные буржуазные критики заметили, что автор больше говорит о трудности взимать налоги, чем о бедствиях народных масс⁵.

Это, однако, не означает, что автор обошел молчанием факты участия рабов и колонов в борьбе против империи и против угнетателей. Внимательный читатель найдет в разных местах книги, большей

¹ Поэтому трудно согласиться с мнением А. П. Каждана („О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи“. ВДИ, 1953, № 3, стр. 103) о том, что патронат не наносил удара по свободному крестьянству; то, что в результате патроната слабело муниципальное землевладение, не вызывает сомнения.

² На стр. 541 автор указывает на более мягкое отношение к куриалам восточного правительства, за время с 395 до 409 г. издавшего лишь один закон против них, а с 409 г. значительно облегчившего их положение, в то время как на Западе, за исключением времени Стилихона, констатируется обильное репрессивное законодательство, от которого начали отказываться лишь с 410 г. (стр. 541, прим. 140—142).

³ А. Р. Корсунский. *Honestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи. ВДИ, 1950, № 1, стр. 89.

⁴ С. Н. Coster. *Synesius, a Curialis of the Time of the Empereur Arcadius*. Byz., XV, 1941.

⁵ Рецензия G. Downey, *Speculum*, XXVI, 1951, № 4: рецензент имеет в виду, вероятно, стр. 505—507, прим. 60—79, где все эти данные сконцентрированы.

частью в примечаниях, значительное число данных, свидетельствующих об исключительной остроте и широком размахе классовой борьбы на протяжении всей истории Римской империи. Так, автор говорит о частых случаях бегства рабов¹, дезертирстве из армии², о недоверии римлян к своей армии (главным образом к варварским частям)³, об исключительном распространении „бандитизма“, своеобразной формы классовой борьбы, заключавшейся не в разобщенных действиях отдельных *latrones*, а в создании настоящих объединений⁴, о помощи, оказанной рабами и колоннами варварам, и о переходе угнетенных на их сторону (стр. 44; стр. 225, прим. 551; стр. 470, прим. 154; стр. 437, прим. 438; стр. 393 и 547, прим. 186; стр. 468; стр. 593, прим. 122; стр. 546, прим. 184, 185 и т. д.). Еще больше материала о классовой борьбе мы найдем на страницах, посвященных донатистам и агонистикам, о чем скажем ниже. Но весь этот материал не связан направляющей мыслью. Демужо не придает значения революционному движению угнетенных, свергнувших совместно с варварами господство римских рабовладельцев и открывших тем самым широкие возможности для развития производительных сил в рамках более передовых производственных отношений. Не видит исследовательница и роли, которую сыграли сокрушительные удары варварских вторжений, нанесших непоправимый урон крупным римским рабовладельцам, разорение которых автор частично признает (стр. 538)⁵.

Существенное место в исследовании Демужо занимает изучение религиозных проблем.

При этом отдельные вопросы трактуются автором в реалистическом духе. Демужо дает неприкрашенную характеристику Феофилу и его фанатичным монахам (стр. 307—309); в отличие от ряда буржуазных ученых, преуменьшавших последствия разорения Рима Аларихом⁶, Демужо разоблачает несостоятельные и тенденциозные попытки христианских писателей обелить вестготов-христиан (стр. 471—477). Однако в целом автор переоценивает значение религиозного фактора: он стремится установить различие между Востоком и Западом с точки зрения соотношения между язычниками и христианами и отношений между государством, олицетворенным императором, и церковью.

Отмечая, что на Западе язычество сохранило значительно более сильные позиции, чем на Востоке, Демужо концентрирует все внимание на анализе борьбы между языческой и христианской верхушками, несомненно преувеличивая этот, сравнительно несущественный, антагонизм. Слабое распространение христианства среди крестьян, в особенности в дальних районах Галлии, Дуная и т. д., хотя и отмечается (стр. 79—80), но объясняется только недостаточной романизацией.

Другим интересующим Демужо вопросом является вопрос о взаимоотношении между императорской властью и церковью⁷, об отличии в церковной политике (по отношению к язычникам, еретикам и духо-

¹ Стр. 547, прим. 188.

² Стр. 511, прим. 107.

³ Стр. 276, прим. 251.

⁴ Стр. 215, прим. 398; стр. 465, прим. 131; стр. 526, прим. 36; стр. 530, прим. 55; стр. 541, прим. 140; стр. 547, прим. 187.

⁵ Характерно замечание автора, что „социальный переворот, вызванный варварами, менее заметен, чем дезорганизация политической и экономической жизни“ (стр. 538).

⁶ См. об этих историках Н. И. Голубцова. Италия в начале V века и вторжение Алариха в Рим. ВДИ, 1949, № 4, стр. 71.

⁷ Этот вопрос привлекает многих буржуазных исследователей. Из работ последнего времени см.: W. Ensslin. Die Religionspolitik des Kaisers Theodosius der Grosse (SBAW, Phil. hist. Kl. 1953, H. 2). München, 1953.

венству), проводимой на Западе и Востоке. При этом автор постоянно подчеркивает особенности Востока — мистицизм, отсутствие языческой оппозиции, зависимость церкви от государства, диктующего свою волю в религиозных вопросах, более ярко выраженная аскетическая тенденция, доходившая до отказа от имущества и не встретившая сочувствия большинства верующих и духовенства на Западе (стр. 72—73).

Демужо никогда не вскрывает демагогического характера „христианского эгалитаризма“. Уделяя большое внимание страстным проповедям Иоанна Златоуста против роскоши и богатства, обеспечившим ему горячую симпатию и привязанность беднейших слоев¹, приводя даже его высказывание о том, что в основе крупных состояний лежат кража и преступление (стр. 299, прим. 379), она считает их искренним выражением его аскетических стремлений. Автор не замечает классовой направленности этих проповедей, преследовавших цель отвлечь массы от борьбы за материальные блага²: в произведениях этого „отца церкви“ „нет ни одного слова, которое могло бы позволить бедному считать, что он имеет право на малейшее притязание к богатому“³.

Вообще конфликт между Иоанном и правительством рассматривается хотя и очень подробно, но исключительно с точки зрения его последствий для отношений между Западом и Востоком. Много и часто говоря об агонистиках, которых автор упорно называет циркумцеллионами, он зачастую прибавляет эпитет „банды“, „бандиты“⁴ и подчеркивает их „жестокости“, некритически следуя источникам, глубоко враждебным этому революционному движению народных масс. Хотя в книге и приведены некоторые факты, помогающие нам выяснить классовую опору агонистиков и католиков, автор не интересуется этой стороной вопроса, не стремится выяснить причины, вызвавшие столь упорную и длительную борьбу, и ограничивается признанием несостоятельной теории Соманя⁵.

Книга снабжена огромным количеством примечаний (свыше 3200), причем большинство из них содержит не только ссылки на источники и литературу, но и развернутую критику этих источников и подробный анализ литературы. Некоторые из них чересчур громоздки и иногда даже просто излишни, поскольку приводимые материалы не имеют отношения к теме. Серьезным недостатком аппарата является большое количество вкрапленных неточностей, что было отмечено многими рецензентами⁶.

Ощущается отсутствие карт в книге, поскольку автор уделяет большое внимание вопросам топографии.

Монография Э. Демужо является крупным исследованием, основанным на тщательном разборе огромной массы разнообразнейших источ-

¹ Среди иоаннитов были и рабы. Ю. Кулаковский. История Византии, т. 1, стр. 194. Классовый состав иоаннитов Демужо не интересует, хотя конфликту Иоанна с императором посвящено около 40 стр.

² Сама Демужо дважды (стр. 60, прим. 206 и стр. 77, прим. 125) приводит характерный в этом отношении упрек Иоанна Златоуста крупным землевладельцам, строившим для своих крестьян бани вместо церквей (In act. apost. PG, t. 60, col. 147—148).

³ Aimé Puech. Saint Chrysostome et les mœurs de son temps, p. 1, цит. по кн.: Ш. Эншлен. Происхождение религии, М., 1954, стр. 212.

⁴ Что это за бандиты, которые предпочитали кончать жизнь коллективным самоубийством (стр. 73, прим. 93)?

⁵ Ch. Saumagne. Ouvriers agricoles ou rôdeurs de celliers? Les circoncellions. Annales d'Histoire écon. et soc., 1934. Критический разбор см. у Н. А. Машкина I „Агонистики и циркумцеллионы в кодексе Феодосия“. ВДИ, 1938, № 1(2) и „К вопросу о роли движения рабов и колоннов в Римской империи“. ВДИ, 1949, № 4].

⁶ Classical Philology, XLIX, p. 57—59 и др.

ников и привлечении исторической литературы, относящейся к теме. Эрудиция и несомненная компетенция автора позволили ему с большой обстоятельностью выяснить фактическую историю пятнадцатилетнего периода, избранного в качестве объекта исследования. Автор уточнил ряд спорных вопросов: датировку источников, событий, передвижений народов, локализацию событий, а также отдельные моменты фискальной и военно-административной истории империи. Попутно в книге приведен также и значительный материал, относящийся к положению и борьбе народных масс. Поскольку, однако, автор не поставил в центре своего исследования проблему социально-экономических причин разделения, а выдвинул на первый план лишь вопрос о том, как разделилась империя, и уделил все внимание „событиям и людям“, он не смог нарисовать правильную картину и дать научное объяснение специфики этого важнейшего периода.

И. Ф. Фихман

E. A. THOMPSON. THE HISTORICAL WORK OF AMMIANUS MARCELLINUS

Cambridge, 1947, 141 p.

Книга английского прогрессивного исследователя Э. А. Томпсона „Исторический труд Аммиана Марцеллина“ представляет собой значительное во многих отношениях явление. Она может заинтересовать советского историка как методологией автора, который стремится стать на марксистские позиции, так и свежестью выводов относительно большого числа частных вопросов истории IV в., получивших, казалось бы, давно уже окончательное разрешение. Как показывает приводимый ниже план книги, интерес автора сосредоточен вокруг двух кардинальнейших для всякого историографического исследования проблем — на характере использования источников и общей концепции излагаемых событий. Первой посвящена частично гл. 1. „Биография“ (стр. 1—20) и гл. 2. „Источники“ (стр. 20—42), а второй — гл. 3—6 (стр. 42—108), где автор рассматривает события, группируя их вокруг виднейших исторических фигур того времени — Урсицина, Цезаря Галла, Юлиана, Феодосия (отца императора Феодосия I), Максимиана и, частично, гл. 7 — „Композиция последних шести книг Истории“ (стр. 108—121). Работа завершается обобщающей гл. 8 — „Аммиан как историк“ (стр. 121—134) и двумя приложениями: „Зосима и персидский поход Юлиана“ (стр. 134—138) и „Хронологические замечания к „Истории“ Аммиана, XXVIII, 1“ (стр. 138—141).

Выводы сравнительно небольшой по объему книги Томпсона подрывают многие распространенные точки зрения, прежде всего — уверенность в первенствующей роли письменных источников в работе любого позднеантичного и в особенности средневекового автора и в некритическом их использовании.

Зарубежная историография в лице подавляющего большинства своих представителей до сих пор по традиции сводит все противоречия и своеобразие оценок, встречающиеся в том или ином источнике, к неумелому списыванию их автором своих предшественников. Таким образом, писатели поздней античности и средневековья почти без исключений признаются компиляторами, неспособными критически отнестись к используемым ими письменным свидетельствам. В представлении мно-

гочисленных сторонников указанной точки зрения они напоминают дурных учеников, склонных, списывая с чужих тетрадей, объединять подчас противоречивые решения задачи.

Второе традиционное заблуждение, опровергаемое Томпсоном, — это представление о беспристрастности Аммиана. Исследователь умело разграничивает добросовестность Аммиана, с одной стороны, обусловленность его взглядов классовой принадлежностью и политической ориентацией — с другой, показывая, что концепция событий у Аммиана тенденциозна и определяется главным образом классовой идеологией автора; в иных случаях к этому основному фактору присоединяется также стремление приспособиться к условиям господствующего режима в целях сохранения личной безопасности и, наконец (очень ограничено), — влияние дружеских связей. Однако, стремясь правильно подойти к наследию Аммиана Марцеллина, т. е. объяснить его отношение к описываемым событиям, исходя из классовой природы его воззрений и, — в связи с ней — политической ориентации, Томпсон несколько упрощенно решает свою задачу. Он считает возможным рассматривать только политический аспект труда Аммиана, оставляя без внимания другие стороны его мировоззрения. Между тем только освещение с материалистических позиций всех сторон идеологии писателя, представляющей собой органическое целое, позволило бы исследователю нарисовать полную и точную картину отношения Аммиана к изображаемой им действительности. В этой связи нельзя не упомянуть об оговорке Томпсона во введении (стр. XI), где автор предупреждает, что будет рассматривать Аммиана только как историка, ибо его мировоззрение уже много раз служило объектом исследования.

Но, несмотря на этот и некоторые другие недочеты книги, Томпсону удастся по-новому подойти к центральным проблемам, связанным с „Историей“, и внести существенные уточнения в наши представления об отдельных фактах политической жизни IV в., тенденциозно освещенных Аммианом. В плане того нового, что вносит работа Томпсона, большой интерес представляет глава об источниках, убедительно доказывающая, что Аммиан в дошедшей до нас части своего труда основывался преимущественно на аутопсии и свидетельствах очевидцев и лишь в очень ограниченной степени опирался на письменные источники. Между тем предшественники Томпсона (O. Seeck, K. Borries и др.) считали его „Историю“ неискusной компиляцией других авторов, отказывая историку в самой умеренной дозе здравого смысла и способности заметить и преодолеть противоречия своих источников. Так, например, считалось, что он положительно отзывался о Констанции, черпая из источника А, и высказывался о нем критически, пользуясь источником В (Borries), что симпатия к христианству, иногда проскальзывающая в его книге, — результат следования какому-нибудь христианскому автору (Seeck), точно Аммиан Марцеллин не был в состоянии иметь собственную точку зрения при оценке личности своего императора или в религиозных вопросах. С большим остроумием Томпсон опровергает теорию контаминации письменных источников. Его полемика с другими учеными не только плодотворна в данном, частном случае (поскольку автор объясняет метод Аммиана), но интересна и в теоретическом плане. Представление о работе даже выдающихся историков поздней античности и средневековья как о малосознательном акте, состоящем преимущественно в механическом склеивании материала разнохарактерных по своей ориентации источников, в большинстве случаев органически не переработанных, — одна из разновидностей формалисти-

ческой теории заимствования, отрицательно сказавшейся на освещении деятельности ряда античных и средневековых писателей. Невозможно, конечно, отрицать сравнительно большой роли подобного метода написания истории в эпохи, когда отношение к традиции было чрезвычайно трепетным и когда вместе с тем не ощущалось свойственной нашему времени потребности осознавать степень своей зависимости от использованного материала, отграничивая свое от чужого. Но, на наш взгляд, не представляется возможным, исходя исключительно из этого, объяснять все особенности структуры текста и идеологической ориентации того или иного автора. Слабым пунктом сторонников теории контаминации, — это в полной мере относится к исследователям Аммиана Марцеллина, с которыми полемизирует Томпсон, — является их стремление хотя бы умозрительно реконструировать отсутствующий письменный источник, будто бы послуживший „образцом“. Так, в качестве источников Аммиана появляются восстановленные по догадке записки какого-то участника персидского похода Юлиана (хотя Аммиан сам сопровождал императора и не имел как будто надобности в этой части своей книги опираться на чужие свидетельства) и некий источник анналистического типа.

Пересмотр вопроса об источниках Аммиана, блестяще осуществленный Томпсоном, приводит его к ряду важных выводов. Прежде всего восстанавливается подлинный облик одного из самых крупных историков древности, недооцененного современной наукой и низведенного на роль компилятора, оказывающегося не в состоянии совладать с противоречиями своих источников. В книге Томпсона убедительно опровергается мнение о существовании не дошедшего до нас и не упоминаемого современниками источника высокой достоверности, которым якобы пользовался Аммиан в разделе своего труда, посвященном персидскому походу Юлиана, — для „создания“ такого источника виднейшие зарубежные ученые употребили немало остроумия и эрудиции.

От проблемы источников исследователь переходит к анализу вопроса о тенденциозности Аммиана в освещении политических событий, сосредоточивая внимание, как выше указывалось, на центральных фигурах политической жизни того времени. И здесь Томпсон подходит к фактам с присущей ему ясностью мысли и во всеоружии доказательств, затрагивая многие важные вопросы политической истории, не раз служившие предметом дискуссии. Считая, что принадлежность Аммиана к прослойке куриалов, в первую очередь, и некоторые личные моменты, во вторую, определили его отношение к тем или иным явлениям общественной жизни или отдельным личностям, автор разрушает прочно укоренившееся в науке представление о беспристрастности суждений историка.

Исследователь начинает с доказательств того, как неосторожно воспринимать без коррективов (а это делали почти все историки) идеализированный образ Урсицина, представленного в „Истории“ жертвой дворцовых интриг и недоброжелательства императора Констанция. В этом случае критическая проверка свидетельств Аммиана приводит Томпсона к выводу о том, что личные симпатии автора к Урсидину, под начальством которого он прослужил семь лет, и ориентация на его суждения послужили причиной значительной идеализации его облика. Цезарь Галл, напротив того, изображается Аммианом резко отрицательно; дается неправильная и пристрастная картина его краткого правления в Антиохии. Причины антипатии Аммиана к Галлу предопределены главным образом враждебной политикой Галла по отношению

к земельным собственникам, интересами которых Аммиан как куриал был проникнут, и в некоторой степени обусловлены также необъективностью лиц, его информировавших. Это сказалось на следующих особенностях повествования: умалчивается о вине казенных Цезарем Галлом лиц, о популярности Галла в некоторых общественных кругах, о его полководческом даровании, об иудейском восстании, о подавлении заговора Магнентия и т. д. Даже герой Аммиана Юлиан подвергался, благодаря куриальской ориентации историка, тенденциозной критике; его политика по отношению к среднему классу часто не удовлетворяла Аммиана: это обусловило появление ряда глубоко необъективных картин деятельности императора, нарисованных в „Истории“. Некоторые черты личного поведения Юлиана (его „несолидность“ и демократизм в обращении с людьми) также не встречали сочувствия Аммиана, пропитанного „положительностью“, свойственной мировоззрению среднего класса, поклонника идеализированной римской *gravitas*; не устраивал его и несколько демонстративный характер проявления религиозных чувств императора. В трактовке некоторых сторон религиозной политики Юлиана (осуждение его закона, запрещающего чтение языческих писателей в христианских школах) сыграло роль также и то, что Аммиану в работе над этой частью своего труда приходилось считаться с христианской ориентацией императора Феодосия I, ибо эта часть „Истории“ писалась после смерти Юлиана.

Такой же политической мимикрией Томпсон объясняет искажение событий, связанных с личностью Феодосия, отца императора Феодосия I, и с Максимином, виновником казни первого. Томпсон вскрывает многочисленные нарушения исторической правды, к чему вынуждала Аммиана суровая цензурная политика императора Феодосия I, направленные к прославлению дома императора и посрамлению его врагов. Таким заданием объясняется нежелание Аммиана сообщить о причинах казни Феодосия, неумеренное превознесение его военных дарований и не менее тенденциозно, но только в мрачных красках нарисованный портрет Максимиана (освещение его деятельности в области внешней политики и на процессах 371—372 гг.), одним словом, — сервализм последних книг „Истории“ всюду, где дело идет об императоре Феодосии и его семье.

Новое толкование ряда фактов, связанных с жизнью и политической деятельностью этих лиц и детально проанализированных Томпсоном, дало возможность исследователям политической и экономической истории IV в. оперировать тщательно проверенным историческим материалом, в значительной мере освобожденным от тенденциозной трактовки.

Мы остановились на главнейших вопросах, затронутых в монографии Томпсона. Остается только сказать об общей оценке труда Аммиана. Томпсон справедливо отмечает надежность сведений этого крупнейшего историка своего времени, в особенности в части, касающейся событий, связанных с деятельностью Констанция, Юлиана, Иовиана, Валентиниана и Валента, и оценивает его в этом смысле значительно выше других историков императорской эпохи, дававших гораздо более искаженную картину своего времени. Широта, с какой Аммиан охватывает действительность, позволяет ему не замыкаться в рамки дворцовых и столичных событий, а интересоваться жизнью империи во всех ее многообразных проявлениях, повсеместно, от Галлии до Сирии. Наконец, исследователь говорит о высокой степени художественного совершенства „Истории“ Аммиана с ее блестящими характеристиками людей и мастерски исполненными картинами событий.

Нельзя, однако, согласиться с утверждением Томпсона о том, что Аммиан отдавал себе достаточно ясный отчет в причинах, определяющих положение вещей, создавшееся в империи, считая, что его обуславливают два фактора: сосредоточение богатств в руках сенаторов-землевладельцев и отсутствие необходимого единства богатых и бедных. Эти причины, якобы установленные Аммианом, добыты исследователем в результате весьма искусственного сопоставления и толкования отдельных зарисовок Аммиана (характеристика Проба) и даже фраз (утверждение, что во времена Марка Аврелия империя выстояла только вследствие сотрудничества всех классов общества) и поэтому не представляются нам убедительными. Во всяком случае нигде на протяжении своего большого труда Аммиан не раскрывает свое понимание причин, определяющих изображаемую им историческую обстановку, что отнюдь не умаляет заслуг этого замечательного историка и того значения, которое его труд имеет для уяснения одной из интереснейших переломных эпох истории.

С. В. Полякова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В IX Т. ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕННОКА

- AASS — Acta Sanctorum Bollandiana
- BGA — Bibliotheca geographorum Arabicorum
- ВВ — Византийский Временник
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ВС — Византийский сборник, М.—Л., 1945
- Byz — Byzantion
- BZ — Byzantinische Zeitschrift
- Dig — Digesta. Corpus Juris Civilis, recog. P. Krueger et Th. Mommsen
- EAth — Edictum Athalarici. Cassiodori Variae
- ETh — Edictum Theodorici regis, ed. F. Bluhme, MGH, Legum sectio I, vol. V
- ЗИВ — Записки Института востоковедения
- ИЖ — Исторический журнал
- ИИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
- JHS — Journal of Hellenic Studies
- КСИБ — Краткие сообщения Института востоковедения
- КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
- MGH — Monumenta Germaniae Historica
- МКНЕ — Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά
- Nov. Just — Novellae Justiniani
- ПСРА — Полное собрание русских летописей
- P. Cairo Maspero — J. Maspero. Papyrus grecs de l'époque byzantine
- PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
- P. Giess. — O. Eger, E. Kornemann und P. M. Meyer. Griechische Papyri im Museum des oberhessischen Geschichtsverein zu Giessen. Lpz., 1910—1912
- P. Oxy. — B. P. Grenfell and A. S. Hunt. The Oxyrhynchus Papyri
- P. Ross. — G. Zereteli. Papyri russischer und georgischer Sammlungen
- PL. — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina
- RE — Pauly — Wissowa. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von W. Kroll
- СА — Советская археология
- СВ — Советское востоковедение
- СС — Славянский сборник
- СЭ — Советская этнография
- Cassiod. Variae — Cassiodori Senatoris Variae, MGH, Auct. ant., vol. XII
- Cod. Just. — Codex Justinianus
- Cod. Theod. — Codex Theodosianus
- SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТОГО ТОМА

Статьи и исследования

	Стр.
М. В. Левченко. (Ленинград) Пентаполь по письмам Синезия	3
А. Р. Корсунский. (Москва) О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв.	45
Э. В. Удальцова. (Москва) Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в.	78
М. Е. Сергеевко. (Ленинград) Итальянский плуг	117
И. П. Петрушевский. (Ленинград) Полевые и огородные культуры в Иране в XIII—XV вв.	128
П. В. Ернштедт. (Ленинград) Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе	154
Е. Э. Гранстрем. (Ленинград) Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X—XI вв.	159
Н. А. Мещерский. (Петрозаводск) Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии	170
А. В. Банк. (Ленинград) Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных.	186
В. Н. Лазарев. (Москва) Этюды о Феофане Греке. III.	193
В. С. Шандровская. (Ленинград) Византийская басня „Рассказ о четвероногих“ (XIV в.)	211

Критика и библиография

М. Я. Сюзюмов. (Свердловск) Рецензия на книгу М. В. Левченко. «Агафий „О царствовании Юстиниана“». М. — Л., 1953.	250
Т. А. Измайлова. (Ленинград) Рецензия на книгу Л. А. Дурново „Древнеармянская миниатюра“, 1952 г.	255
В. И. Левицкая. (Киев) По поводу главы VIII книги А. В. Виннера „Материалы и техника мозаичной живописи“. М., 1953.	259
Е. Н. Елеонская и С. Н. Каптерев. (Москва) Обзор советской литературы по византиноведению за 1945—1954 гг.	264
И. Ф. Фихман. (Ленинград) Рецензия на книгу E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire romain (395—410). Essai sur le gouvernement impérial. Paris, 1951, XVI + 618.	286
С. В. Полякова. (Ленинград) Рецензия на книгу E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus, Cambridge, 1947. 141 p. . . .	296

Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства А. П. Каждан
Технический редактор Е. В. Макуни
Корректор В. Б. Несвижский

*

РИСО АН СССР № 26-58В. Сдано в набор 12/XI
1955 г. Подп. к печати 30/I 1956 г. Формат
бум. $70 \times 108/16$. Печ. л. $19 = 26,03 + 16$ вкл.
Уч.-изд. лист. $26 + 2,3$ (16 вкл.) $= 28,3$. Тираж 2000.
Т-01619. Изд. № 1355. Тип. зак. 337.

Цена 16 р. 40 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., д. 21.

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград,
В. О., 9 линия, д. 12.

Ο Π Ε Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
26	10 св.	Азарий	Азаир
59	13 сн.	χομῆται	χομῆται
65	16 сн.	αυτῶν	αυτῶν
76	4 сн.	ἅπασι	ἅπασι
"	5 сн.	ὑπὲρ	ὑπὲρ
"	"	αυτῷ	αυτῷ
103	6 сн.	sarvari	servari
154	3 сн.	εὐξῆ	εὐξῆ
155	20 св.	πασχικός	πασχικός
157	21 св.	εις	εις
161	11 сн.	αυτὰ	αυτὰ
"	"	τουτο	τουτο
"	"	αυτῷ	αυτῷ
180	6 сн.	ὄρμημα	ὄρμημα
193	12 сн.	1955	1956
218	3 сн.	ὀλην	ὀλην
221	23 сн.	ὀλης	ὀλης
"	25 сн.	νῖδωσιν	νῖδωσιν
243	20 св.	καί... καί...	καί... καί...
248	20 сн.	μίγλα	μίγλα
253	5-6 св.	ὀρθοτήτη	ὀρθοτάτη
"	17 св.	αταραξία	ἀταραξία